

Министерство просвещения Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Алтайский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

Богумил Татьяна Александровна

Геопозитика Алтая в Сибирском тексте русской литературы XX – начала XXI вв.

Специальность 5.9.1. Русская литература
и литературы народов Российской Федерации

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант –
доктор филологических наук, профессор
Александр Иванович Куляпин

Барнаул
2024

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Пространственная модель Алтая в Сибирском тексте: вертикаль и горизонталь	24
1.1. Дерево и гора: вертикальная организация художественного пространства. 26	
1.1.1. Дендрообразы пальмы и березы в геопоэтическом освещении.....	28
1.1.2. Кедр как центральный дендрообраз Алтайского текста.....	40
1.1.3. Лиственница как амбивалентный дендрообраз Сибирского текста....	54
1.1.4. Литературная монтанистика Алтая.....	61
1.2. Семантика тверди и воды в романе В. Я. Зазубрина «Горы».....	75
1.3. Река и дорога: горизонтальная организация художественного пространства..	87
1.3.1. Гидропоэтика Алтая: речные образы и мотивы.....	88
1.3.2. Образ Чуйского тракта	107
1.3.3. Речной символизм Чуйского тракта.....	126
Выводы по главе 1.....	134
Глава 2. История освоения пространства Алтая в отечественной литературе.....	138
2.1. Трансформация традиционных сюжетов.....	138
2.1.1. Библейские сюжеты в Сибирском тексте.....	138
2.1.2. Житийный канон в текстах о Сибири и Алтае.....	148
Дмитрия Александровича Пригова	148
2.1.3. Сказочный канон в рассказе В. В. Бианки «Она».....	158
2.1.4. Ермаков сюжет в творчестве В. М. Шукшина и романе В. Я. Зазубрина «Горы».....	168
2.2. Утопический дискурс в Сибирском тексте	185
2.2.1. Беловодье как алтайский утопический локус и сюжет	186
2.2.2. (Анти)утопия в произведениях о Сибири и романе В. Г. Сорокина «Доктор Гарин»	202
Выводы по главе 2.....	218

Глава 3. Антрополокальное единство: город и <i>genius loci</i>	222
3.1. Семиотика городов Сибири	222
3.1.1. Образы Бийска в художественной литературе	240
3.1.2. Повесть П. А. Бородкина «Тайны Змеиной горы» как начало традиции геопозитического осмысления Змеиногорска.....	256
3.1.3. Барнаульский текст русской литературы	271
3.2. Писатель как гений места: В. М. Шукшин и В. Г. Шершеневич	302
Выводы по главе 3.....	324
Заключение	327
Список сокращений	332
Список литературы	333

Введение¹

Данная диссертация посвящена исследованию геопозитического образа Алтая в контексте Сибирского текста русской художественной литературы XX–начала XXI веков.

Актуальность заявленной темы обусловлена интересом современного литературоведения и гуманитаристики в целом к проблемам взаимодействия человека с пространством и к литературным текстам как источниками подобной образности. Экзистенциальная потребность личности, социальной группы и нации в самоопределении через установление связей с местом (региональная самоидентичность), обострившаяся в связи с распадом СССР, а в современном мире ставшая тенденцией, противопоставленной процессам глобализации, поддерживает неизменно высокий градус научного внимания к семантике пространства². Феномен литературного ландшафта, будучи традиционным предметом изучения филологии, находится на пересечении интересов различных научных дисциплин: географии, культурологии, истории, социологии и др.

Применительно к русской литературе о Сибири актуальность данной проблематики обусловлена дополнительными факторами. Историко-географическое и культурное различие отдельных регионов Сибири настолько велико и малоисследовано, что насущной остается **проблема** характеристики этих топосов в художественной литературе. Хотя образ Алтая в литературоведении рассматривался неоднократно, объектом анализа становились отдельные тексты, как правило, вне широкого историко-литературного контекста. Современное состояние науки требует преодоления фрагментарности, встраивания частных наблюдений в единую структурно-семиотическую систему Алтайского текста. Важность настоящего

---

¹ Отдельные положения опубликованы в: *Богумил Т. А.* «Алтайский текст» и литература Алтая: к определению понятий // *Филология и человек.* 2017. № 4. С. 155–164; *Она же.* Региональная литература: Сибирь, Алтай, Барнаул. Барнаул: АлтГПУ, 2017. 69 с. URL: <http://library.altspu.ru/dc/pdf/bogumil.pdf> (дата обращения: 15.05.2023); *Богумил Т. А., Куляпин А. И., Худенко Е. А.* Геопозитика В. М. Шукшина. Барнаул: АлтГПУ, 2017. С. 10–17.

² *Полякова Л. В.* Регион как источник творчества и объект науки о литературе // *Филологическая регионалистика.* 2009. № 1–2. С. 22.

диссертационного исследования состоит в предпринятой попытке разработать модель описания геопэтики Алтая в русской художественной словесности в рамках значительного временного периода.

Материалом исследования является русская и отчасти русскоязычная художественная литература преимущественно XX – начала XXI веков о Сибири и об Алтае, а также научные труды по этнографии и фольклористике. В качестве необходимого контекста привлекаются тексты XIX века и более ранних периодов. Ядерный корпус изучаемых произведений составляют тексты, включенные в пятитомную антологию «Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв.» (2012). Анализу подлежат не реальные географические объекты, а традиция их описания, метафоризации и мифологизации, т. е. опыт освоения и преобразования пространства художественным словом.

Масштаб и комплексность исследования обусловлены, с одной стороны, широтой отбора художественных источников, а с другой, – исследованием опосредованных литературой объектов территории во всей возможной полноте и единстве.

Объект исследования – Сибирский текст русской литературы XX – начала XXI веков.

Предмет исследования – геопэтический образ Алтая.

Целью исследования является решение фундаментальной научной проблемы: идентификация и описание геопэтической образной модели Алтая.

Геопэтический образ Алтая входит в состав Сибирского текста как важный элемент национальной топики и значимая категория русской литературы. Модель строится на основе компаративного анализа структуры, вариативности, содержательности специфических характеристик Алтая в русской литературе XX – начала XXI веков (преимущественно). Выявление мотивно-образного комплекса, связанного с Алтаем в его природно-географической и социально-исторической ипостасях, реализуется в единстве трех базовых аспектов художественного образа: гно-

сеологического (отображение), онтологического (осмысление) и аксиологического (оценка) подходов к действительности.

Цель работы диктует решение следующих **задач**:

- характеристика модели художественного пространства Алтая в «вертикальном» (дендропозитика и монтанистика) и «горизонтальном» (образы рек и Чуйского тракта) измерениях;
- систематизация мотивно-сюжетного комплекса, связанного с пространством Сибири, описание индивидуально-авторских и типично алтайских проявлений общесибирских сюжетов;
- выявление универсальной историко-культурной модели сибирских городов, анализ соотношения типичного и уникального в литературных образах городов Алтая;
- определение специфики «антрополокального единства» (В. Н. Топоров) писателя и места (Сибирь, Алтай, Барнаул) сквозь призму творчества, фактов биографии и литературных портретов В. М. Шукшина и В. Г. Шершеневича.

Методология. В работе использованы приемы и методы семиотики и структурной поэтики (теория «локальных текстов»), компаративистики, интертекстуального и мифопоэтического подходов, мотивного анализа, учтены современные открытия в области геопоэтики и геокультурного подхода.

Многоаспектный феномен Алтайского текста как регионального сверхтекстового единства требует особой методологии, отличной от методологии исследования городских сверхтекстов. Очевидным образом разница вытекает из количественных и качественных показателей объекта исследования. Пространство региона включает в себя города, то есть городской текст входит в региональный сверхтекст. В городе доминируют антропогенные составляющие, тогда как геопоэтический образ региона основывается в первую очередь на природных характеристиках. Ориентирующим опытом представления результатов исследования регионального сверхтекста и образа региона является композиция, использованная

для демонстрации итогов изучения Северного текста русской литературы³, в значительной степени применимая к характеристике как Сибирского, так и Алтайского сверткестов: от описания пространственной организации художественного мира через мотивно-сюжетную и жанровую составляющую хронотопа к городским текстам и локально значимым именам.

Методологическую базу исследования составили труды предтеч, основателей и последователей теории локального текста (Н. П. Анциферов, Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, Н. Е. Меднис, Н. В. Серебренников, С. А. Голубков, А. П. Люсий, Е. Ш. Галимова и др.), а также геопозитического подхода (Д. Н. Замятин, В. В. Абашев, О. А. Лавренова, О. Н. Александрова-Осокина и др.), исследования о Сибирском тексте и литературе Сибири (В. И. Тюпа, Б. А. Чмыхало, А. П. Казаркин, Е. К. Ромодановская, Т. Л. Рыбальченко, А. С. Янушкевич, И. В. Силантьев, Ю. В. Шатин, С. А. Комаров, К. В. Анисимов, Е. Н. Эртнер, В. С. Киселев, Н. В. Ковтун, Н. Ю. Замятина, Е. А. Папкина, Е. Н. Проскурина, А. А. Забияко, Н. А. Непомнящих и др.), публикации об образе Алтая в русской литературе (А. И. Куляпин, С. М. Козлова, О. Г. Левашова, П. В. Алексеев, Т. П. Шастина, М. П. Гребнева, И. А. Жерносенко, В. В. Десятов, Д. В. Марьин, О. А. Скубач, И. А. Бедарева, Е. А. Худенко и др.).

Степень разработанности проблемы. В самом широком охвате темы следует обозначить, что сдвиг культурной парадигмы от истории (времени) к географии (пространству) произошел, когда британский географ Х. Дж. Макиндер заложил основы геополитики, а Велимир Хлебников – геопозитики. Пространственный поворот гуманитарного мышления был спровоцирован размышлениями о масштабах России. Главный стереотип о стране, сформулированный в литературе 1830–40-х годов, – концепт дали, шири, безграничности – ассоциировался с особенностями русской души. В начале XX века русская литература обнаружила неоднородность собственного пространства, возникла потребность в воссоздании

---

³ Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера. Т. 1. Архангельск: ИМИДЖ–ПРЕСС, 2017. 410 с.

территориального и этнического многообразия России, в расширении символических репрезентаций страны. Появились ученые-краеведы (И. М. Гревс, Н. К. Пиксанов, Н. П. Анциферов и др.). Советская культура взяла курс на нивелировку региональных различий, фактически уничтожив сложившуюся было краеведческую школу⁴.

В конце XX века представители тартуско-московской школы (Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян и др.) ввели понятие «городского текста» и разработали методологию его исследования. После работы В. Н. Топорова о Петербургском тексте русской литературы (выход статьи в 1980-е годы совпал с началом распада СССР и обострением стремления людей к территориальной самоидентификации) в литературоведении произошла своего рода «текстуальная революция», т. е. «повсеместное и целенаправленное учреждение локальных “текстов культуры” разного уровня и масштаба»⁵. Вслед за Петербургским текстом с разной степенью убедительности были выявлены и описаны другие русские столичные (Московский, Киевский) и провинциальные (Пермский, Волжский, Саратовский, Самарский, Вятский, Елецкий, Муромский, Липецкий, Воронежский, etc.), а также иностранные (Венецианский, Римский, Лондонский, Ташкентский, etc.) городские тексты; альтернативные урбанистическому формы организации пространства (усадебный текст, дачный миф); объект изучения расширился от города до региона (Крымский, Кавказский, Уральский, Сибирский, Северный текст) и глобального метарегиона (Восточный, Западный текст). Подчеркнем, что употребление термина «локальный текст» не вполне оправдано в ситуации объединения текстов в группу только на основании отнесенности к какому-либо месту. Далеко не каждый локус обладает тем комплексом качеств и до-

---

⁴ *Абашев В. В., Абашева М. П.* Литература и география: Урал в геопозитике России // Вестник Пермского университета. 2012. № 2 (12). С. 143–146.

⁵ *Люсый А. П.* «Опознавание локальных текстов культуры»: концепция учебного курса // Человек. Культура. Образование. 2011. С. 95. См. также: Локальные тексты русской литературы и культуры : учебное пособие / В. С. Лобарева, Т. А. Бахор, О. Н. Зырянова [и др.]. Красноярск : Сибирский федеральный ун-т, 2019. 107 с.

стигает той степени осознания в художественной и научной литературе, что Петербург. Локальный текст бытует как сверхтекстовое единство – «сложная система интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью»⁶. Помимо терминов «текст» и «сверхтекст» используются понятия «метатекст», «гипертекст», «мегатекст»⁷.

В современных гуманитарных и естественных дисциплинах активно разрабатываются междисциплинарные направления, ставящие в центр внимания категорию пространства: филологическая (литературная) регионалистика, культурная география, сакральная география, культурное ландшафтоведение, мифогеография, геокультурология, геопэтика и др.⁸ Термин «геопэтика» вошел в научный дискурс в 1970-е годы с подачи писателя, путешественника и ученого К. Уайта. В России первопроходцами этого направления в середине 1990-х годов стали Игорь Сид, Д. Н. Замятин, В. В. Абашев и др.⁹ Не углубляясь в нюансы каждого из существующих на сегодняшний день определений геопэтики, обозначим сугубо филологический подход, разрабатываемый В. В. Абашевым, согласно которому понятие «фиксирует сам момент взаимодействия и единства земного пространства (гео) и организующей его культурной формы (пэтика)»¹⁰. Предметом геопэ-

⁶ Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2003. URL: <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35> (дата обращения: 09.03.2023).

⁷ См. обзор в: Молчанова Д. А. К вопросу о природе политекстуальных комплексов в литературе // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6. № 3. С. 40–55.

⁸ Например: Замятин Д. Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетея, 2003. 331 с.; *Он же*. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004. 506 с.; *Он же*. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М.: Знак, 2013. 488 с.; Полякова Л. В. Филологическая регионалистика как наука // *Вопросы литературы*. 2015. № 3. С. 186–201; *Она же*. Филологическая регионалистика как наука: к постановке проблемы // *Филологическая регионалистика*. 2015. № 3–4. С. 7–16; Желтова Н. Ю. Литературная регионалистика. Тамбов: ИД Державинский, 2021. 152 с.

⁹ Обзор исследований в русле геокультурного и геопэтического подходов см. в: Эртнер Е. Н. Геокультурный подход к исследованию пространственной образности русской литературы // *Вестник Тюменского государственного университета*. 2011. № 3. С. 6–12; Александрова-Осокина О. Н. Вопросы геопэтики в современном литературоведении // *Научный диалог*. 2020. № 5. С. 216–241.

¹⁰ Абашев В. В. Русская литература Урала. Проблемы геопэтики. Пермь: Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2012. С. 54.

этики являются «образы географического пространства в индивидуальном творчестве» и «локальные тексты (или сверхтексты)»¹¹. Под геопоэтическим образом понимается «символический образ территории как единого целого», который формируется, «когда территория, ландшафт ... становятся предметами эстетической и философской рефлексии»¹². Главное отличие теории локальных текстов от геопоэтического подхода состоит в приоритете структуры пространства в первом случае и доминанте образно-символической фактуры – во втором¹³.

В филологии специфику темы Сибири впервые обозначил Ю. М. Лотман. В русской классической литературе регион предстает как пространство ада, символической смерти и возрождения¹⁴. Опираясь на эту концепцию, существенно её уточнив и дополнив, В. И. Тюпа ввел в научный оборот понятие «Сибирский текст»¹⁵. Между тем самые ранние произведения о Сибири задавали позитивный – раеподобный – образ завоеванного пространства, что первыми отметили специалисты по летописанию. Обобщив наблюдения литературоведов, К. В. Анисимов создал непротиворечивую модель Сибирского текста, включающую «негативный» и «позитивный» варианты, а также их инвариант: сюжетную ситуацию «перехода» в неизведанный мир, идеологически подкрепленную ощущением новизны приобретаемого опыта¹⁶.

В настоящее время общую характеристику Сибирского текста и образа Сибири в русской литературе можно считать завершенной. Успехи сибиреведения отмечены двухтомными «Очерками литературы Сибири» (1982), фундаментальными сериями «Литературное наследство Сибири» и «Литературные памятники Сибири». В научный оборот вошли имена многих авторов, собраны и опублико-

¹¹ Там же. С. 18.

¹² *Абашев В. В., Абашева М. П.* Литература и география... С. 143.

¹³ *Абашев В. В.* Русская литература Урала. С. 15.

¹⁴ *Лотман Ю. М.* Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю. М. О русской литературе. СПб.: Искусство–СПб, 1997. С. 723–725.

¹⁵ *Тюпа В. И.* Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.

¹⁶ *Анисимов К. В.* Парадигматика и синтагматика «Сибирского текста» русской литературы // Сибирский текст в русской культуре. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. Вып. 2. С. 60–76.

ваны ранее недоступные произведения, систематизирована библиография, описан литературный процесс. Факт существования сибирской литературы и Сибирского текста уже не является дискуссионным, о чем свидетельствуют названия и содержание сборников по материалам конференций и монографий¹⁷.

Однако подобно той дифференциации, что произошла в начале XX века с единым культурным стереотипом о России, своеобразии отдельных регионов Сибири – ландшафтное, этнографическое, историческое и т. д. – получило отражение в художественных произведениях и поспособствовало формированию более узкой направленности исследовательского интереса: выделению локальных текстов внутри Сибирского.

Термин «Алтайский текст» был введен в научный оборот в начале XXI века организаторами и участниками научного семинара «Алтайский текст в русской литературе второй половины XIX–начала XX в.» (Алтайский государственный университет, Барнаул). Далее на ту же тему были проведены научные семинары и конференции, материалы которых составили содержание серии сборников «Алтайский текст в русской культуре» (на настоящий момент 10 выпусков). Особенно активное участие в изучении образа Алтая в литературе принимали ученые вузов Барнаула, Бийска, Горно-Алтайска. Своеобразными пиками пройденного иссле-

---

¹⁷ Чмыхало Б. А. Молодая Сибирь: регионализм в истории русской литературы. Красноярск: КГПИ, 1992. 200 с. ; Серебренников Н. В. Проблемы и перспективы русской провинциальной литературы. Великий Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2000. 86 с. ; Сибирский текст в русской культуре. Томск: Сибирика, 2002. 270 с. ; Сибирь. Литература. Критика. Журналистика. Новосибирск: СО РАН, 2002. 253 с. ; Сибирь в контексте мировой культуры. Опыт самоописания. Томск: Сибирика, 2003. 215 с. ; Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. Иркутск: ИМИОН, 2004. 327 с. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/ (дата обращения: 15.05.2023) ; Сибирский текст в русской культуре. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. Вып. 2. 274 с. ; Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2010. 234 с. ; Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XX вв. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 382 с. ; Сибирско-французский диалог XVII–XX веков и литературное освоение Сибири. М.: ИМЛИ РАН, 2016. 447 с. ; Комаров С. А., Лагунова О. К. Литература Сибири: миссия, этничность, аксиология. Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2016. 200 с. ; Сибирь как поле межкультурных взаимодействий: литература, антропология, историография, этнология. М.: ИМЛИ РАН, ООО ИЦ «Азбуковник», 2021. 496 с. ; Литература Сибири в социокультурном пространстве. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2022. 363 с.

дователями пути стало издание антологий «Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв.» (Барнаул, 2012) и «Ойротия в зеркале литературы» (Горно-Алтайск, 2020). Профессиональный отбор художественных произведений об Алтае существенно облегчил процесс изучения истории формирования локального текста и образа территории, ее геопозтики.

Несмотря на два десятилетия изучения Алтайского текста русской литературы и наличие значительного количества частных наблюдений об образе Алтая в творчестве писателей, в литературоведении до сих пор не существует целостной концепции исследуемого объекта. Существует потребность детального и системного понимания составляющих образа Алтая в контексте Сибирского текста русской литературы. Необходима научная артикуляция выработанной в художественной словесности культурно-географической модели Алтая – одного из самых ярких локусов Сибири и всей России. Кроме того, требует доказательства оправданность использования термина «Алтайский текст», изначально употребленного скорее интуитивно, как дань научной моде, а не строго аргументированное понятие.

Исследование геопозтического образа Алтая предполагает, во-первых, уточнение территориальных границ Алтая; во-вторых, выявление мифологического ядра, из которого вырастает мифопозтический образ региона в литературе; в-третьих, изучение различных уровней художественной картины мира: пространственно-временной организации (в сфере природной и антропогенной), сюжетики, системы образов и лейтмотивов и пр. Важным в характеристике образа Алтая является учет точки зрения писателя – «внешней» или «внутренней» по отношению к данному региону (имагологическая проблематика). В настоящем исследовании за пределами внимания остался образ сибирского этноса – коренного населения и русских сибиряков, сформировавшихся в результате преобразования переселенцев под влиянием местной природы и истории¹⁸.

---

¹⁸ Исследования в этом направлении ведутся представителями различных гуманитарных дисциплин. См. например: Сибирь. Проблемы сибирской идентичности. Санкт-Петербург: Астерион,

Гипотеза. Алтайский свертхтекст как субтекст входит в систему Сибирского свертхтекста, совпадая с ним в базовых чертах. Специфика Алтайского свертхтекста и уникальность геопозитического образа Алтая на литературной карте Сибири и всей России связана не столько с индивидуально-авторским опытом описания региона, сколько с типологическими, универсальными характеристиками, вариативно повторяющимися в показательном ряду произведений.

Регион понимается как обширное географическое образование, обладающее общностью естественных и исторически сложившихся особенностей, выделяющих данную территорию на ментальной карте страны. Алтай – достаточно крупный географический объект, на его территории могли бы разместиться несколько государств мира. Однозначно определить границы региона трудно. С точки зрения физической географии, Алтай – одна из крупнейших горных систем Азии и окрестные степи. На политической карте территория Алтая входит в состав четырех государств: России, Казахстана, Китая, Монголии. Интересующий нас русский Алтай – это Алтайский край и Республика Алтай. Административные границы исторически изменчивы и не совпадают с физическими границами региона. Так, земли Алтайского края входили в состав Сибирской губернии (1709–1779), Колыванской области (1779–1783), Колыванской губернии (1783–1796), Тобольской губернии (1796–1804), Томской губернии (1804–1917), Алтайской губернии (1917–1925), Сибирского края (1925–1930) и Западно-Сибирского края (1930–1937). Современный Алтайский край – это юго-восток Западной Сибири, граничащий с Казахстаном на юге и западе, на севере и северо-востоке – с Новосибирской и Кемеровской областями, на юго-востоке – с Республикой Алтай. В 1991

2003. 274 с. ; Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона. Санкт-Петербург: Астерион, 2007. 321 с. ; Сибирский характер как ценность. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2011. Т. 4. 248 с. ; Alekseev P. V., Alekseeva A. A., Braeckman F. "Tartars" and "Kalmuks" in Prince San Donato's Siberian Travelogue // Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya. 2020. No. 3 (82). Pp. 555–557 ; Козлова С. М. «Тайжане» В. Шишкова и «чудики» В. Шукшина: к проблеме сибирской идентичности // Литература Сибири в социокультурном пространстве. С. 86–92.

году Горный Алтай вышел из состава Алтайского края в качестве отдельного субъекта РСФСР¹⁹.

При первом приближении специфика образа Алтая и Алтайского текста в русской литературе связана с природными, историческими и социальными обстоятельствами. Природные условия Алтая отличаются разнообразием. Рельеф Алтайского края горный и равнинный; Республики Алтай – преимущественно горный. Климат неоднородный, что связано с многообразием географических условий. В сознании далекого от региона человека различия Республики Алтай и Алтайского края часто стираются, образуя единое историческое и социокультурное пространство. С этим связано, в частности, разочарование, охватившее Н. М. Рубцова при посещении Алтайского края в 1966 году. Он ожидал увидеть «алтайскую Швейцарию»: солнце, горы, стремительные реки, тайгу, – знакомые ему по литературе об Алтае, а столкнулся с привычным среднерусским пейзажем²⁰.

В связи с особенностями природы и истории освоения Алтая, особенно Горного, в литературе возникает круг типичных сюжетов, основанных на противостоянии человека и природы, цивилизации и природы²¹.

Процесс освоения русскими Алтая (как и всей Сибири) связан с концепцией фронта, т. е. «места или момента встречи двух культур разного уровня развития (“подвижная граница”»²². В художественно-этнографических очерках XIX века сатирически изображается произвол властей по отношению к униженному алтай-

¹⁹ Демин М. А. Историческое краеведение: некоторые вопросы теории и терминологии // Природа и культура Алтая в современном школьном образовании. Барнаул: АРТИКА, 2009. С. 26.

²⁰ Скубач О. А. Рубцов–1966: алтайское лето в творчестве Н. М. Рубцова // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. Вып. 5. С. 124.

²¹ Левашова О. Г. Топос «Алтай» в «Алтайском альманахе» // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. Вып. 3. С. 39; Она же. Алтай и вся Сибирь в «Алтайском альманахе» (1914) / О. Г. Левашова // Сибирская идентичность... С. 145–152.

²² Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. С. 16. Теория фронта стала зоной пересечения историко-культурных концепций освоения Сибири и Америки (Американский и сибирский фронт. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 304 с.; Замятина, Н. Ю. Сибирь и Дикий Запад: образ территории и его роль в общественной жизни // Восток. 1998. № 6. С. 5–19).

цу или российскому переселенцу²³. В текстах миссионеров на Алтае происходит встреча православия и язычества, культуры и дикости, это «место спасения души и место борьбы за каждую новую православную душу, это горный мир (Афон) и райский сад. Насельники этого мира – самоотверженные миссионеры и дети природы – алтайцы-язычники»²⁴. В соцреалистических произведениях воспевался процесс ликвидации автохтонной культуры Алтая²⁵. Русскоязычная литература Горного Алтая, как убедительно показала Л. Г. Чащина, может быть охарактеризована термином «культурное гнездо» (Н. К. Пиксанов). Сочетание традиций русской классической литературы, установок Алтайской духовной миссии и алтайской фольклорно-мифологической системы сформировало основные параметры литературы Горного Алтая²⁶. Опора на фольклорно-мифологическое наследие аборигенов, особенно важная в литературе Горного Алтая, оказала мощное влияние и на литературу Алтайского края.

Уникальным фактом истории освоения Алтая Россией является особый статус региона с 1747 по 1917 годы. В этот период Алтайский горный округ, в состав которого входила территория современного Алтайского края, Республики Алтай, части Новосибирской, Кемеровской, Омской, Томской областей, восточной части Республики Казахстан, был собственностью царской семьи. Кабинетные земли, за некоторым исключением, не подлежали «штрафной» колонизации, т. е. уголовной и политической ссылке, что, конечно, существенно отличало Алтай от Сибири и делало неактуальным основной сюжет сибирской литературы об искуплении преступления каторжными страданиями и последующем воскресении.

---

²³ Левашова О. Г. Образ Алтая в русской литературе XIX века // Филология и человек. 2011. № 4. С. 128 ; Она же. Образ Алтая в художественно-этнографическом очерке XIX века // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. Вып. 5. С. 79.

²⁴ Шастина Т. П. Забытые имена: Алтай как мир миссионеров и язычников в творчестве А. И. Макаровой-Мирской // Алтайский текст в русской культуре. Вып. 5. С. 148.

²⁵ Казаркин А. П. Жанровый контекст романа «Чураевы» // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. Вып. 2. С. 16.

²⁶ Чащина Л. Г. Русская литература Горного Алтая: Эволюция. Тенденции. Пути интеграции. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2003. 252 с.

Конфискация земель Демидовых императрицей Елизаветой Петровной в 1747 году была связана с открытием на Алтае залежей серебряной и золотой руды²⁷. Драгоценный металл добывался для царской казны, а с начала XIX века – всеми желающими, что породило «золотую» и «серебряную» линии в литературе об Алтае, впервые одически упомянутые М. В. Ломоносовым²⁸. В реалистической литературе эта тема сопрягалась с темами обогащения, казнокрадства, «золотой лихорадки» и уголовных преступлений²⁹. Соответственно, вновь стал востребованным «негативный» вариант Сибирского текста.

Значительное место в литературе Алтая и об Алтае занимает старообрядческая легенда о Беловодье, утопической стране на востоке России, где сохранилась «древлеправославная» вера, не затронутая реформами патриарха Никона (середина XVII века). Происхождение легенды, помимо прочего, связывается с русским освоением земель по берегам реки Бухтармы на Алтае. Исследованию этого тематического пласта посвящен анализ текстов В. Я. Шишкова, А. Е. Новоселова, В. Я. Зазубрина. В XX веке Алтай осмысливается Н. К. Рерихом как место утопической Шамбалы, «пуповина» между Небом и Землей, колыбель мира. Позитивный ореол Алтая во многом обусловлен этимологией топонима, связанной с семантикой золота, высоты³⁰ и начала: «В слове “Алтай” заключен сокровенный смысл – “Золотой престол Бога”, центр мироздания, основа Бытия»³¹. «Избраннический» статус региона востребован современной алтайской неомифологической прозой А. В. Коробейщикова и В. Н. Токмакова, обыгрывающей мотивы апокалипсиса / спасения.

²⁷ *Бородаев В. Б., Контев А. В.* Начало промышленного освоения Рудного Алтая А. Н. Демидовым в 1726 году // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур. Барнаул: Аз Бука, 2003. С. 32–47.

²⁸ *Козлова С. М.* Алтайский текст в русской поэзии // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. Вып. 1. С. 15.

²⁹ *Левашова О. Г., Черняева Т. Г., Никитина М. Г.* Литературная жизнь Алтая // История Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. Ч. 1. С. 386–389.

³⁰ *Чувакин А. А.* Концепт «Алтай» в художественной прозе К. Г. Паустовского // Филология и человек. 2016. № 2. С. 11–20.

³¹ *Жерносенко И. А., Балакина Е. И.* Культура Сибири и Алтая. Барнаул: Студия Станислава Жерносенко, 2013. С. 28.

Активное переселение крестьянства в 1860–1880-е годы из средней полосы России преимущественно на Алтай можно считать временем возникновения аграрного мифа, окончательно сформировавшегося уже в советское время, после Великой Отечественной войны 1941–1945 годов: «...когда стратегическое значение Алтая как места эвакуации (заводов и людей) сошло на нет <...> Алтай начинает манифестировать себя как край с сельскохозяйственной спецификой, точнее – край хлеборобов»³². Восприятие Алтая как «житницы Сибири», подкрепленное освоением целинных и залежных земель с 1954 года, надолго предопределило семантический ореол Алтая. Показателен экспромт поэта И. Е. Фролова, ставший заголовком одной из газетных статей того времени: «От Кулунды до Кош-Агача одна задача – хлебосдача!». Целинная тема определяла особую поэтику художественных произведений, соотнесенную с соцреалистическим каноном³³.

На рубеже 1950–1960-х годов восприятие Алтая как преимущественно горного пространства достраивается картиной степного, равнинного региона; в повести для детей В. С. Сидорова «Тайна белого камня» создается особый «обской миф»; в творчестве В. М. Шукшина – тексты о главной дороге Алтая – Чуйском тракте³⁴. Как и в советской литературе в целом, в литературе Алтая в конце 1960–1970-е годов наблюдается возрождение интереса к теме Гражданской войны; в конце 1980–1990-х годов активизируется экологическая тематика³⁵. В 2000-е годы на первый план выходит осмысление результатов «перестройки» и тема «потерянного поколения».

Таким образом, уникальные природные параметры региона (лесостепь и горы), историческая его специфика (отсутствие штрафной колонизации, золотодобыча, локализация староверческого Беловодья, симбиоз русской и автохтонной

³² Куляпин А. И., Скубач О. А. Алтай в пространстве советской утопии // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. Вып. 3. С. 48–49.

³³ Скубач О. А. Два лика Алтая в литературе 1950–1960-х гг. // Образ Алтая в русской литературе XIX – начала XX вв.: в 5 т. Т. 4. Барнаул: ИД «Барнаул», 2012. С. 7.

³⁴ Там же. С. 5–24.

³⁵ Марьин Д. В. Алтай в литературе 1970–1980-х гг. // Образ Алтая в русской литературе XIX – начала XX вв.: в 5 т. Т. 5. Барнаул: ИД «Барнаул», 2012. С. 9–10.

культур и др.) дают основание говорить о наличии устойчивых признаков Алтая, лежащих в основе его геопэтики. Повторяемость образов, мотивов, сюжетов, выраженная в сходных лексических формах, позволяет согласиться с существованием «Алтайского текста».

Научная новизна исследования определяется его масштабом и центральной проблемой: обобщены и систематизированы данные, полученные на основе панорамного охвата литературного материала XX – начала XXI веков и в меньшей степени XIX века, в результате чего изучены отдельные аспекты образа Алтая, ранее не становившиеся предметом исследовательского интереса. Разработана структурно-семиотическая модель Алтая, охватывающая сферы природы (флора, гидросфера, рельеф) и человека (города, дороги, сюжеты, *genius loci*). Таким образом, впервые целостно охарактеризована геопэтическая образность одного из специфических субтекстов Сибирского текста.

Кроме того, новизна связана с выраженным междисциплинарным характером исследования. Решение поставленных задач учитывает не только данные литературоведения и фольклористики, но и истории, географии, биологии. Широкой теоретической рамкой исследования стали методы культурной антропологии и семиотики культуры с включением филологических, исторических, социологических и других гуманитарных научных практик.

Теоретическая и практическая значимость. Полученные в процессе исследования научные результаты позволяют конкретизировать имеющиеся представления о территориальной дифференциации Сибирского текста русской литературы. Предлагаемая модель описания геопэтического образа Алтая и Алтайского текста может быть востребована при характеристике других локальных текстов регионального масштаба. Обозначенные в исследовании мотивно-образные и сюжетные универсалии дают необходимый типологический контекст для дальнейшего анализа поэтики художественных произведений об Алтае и интерпретации полученных наблюдений.

Представленные в диссертации наблюдения, примеры анализа тестов могут быть использованы в вузовских курсах по истории русской литературы XX–XXI веков, литературному краеведению и музееведению.

Практическое приложение исследования также связано с жизненно важной в условиях глобализации потребностью человека в самоопределении и самоидентификации – национальной, исторической, территориальной. В образовательно-воспитательной деятельности результаты исследования могут способствовать углублению литературно-краеведческих знаний учащихся школ и студентов, что обеспечивает культурную преемственность и формирует чувство патриотизма. Прикладное использование результатов диссертации возможно в сфере туризма (экскурсии, формирование литературных ландшафтов), в социально-культурной, производственно-коммерческой и иной деятельности, где возникает потребность в создании и обосновании бренда, имиджа, символики Алтая. Особенно это актуально в свете последних изменений туристических потоков россиян.

Степень достоверности полученных результатов обеспечивается системно-комплексным подходом в решении проблемы с опорой на фундаментальные литературоведческие исследования, широтой охвата анализируемого материала, применением в процессе исследования традиционных и современных методов и приемов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Вертикальная и горизонтальная художественная организация алтайского пространства задается традиционными вариантами Мировой оси (дерево, гора) и взаимозаменяемыми образами реки/дороги. Ключевыми дендрообразами Алтая являются береза (Россия), кедр (Алтай) и лиственница. Главная гора Алтая – Белуха. Реки Алтая (Обь, Бия, Катунь, Чуя) образуют наиболее разработанную мифологическую и литературную систему образов, мотивов и сюжетов, существенным представляется двойничество реки и дороги (Чуйский тракт). Индивидуально-авторские образы варьируют универсальные мифологические мотивы, конкретизированные региональными маркерами.

2. Мотивно-сюжетный комплекс Сибирского текста включает в себя сюжеты, преимущественно связанные с Алтаем (Беловодье) или разработанные на алтайском материале. Ядерным мотивом этих сюжетов является событие преобразующего испытания, что обуславливает популярность житийной и сказочной жанровой модели. Отдаленность и изолированность Алтая от Центральной России актуализирует (анти)утопические мотивы.

3. Историко-культурная модель сибирского города перекликается с Петербургским и провинциальным текстом русской литературы. Типичная метафора сибирского города создается в диапазоне от «края» до регионального «центра» или провинциальной «глуши». Уникальный образ алтайского города создается с опорой на астионим, локальную мифологию, историко-географический контекст.

4. Взаимодействие писателя и места в аспекте филологического краеведения отражено в фактах биографии известной личности, которые отмечены в литературных портретах, входящих в геопоэтический образный арсенал локального текста. Провинциальные писатели склонны проецировать судьбу земляка или столичного автора, связанного с городом и краем, на свою жизнь и литературную карьеру.

5. Структурно-семиотическая модель Алтая, сложившаяся в результате анализа произведений русской литературы XX – начала XXI веков, включает в себя уровень природного и антропогенного ландшафта, мотивно-сюжетный уровень и персонажный уровень (в т. ч. образы локально значимых исторических лиц).

Апробация работы. Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры литературы Алтайского государственного педагогического университета, на научных семинарах «Геопоэтика писателей Сибири и Алтая» (Барнаул, 2016, 2017); на конференциях: Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция «Язык, литература и культура в региональном пространстве» (Барнаул, 2010); Международная научно-практическая

конференция «Русская словесность в России и Казахстане: аспекты интеграции» (Барнаул, 2011, 2013); Всероссийская научно-практическая конференция «VIII Кирилло-Мефодиевские чтения» (Ишим, 2016); Всероссийская научная конференция «Тамбов на карте генеральной: социально-экономический, социокультурный, образовательный, духовно-нравственный аспекты развития региона» (Тамбов, 2016); Международный научный симпозиум «Русский вектор в мировой литературе: крымский контекст» (Симферополь, 2016, 2017, 2018, 2021); Международная научно-практическая конференция «Алтайский текст в русской культуре» (Барнаул, 2015, 2017, 2021, 2023); Всероссийская с международным участием научная конференция «Русская литература в современном культурном пространстве: Детство в литературе и литература о детстве» (Томск, 2018); Международный научный форум «Алтайский фронт В. М. Шукшина: нравственность, витальность, языковой уклад» (Барнаул, 2019); Международный научно-образовательный форум «Человек, семья и общество: история и перспективы развития», Международная научно-практическая конференция «Русский язык и литература в поликультурной среде» (Красноярск, 2019); Международная конференция «Маргиналии-2019: границы культуры и текста» (Осташков, 2019); Всероссийская научная конференция «Поэтика – семиотика – риторика: вертоград Ю. В. Шатина» (Новосибирск, 2020); X Всероссийская научная конференция с международным участием «Евангельский текст в русской словесности» (Петрозаводск, 2020); Всероссийская научная конференция с международным участием «Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ» (Барнаул, 2020); Всероссийская научная конференция с международным участием к 85-летию НГПУ Третьи Чумаковские чтения «Текст и контекст» (Новосибирск, 2020); Международная научная конференция «Братья и сёстры в русском доме: творчество Фёдора Абрамова в контексте литературной и общественной жизни XX–XXI веков» (Архангельск, 2020); Международная научная конференция «Современная русская утопия: трансформация метажанра» (Красноярск, 2020); Международная научно-практическая

конференция «Язык и литература в поликультурном пространстве: проблемы, идеи, тенденции развития» (Казахстан, Актобе, 2021); Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Литература Сибири в социокультурном пространстве» (Иркутск, 2021); Всероссийская научная конференция с международным участием «Северный текст русской литературы: автор – герой – читатель» (Архангельск, 2021); XIV Межрегиональная научно-практическая конференция имени И. К. Шалаева «Управление инновационными процессами в образовании: современные тенденции и перспективы гуманитарного образования» (Барнаул, 2022); Всероссийская научная конференция «Сюжетология / сюжетография – 8, 9» (Новосибирск, 2022, 2023); VIII Международная конференция «География искусства» (Москва, 2022); Международная научно-практическая конференция «Мухтар Ауэзов и национальная цивилизация» (Казахстан, Семей, 2022); Всероссийская научная конференция «Воронежский текст русской культуры: литературная критика, театральное рецензирование, литературно-критические журналы» (Воронеж, 2022); Всероссийская конференция, посвященная 75-летию профессора, д. ф. н. С. А. Голубкова, «Поэтика и метагеография» (Самара, 2022); X Международная научно-практическая конференция «Наука и образование – важнейший фактор развития общества в современных условиях» (Казахстан, Караганда, 2023); II Асеевская международная научная конференция «Феномен региональной культуры и литературы» (Тамбов, 2023); XXIX Международные Кирилло-Мефодиевские Чтения «Христианство и нравственные вызовы современности» (Белоруссия, Минск, 2023); XI международная научная конференция «Евангельский текст в русской словесности» (Петрозаводск, 2023); Международная научная конференция «Маргиналии – 2023: границы культуры и текста» (Арзамас, 2023); Всероссийская научная конференция с международным участием «Региональные столицы России – точки опоры и роста» (Екатеринбург – Пермь, 2023); XI Международная научная конференция «Национальные коды в языке и литературе» (Нижний Новгород, 2023); Междуна-

родная научно-практическая конференция «Русская классическая и неклассическая литература: текст, контекст, рецепция» (Ярославль, 2023).

Отдельные результаты исследования вошли в лекционный и практический материал курсов «Литературное краеведение», «Региональная литература» для студентов-филологов АлтГПУ. Кроме того, результаты работы были представлены в средствах массовой информации: лекция на телеканале «Толк», интервью на телеканале «Катунь 24»³⁶.

Основные положения диссертационного исследования отражены в 50 публикациях общим объемом 31,4 п. л., из них главы в 3 коллективных монографиях, 20 статей в журналах из Перечня рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ, и 27 статей в других научных изданиях (в том числе 8 в журналах Web of Science и/или Scopus).

Структура исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений и списка литературы, включающего 595 наименований. Объем работы – 373 страницы.

---

³⁶ Татьяна Богумил: о жизни и судьбе поэта-имажиниста Вадима Шершеневича / интервьюер В. Н. Токмаков // Телеканал «Катунь 24». 2023. 25 января. URL: <https://katun24.ru/projects/intervyu-dnya/717383> (дата обращения: 31.05.2023); Богумил Т. А. Образ Чуйского тракта: какой предстает главная дорога Алтая в литературе // Телеканал «Толк». 2022. 2 декабря. URL: <https://tolknews.ru/telekanal/135693-kakoy-predstaet-samaya-glavnaya-doroga-altaya-v-tvorchestve-pisateley> (дата обращения: 31.05.2023).

Глава 1. Пространственная модель Алтая в Сибирском тексте: вертикаль и горизонталь

В первых летописных текстах о покорении Сибири Ермаком описание завоеванной территории обязательно включает в себя элементы ландшафта: реки, горы, флору. Как известно, природное явление, воспринятое человеком, преобразуется в культурный феномен¹. Методология исследования в настоящей главе опирается на структурно-семиотический и мифопоэтический подход к анализу и интерпретации значения пространства в литературе. Имеет смысл различать, вслед за В. Н. Топоровым, во-первых, «реальные» геофизические объекты вкупе со стереотипами их «естественного» изображения, проистекающими из элементарных ощущений; во-вторых, тропеические переносы, когда природный или антропогенный объект замещает другой образ; в-третьих, архетипические значения мифологем².

Конституирующим фактором сибирского пространства является тайга, что многократно было отражено в научных трудах³. Между тем родовидовая характеристика дендрообразов, входящих в Сибирский текст, до настоящего момента не была осуществлена. В Сибири преимущественно растут хвойные породы: лиственница, сосна, ель, пихта, кедр. Распространены некоторые лиственные породы – береза, тополь и осина (тополь дрожащий). В литературе все эти деревья в первую очередь описываются с целью создания достоверного пейзажа. Следует учитывать, что в художественных произведениях семантический потенциал дендрообразов реализуется неравномерно. С точки зрения геопоэтики, интересующей-

---

¹ *Cauquelin A. L'invention du paysage. Paris: PUF, 2000. P. 89.*

² *Топоров В. Н. О «поэтическом» комплексе моря и его психофизиологических основах // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс Культура, 1995. С. 575–622. См. также: Символика воды в русской словесности и мировой культуре. М.: Книгодел; МГПУ, 2022. 508 с.*

³ См., например: *Васильев А. В. Понятие «тайга» в сибирском дискурсе XIX в. и его интерпретации // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461. С. 123–130 ; Он же. Понятие «тайга» в сибирском дискурсе XIX века и его интерпретации. Статья вторая // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 473. С. 12–18 ; Рыбальченко Т. Л. Миромоделирующая семантика образа тайги в прозе В. П. Астафьева // Литература Сибири в социокультурном пространстве. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2022. С. 146–158.*

ся культурными образами определенного локуса, наиболее репрезентативными для Сибири являются береза, кедр и лиственница. Данное обстоятельство повлияло на отбор объектов анализа.

Геопозэтический образ Алтая в Сибирском тексте русской литературы включает в себя художественное осмысление рельефа местности. Алтай – одна из самых больших горных систем Азии (1900 на 1300 км). Территория входит в состав четырех государств: России (Алтайский край и Республика Алтай), Казахстана, Китая, Монголии. Несмотря на то, что существенная часть русского Алтая является степной (в основном Алтайский край), авторы произведений о регионе в первую очередь обращали внимание на то, что отличает данное пространство от равнин, сформировавших «географию русской души»⁴, а именно – на горы. В мифах дерево и гора мыслились вариантами вертикальной оси, что позволило объединить рассмотрение этих природных объектов в один блок.

Горизонтальная организация пространства Алтая представлена анализом речных и сухопутных образов (Чуйского тракта). Связь пространства и слова о нем наиболее внятно проявляется в описании местных реалий, использовании топонимов, обращении к региональному фольклору. В центре внимания находится не вся водная составляющая алтайского природного комплекса, а преимущественно реки (озера нуждаются в отдельном исследовании). Река и дорога с древнейших времен отождествлялись, что объяснимо как общей функцией – использованием для перемещения в пространстве, так и визуальным сходством – извилистой графикой пути, очевидной при наблюдении с высоты. Метафорическая оборачиваемость реки-дороги является общечеловеческой культурной универсалией.

---

⁴ Бердяев Н. А. О власти пространств над русской душой // Бердяев Н. А. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности. М.: Изд. МГУ, 1990. С. 64.

1.1. Дерево и гора: вертикальная организация художественного пространства⁵

«Лес имеет большое значение в физиономии страны» (ОА, т. 1, с. 46)⁶, – отметил Г. Н. Потанин в очерке «Полгода на Алтае» (1859). Древесный «язык» с незапамятных времен позволяет человеку дифференцировать и наделять смыслами пространство: «...служит едва ли не главным средством различения пространства как по вертикали, так и по горизонтали, как в обыденности, так и в священнодействии»⁷. С точки зрения этнодендрологии и геопозитики деревья не просто формируют ландшафт – «воплощенный, но еще не названный смысл»⁸, но и существенно влияют на культурный образ места, связанный с национальной ментальностью⁹.

Модель описания дендросимвола применительно к славянской мифологии, обрядности и фольклору была предложена Т. А. Агапкиной. Методология отличается универсальностью, системностью и структурностью, т. е. подходит для любого дерева, учитывает все природные и культурно релевантные признаки дерева, дает критерии сопоставления древесных образов. Выделены базовые оппозиции, характеризующие существенные для культуры *реальные* свойства деревьев: приносящее плоды – не плодоносящее, крупное – некрупное, вечнозеленое – листо-

⁵ Результаты были опубликованы в: *Богумил Т. А.* Дендрообраз Сибири: лиственница // Культура и текст. 2021. № 3 (46). С.196–204 ; *Она же.* Кедр как дендрообраз сибирского текста // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 4. С. 233–248 ; *Она же.* «Отсутствующие» деревья в дендрообразе Сибири: береза и пальма // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 156–168 ; *Она же.* Мифологема горы в алтайском тексте русской литературы // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 3. С. 261–280.

⁶ Здесь и далее аббревиатура ОА отсылает к изданию: Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв.: антология: в 5 т. Барнаул: ИД «Барнаул», 2012. В круглых скобках указывается том и страница.

⁷ *Головнев А. В.* Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. С.241.

⁸ *Абашев В. В.* Русская литература Урала: проблемы геопозитики. Пермь: Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2012. С. 23.

⁹ Обзор научных источников см. в: *Агапкина Т. А.* Деревья в славянской народной традиции. М.: Индрик, 2019. 656 с.

падное, вертикальное – горизонтальное, крепкое и твердое – мягкое, свежее – сухое, молодое – старое, растущее среди других – одиноко стоящее, растущее в неосвоенном пространстве (лес) – вблизи жилья (сад), дикорастущее – культивируемое и пр. Следует учитывать также цвет и аномальность дерева. Указанные дифференцирующие признаки могут быть связаны с символикой плодородия, культового центра (аналог храма), вечной жизни и похоронными обрядами, медиацией. Другая группа смысловых оппозиций основана на собственно культурных признаках, изначально отсутствующих у природных объектов: мужское – женское, чистое – демоническое, благословенное – проклятое, счастливое – несчастливое. Отдельный культурный фактор, влияющий на символизацию природного объекта, – названия деревьев и народная этимология дендронимов. Изучение значения той или иной породы деревьев в разножанровых и полиэтнических контекстах (обрядово-магическом и фольклорном), определение места дерева в мифологических и мифопоэтических комплексах, т. е. в связи с другими элементами традиционной картины мира (человек, календарь, (не)живая природа и пр.) и представлениями об устройстве целого мира (Мировое дерево), – все это показало, что в семантике любого дерева на первый план выходят общие для всех деревьев смыслы. Специфика конкретной породы складывается как «особая комбинация элементов родового концепта ‘дерево’»¹⁰. Одна из констант культуры – связь человека и дерева (изоморфизм, символическое отождествление и замещение). Коммуникация между человеком и деревом возможна по трем сценариям: «...человек и дерево разделяют одну общую судьбу: вторя один другому, соперничая друг с другом или продолжая своей жизнью преждевременно прерванную жизнь партнера»¹¹. Изложенный алгоритм описания символики дерева, полагаем, может быть применен не только к славянской народной традиции, но и к литературным текстам.

---

¹⁰ Там же. С. 18.

¹¹ Там же. С. 541.

Говоря о древесном образе в культуре, естественно обратиться к мифологеме Мирового древа, максимально глубоко разработанной В. Н. Топоровым¹². Вслед за Ю. Е. Березкиным, уместно использовать это понятие в его исходной терминологической строгости: «вертикаль[ая] ось в воображаемой картине мира, которая связывает несколько ярусов мироздания и при этом мыслится твердой»¹³. В этом значении дерево функционирует не повсеместно, но для интересующей нас области – этнических групп сибирской тайги (за исключением северо-востока Сибири) вполне характерно. Иные значения (тотемные родовые, изобилия, медиаторы и пр.) при отсутствии решающих критериев не достаточны для причисления деревьев к Мировым¹⁴.

Наконец, методологическим ориентиром при создании литературного «портрета» дерева для нас является работа М. Н. Эпштейна «Природа, мир, тайник вселенной...», в которой дан системный анализ лирической пейзажной топики русского национального «мегатекста»¹⁵.

1.1.1. Дендрообразы пальмы и березы в геопозэтическом освещении

Анализ семантики пальмы и березы в геопозэтическом образе Алтая и Сибири был инициирован предложением, открывающим рассказ Вс. В. Иванова «Глиняная шуба» (1921): «Пальма в Сибири не водится, – есть тополь, кедр, лиственница...»¹⁶. Генезис этой фразы уже становился объектом историко-литературного комментирования. И. Е. Лоцилов связал ее происхождение с личностью талантливого садовода П. С. Комиссарова, который культивировал под Омском экзотические растения и мечтал вырастить пальму. Исследователь выявил и литератур-

¹² Топоров В. Н. Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы: в 2 т. Т. 2. М.: Рукопис. памятники Древней Руси, 2010. 496 с.

¹³ Березкин Ю. Е. Мифологические деревья в лесу культуры // Этнографическое обозрение. 2012. № 6. С. 5.

¹⁴ Там же. С. 14.

¹⁵ Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 302 с.

¹⁶ Иванов Вс. Глиняная шуба // Грядущее: Пролетарский лит.-худож. журн. 1921. № 7–8. С. 82.

ный претекст – рассказ «Финики» (1919), предположительно написанный А. С. Сорокиным¹⁷.

За пределами внимания ученого, вероятно, в силу очевидности, оказался один из прецедентных текстов русской литературы – лермонтовский перевод стихотворения Г. Гейне «На севере диком...». Базовая географическая оппозиция данного стихотворения («Север – Юг») эмблематизирована при помощи древесных образов: Сосны / Кедра / Дуба¹⁸ и Пальмы. Не исключено также, что высказывание Иванова опиралось на очерк «Полгода на Алтае» (1859) Г. Н. Потанина: «Пихта и ель, две остальные хвойные породы Алтая (после кедра и лиственницы. – Т. Б.), хотя придают ландшафту мрачный характер, но пирамидальная фигура дерева, происходящая от симметрически опустившихся ветвей, делает их очень оригинальными, и породы эти для северных пустынь такие же характеристические растения, как пальма для южных степей» (ОА, т. 1, с. 46–47). Реплика областника может восходить как к стихотворению Гейне и его многочисленным русским переводам, так и к устойчивой в позитивистском дискурсе аналогии между миром человека и растений. Например, основатель культурно-исторической школы И. Тэн, обосновывая зависимость художественного произведения от «среды», т.е. «нравственного и умственного быта», проиллюстрировал это влияние сменой растительности в разных климатических поясах: «Пускаясь из какой-либо южной страны по направлению к северу, вы замечаете, что, по мере того как вступаете в известный пояс, начинается особого рода культура и особого рода растительность, сперва алоэ и померанцевое дерево, несколько далее – маслина или виноград, затем дуб и овес, дальше ель и, наконец, мхи и лишайники»¹⁹.

¹⁷ *Лощилов И. Е.* «Пальма в Сибири не водится...»: к сибирским контекстам первой фразы рассказа Всеволода Иванова «Глиняная шуба» // *Сибирский филологический журнал.* 2015. № 3. С. 58–68.

¹⁸ В русских переводах поэты были вынуждены лавировать между сохранением оригинальной породы дерева и его «пола». У Гейне это хвойное дерево типа сосны в мужском роде. См. подробнее: *Щерба Л. В.* Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 97–110.

¹⁹ *Тэн И.* Философия искусства. М.: Республика, 1996. С. 11.

Подобным образом в предисловии к роману «Айвенго» В. Скотт обосновывал ключевой для исторического романа принцип историзма и достоверности: «...произвол всегда строго ограничен. Художник должен избегать всех тех красивых подробностей, которые не соответствуют климатическим или географическим особенностям изображаемого пейзажа: не следует сажать кипарисы на Меррейских островах или шотландские ели среди развалин Персеполиса; такого же рода ограничениям подлежит и писатель»²⁰.

Описание природного ландшафта, начиная с эпохи романтизма, увязывалось с характеристикой людей, их бытом, нравами, психологией. В данном ракурсе утверждение о том, что в Сибири «водится», а что – нет, преобразуется из ботанического в антропологическое и социальное.

Пальма, чей естественный ареал обитания далек от Сибири, тем не менее присутствует в суровом сибирском локусе как мечта, утопия, то, что потенциально может воплотиться, культивироваться. Следовательно, оппозиция «Север – Юг» трансформируется в диалектичное противопоставление Реальности и Мечты, Дикости и Культуры. Причем второй член оппозиции стремится видоизменить первый. Вспомним здесь, как русские первооткрыватели Сибири отождествляли незнакомую им северную сосну с южным кедром, известным им благодаря текстуальному (библейскому), а не реальному опыту. Значит, *terra incognita* мыслилась подобием Палестины. В русле отмеченной преобразовательной тенденции отнюдь не случайным выглядит то обстоятельство, что вышеупомянутого садовода Коммисарова, разбившего плодоносящий сад с южными растениями, губернатор назвал «завоевателем климата сибирского, новым Ермаком»²¹. По крайней мере, так написал А. С. Сорокин в сборнике новелл «33 скандала Колчаку» (середина 1920-х годов).

Социально-политическое значение древесной оппозиции «дикое – культивируемое» отчетливо проявлено в романе В. Я. Зазубрина «Горы» (1933). Дея-

²⁰ Скотт В. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 6. Айвенго. М. : Правда, 1990. С. 24.

²¹ Цит. по: Лоцилов И. Е. «Пальма в Сибири не водится...». С. 60.

тельность главного героя по коллективизации алтайских хозяйств символически обозначена при помощи дендротерминов: «Безуглый не посадил своего сада. Он расчищал тайгу для других» (ОА, т. 3, с. 92). Деструктивная активность коммуниста (расчистка чащобы) противопоставлена созидательной деятельности его деда, насадившего огромный яблоневый сад. Подсознательно герой ощущает шаткость собственных убеждений. Не случайно ему снится сон, где дед отговаривает его служить в партии, срывает с дерева и протягивает «румяное, золотое яблоко» (ОА, т. 3, с. 148). Плод в данном контексте – не только атрибут библейского мотива искушения, но и знак сопричастности человека его прошлому, роду, культуре, уходящему жизненному укладу России (ср. «Вишневый сад» А. П. Чехова). Именно эти ценности считаются греховными в революционной системе координат. От них пытается откреститься строящий новый мир Безуглый, но безуспешно: «...по дороге <...> невидимо волочится огромная безобразная его пуповина» (ОА, т. 3, с. 149).

В литературе о Сибири и Алтае присутствует и противоположная В. Я. Зазубрину символика сада как нового, более совершенного мира. Она восходит к популярной в начале XX века архитектурной идее города-сада (Э. Говард), которая наиболее ярко отразилась в прогностическом образе В. Маяковского («Рассказ о людях Кузнецка», 1929). Кстати, отделения Русского общества городов-садов были в Барнауле и Бийске²². В рассказе Л. И. Квина «Весна» из цикла «Палатки в степи» (1957) об освоении целинных земель на Алтае написано: «Временно дирекция совхоза, рабочие, немногочисленная техника располагались в селе Белая Речка (здесь прослеживается беловодческая тема. – Т. Б.), километрах в двадцати от будущего совхозного поселка. Это было типичное алтайское степное село, протянувшееся по берегу речки и открытое со всех сторон. Деревьев в селе почти не было. Лишь у клуба, заботливо отгороженные оградой из камыша, трепетало на ветру несколько десятков хлыстиков. Местные колхозники гордо и

---

²² Блинов Е. Н. Особенности проектирования западносибирских городов-садов в советский период // Творчество и современность. 2016. № 1. С. 5–10.

нежно именовали их “наш садик”, вкладывая в эти слова свою страстную мечту о большом, тенистом саде» (ОА, т. 4, с. 384).

Таким образом, пальма (сад) является дендрообразом, используемым в геопоэтической антитезе Севера и Юга, культурной оппозиции Дикости и Цивилизации, социально-политическом конструкте Старого и Нового мира.

Во фразе Иванова примечательно, что в ряду типичных для региона деревьев отсутствует береза, одна из самых распространенных пород. При этом назван тополь, который массово растет и в европейской части России, и в Сибири, но лишен отчетливой геопоэтической семантики²³. По-видимому, умолчание мотивировано не столько природным ареалом произрастания дерева, сколько желанием автора подчеркнуть отличие Сибири от Центральной России, поскольку береза считается главным дендросимволом России²⁴. Между тем этнографические данные свидетельствуют о том, что береза пользовалась всеобщим уважением и у тюркоязычных народов Сибири. Почитание березы было связано с календарными, родильными и погребальными обрядами; береза чаще других деревьев выступала как Мировая ось, жертвенное дерево и «лестница» для путешествия шамана. Не только в шаманских, но и в бурханистских верованиях алтайцев береза являлась главным культовым деревом, наделялась положительными значениями. Белый цвет коры дерева, подобно молоку, воплощал идею священной чистоты, соотносил березу с верхним божественным миром²⁵.

²³ В фольклоре алтайцев береза и тополь эквивалентны и взаимозаменяемы как деревья, которым уподобляется женщина. Так, в песне «Похвала супруге», записанной и переведенной В. И. Вербицким в XIX веке, есть следующие сравнения: «Как золотиственная / Береза белая <...> / Как сребролиственная / Тополь зеленая...» (*Вербицкий В. И.* Алтайские инородцы: сборник этнографических статей и исследований алтайского миссионера, протоиерея В. И. Вербицкого. М.: тв-о Скоропечатни А. А. Левенсон, 1893. С. 176).

²⁴ *Эпштейн М. Н.* «Природа, мир, тайник вселенной...». С. 57; *Сергеева О. В.* Концепт «береза» в русской языковой картине мира // Вестник Омского ун-та. 2012. № 2. С. 442–450.

²⁵ *Алексеев Н. А.* Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. С. 302, 306; *Сагалаев А. М.* Алтай в зеркале мифа. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1992. С. 86–103, 159–164; *Анохин А. В.* Материалы по шаманству у алтайцев. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1994. С. 56; *Головнев А. В.* Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. С. 192; *Косарев М. Ф.* Образ дерева в мифоритуальной традиции сибирских народов // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. М.: Таус, 2006.

Участие березы в обрядах получило отражение не только в этнографических трудах, но и в художественной литературе с бытоописательной направленностью. Например, в повести П. Г. Низового «В горах Алтая» (1925) кратко описано жертвоприношение небесному божеству Ульгеню (ОА, т. 3, с. 231–231). В романе В. Я. Зазубрина «Горы» (1933) молодой кам в маске из березы символически оплодотворяет метровым деревянным фаллом женщин, скот, землю (ОА, т. 3, с. 54–55). Автор детально, со знанием дела описывает весеннее жертвоприношение Ульгеню, в котором существенная роль отведена березе: «Береза – священное дерево. Она вся белая. На нее никогда не падает огонь молнии. Время ее цветения – весна. Берез натыкали вокруг жертвенников. К березе привязали жертвенную лошадь. Березу с тремя вырубленными на ней ступеньками и четырнадцатью зарубками вкопали перед открытым шалашом шамана. <...> Мампый был в длинном белом халате с красными нарукавниками, в белой берестяной высокой шапке с красными лентами и в красных мягких броднях» (ОА, т. 3, с. 56–57).

Совершенно справедливо замечание Т. П. Шастиной: «Сцены камлания – одни из самых поэтичных в романе»²⁶. В ритуальных песнях происходит космолизация масштабов творимого на земле действия: «Они утверждали, что вселенная – только пастбище их коней, звезды – колья золотой коновязи. Ведь жертвенная кобыла была привязана не к березе, а к Полярной Звезде» (ОА, т. 3, с. 58). Животная жертва описывается как растительная: «Сломанные ноги торчали из-под нее тол-

---

С. 240 ; Полякова Н. В. Объективация леса в языковой картине мира селькупского этноса // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 10 (151). С. 78–79 ; Болонев Ф. Ф. Береза в календарной культуре и традиционных верованиях народов Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2015. Т. 21. С. 492–495 ; Волдина Т. В. Образ дерева жизни в традиционной культуре обских угров в контексте реинкарнации // Финно-угорский мир. 2015. № 4 (25). С. 88 ; Содномпилова М. М. Природное окружение в контексте образа «мира мертвых» в мировоззрении бурят: лес и дерево // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2018. № 7. С. 337–338 ; Тадышева Н. О. Отражение культа дерева в традиционном мировоззрении тюрков Саяно-Алтая // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 51. С. 120 ; Батьянова Е. П. Деревья, шаманы и иные миры // Этнографическое обозрение. 2019. № 3. С. 101 ; Балалаева О. Э., Плужников Н. В. Миф о Мировом древе в шаманстве народов Сибири // Этнографическое обозрение. 2019. № 3. С. 83–91.

²⁶ Шастина Т. П. Ойротия – Горный Алтай: национальный проект в раннесоветской литературе («Горы» В.Я. Зазубрина) // Имагология и компаративистика. 2016. № 2 (6). С. 122.

стыми березовыми палками» (ОА, т. 3, с. 60), – и символически охватывает весь Алтай: «Она легла во весь Алтай у красного порога зари» (ОА, т. 3, с. 60). Мифологическая по своей природе система эквивалентов, нейтрализующая бинарные оппозиции (верх – низ, частное – всеобщее, животное – растительное, живое – мертвое и пр.) является принципом мифопоэтической организации романного пространства, где всё оборачивается всем (см. подробнее параграф 1.2).

В верованиях народов Сибири береза выступает одним из родовых деревьев. По-видимому, тотемные представления обусловили возникновение одного из самых известных этиологических преданий о белой березе. Появление дерева на территории, где раньше оно не росло, знаменует для автохтонов скорое пришествие нового народа. Чтобы не быть покоренным, коренной этнос самопогребается. Свидетельством коллективного суицида остались курганы. Сюжеты такого рода записывались собирателями начиная с XIX века на Русском Севере, Урале, в Западной и Восточной Сибири. Приведем пример из путевых очерков В. Я. Шишкова «По Чуйскому тракту» (гл. XIII. Древние памятники):

«– Скажи мне, друг, – обращаюсь я к калмыку, – что значат эти круглые, неглубокие, заросшие травой и бурьяном ямы, охваченные кольцом из булыг? Таких ям много. То в одиночку встречаются, то по две, по три. Иногда их целая улица в два поезда.

– Мы не знаем. Говорят, что жилища, юрты живших здесь людей. Вот видишь, много камней столбами стоят – это ихнее кладбище. Видишь, в стороне большой камень стоит – тут богатырь зарыт. Вот и говорят, что в этих ямах жили люди. А сверху у них надстройки из кошмы или коры были. А кругом все было камнями завалено для тепла. Так они и жили. Потом прошел слух, что белое дерево на земле появилось, белая береза. Слух прошел, что вместе с деревом где-то белый царь родился, которому дано их покорить. Они очень испугались. Они сказали: “Пришло время умереть нам добровольно”. Сделали над жилищами на деревянных столбах помосты, нагроулили помосты камнями, зашли каждый в свою

яму, помолились, распрощались друг с другом и подрубили деревянные столбы. Камни рухнули на них и задавили. Так старики сказывают»²⁷.

В сюжетах преданий неизменна функция прихода нового / ухода старого народа, при этом все остальные элементы мотива, вплоть до породы дерева, вариативны. Коренной этнос – это чудь²⁸, торгоуты²⁹, остяки, эвенки³⁰, баргуты, киргизы, «люди хиргиз»³¹. Преобладающее дерево – береза, но встречается также лиственница и «деревья-рога». Пришельцы могут оставаться безыменными, даже вообще отсутствовать, но там, где фигурирует береза, как правило, это «белые люди» – русские. Не вдаваясь в полемику о происхождении данного типа преданий³², отметим только то обстоятельство, что дерево напрямую связывается с этносом и территорией, т. е. может быть рассмотрено в сфере этноботаники и геоэтики. С приходом русских на территорию Сибири береза постепенно стала восприниматься коренным населением как «русское» дерево. Показателен следующий факт: нганасанский шаман Тубяку Костеркин, впервые оказавшись в Москве на Всесоюзном фольклорном фестивале (1988), обошел с благопожеланиями русскую землю (без Верхнего и Нижнего миров). Он сделал идола-проводника из «русского» дерева – березы, на грудь идолу была повешена картонная икона Владимирской Богоматери³³. Интересна, кстати, и обратная проекция: русская пословица «Услан [по дороге] березки считать» означает быть сосланным в Сибирь.

²⁷ Шишков В. Я. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Барнаул; Кемерово: Технопринт, 2018. С. 116.

²⁸ Потанин Г. Н. Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении // Этнографический сборник. Вып. VI. СПб., 1864. С. 149; Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. С. 135–136.

²⁹ Шерстова Л. И. Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2010. С. 41–42.

³⁰ Болонев Ф. Ф. Береза в календарной культуре и традиционных верованиях народов Сибири. С. 494.

³¹ Феоктистова И. К. Предание о белой березе // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2011. № 33 (248). С. 266.

³² Там же.

³³ Балалаева О. Э., Плужников Н. В. Миф о Мировом древе... С. 94.

Особенность произрастания березы в Сибири состоит в том, что она часто находится в смешанном лесу. Потанин отмечал: «...береза, которая в березовых рощах не отличается особой теснотой, в черни растет в мрачной глухоте между пихтами. Они иногда так тесно сближаются, что невольно предполагаешь физическую дружбу между ними» (ОА, т. 1, с. 47). Отношения дружественности, родства, любви двух деревьев часто встречаются в фольклоре и литературе³⁴. В Сибирском тексте русской литературы береза выступает парой к кедру в символической сказке В. Я. Шишкова «Кедр» (1908), «царскому лиственю» – в повести В. Г. Распутина «Прощание с Матерой» (1976), кедру и тополи – в лирике горно-алтайских поэтов Г. В. Кондакова и В. Р. Куницына³⁵.

В стихотворении алтайского поэта Г. П. Панова «Березовое чудо» восстановлена поэтическая генеалогия образа березы в русской литературе, обозначенная узнаваемыми строками М. Ю. Лермонтова и С. А. Есенина:

Поэт опальный и поручик
с глазами,
темными от слез,
он ввел в поэзию под ручки
«чету белеющих берез»...

Другой поэт
при личной встрече
поставил русское клеймо:
он услышал в живом наречье
«от милой матери письмо»...

³⁴ Агапкина Т. А. Дерево и человек: одна судьба на двоих // *Ethnolinguistica Slavica*. М.: Индрик, 2013. С. 42–58.

³⁵ Куликова И. М. Мифологическая парадигма в моделировании художественного пространства в творчестве В. Распутина // *Символ науки: международный научный журнал*. 2016. № 3–4 (15). С. 212 ; Бедарева И. А. Базовые пространственные мифологемы в русской литературе Горного Алтая XX века // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 10 (64). Ч. 3. С. 21.

И на краю воды, у пруда,
 где гладь – зеркальна до беды,
 сумел поэт увидеть чудо
 ее девичьей наготы...³⁶

Действительно, согласно наблюдениям М. Н. Эпштейна, в русской поэзии со второй половины XIX века береза стала географическим представителем России. Закрепление за деревом смысла национального символа произошло в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Родина» (1841). В лирике начала XX века к образу березы добавились языческие, обрядовые смысловые обертоны. В творчестве С. А. Есенина «оженствление» облика березы достигло максимального развития и окончательно закрепилось в литературной традиции³⁷.

Недавний ассоциативный эксперимент по выявлению фитонимического образа России показал, что, во-первых, береза по-прежнему лидирует среди других растений в качестве символа родины, во-вторых, дерево ассоциируется с конкретными людьми – С. В. Безруковым и В. М. Шукшиным³⁸. Данное обстоятельство обусловлено не столько литературными, сколько кинотекстами. Безруков играл роль Есенина в одноименном сериале 2005 года, но связь актера с березой в сознании россиян возникла еще раньше, в 2003 году, когда в сериале «Участок» актер исполнил песню группы «Любэ» «Березы» («Отчего так в России березы шумят?..»). Слова песни написал томский поэт М. В. Андреев. Психологический параллелизм объединяет древесный лист и лирического субъекта: «Он, как я, оторвался от веток»³⁹. Лирический сюжет стихотворения – уход из дома, от матери в большую жизнь – типичен для поэтов родом из деревни и восходит к архетипическому мотиву блудного сына.

³⁶ Панов Г. П. Сердце поэта. Барнаул: Алт. дом печати, 2012. С. 129.

³⁷ Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...». С. 57–62.

³⁸ Полякова Н. В. Фитонимический образ России (по данным ассоциативного эксперимента) // Альманах современной науки и образования. 2013. № 4 (71). С. 147.

³⁹ Андреев М. В. Потому что нельзя: стихи, эссе, критика. М.: Литературная Россия, 2011. С. 29.

Аналогичный сюжет характерен для творчества и самовосприятия уроженца Алтая писателя, актера, режиссера В. М. Шукшина. Ключевые моменты многих произведений В. М. Шукшина сопровождаются образом березы. Самые яркие и запоминающиеся представлены в киноповести и одноименном фильме «Калина красная» (1973). Существенно, что береза здесь является не только традиционной эмблемой России, но и приметой «малой Родины» писателя и его персонажа: «...“березовый колок” – характернейшая черта западносибирского, в том числе Алтайского, пейзажа»⁴⁰. Егор Прокудин сначала читает стихотворение Есенина «Мир таинственный, мир мой древний...» (1922) – герой в принципе часто цитирует поэта, – а потом встречает своих «подружек» – березки. И сюжет стихотворения, и обещание «невесте», что скоро она дождется «жениха» предвосхищают трагический финал героя у березового колка: «Шел, хватаясь другой рукой за березки. И на березах оставались ярко-красные пятна» (Шукшин, т. 6, с. 265)⁴¹. По мнению С. М. Козловой, три «березовые» сцены, приуроченные к главным моментам жизни героя, создают сквозной символический сюжет произведения: «...как молодая Земля, ожидающая и дождавшаяся Посева, как Душа человеческая, ожидающая своего Жениха – Света-Духа-Истины, как Родина-“семья”, ожидающая и принявшая наконец своего блудного сына... <...>. ...возвращение на Восток, покаяние и спасительная, очистительная Христова жертва»⁴².

Автобиографический маркер – наличие в окрестностях Сросток колка под названием «Шукшин березняк» – позволил С. М. Козловой усмотреть в данном сюжете и авторскую жизнестроительную программу – возвращение на родину.

Самые ценные, детские, воспоминания Егора Прокудина связаны с березкой как символом матери, печи, родины: «...помнилось <...> как с матерью носили на себе березки, чтобы истопить печь. <...> ...когда бывало вовсе тяжело, он вспоми-

⁴⁰ Козлова С. М. Региональная концепция национального возрождения в прозе В. М. Шукшина // Творчество В. М. Шукшина: поэтика, стиль, язык (К 65-летию со дня рождения). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. С. 11.

⁴¹ Здесь и далее подобным образом даны ссылки на издание: Шукшин В. М. Собрание сочинений. В 9 томах. Барнаул: ИД «Барнаул», 2014.

⁴² Козлова С. М. Региональная концепция национального возрождения... С. 12.

нал далекую свою деревеньку, березовый лес на берегу реки» (Шукшин, т. 6, с. 258). Схожие воспоминания присутствуют в автобиографическом произведении писателя «Далекие зимние вечера» (1963). В рассказе о детстве образ березы, по удачной формулировке исследователей, наделен следующими смыслами: «с наибольшей достоверностью передает ностальгические переживания автора: тоску по родине, трепетные детские, юношеские воспоминания, сокровенное чувство, которым автор готов поделиться с героями, читателями в особо значимых, волнующих моментах. <...> ...слияние символического, традиционного для русской культуры образа березы “молодость, радость, верность, невеста, жена, женщина, девушка” с образом, представляющим сферу духовных ценностей (милосердие, сострадание, любовь к человеку, земле, родине)»⁴³.

В мире В. М. Шукшина береза, наряду с сосной, присутствует повсеместно, что отражает реальное доминирование этих пород в Алтайском крае. Семантика березы у писателя в общих чертах идентична тем смыслам, которые сложились в русской литературе. Этнографический колорит дерева соотносится не с автохтонной сибирской, а с русской обрядностью. В противовес Вс. В. Иванову, который, умолчав о березе, устанавливал различия между Сибирью и Россией, В. М. Шукшин устраняет геопоэтическую и геополитическую оппозицию. Его Сибирь России не противопоставлена, напротив, является ее квинтэссенцией. Как метко сказал В. А. Итин по другому поводу: «...во всей крестьянской Руси самая крестьянская – это Сибирь. А в Сибири – Алтай»⁴⁴.

Итак, отсутствие березы в высказывании Вс. В. Иванова, вступающее в противоречие с реальной распространенностью данной породы дерева в Сибири, объясняется тем, что это дерево ощущается как «русское», несмотря на культовую функцию дерева среди коренных сибирских народов. Противостояние Сибири и России, периодически обостряющееся начиная с момента присоединения терри-

⁴³ Бурмакова Е. А., Маругина Н. И. Антропоморфная метафора в художественном дискурсе (на материале автобиографических рассказов В. М. Шукшина) // Научный диалог. 2015. № 3 (39). С. 38.

⁴⁴ Цит. по: Кондаков Г. В. Иван Ерошин. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1981. С. 8.

тории, нейтрализуется в художественных произведениях, в том числе и при помощи образа березы, объединяющего части страны в единое целое.

1.1.2. Кедр как центральный дендробраз Алтайского текста

В очерке «Полгода на Алтае» Г. Н. Потанин перечислил основные древесные породы региона: сосна, лиственница, береза, осина, пихта, кедр и ель. Наибольшее внимание областник уделил описанию кедра и кедрового промысла. Сосна кедровая является уникальной приметой Сибири, что отразилось в номенклатуре: *Pinus sibirica* Du Tour. Естественный ареал произрастания дерева – почти исключительно на территории Сибири, в широком географическом значении – от Урала до берегов Тихого океана⁴⁵.

Свое название сибирский кедр получил, скорее всего, от русских первопроходцев: «Вероятнее, что пришедшие на Урал казаки, очарованные видом прекрасного хвойного дерева, им дотоле неизвестного, придали ему наугад название славного кедра, о котором они знали только понаслышке»⁴⁶. Известно, что в образной речи русского средневековья ливанским кедром называли все, выделяющееся силой, красотой и величием⁴⁷. В летописях XVII века среди прочих достоинств недавно присоединенной территории значится и кедр. У Саввы Есипова читаем: «На сем же Камени ротяху дереве различное: кедри и проччая»⁴⁸. В Толстовском списке Строгановской летописи описание лесных богатств более развернуто: «...по камени ротяху дровие велие, высокое, красное, хорошее, кедри и певги ливания и всякое дровие творящее плодь, ими же верхами досязати до облакъ небесныхъ...»⁴⁹.

⁴⁵ Игнатенко М. М. Сибирский кедр (биология, интродукция, культура). М.: Наука, 1988. С. 6.

⁴⁶ Кеппен Ф. П. Географическое распространение хвойных деревьев в Европейской России и на Кавказе. СПб., 1885. С. 12.

⁴⁷ Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1981. Вып. 8. С. 232.

⁴⁸ Полное собрание русских летописей. Т. 36: Сибирские летописи, ч. 1: Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. С. 44.

⁴⁹ Сибирские летописи. СПб.: Имп. Археогр. комис., 1907. С. 59–60.

Ботаническая путаница подкреплялась идеологическими задачами и религиозным дискурсом. Как известно, изобильная природа завоеванной Сибири в летописях мифологизировалась как земной рай, «земля обетованная». Одновременно формировалась другая базовая мифологема Сибири как локуса христологической инициации. Семантическая связь сибирской сосны с кедром, а пихты с кипарисом, возможно, восходит к библейским представлениям о древесине, из которой был изготовлен крест для распятия⁵⁰. В книге пророка Исаии грядущая духовная слава Сиона уподоблена «славе Ливана» – покрывающим горный хребет нетленными породами: «кипарис и пег и ... кедр» (Ис. 60:13). Благодаря ассоциациям деревьев Сибири / Севера с сакральными деревьями Палестины / Юга происходило «наложение» пространств, Сибирь вписывалась в христианский религиозный контекст, приобретала символический статус.

Итак, начиная с летописей, в русской словесности Сосна сибирская кедровая (род Сосна) сравнивается и отождествляется с библейским Ливанским кедром (род Кедр), а пихта (= «пег», по В. И. Далю) – с кипарисом. Например, краевед и натуралист В. В. Дмитриев в статье-панегирике «Сибирский кедр» (1824) с восхищением писал: «Славьтесь, места любимые солнцем, гордитесь, высоты ливанские, своими кедрами: не видя вас в моем отечестве на матерой земле, России принадлежащей, не смею и величать вас, но зато в глазах моих тенистый кедр богатой Сибири не уступит вам в красотах своих и мне вас заменит. Какое величество в осанке сего дерева, какие священные тени в густоте лесов его, которые одевают холмистые берега величавой реки Оби, от самых вершин ея, составляющихся на собор редких красот природы в амфитеатре, голубеющимися Катунскими горами обнесенном...»⁵¹.

Дальнейшее формирование образного клише было намечено К. В. Анисимовым: П. А. Словцов в «Прогулках вокруг Тобольска» (1834) назы-

⁵⁰ *Анисимов К. В.* Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX веков: особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. С. 52.

⁵¹ *Дмитриев В. В.* Сибирский кедр // Сибирский вестник. 1824. Ч. 4. С. 134.

вает сибирские кедры «сродниками Ливанской фамилии»; он же в «Письмах из Сибири 1826 года» пишет, что пихту «можно бы сибиряку называть *северным кипарисом* (курсив П. А. Словцова. – Т. Б.)»; А. В. Шидловский в очерке «Ночь на Байкале» (1835) восклицает: «Что кипарис и что пихта? – Два символа смерти – смерти человека и смерти земли!»⁵².

Сибирские старожилы говорили: «В ельнике трудиться, в березняке – веселиться, в кедраче – богу молиться»⁵³. Между тем кедр считался священным деревом в мифологии народов Сибири задолго до прихода русских и приобщения к христианству. Так, у селькупов и казымских хантов кедр был связан с миром мертвых и нечистой силой⁵⁴. Согласно космогоническому мифу алтайцев, в кедре воплотилась чистая душа, изначально предназначенная человеку⁵⁵. Представления о кедре как тотемном дереве, Мировом древе и Древе жизни получили отражение в произведениях с этнографической составляющей, например, в романе о юганских ханты П. С. Бахлыкова «Медвежья падь» (1997)⁵⁶. Многочисленны примеры мифологизации кедра в хантыйской поэзии⁵⁷. Кедр является базовым концептом национального сознания алтайцев, о чем свидетельствуют строки стихотворений Б. У. Укачина, А. О. Адарова, Б. Я. Бедюрова, В. Т. Самыка и др.⁵⁸.

⁵² Цит. по: *Анисимов К. В.* Проблемы поэтики... С.51–52.

⁵³ Цит. по: *Шастина Т. П.* Владимир Чивилихин: творение и крушение мифа о Кедрограде // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2015. № 3 (45). Ч. 3. С. 203.

⁵⁴ *Полякова Н. В.* Объективация леса в языковой картине мира селькупского этноса // Вестник ТГПУ. 2014. № 10 (151). С. 79 ; *Волдина Т. В.* Образ древа жизни в традиционной культуре обских угров... С. 85 ; *Содномпилова М. М.* Природное окружение в контексте образа «мира мертвых»... С. 337.

⁵⁵ *Анохин А. В.* Материалы по шаманству у алтайцев. С. 18.

⁵⁶ *Куликова И. М., Мальцева И. В.* Семантическое наполнение мифологемы дерева в натурфилософии П. С. Бахлыкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 12. С. 344–347.

⁵⁷ *Косинцева Е. В.* Концепт Лес в хантыйской поэзии // Культурные и филологические аспекты генезиса и трансформации исторических общностей коренных народов Югры. Ханты-Мансийск: БУ ХМАО-Югры «Обско-угорский ин-т прикладных исслед. и разраб.», 2014. С. 87–103.

⁵⁸ *Тозыякова Е. А., Драчева С. И., Баданова Т. А.* «Кедр» как компонент системы базовых концептов национального сознания алтайцев (по результатам ассоциативного эксперимента) // Диалог культур: поэтика локального текста: материалы IV международной конференции. Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского ун-та, 2014. С. 289–292.

Исконные представления о кедре отразились в словах Т. Б. Шинжина – народного сказителя Республики Алтай, писателя и фольклориста:

И в летний зной,
И лютою зимою,
Под синевой,
Над зеленью долин,
Соединяя небеса с землею,
Стоит мой кедр –
Алтайский исполин.

Свободы и величия исполнен,
Стихии мира в нем совмещены –
Льет на него потоки солнца полдень,
А полночь –
Молчаливый свет луны.

И наполняет кедр вечнозеленый
Простор весны,
Покой осенней мглы
Густым и величавым шумом кроны,
Дыханием живительной смолы.

Он принял силу
От земли Алтая,
И от небес бессмертье принял он.
В прошедшее
Корнями прорастая,
В грядущее

Вершиной вознесен!⁵⁹.

Кедр здесь выступает в статусе Мирового дерева, моделирует устройство мира как единство бинарных оппозиций: верх – низ, небо – земля, лето – зима, весна – осень, жар – холод, день – ночь, солнце – луна, прошлое – будущее и пр.⁶⁰. Кедр представлен и как Древо жизни – средоточие витальной силы, образ вечности⁶¹. Интересно, что в советском кукольном мультфильме «Сказка о старом кедре» (1963) древний и мощный Кедр также воплощает мифологему Древа жизни. Сначала Кедр просит Дождь потушить лесной пожар, а потом посылает своих внуков (шишки) засеять пепелище орешками и так спасает тайгу от исчезновения. Орешки выступают носителями жизненной субстанции, пустотность и смерть преодолеваются благодаря потомству. В антиутопическом рассказе горно-алтайского писателя С. И. Адлыкова «2094 год» (1994) аналогичную функцию выполняет последний на планете кедр – единственный шанс людей на подлинно живое существование в искусственном мире⁶².

Как любая Мировая ось (*Axis mundi*) кедр оказывается центром ритуала. В рассказе К. А. Поклонова «На утесе» (1981) старик-кедр стоит на вершине одинокого утеса. Вокруг дерева разыгралась драма: маралиха пожертвовала собой ради спасения детеныша от волков. И. А. Бедарева небезосновательно возводит произошедшее событие и его участников к архетипической схеме, ритуалу, цель которого – продолжение рода⁶³.

Функция кедра как места решающего выбора просматривается в эпизоде повести Ю. Я. Козлова «Белый бом» (1978), посвященной Гражданской войне на Алтае. В ветвях старого кедра сражаются сова и несколько ворон. Герой-алтаец не испытывает жалости и сострадания к обреченной сове: «В этой вражде птиц

⁵⁹ *Шинжсин Т. Б.* Колыбель земли / пер. с алт. А. Плитченко. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1984. С. 16–17.

⁶⁰ *Топоров В. Н.* Мировое дерево. Т. 2. С. 328–329.

⁶¹ Там же. С. 315–324.

⁶² *Бедарева И. А.* Мифологические и фольклорные образы деревьев в русскоязычной прозе Горного Алтая // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3 (82). С. 328.

⁶³ Там же.

была виновата сова, которая, шаря ночами, опустошает вороны гнезда, нападает на спящих. Вороны знают свою обидчицу и, встретив днем, мстят жестоко» (ОА, т. 5, с. 141). Аналогия с историческими событиями в жизни людей прозрачна, не случайно про схватку птиц сказано: «шла *своя* война» (ОА, т. 5, с. 141). Установленное автором соответствие может быть развернуто в более глубокие слои и прочитано как битва сил тьмы и света в сакральном центре мира. Тем более, что в мировой культуре борьба хаоса и космоса неоднократно кодировалась в виде поединка двух птиц⁶⁴.

Для фольклорно-мифологической и мифопоэтической семантики кедрового существа восходящая к тотемным верованиям связь кедрового дерева с родом и родиной. В исторической песне середины XVIII века «О разорении Алтая» (перевод и публикация миссионера протоиерея В. И. Вербицкого, 1868) бедствия страны, подвергшейся опустошительным набегам со стороны китайцев и киргизов, описываются при помощи древесной метафоры: «Красные сосны твои окомолены <...> Величественные кедры твой стоят обнаженные от зеленых ветвей»⁶⁵. Эту же песню в собственном переводе включает в очерк «Горная идиллия» (1880) Н. И. Наумов, поместив ее в современный автору социально-исторический контекст. Соответствующие строки следующие: «Пропадай ты, сосна с мерзлыми сучьями... <...> Пропадай ты, сосна с сухими ветвями, если тебя будут еще обламывать!» (ОА, т. 2, с. 363). Художник и писатель Г. И. Чорос-Гуркин, коренной алтаец, на основе данной народной песни создал стихотворение в прозе «Алтай (Плач алтайца на чужбине)» (1907), обличая угнетение со стороны русских пришельцев. Древесный образ в «Плаче...» стал более развернутым, акцент поставлен на состоянии страны до, а не после захвата чужаками: «Какими красками опишу тебя, мой славный Алтай? И какою линией очерчу твой стан? Уподоблю тебя могучему зеленому кедровому! Вот он могучий и пышный широко разросся во всю ширь и мощь: удало развернул свои ветви на свободе! Крепко цепляясь корнями по расщелинам чер-

⁶⁴ Топоров В. Н. Мировое дерево. Т. 2. С. 323.

⁶⁵ Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. С. 168.

ных скал, взбежал он до грани холодных белков. И там, на просторе, вблизи вечных снегов, где одни лишь туманы гуляют, там он любит, свободно, качаясь по ветру, вести с буйным ветром беседу. Таков ты, мой любимый Алтай...»⁶⁶.

В вербальном и визуальном текстах художника прослеживается единая образная парадигма⁶⁷, топика, которая регулярно воспроизводится в произведениях алтайских и русских писателей. Так, в стихотворении А. С. Пиотровского «По Алтаю» (1914) лирический субъект мечтает об Алтае. Мысленное путешествие, в отличие от реального, ориентируется на стереотипные представления о локусе: «...край, где льются водопады, / Где гор высокие громады, / А по утесам лес шумит» (ОА, т. 2, с. 262). Естественно, упоминаются и деревья: «...с кедром и сосною / Сжилася часть моей души» (ОА, т.2, с.262). Посвящение Г. И. Гуркину и упоминание в тексте родного для художника села Анос подсказывает источник вдохновения поэта – картины. Чуть позже поэт Г. А. Вяткин, опираясь как на собственные впечатления, так и на пейзажи алтайского живописца, создал сборник «Алтай» (1917)⁶⁸. Эмблематичный набор признаков Алтая (кедр – скала – водопад – песня) встречается в стихотворении Г. П. Панова «Отчина» (1984):

В кедре,
 которому скалы – опора,
 и в водопаде, летящем отвесно,
 в дымке, венчающей гордые горы,
 чувствую родину, чувствую песню (ОА, т. 5, с. 57).

Если для уроженцев Алтая кедр символизирует родину, то для гостей региона дерево и его атрибуты (ветка, шишка) являются знаком туристического памятного места. В стихотворении латышского поэта И. Я. Зиедониса «Кедр – твой

⁶⁶ Чорос-Гуркин Г. И. Алтай (Плач алтайца на чужбине) // Памятное завещание: Алтайская дореволюционная проза. Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1990. С. 218.

⁶⁷ Маточкин Е. П. Визуальные образы фольклора в творчестве художников Горного Алтая // Сибирский филологический журнал. 2009. № 4. С. 18–24.

⁶⁸ Шастина Т. П. Алтай поэта Г. А. Вяткина – взгляд сквозь образную систему художника Г. И. Гуркина // Г. И. Чорос-Гуркин и современность. Горно-Алтайск: БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова», 2020. С. 46–54.

друг» (1963) лирический субъект привозит из Сибири росток кедра в подарок сыну. Ребенок и кедр будут расти вместе, воплощая синтез двух традиционных моделей коммуникации человека и дерева – параллельной и преемственной⁶⁹. Мальчик должен воспринять у кедра «зов его зеленой крови»⁷⁰ – романтическую тоску о горном просторе, беспредельной свободе, дружественности, взаимовыручке, самобытности.

Для алтайской и русской словесности типично отождествление кедра с народом, населяющим естественный ареал обитания дерева. Этнографические материалы свидетельствуют, что представления о деревьях-тотемах, от которых ведет свое существование род, были характерны для коренных жителей Сибири⁷¹. В литературе подобного рода связь человека и дерева устанавливается на метафорическом уровне. Например, Г. Д. Гребенщиков в письме от 25 июля 1916 года объяснил Г. Н. Потанину название своего романа-эпопеи так: «“Чураевы” символизировать должны и “чур меня”, и “чурка”, но чурка крепкая, кондовая, остаток крепких кедрочей Сибири»⁷². Образ кедра как родословного дерева, связывающего членов рода между собой и с местом рождения, отчетливо проявился в самоидентификации советского поэта Б. У. Укачина: «Я – горного кедра колючая ветка!»⁷³. В его стилизации «Молитва у кедра» читаем: «Наши начала – из общих недр, / Родина у нас одна – Алтай. / Пожелай мне счастья, брат мой старший кедр...»⁷⁴. Симптоматична также смена названия повести алтайского писателя С. Б. Каинчина «Адалар јолы» («Дорога отцов») на «Дети кедра» (1986), произошедшая при переводе на русский язык.

Метонимическое отождествление дерева с территорией его произрастания и обитающим в этом месте этносом дополняется еще одним соответствием на осно-

⁶⁹ Агапкина Т. А. Деревья в славянской народной традиции. С. 541.

⁷⁰ Зиедонис И. Я. Дневник поэта. Рига: Лиесма, 1968. С. 181.

⁷¹ Кыпчакова Л. В. К вопросу о культуре деревьев у алтайцев // Сибирский педагогический журнал. 2006. № 3. С. 134–135; Тадышева Н. О. Отражение культуры дерева... С. 119.

⁷² Г. Д. Гребенщиков и Г. Н. Потанин: диалог поколений (письма, статьи, воспоминания, рецензии). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 76.

⁷³ Укачин Б. У. Избранное: стихотворения и поэмы. М.: Худож. лит., 1987. С. 20.

⁷⁴ Там же. С. 120.

ве пространственной смежности: дерева и зверя. Г. И. Потанин писал: «Медведи тоже любят кедровые орехи, как малину, и сами лезят на кедры...» (ОА, т. 1, с. 44). В художественной литературе повсеместно встречается сопряжение царей сибирского леса – кедр и медведя. В дальневосточной литературе кедр соотносится с другим символом тайги – уссурийским тигром⁷⁵. Известно, что дикий соболь водится только в кедровниках⁷⁶, поэтому в стилизованных под фольклор «Песнях Алтая» И. Т. Ерошина кедр сравнивается с соболем: «Кедры наши – мех соболиный, / Сладок орех с белым зерном. / Жирный орех нравится белке» («Кедры», 1925)⁷⁷; «Соболя ловить иду, / <...> / Соболя, похожего на ветку, / Черную ветку кедр...» («Соболя ловить иду...», 1926)⁷⁸. Система аналогий, основанных на горизонтальных связях (кедр – Алтай – алтаец – медведь / соболь), достраивается вертикальными. Для региональной художественной словесности и живописи характерно сцепление образов кедр, горы и орла⁷⁹.

В сборнике очерков «На Алтае» (1893) А. А. Черкасов удивлялся: «...странно, что во всей Сибири нет дуба и клена; зато как хороши сибирские кедр!»⁸⁰. Синтаксическая конструкция фразы выражает идею возмещения недостатка наличным элементом, идею уравнивания дуба (клена) и кедр. Интуитивное ощущение писателя-натуралиста, связанное с ботаническими наблюдениями, подкрепляется народной традицией. В тех природных зонах, где дуб мало распространен или почти отсутствует, аналогичное место в фольклорно-мифологической иерархии занимает бук (у юж. и зап. славян), тис и грецкий орех (у юж. славян), вяз, сосна (на Русском Севере)⁸¹. Не случайно, пожалуй, в русских переводах знаменитого стихотворения Г. Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam...»

⁷⁵ Кириллова Е. О. Творчество писателя дальневосточной эмиграции Н.А. Байкова как пример культурного взаимодействия в условиях трансграничья. Региональный образ священного дерева // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2016. № 4 (73). С. 94.

⁷⁶ Игнатенко М. М. Сибирский кедр... С. 7.

⁷⁷ Ерошин И. Т. Песни Алтая. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1961. С. 116.

⁷⁸ Там же. С. 82.

⁷⁹ Маточкин Е. П. Визуальные образы фольклора... С.20.

⁸⁰ Черкасов А. А. На Алтае. Барнаул; Новосибирск: Колорит, 2019. С. 62.

⁸¹ Агапкина Т. А. Деревья в славянской народной традиции. С. 49, прим. 6.

северное хвойное дерево (сосна) заменялось и дубом (А. А. Фет), и кедром (Ф. И. Тютчев). Характеристика дуба, очерченная М. Н. Эпштейном в работе «Природа, мир, тайник вселенной...» (1990), а также Т. А. Агапкиной в исчерпывающем «портрете» дуба⁸², вполне может быть применена к кедру. Оба дерева отличаются крепостью ствола, могучей кроной, долголетием, олицетворяют собой царственность, мужественность, жизненную силу, мощь, величие. В славянской мифологии дуб выступает в роли Мирового дерева, соотносится с богом-Громовержцем⁸³. Аналогичную функцию выполняет кедр в сибирской мифологии и в русской литературе Алтая и об Алтае. Например, у В. Я. Шишкова в символической сказке «Кедр» (1908): «Кедр, высокий, развесистый, мощный, с глубоко ушедшими в родную землю корнями, гордо стоял на поляне и шумел своей буйной, вечнозеленой хвоей»⁸⁴. Начиная с лирики Н. А. Заболоцкого, в советской поэзии дуб изображается богатырем, в состоянии борения со стихией⁸⁵. У В. Я. Шишкова эти смыслы появляются раньше. Его кедр – «рыцарь с приподнятым забралом», защищающий маленьких птичек от коршунов: «...кедр рокотал, кедр потрясал вершиною, кедр был гневен»⁸⁶. (Ср. с описанной выше ритуальной ролью кедра в мотиве поединка двух птиц). В рассказе «Ванька Хлюст» кедры названы «богатыри таежные»⁸⁷. Аналогичная образность встречается в стихотворениях хантыйских поэтов М. И. Шульгина («Здесь, где кедры большие / Стоят, как солдаты, стеной») и Р. П. Ругина («Встали кедры – великаны / Возле самых берегов, / Словно стражи – истуканы, / Словно строй лесных богов»)⁸⁸.

Кедр, подобно дубу, часто выделяется как в горизонтальном, так и вертикальном измерении: уединенностью и / или положением на высоте. Долговечность и способность к плодоношению (желуди / шишки) сопрягает оба дерева с

⁸² Там же. С. 41–75 ; Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...». С. 47–50.

⁸³ Афанасьев А. Н. Древо жизни: Избранные статьи. М.: Современник, 1982. С. 214–217 ; Гейштор А. Мифология славян. М.: Весь мир, 2014. С. 200.

⁸⁴ Шишков В. Я. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. С. 39.

⁸⁵ Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...». С. 49.

⁸⁶ Шишков В. Я. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. С. 39–40.

⁸⁷ Там же. С. 81.

⁸⁸ Цит. по: Косинцева Е. В. Концепт Лес в хантыйской поэзии. С. 92.

мотивом преодоления смерти и темой бессмертия. Впрочем, кедр так же связан с символикой смерти / бессмертия, похоронной обрядностью, представлениями о загробном существовании, как и любое другое вечнозеленое хвойное дерево⁸⁹. Например, в повести В. П. Астафьева «Стародуб» (1960) на могиле праведника и мученика прорастают шишки старого кедра, тем самым реализован мотив воскресения⁹⁰. Мотив преодоления разного рода границ оригинально использован в стихотворении алтайского лирика В. М. Башунова «Отшельник». Кедр образует устойчивую вертикаль художественного пространства: «Увенчавший скалистые горы, <...> взявший силу у каменных недр». Статика дерева подчеркнута его олицетворением: «никуда не стремится», «скупое молчанье хранит». В финальной строке совершается прорыв за пределы возможного: «и не может лететь... и летит!»⁹¹. По мнению С. В. Кулешовой, возможность полета и использование слова «грива» по отношению к кроне дерева отсылают к образу Пегаса и, следовательно, теме поэтического творчества. Исследователь возводит символику кедра как дерева вдохновения к образу библейского кедра из поэмы «Октоих» (1917) С. А. Есенина: «Шумит небесный кедр / Через туман и ров, / И на долину бед / Спадают шишки слов»⁹². Метафора «шишки слов» восходит к архаичной модели мира, сформулированной поэтом в «Ключах Марии» (1918) как «вечное, неколеблемое древо, на ветвях которого растут плоды дум и образов»⁹³. Обозначенная С. А. Есениным связь кедра с поэзией прослеживается не только у В. М. Башунова, но и у его современника Г. Н. Панова. В стихотворении «Голубые снега» написано: «Кедры снег осыпали стихами» (ОА, т. 5, с. 58). Кедр есть материальное воплощение того «нерукотворного памятника», который помогает поэтам превозмочь земную финальность.

⁸⁹ Агапкина Т. А. Деревья в славянской народной традиции. С. 76–113.

⁹⁰ Ковтун Н. В. Русская традиционалистская проза XX–XXI веков: генезис, мифопоэтика, контексты. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. С. 478.

⁹¹ Башунов В. М. Авошь: стихотворения. Барнаул: [б. и.], 2003. С. 37.

⁹² Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. М.: Наука; Голос, 1997. С. 43.

⁹³ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. С. 198. М.: Наука; Голос, 1997. С. 198. См.: Кулешова С. В. Поэтика природы в поэзии В. Башунова // Филология и литературоведение. 2013. № 2. URL: <https://philology.snauka.ru/2013/02/424> (дата обращения: 12.03.2023).

И дуб, и кедр в отличие от других деревьев часто изображаются старыми, на пороге небытия. В одном из первых текстов русской литературы, где появился сибирский кедр, – в «Думе VIII. Буря» (1832) Е. П. Ковалевского – читаем: «Столетний кедр трещит, шатнулся, вот / склонился, / И, дружно с елью обхватясь, свалился, / Загромоздив собой Чумыша грозный ток...»⁹⁴. Известна алтайская легенда об охотнике, остановившемся на ночлег под кроной старого кедра. Под утро охотник услышал беседу дерева с молодым кедром, из которой узнал, что старый кедр готов рухнуть, но из последних сил сдерживается, чтобы не погубить человека. Охотник обнял на прощание дерево и отошел в сторону. Кедр облегченно упал, не задев охотника. Легенда моделирует идеальные отношения между человеком и природой. Со смертью кедра эти отношения не прерываются, поскольку он передал завет своему преемнику – молодому дереву. Образ кедра-защитника и подателя всяческих благ для человека претерпел значительную трансформацию, когда потребовалось оберегать само дерево. Если у коренных жителей Алтая существовали различные запреты, приметы и регламентации, требовавшие от людей уважительного отношения к дереву⁹⁵, если русские старожилы и новоселы истребляли лес только в первый год своего поселения и обустройства (ОА, т. 1, с. 47–48), то ситуация радикально изменилась в связи с промышленными лесозаготовками XX века. В рассказе С. И. Исакова «Горный дух» (1914) герой в бредовом сне видит, как кедровые превращаются в телеграфные столбы, от этого ему «вдруг становится скучно» (ОА, т. 2, с. 234), он стреляет в изолятор, звук выстрела вызывает гром, камнепад, извержение. Затем появляется алтайский богатырь на белом коне, который радуется гибели русских деревень. В видении апокалипсиса наступает только русскую цивилизацию, поправшую природосообразную этику коренных жителей. «Скука» героя и превращение прекрасных деревьев в прагматические столбы, возможно, отсылают к пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад»

⁹⁴ Ковалевский Е. П. Сибирь. Думы. Стихи // Сибирские огни. 2010. № 8. URL: <http://www.sibogni.ru/content/sibir-dumy> (дата обращения: 05.03.2023).

⁹⁵ Тадышева Н. О. Отражение культа дерева... С. 119.

(1903): «В стороне, возвышаясь, темнеют тополи: там начинается вишневый сад. Вдали ряд телеграфных столбов, и далеко-далеко на горизонте неясно обозначается большой город...»⁹⁶. По крайней мере, в данном фрагменте проблематика рассказа близка теме пьесы: вытеснению утилитарным рационализмом поэтического, одухотворенного отношения к природе и культуре.

В середине XX века за спасение кедровников Алтая от промышленной вырубки боролся писатель В. А. Чивилихин. Он создал цикл повестей и очерков на эту тему и пропагандировал идею Кедрогграда – промышленного предприятия, основанного на принципах экологического природопользования⁹⁷. Проблема сохранения кедра особенно остро ставится в прозе и лирике сибирских писателей-шестидесятников. В. Г. Распутин в очерке «Горный Алтай» сетует, вспоминая идеи В. А. Чивилихина: «А ведь это кедр, царь тайги, красавец, кормилец и хранилец, и всего-то занимающий менее трех процентов от общей площади наших лесов! Но и те нещадно вырубаются, несмотря на научные обоснования, предостережения и крики о помощи»⁹⁸.

Томский поэт М. В. Андреев в стихотворении «Кедровник начисто срубил...» задается вопросом, насколько прагматическая цель («на карандаши») оправдывает средства, а краткосрочная выгода затмевает далеко не благополучные перспективы человечества: «Карандашей-то настрогали, / А что же ими рисовать?»⁹⁹

Естественно, алтайские поэты тоже обращаются к этой теме. Если в стихотворении Л. С. Мерзликина «Кедр» экологические призывы звучат довольно сдержанно: «Да будет к нему человек / Разумнейший зверь – человек!»¹⁰⁰, то у Г. П. Панова в первом тексте «Трилистника в защиту природы» появляются горькие строки:

⁹⁶ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 12–13: Пьесы: 1889–1904. М.: Наука, 1978. С. 215.

⁹⁷ Шастина Т. П. Владимир Чивилихин... С. 199.

⁹⁸ Распутин В. Г. Сибирь, Сибирь... М.: Молодая гвардия, 1991. С. 189.

⁹⁹ Андреев М. В. Потому что нельзя. С. 86.

¹⁰⁰ Мерзликин Л. С. Избранное: стихотворения и поэма. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1997. С. 86.

Это только начало прогресса
 в век страстей и больших скоростей,
 но все меньше кедрового леса
 остается в Сибири моей¹⁰¹.

В стихотворении «На лесоповале» градус гражданского пафоса повышается за счет обращения к поэме Н. А. Некрасова «Саша» (1856):

Вы не бывали на лесоповале,
 там где пластуют кедрач леспромхоз?..
 «Плакала Саша, как лес вырубали» –
 ныне бы Саша ослепла от слез!¹⁰²

В. М. Башунов в стихотворении «В Бийске церковь почти у Би...» углубляет экологическую проблематику, уводя ее в нравственно-философскую сферу:

Я поставлю свечу восковую
 и молебн закажу отслужить –
 за упокой души раба Божьего кедра,
 убиенного человеком¹⁰³.

Очеловеченный кедр для поэта является «символом всего природного универсума, его гармонии и красоты», а потому насильственная гибель дерева воспринимается как крах мирового единства¹⁰⁴. Своего рода реквиемом кедрю является повесть алтайского прозаика С. Б. Каинчина «Дочь тайги черневой» («Аба јыштын балазы») ¹⁰⁵.

Таким образом, реальные качества кедра (высокий, крупный, вечнозеленый, хвойный, плодоносящий) и его культурные признаки (мужской, связанный с потусторонним миром) обуславливают семантизацию дерева как сакрального в сибирской языческой и русской христианской культурах. Основные мифологиче-

¹⁰¹ Панов Г. П. Сердце поэта. С. 116.

¹⁰² Панов Г. П. Русский складень: стихотворения, поэмы. Барнаул: [б. и.], 2004. С. 51.

¹⁰³ Башунов В. М. Авось. С. 209.

¹⁰⁴ Кулешова С. В. Поэтика природы в поэзии В. Башунова.

¹⁰⁵ Шастина Т. П. Владимир Чивилихин... С. 201.

ские и мифопоэтические «кедровые» значения связаны с представлениями о Мировом древе как культовом центре и медиаторе, Древе (вечной) жизни и плодородия, родовом древе. Мортальная семантика кедра оказалась наименее востребованной русской литературой. Неизменной остается символизация кедра как знака и модели человека, народа, родины, Алтая, Сибири. Сопутствуют кедрю образы зверя (медведь, соболь), птицы (орел), горы. Семантическим двойником кедра в русской культуре является дуб как дерево выдающееся и долговечное, что актуализирует образ вечности, мотив преодоления границ и часто сопряжено с темой творчества. В XX веке практика промышленных лесозаготовок приводит к появлению новой – экологической – проблематики. Проведенное исследование, несомненно, не исчерпывает все возможные литературные презентации образа кедра, но, смеем надеяться, намечает основные смысловые векторы.

1.1.3. Лиственница как амбивалентный дендрообраз Сибирского текста

У коренных народов Сибири лиственница была почитаемым деревом, участвовала в обрядовой практике, выполняя функцию родового дерева¹⁰⁶, средства шаманского путешествия и др. Северные ханты практиковали лечение человека при помощи «дырявой» лиственницы: протаскивали вещи больного через отверстие в ствол, чтобы «возродить» человека¹⁰⁷. Согласно представлениям алтайцев, деревья с пышной переплетенной кроной, образующей шарообразный нарост на верхушке или середине ствола, принадлежат шаману, поэтому к ним нельзя было приближаться¹⁰⁸. Зафиксировано частое использование лиственницы в по-

¹⁰⁶ Бутанаев В. Я. Будни и праздники Хонгорая. Абакан: Журналист, 2011. С. 211 ; Балалаева О. Э., Плужников Н. В. Миф о Мировом древе... С. 83.

¹⁰⁷ Головнев А. В. Говорящие культуры. С. 534–535.

¹⁰⁸ Тадышева Н. О. Отражение культа дерева... С. 122 ; Кыпчакова Л. В. К вопросу о культе деревьев у алтайцев. С. 132.

гребальной обрядности¹⁰⁹, что обусловлено как реальными качествами дерева (твердая, прочная и долговечная структура), так и универсальной символикой хвойного дерева, связанной с идеями возрождения и бессмертия.

В мифологии народов Сибири лиственница существует неизолированно, вступает в разнообразные отношения с другими деревьями. Алтайским народам свойственно представление о березе как медиаторе с верхним миром, о кедре – с нижним, лиственнице – как дереве среднего мира¹¹⁰. По верованиям хантов и манси, хвойные «темные» деревья, связанные со смертью, противопоставлены «светлой» березе с ее значением рождения, исцеления и жизни. При этом кедр и лиственница несут альтернативные возможности: «Если человека находят захороненным на вершине лиственницы, его можно оживить, если на кедре – он умер безвозвратно»¹¹¹.

Исконные мифологические представления о лиственнице проникают в произведения представителей младописьменной литературы Сибири, поскольку «лексика, тематика и содержание» подобных текстов «культурно, географически и исторически обусловлены национальными корнями автора»¹¹². Например, в рассказе алтайского прозаика Д. Б. Каичина «Перевал» (2002) в современные реалии введен образ Священной Лиственницы, связывающей человека с его родом, Алтаем и целым миром. Сон героя о противостоянии Лиственницы и трактора символизирует конфликт природы и цивилизации. Экологическая проблематика углубляется в сферу субъективного, становится аспектом вопроса о сохранении души и самоидентичности¹¹³.

¹⁰⁹ Кубарев В. Д. Древнетюркский поминальный комплекс на Дьер-Тебе // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 94 ; Ачимова А. А. Растения Горного Алтая в обычаях и традициях алтайцев. Барнаул: Арктика, 2012. С. 6.

¹¹⁰ Волдина Т. В. Образ древа жизни в традиционной культуре обских угров... С. 85–86.

¹¹¹ Содномпилова М. М. Природное окружение в контексте образа «мира мертвых»... С. 337.

¹¹² Полторацкий И. С., Силантьев И. В., Широбокова Н. М. Некоторые теоретические аспекты изучения младописьменных литератур // Сибирский филологический журнал. 2013. № 4. С. 128.

¹¹³ Текенова У. Н. Мифопоэтические образы в рассказе Дибаша Каичина «На перевале» // Филология и человек. 2008. № 4. С. 110–116.

В русской литературе лиственница изначально появляется в публицистических жанрах. Так, Г. Н. Потанин в очерке «Полгода на Алтае» (1859) дал не самую лестную характеристику эстетическим достоинствам лиственницы. Разнообразие форм дерева, по мнению областника, «доходит до уродливости»: лиственница отличается «полным отсутствием грации; в середине дерева возвышается ствол, прямой, как свеча, нимало не подчиняясь прихотливому распределению ветвей» (ОА, т. 1, с. 46). Сравнение лиственницы со свечой неожиданно находит продолжение в мотиве горения, сопровождающем образ лиственницы в последующей литературе. Часто с огнем сопоставляется пожелтевшая осенняя хвоя дерева. Например, в стилизации И. Т. Ерошина «Вышла утром...» (1925) написано: «Светлым огнем / Горит лиственница»¹¹⁴; в крохотке «Лиственница» (1996) А. И. Солженицына хвоя «дружно осыпается и празднично – мельканием солнечных искр»¹¹⁵.

Двойственный статус лиственницы – между хвойными и листопадными – создает необходимые основания для проявления разного рода семантических оппозиций (гендерных, социально-исторических, геополитических, экзистенциальных и пр.), между которыми человеку приходится ценностно самоопределяться. Например, в рассказе И. И. Катаева «Под чистыми звездами» (1937), действие которого происходит в Уймонской долине, связанной с легендой о Беловодье, весьма примечателен финал. Рассказчик, случайно ставший свидетелем любовного свидания, стремительно сбегает по склону горы и удерживается от падения, схватившись за ствол лиственницы. Он одновременно чувствует запах «древесной гнили» и «березового листа». «Что там было, подо мной? Обрыв ли, пологий скат?..»¹¹⁶ – размышляет герой. По мнению А. И. Куляпина, эти вопросы – ключ к авторской концепции произведения. С одной стороны, они вторят заключительной реплике героини, где она «горестно-весело» пророчит себе тяжелую долю с

¹¹⁴ Ерошин И. Т. Песни Алтая. С. 136.

¹¹⁵ Солженицын А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 1: Рассказы и крохотки. М.: Время, 2007. С. 557.

¹¹⁶ Катаев И. И. Сердце: повести и рассказы. М.: Советская Россия, 1980. С. 361.

легкомысленным возлюбленным (частный масштаб коллизии). С другой стороны, в самом последнем предложении рассказа неожиданно упоминается Москва. Следовательно, возможная опасность падения в бездну вырастает до государственного масштаба¹¹⁷.

Хвойно-лиственная неопределенность дерева подкрепляется неоднозначными гендерными проекциями на него. В мифологии народов Сибири лиственница мыслилась как существо и мужского, и женского пола. Так, у бурят лиственница отождествлялась с мужчиной¹¹⁸. В переводном стихотворении хантыйского писателя Г. Д. Лазарева «Лиственница» (1961) дерево уподоблено матери, дарующей силы человеку. Для русского языка органичнее женский пол дерева, что следует из грамматических признаков слова. В. Г. Распутин в «Прощании с Матерой» (1976) избежал двусмысленности, наделив главное культовое дерево, своего рода Мировую ось Матеры, мужским родом. Семантизация образа Лиственя у писателя происходит на основе «слияния общеславянской мифологической системы и языческих представлений народов Сибири»¹¹⁹.

В роли главного мужского дерева, парного женской березе, Листвень В. Г. Распутина оказывается семантическим соперником кедра (ср. с аллегорической сказкой В. Я. Шишкова «Кедр»). Литературная конкуренция дендрообразов кедра и лиственницы отражает реальные особенности произрастания этих пород, отмеченных С. П. Залыгиным: «Среди кудрявого кедрача давно-давно когда-то появилась одна лиственница, и она обсеменила вокруг себя поляну, а теперь можно было различить и эту материнскую лиственницу, и молодую поросль, распространившуюся в направлении господствующих ветров, и те кедры, которые лиственницей уже начали угнетаться. <...> Все было видно: где лиственница теснит кедр, где – кедр лиственницу...» (ОА, т. 4, с. 337–338).

¹¹⁷ Литературная мифология Алтая / Е. А. Худенко [и др.]. Барнаул: АлтГПУ, 2019. С. 131.

¹¹⁸ Содномпилова М. М. Природное окружение в контексте образа «мира мертвых»... С. 336.

¹¹⁹ Куликова И. М. Мифологическая парадигма... С. 214.

Элементы дерева с древнейших времен уподобляются частям тела человека или животного. Обращает на себя внимание большое количество упоминаний о ветвях лиственницы в деструктивном контексте. Например, в повести Ю. Я. Козлова «Белый бом» (1978): «Обломанные сучья сухими пальцами торчали во все стороны» (ОА, т. 5, с. 89); в романе В. Я. Зазубрина «Горы» (1933): «Лиственница торчала над маральником обломанным мертвым рогом зверя» (ОА, т. 3, с. 178); в «Прощании с Матерой» с мощной нижней веткой Лиственя связаны многочисленные смерти людей (суицид, повешенье, падение)¹²⁰. Сюжеты вышеупомянутых произведений строятся на ситуации насилия человека над природой и другим человеком: Гражданская война у Козлова, коллективизация у Зазубрина, Гражданская война, строительство ГЭС и затопление деревень у Распутина.

Отдельная тематическая линия, связывающая лиственницу и Сибирь, – ссыльно-каторжная. Пожалуй, первая реплика об этом принадлежит А. П. Чехову, который посетовал в путевых заметках «Остров Сахалин» (1891–1893): «Ни сосны, ни дуба, ни клена – одна только лиственница, тощая, жалкая, точно огрызенная, которая служит здесь не украшением лесов и парков, как у нас в России, а признаком дурной болотистой почвы и сурового климата»¹²¹. Самое весомое слово о лиственнице как квинтэссенции лагерного опыта сказал В. Т. Шаламов в «Колымских рассказах» (1967) в пятом цикле и одноименном рассказе «Воскрешение лиственницы» (1966). Характеризуя негативную антропологию писателя, В. А. Подорога определил лиственницу как «исток символизации ... отрицательного гулаговского опыта», «самый мощный мнемонический символ ГУЛАГа». В то же время лиственница сочетает амбивалентные свойства: «...дерево мертвых и живых, т. е. дерево пыток и казни, смерти и жизни, забвения и воскресения»¹²²,

¹²⁰ *Распутин В. Г.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4: В ту же землю. Иркутск: Сапронов, 2007. С. 189–190.

¹²¹ *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т.14/15: Из Сибири. Остров Сахалин. 1890–1895. М.: Наука, 1978. С. 56–57.

¹²² *Подорога В. А.* Дерево мёртвых: Варлам Шаламов и время ГУЛАГа (опыт отрицательной антропологии) // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2016. № 3. С. 77, 85, 78.

«тления и стойкости»¹²³. Это дерево чуда воскрешения, происходящего благодаря памяти человека¹²⁴. В рассказе В. Т. Шаламов подчеркнул, что лиственница – «дерево, непригодное для романсов <...>. Здесь слово другой глубины, иной пласт человеческих чувств». Это «очень серьезное» дерево, подлинное дерево «познания добра и зла, – не яблоня, не березка!», «дерево Колымы, дерево концлагерей»¹²⁵. По мнению исследователей, яблоня актуализирует христианский контекст, а береза – языческий. В противовес деревьям, связанным с религией и духовностью, лиственница – «дерево “сухой реальности” этой земли – древо царства ада на земле»¹²⁶.

Мортальная семантика лиственницы присутствует и в произведениях, лишенных историко-политических, экологических и др. конфликтов общественного масштаба. Так, в романе С. П. Залыгина «Тропы Алтая» (1959–1961) от аппендицита умирает девушка. Она участвовала в полевых работах по составлению карты растительных ресурсов Горного Алтая – занималась обмером лиственниц, чтобы опровергнуть мнение некоторых ученых о вырождении породы на Алтае. Девушке в мечтах виделись разросшиеся леса через тысячи лет, она хотела доказать, что «лиственница не умрет никогда и ни за что» (ОА, т. 4, с. 45). Если хвоинки дерева перенесли молодую исследовательницу в далекое будущее, то спил дерева позволял заглянуть «на триста лет назад, на триста вперед» (ОА, т. 4, с. 53) и совершить открытие. Лиственница оказывается проводником во времени, причем совсем не в мистическом, а в научном смысле. Человек смертен, но его вклад в науку и другие виды созидательной деятельности продолжает существовать.

¹²³ Ганущак Н. В. Творчество Варлама Шаламова как художественная система. Сургут, 2005. С. 15.

¹²⁴ Старикова Л. С. Мотив чуда в цикле В. Шаламова «Воскрешение лиственницы» // Вестник КемГУ. 2013. № 4 (56). Т. 1. С. 181.

¹²⁵ Шаламов В. Т. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2: Колымские рассказы. М.: Худож. лит., Вагриус, 1998. С. 275–276.

¹²⁶ Жербер Ж., Эртнер Е. Н. Природа как «место памяти» в русской прозе о ГУЛАГе // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2018. Т. 4. № 4. С. 125.

Связь «лиственница – научное открытие» ранее была установлена в рассказе И. А. Ефремова «Озеро Горных Духов» (1944). Маршрут к чудесному озеру отмечен приметой: «огромная сухая лиственница без сучьев, с двойной вершиной, как чертовы вилы» (ОА, т. 3, с. 386). Казалось бы, описание дерева усиливает мистическую атмосферу повествования. Однако в «графике» лиственницы кроется намек на разоблачение фантастического мира рациональным объяснением происходящего. Контуры дерева изоморфны алхимическому символу ртути – Жезлу Гермеса / Меркурия¹²⁷. Пагубное влияние сказочных духов на здоровье человека на самом деле вызвано парами крупнейшего в мире месторождения ртути. Мистическое и смертельно опасное преобразовалось в научное и общественно полезное: «Волшебное озеро дало и дает Советскому Союзу такое количество ртути, что обеспечивает все потребности нашей многосторонней промышленности» (ОА, т. 3, с. 392).

Мотив преодоления смерти вечной жизнью сопровождает образ дерева в крохотке А. И. Солженицына «Лиственница» (1996). «Диковинность» дерева состоит в парадоксальном единстве противоположностей: хвойное, но осенью осыпается, так же как лиственное; «сердцем» мягка, но «сердцевиной» тверда; гибнет, но весной возвращается. Завершает притчу-параболу (определение жанра М. П. Кизимы¹²⁸) психологический параллелизм – «и люди такие есть»¹²⁹. Совокупность указанных признаков (выбор породы дерева, его чудесность, амбивалентность, соотнесенность с человеком), а также схожий биографический опыт авторов (отбывание срока в лагере по «политической статье») и направленность литературного творчества (лагерная проза) позволяют предположить, что текст А. И. Солженицына ориентирован на претекст В. Т. Шаламова. При интертекстуальном контакте семантика лиственницы приобрела более универсальный, обще-

¹²⁷ *Московкина Е. А.* Образ Алтая в геопозитике ранних рассказов И. А. Ефремова // *Культура и текст.* 2021. № 1 (44). С. 112.

¹²⁸ *Кизима М. П.* Жанровое своеобразие малых форм прозы А. И. Солженицына («Крохотки» 1958–1963, 1996–1999) // *Вестник Томского государственного университета. Филология.* 2020. № 63. С. 191–208.

¹²⁹ *Солженицын А. И.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 557.

человеческий смысл, тогда как соотнесенность дерева с репрессиями и концлагерями ушла в подтекст.

Итак, лиственница занимает «промежуточное» положение в системе дендрообразов Сибири: между вечнозелеными хвойными и листопадными, мужским и женским полом, живым и мертвым. Как и любое дерево, лиственница может быть связана с мифологемой Мирового дерева и сопутствующими древесными мифологемами. Из всех деревьев Сибири лиственница наиболее отчетливо воплощает базовый концепт Сибири как пространства насилия, каторги, ссылки, концлагеря.

1.1.4. Литературная монтанистика Алтая

Восприятие, осмысление, воображение гор в культуре является предметом так называемых «горных антропологий» и «имагинальных географий»¹³⁰. Ментальным основанием «горных антропологий» выступает категория вертикали, ценностно маркированная в зависимости от направленности вверх или вниз (внутри)¹³¹.

Становление русской литературной монтанистики, т. е. традиции описания и осмысления горного пейзажа, началось в эпоху романтизма: «Страна равнинная и степная, по преимуществу озерно-речная, Россия и её словесная культура формировали свою горную и морскую философию, где “чужое” и “свое” корреспондировали друг с другом как внешнее и внутреннее, физическое и духовное, натурфилософское и этико-религиозное, горизонтальное и вертикальное»¹³².

Согласно наблюдениям исследователя, романтическая «горная философия» прошла три этапа. Первый датируется 1810-ми годами, когда «Сибирь, Кавказ воспринимались как органическая часть России и осмыслились в формах имаго-

¹³⁰ *Замятин Д. Н.* Горные антропологии: генезис и структуры географического воображения // Река и Гора: локальные дискурсы. Пермь: Пермский гос. нац. исследоват. ун-т, 2009. С. 156.

¹³¹ Там же. С. 159.

¹³² *Янушкевич А. С.* Русская романтическая монтанистика 1810–1830-х гг. как имагологический и компаративистский текст // Имагология и компаративистика. 2015. № 2 (4). С. 6.

логического дискурса»¹³³, где существенную роль играло описание местного колорита. Символический потенциал кавказского пейзажа, основанный на оппозициях «бездна – высота», «горное – горнее», «горное – дольнее» и др., впервые был раскрыт в творчестве В. А. Жуковского. Как точно отметил А. С. Янушкевич, «Преступление и наказание, жизнь и смерть, любовь и предательство, ропот на судьбу и Бога и смирение с Божьим Промыслом определяют этическую семиосферу монтанистики»¹³⁴. Экзистенциальная проблематика реализуется в сюжете вос-/нисхождения как «перемещени[я] по вертикальной шкале религиозно-нравственных ценностей»¹³⁵, а также в образе монастыря или креста на горе. Второй этап приурочен к рубежу 1820–1830-х годов и связан с колониальным дискурсом (русско-кавказские войны). Третий этап относится к 1830-м годам. В этот период «Кавказ и Сибирь выявили новую форму колониальной политики – борьбу с инакомыслием и формирование мест ссылки и каторги»¹³⁶. На всех этапах горы метафорически визуализируют эстетические, общественно-политические, историософские, философские размышления писателей.

В статьях А. С. Янушкевича¹³⁷ представлена характеристика образов кавказских гор на примере творчества В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева, тогда как сибирские горы упомянуты вскользь. Отталкиваясь от наблюдений и выводов томского филолога, Т. П. Шастина исследовала литературную монтанистику, связанную с Алтаем.

Первые опыты описания алтайских высокогорных ландшафтов принадлежат путешественникам. Публикации историка, исследователя Сибири Г. И. Спасского в «Сибирском Вестнике» (Санкт-Петербург, 1818–1824) по впечатлениям от поездок на Алтай в 1806, 1809, 1813 годах стали прецедентными

¹³³ Там же.

¹³⁴ Там же. С. 9.

¹³⁵ *Лотман Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Лотман Ю. М. О русской литературе. СПб.: Искусство–СПб, 1997. С. 112.*

¹³⁶ *Янушкевич А. С. Там же. С. 7.*

¹³⁷ См. также: *Янушкевич А. С. «Горная философия» в пространстве русского романтизма (В. А. Жуковский – М. Ю. Лермонтов – Ф. И. Тютчев) // Жуковский и время. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. С. 133–161.*

текстами для зарождающейся традиции региональной монтанистики. Сформированный в статьях смысловой комплекс включает сопоставление гор Алтая со Швейцарскими Альпами (от лат. *albus* – белый) и Ливанским хребтом (от финик. *Ibn* – белый, ср. белкí – сибирское название заснеженных горных хребтов, Белуха – наивысшая точка Алтая, 4506 м); наложение словесного пейзажа на архитектурный и живописный (в XIX веке – на живописательные картины В. П. Петрова, Е. Е. Мейера; в начале XX века – на мифопоэтические полотна Г. И. Чорос-Гуркина); семантизацию Алтая как страны первооткрывателей, свободы духа, *terra incognita*¹³⁸. Благодаря Г. И. Спасскому в научной и популярной литературе закрепилось представление, что Алтайские горы – это «экзотическая составляющая имперских пространств, рай для художников и нетронутое поле для ученых»¹³⁹.

Во второй половине XIX века Н. М. Ядринцев подхватил заданную предшественниками географическую аналогию, о чем свидетельствуют, например, название его очерка «Сибирская Швейцария» (1880) и фраза о любовании вершинами «Чуйских Альп»: «Я смотрел на них, как в Швейцарии смотрят на Монблан, Юнгфрау» (ОА, т. 1, с. 337). Областник ввел новый для алтайской монтанистики мотив духовного преображения, реализуемый, во-первых, посредством приобщения рассказчика к чуждому ему мирозерцанию язычников-пантеистов, а во-вторых, – через легендарный сюжет о Беловодье как последнем рубеже «своего», русского в осваиваемом пространстве. При этом цветообразы «белые воды», «си-

¹³⁸ *Шастина Т. П.* Алтайские горы в описании путешествий Г. И. Спасского («Сибирский Вестник») // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6. С. 20–24. В путевой прозе иностранцев горы Алтая описывались при помощи терминологии готической архитектуры и сравнивались с живописью (пре)романтизма – У. Тернера и Сальватора Розы (*Мароши В. В.* Глазами художника: Горный Алтай в травелоге Т. У. Аткинсона // Культура и текст. 2018. 4 (35). С. 181–198). Экфрастическое описание гор Алтая сквозь призму картин Г. И. Чорос-Гуркина характерно для рассказа «Озеро Горных Духов» И. А. Ефремова (*Московкина Е. А.* Образ Алтая в геопэтике ранних рассказов И. А. Ефремова // Культура и текст. 2021. № 1 (44). С. 108–111). Алтай как пространство неведомого рассмотрен также в: *Алексеев П. В.* Алтай как “terra incognita” в трудах путешественников XIX – начала XX вв. // Материалы первого алтаистического форума «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность». Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. С. 242–243.

¹³⁹ *Шастина Т. П.* Горный Алтай: литературное вхождение территории в состав имперских пространств // Филология и человек. 2013. № 1. С. 46.

ние горы», характеризующие реалии местности, становятся метафорами духовной высоты, чистоты, святости¹⁴⁰.

Дальнейшие наблюдения позволили Т. П. Шастиной сделать вывод, что «Горный (Русский) Алтай в светских травелогах сравнивался первоначально с Альпами, в эпоху романтизма – с Кавказом, в миссионерских же текстах превалирует сравнение “Алтай – Афон”, вносящее в геопоэтический образ горного пространства топику святой горы»¹⁴¹. В книге протоиерея М. Путинцева «Алтай» (1883) регион «становится *русским* не только по принадлежности к России, но и по его *русской* вере»¹⁴². В произведении А. И. Макаровой-Мирской «Апостолы Алтая» (1909) Алтай перешел «из географического *горного* пространства в пространство духовное – *горнее*»¹⁴³. В ее же «Алтайских рассказах» (1912) для детского чтения, горные ландшафты становятся пространством житийного чуда, где «горы – алтарь, с которого возносится молитва о спасении или слова благодарности Всевышнему за спасение»¹⁴⁴.

Христианские представления о сакральности высокогорья, охранной функции гор не противоречили мировоззренческим установкам аборигенов-язычников, освещенным в научной¹⁴⁵, популярной и художественной литературе с ярко выраженной этнографической направленностью. В советской литературе 1917–1950-х годов алтайский культ гор и Хозяина Алтая подвергся десакрализации. На первый план вышла тема спортивных (альпинистских, туристических) и хозяйственных экспериментов в экзотической «национальной окраине», сопряженная с эко-

¹⁴⁰ Шастина Т. П. Горный Алтай в публицистике Н. М. Ядринцева // Сибирский филологический журнал. 2013. № 4. С. 74–82.

¹⁴¹ Шастина Т. П. Алтай протоиерея Михаила Путинцева – «...поистине горы Божии» // Макарьевские чтения: материалы XI Международной научно-практической конференции. Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского ун-та, 2016. С. 219.

¹⁴² Там же. С. 225.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Шастина Т. П. Горное и горнее в «Алтайских рассказах» А.И. Макаровой–Мирской // Макарьевские чтения: материалы X Международной научно-практической конференции. Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского ун-та, 2015. С. 385.

¹⁴⁵ См., например: Потапов Л. П. Культ гор на Алтае // Советская этнография. 1946. № 2. С. 145–160.

логической проблематикой¹⁴⁶. Т. П. Шастина относит возникновение неомифологических текстов об Алтае к 1960-м годам. Впрочем, индивидуально-авторские модели, опирающиеся на мифологию коренных народов и старожилов Алтая, возникали ранее указанной даты: в романе В. Я. Зазубрина «Горы» (1933), рассказах И. И. Катаева «Под чистыми звездами» (1937), К. Г. Паустовского «Правая рука» (1943), В. В. Бианки «Она» (1944) и др.¹⁴⁷. В произведениях писателей Горного Алтая XX века Гора является базовой пространственной мифологемой наряду с Рекой и Деревом¹⁴⁸, причем, по мнению И. А. Бедаревой, семантическое наполнение этих архетипов идет по пути нивелировки национальной специфики к общекультурным смыслам¹⁴⁹.

Наивысшая вершина Алтая – Белуха – считается священной горой у народов Алтая и интернациональных последователей Н. К. Рериха¹⁵⁰. Русское наименование проявляет семантику Белухи как варианта Белой горы – мифологической мировой оси, ритуального центра¹⁵¹. Значение оронима подкрепляется нумерологической символикой, поскольку гора – трехглавая. Белуха равноудалена от четырех мировых океанов (Тихого, Северного Ледовитого, Атлантического, Индийского), находится в середине Евразии и потому осмысливается как «пуповина» материка, связанная с космогонией, этиологией и эсхатологией Вселенной¹⁵². Учитывая, что в геополитическом дискурсе, начиная с первой половины XX века,

¹⁴⁶ Шастина Т. П. Алтайские горы: взгляд изнутри в авторских переводах Дибаша Каинчина с алтайского на русский // Казанская наука. 2011. № 11. С. 272.

¹⁴⁷ Литературная мифология Алтая. С. 76–81, 107–131.

¹⁴⁸ Бедарева И. А. Эволюция фольклорно-мифологической системы в русской литературе Горного Алтая. Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского ун-та, 2011. 135 с.

¹⁴⁹ Бедарева И. А. Базовые пространственные мифологемы в русской литературе Горного Алтая XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (64). Ч. 3. С. 20–22.

¹⁵⁰ Жерносенко И. А. Мифологема Мировой Горы как культурообразующий концепт сакральных ландшафтов Алтая // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23847> (дата обращения: 14.08.2023).

¹⁵¹ Элиаде М. Миф о вечном возвращении: архетипы и повторяемость. СПб.: Алетейя, 1998. С. 25–32; Генон Р. Символы священной науки. М.: Беловодье, 2002. С. 243–248; Топоров В. Н. Мировое древо. Т. 2. С. 306–315.

¹⁵² Литературная мифология Алтая. С. 5–7.

Евразия позиционировалась как «центральная суша», «ядерный материк Земли»¹⁵³, сакральная роль Белухи многократно возрастает.

Образ горы/колодца в ритуально-мистическом смысле постоянно возникает в романах алтайского поэта, прозаика, журналиста В. Н. Токмакова. В последнем романе писателя «Танец маленьких королей» (2022) относительно Белой Горы структурируется пространство и время, сюжет и смысл произведения. Специфика художественной краеведческой прозы состоит в том, что она создается на основе «знаний об истории, географии, культуре данного региона»¹⁵⁴, в жанровом отношении представляет собой «гибридный художественно-исследовательский» текст¹⁵⁵.

В. Н. Токмаков избегает определенных географических указаний, однако в традиционной оппозиции «столица – периферия» узнаваемы Москва и Алтайский край. Опорами для идентификации «горной страны» как Алтая становятся имена людей, связанных с данным пространством биографическим и/или легендарным фактом. Так, вскользь упомянуто о встрече одного из героев с «немцем-басурманом» «с непонятной фамилией Гетлих или Геблер» (с. 46)¹⁵⁶. Конечно, речь идет о выдающемся ученом-естествоиспытателе, географе, исследователе Алтая и враче Фридрихе Августе фон Геблере (1781–1850, Барнаул). Еще одно лицо – известный вор, разбойник и сыщик Ванька-Каин (1718–после 1755) – в альтернативной версии его судьбы оказывается сосланным не просто в Сибирь, а именно на алтайский Змеиногорский рудник. Эта полулегендарная фигура стано-

¹⁵³ *Замятин Д. Н.* Метагеографические оси Евразии // Полис. Политические исследования. 2010. № 4. С. 22–47.

¹⁵⁴ *Козлова С. М.* Краеведческий роман: к проблеме жанра. На материале прозы С. К. Данилова и В. Н. Токмакова // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. Вып. 9. С. 109.

¹⁵⁵ *Замятин Д. Н.* Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 3. С. 29.

¹⁵⁶ Здесь и далее до конца параграфа в круглых скобках указаны страницы по изданию: *Токмаков В. Н.* Танец маленьких королей: страшная новогодняя сказка. Барнаул: Алтай, 2022. 304 с.

вится прообразом героя местного фольклора – неуловимого беглеца Сороки (с. 156).

В романе развернуто представлена история Александра Петровича Кайгородова (1887–1922). Уроженец Алтая, сын русского крестьянина-переселенца и теленгитки, он получил офицерское звание во время Первой мировой войны. Во время Гражданской войны на Алтае выступал против красных. Кайгородов связан с главной темой романа – вечной битвой добра и зла: «Он боролся с большевиками как с абсолютным злом, а не как с политической силой» (с. 126). Захваченный в плен красноармейцами, А. П. Кайгородов был обезглавлен¹⁵⁷ Иваном Ивановичем Долгих (1896–1956), которого в свое время при сходных условиях пощадил. Известно, что в 1930-х годах, работая в системе ГУЛАГ, Долгих внес вклад в развитие альпинизма на Алтае: в 1935 году руководил массовыми восхождениями на Белуху. В мире романа совокупность данных реальных обстоятельств осмысливается как очередная попытка «захвата» Белой Горы силами зла. Опираясь на исторические прототипы и достоверные сведения, В. Н. Токмаков умело расставляет акценты и смешивает правду с вымыслом, чем добивается эффекта подлинности своего сюрреалистического мира.

Важнейший из персонажей, имеющих прототипы, – отец Макарий, собирательный образ христианского подвижника. Как известно, во время службы на Алтае М. А. Невский (при рождении – Парвицкий, 1835–1926) считал высоким примером миссионерского служения основателя Алтайской духовной миссии Макария Алтайского (М. Я. Глухарева, 1792–1847) и потому при постриге в 1857 году принял имя почитаемого проповедника и ученого (а также прп. Макария Велико-

---

¹⁵⁷ О связи образа крепости на горе с мотивом декапитации см.: *Полтавец Е. Ю.* Роман А. С. Пушкина «Капитанская дочка». М.: Изд-во Московского ун-та, 2018. С. 24–55. История смерти Кайгородова является знаковым сюжетом алтайского текста. Так, в романе В. Я. Зазубрина «Горы» (1933) офицер выведен под фамилией Огородов. Остатки его отряда засели в Кобанде (реальная Катанда) – практически неприступном горном поселении. Для неожиданного захвата противников красноармейцам пришлось совершить переход через Теректинский хребет, что в литературе 1930-х гг. сравнивалось с героическим переходом А. В. Суворова через Альпы.

го Египетского, ок. 300–391)¹⁵⁸. Согласно преданию, вскоре ему во сне явился прп. Макарий (Глухарев) с ободряющими словами¹⁵⁹. Со временем Макарий (Невский) стал новым «апостолом Алтая», как называли его предшественника современники¹⁶⁰. В романе преемственность имен разных людей преобразуется в вечную жизнь одной личности. Тому есть основания, восходящие к древним представлениям об имени как средоточии сущности человека и заданности его судьбы¹⁶¹.

В произведении В. Н. Токмакова информация о деяниях отца Макария представляет собой сплав рационального и иррационального: протокольной записи домыслов; реалистичного нарратива, оборачивающегося сказкой и мифом; бессилia науки в объяснении чуда.

В найденных героем архивных папках с протоколами допросов зафиксированы противоречивые слухи о Макарии: он и борец с бесами, миссионер-чудотворец, и схимник, и выходец из хлыстов, ясновидец, добровольный сотрудник сыскного отделения в качестве охотника на сектантов-еретиков, и раскаявшийся беглый каторжник, преобразившийся в святого, и земное воплощение архангела Гавриила, а главное – искатель и затем хранитель Книги Волхвов. Здесь актуализируется популярный в средневековой западноевропейской словесности мотив поиска Грааля, весьма востребованный современной мировой литературой. Согласно Р. Генону, «...Грааль есть одновременно чаша (grasale) и книга (gradale или graduale)» – символический эквивалент Сердца Христа¹⁶². В альтернативной реальности романа магический манускрипт представляет собой апокриф

¹⁵⁸ Сечина Н. Митрополит Московский и Коломенский Макарий (Невский), 1835–1926 // Макарий (Невский), митрополит Московский. Избранные слова, речи, беседы, поучения. М: Моск. подворье Свято-Троиц. Сергиевой лавры: Отчий дом, 1996. С. 3–28. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Makarij_Nevskij/#_2 (дата обращения: 09.02.2023).

¹⁵⁹ Завидов Д. С., Крейдун Ю. А. О личности святителя Макария // Бийск Православный: к истории Православия в городе Бийске Алтайского края. Бийск: Бия, 2006. С. 90.

¹⁶⁰ Нестеров С. В. Словом и житием наставляя: жизнь и тр. преп. Макария Алтайского. М.: Православ. Свято-Тихон. гуманитар. ун-т, 2005. 540 с.

¹⁶¹ Флоренский П. А. Имена. СПб.: Авалонь: Азбука-классика, 2007. 332 с.

¹⁶² Генон Р. Символы священной науки. С. 45.

об Иисусе Христе, включающий описание жизни Мессии в Индии и Тибете, а также молитвы, заговоры и заклинания, благодаря которым совершались чудеса изгнания бесов, превращения материи, воскрешения (с. 121). В этом отношении интересен диалог между следователем и профессором, доктором исторических наук по поводу собранных чекистами данных:

«– Можно ли верить данной информации?»

– Ни в коем случае! Помилуйте, это же народная молва. Легенды, сказки, преданья старины глубокой, так сказать...

– Вы лично верите?

– Безусловно!..» (с. 31)

Собственно, весь роман представляет собой совокупность принципиально недоказуемых сведений, которым остается только верить – и героям, и читателям.

Путешествие Макария по горам Алтая в поисках книги моделируется согласно фольклорной традиции перемещения на «тот свет»¹⁶³. Искомое место характеризуется как «далекая и неизвестная дикая страна», недоступная «ни одному истинному христианину» (с. 44), добраться до нее можно только с вожатым. Примечательно, что в этой роли выступает крещеный алтаец, названный в честь св. Николая, проводника душ в народных поверьях. Алтаец хромот. Данный дефект в мифологическом контексте является знаком божественной избранности («Если бы ты не сломал ногу, то не стал бы тем, кем стал, а спился, как другие», с. 41) или хтонической природы (св. Николай восходит к языческой демонологии¹⁶⁴). К финалу в романе появится четвертый Волхв, ставший на сторону зла, который обиженно скажет: «Я <...> вел отца Макария... И что получил взамен?» (с. 44). Имена персонажей созвучны: Николай – Нихиль («ничто»). Значит, в первой неудачной попытке добыть книгу Макария сопровождает амбивалентная сила.

¹⁶³ Славянская мифология: энциклопедический словарь. М.: Международные отношения, 2002. С. 462–463.

¹⁶⁴ Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. Т. 2. К–Я. М.: Российская энциклопедия, 1994. С. 217.

Тайная деревня расположена высоко в горах, за малопроезжим лесом, над ней вечно светит солнце, дворы безлюдны и лишены домашней живности. Охраняет волшебную книгу могучий мужик с ярко-рыжими волосами. Макарий узнает в нем поволжского крестьянина Василия Власатого, реально существовавшего проповедника самоистребления, от учения которого в XVII веке пошла практика самосожжения – «огненного крещения» (с. 44). Листовки о розыске фанатика в романном мире висят «во всех околотках Руси» (с. 50). А. Н. Токмаков намеренно допускает анахронизм: в художественном времени Макарий и, соответственно, Василий существуют в начале XX века. В облике мужика прочитывается солярный бог, который с легкостью отмахивается от претензий Макария на книгу и подытоживает: «... проверь для начала свою веру» (с. 51). Тяжелораненый Макарий спасается благодаря Николаю. С трудом выздоровев, герой отправляется пешком в Оптину пустынь, где получает прощение грехов, избавляется от гордыни и укрепляет веру. Преображенный, он возвращается в горную страну в 1917 году и с помощью трех Волхвов добывает реликвию. В начале 1920-х годов отец Макарий с Книгой Волхвов оказывается в отряде Кайгородова, однако не участвует в братоубийственной борьбе: «Макарий не мог рисковать тем, что досталось ему с таким трудом и что не должно было попасть в руки ни красным, ни белым. Ибо ни у тех, ни у других не было права убивать» (с. 127).

Хранитель книги приобретает волшебную силу и бессмертие. На черно-белой любительской пленке, сделанной этнографом на Алтае в 1970-х годах, запечатлено вознесение Макария: «...бородатый и босой старик в рваной рясе плавно отрывается от земли и парит в воздухе. <...> Старик-священник медленно, раскинув крестом руки и задрвав к небу изможденное лицо, поднимается все выше и выше» (с. 121). Понятно, что ученые не могут рационально объяснить этот феномен. Как и неоспоримый факт, что священнику в те годы было уже более 100 лет. Последнее появление отца Макария в романе связано с передачей книги новому хранителю – Максиму (преемственность подчеркивается совпадением начальных букв имен персонажей).

Главный герой, Максим Гадунов, приехал в столицу из алтайской провинции (по некоторым признакам опознаются города Яровое, Барнаул). Он по очереди существует в двух мирах (столичный город и Белая Гора), причем переход из одной реальности в другую осуществляется через лифт, сон, обморок и смерть. Жизнь в городе иллюзорна, подлинное существование – на Горе: «А я только теперь и живу по-настоящему ..., в той, другой жизни все кажется не очень умелыми декорациями, а люди – манекенами» (с. 109).

Мифопоэтическая функция священной Белой Горы в романе традиционна: «Место, где, не прекращаясь, идет битва Добра и Зла»¹⁶⁵ (с. 70). Исайя Лемех, который возглавит оборону Горы (посмертно, в ином мире), в 1930-е годы пророчествует о грядущей Второй мировой войне: «Живые и мертвые увидят на склонах Горы войско Сатаны, а на вершине – Христово войско. Никто не знает, сколько будет продолжаться битва, и кто победит, но каждый человек должен определиться, с кем он?» (с. 39). Имя персонажа, его портрет, речь и роль («Взгляд бесстрашный и обличающий, как у библейских пророков...», с. 32) отсылают к ветхозаветному прототипу. Фамилия «Лемех» означает часть плуга (орало) и является криптограммой крылатого выражения из книги пророка Исаяи¹⁶⁶: «Перекуют мечи свои на орала» (Ис. 2:4). Речь персонажа перефразирует слова пророка о горе: «И будет в последние дни, гора дома Господня будет поставлена во главу гор и возвысится над холмами, и потекут к ней все народы» (Ис. 2:2). В отличие от библейского текста, где говорится о наступлении полного мира на Земле, в романе акцент поставлен на «последних временах», предшествующих миру.

Война, о которой вещает Исайя Лемех, – не первая и не последняя, поскольку на Горе находятся люди «в военной форме всех эпох и народов» (с. 90). На вершине с незапамятных времен стоит многоярусный Ноев Ковчег, в котором

¹⁶⁵ Ср. с аналогичной ролью Белой горы в: *Фирсова А. В.* Белая гора – сакральный ландшафт Пермского края // Река и Гора: локальные дискурсы. С. 37.

¹⁶⁶ В номинации персонажа, полагаем, содержится аллюзия на тот факт, что архимандрит Макарий (Глухарев) перевел на русский язык Книгу Исаяи. В романе отец Макарий и Исайя Лемех косвенно взаимодействуют.

хранятся архивы за тысячи лет военных действий. Сюжет о потопе является едва ли не обязательным в общекультурной мифологии и мифопоэтике горы (с. 310), поэтому естественно, что автор не прошел мимо него.

Белая Гора нигде однозначно не локализована. Сектанты иеговисты-ильинцы, о которых рассказывает отец Макарий, верят, что «Иегова и Сатана одинаково сильны, ведут друг с другом непрекращающуюся борьбу. В конце времен произойдет решающееся сражение. И здесь, в горах, установится Иерусалимская республика, истинный рай на земле» (с. 43). Известно, что в исторической реальности последователи Н.С. Ильина (1809–1890) жили на Урале, в Средней Азии, на Кавказе и Украине. Однако в романном мире «горы», как было показано выше, географически отнесены к Алтаю. Когда Максим описывает открывшийся с вершины Белой Горы пейзаж, он сравнивает его с картинами: «На фоне пронзительно голубого неба со всех сторон – величественные заснеженные пики. Горы кругом, покуда хватает глаз, – огромные, фактурные, загадочные. Нездешние и непокоренные. Такие есть только на картинах Рериха» (с. 100). Монтанистика художника включает горы Алтая, но в большей степени – Гималаи (более 500 работ). Образы гор в творчестве Н. К. Рериха символичны, воплощают идею *духовного* восхождения. Закономерно, что на вопрос о местонахождении Белой Горы, дан ответ: «Она везде... . Она в каждом из нас...» (с. 39).

На вершине Белой Горы расположен вход в древний лабиринт, в недрах которого спрятана Книга Волхвов. Образ сокровищ типичен для горной мифологии. Пещера (антигора) и лабиринт в трудах исследователей религий рассматривается как пространство инициации¹⁶⁷. Странствие Максима по лабиринту сначала регулируется картой, напоминающей «зеленое ветвистое дерево», вписанное в белый треугольник (традиционный символ горы) (с. 213). Данный образ опирается на универсальную концепцию горы как варианта мирового древа¹⁶⁸. Особенность ла-

¹⁶⁷ Генон Р. Символы священной науки. С. 229–238 ; Керн Г. Лабиринты мира. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 20–21.

¹⁶⁸ Топоров В. Н. Мировое древо. Т. 2. С. 307.

биринта заключается в том, что это путь не только в пространстве, но и во времени: «...некоторые встречали там умерших знакомых или родственников. А то самих себя» (с. 218). Одновременно и пещера, и лабиринт являются аналогами человеческой психики, внутреннего мира, где разум и логика уступают место инстинкту и интуиции. Герой теряет карту и дальше идет наугад. Его действия приобретают все более архаичный ритуальный характер: он танцует и хохочет, как ребенок. Известно, что смех и танец, особенно в связи с лабиринтом, имеют непосредственное отношение к древним обрядовым практикам¹⁶⁹. Герой ощущает себя во сне. Здесь, возможно, содержится аллюзия на христианскую легенду о семи спящих отроках, одного из которых звали Максимилиан. Замурованные в пещере гонителями христианства, отроки спали более 300 лет, проснулись при благочестивом правителе и стали живым символом смены эпох¹⁷⁰. Ближе к центру лабиринта герой обнаруживает на стенах письма, его путь становится процессом чтения и самоосознания: «...я сам – всего лишь слова каменного дневника. Меня тоже кто-то пишет» (с. 227). Путем невероятных усилий Максим достигает центра и видит хранителя Макария с фолиантом. Максим опоздал, злые силы рвутся за ним сквозь ворота. Герою остается только один путь спасти рукопись – прочитать и съесть: «Книга теперь была во мне, я становился книгой» (с. 236).

В романе создается система эквивалентов: гора – дерево – лабиринт – танец – книга – человек. Сюжет о спасении Белой Горы и мира совмещен с сюжетом об инициации человека. Образ лабиринта ретроспективно помогает понять композиционную особенность романа. Нагорная жизнь, будучи истинной, – неизменна, тогда как каждое возвращение героя в фиктивную реальность города представляет собой слегка измененный вариант его судьбы (отношения с Катей, квартирный вопрос и пр.), т. е. уподоблен тупиковому отрезку лабиринта. Сложно устроенный текст романа лабиринтоподобен. Финальное преобразование заключается в разде-

¹⁶⁹ Элиаде М. Миф о вечном возвращении. С. 48–49 ; Керн Г. Лабиринты мира. С. 16–19 ; Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. СПб.: Алетейя, 1997. 282 с.

¹⁷⁰ Мифы народов мира. Т. 2. С. 426–427.

лении личности героя и распаде двоимирия на параллельно существующие реальности: человек-книга среди горной вечности (утопическое пространство) и водитель грузов по Горной Республике (географическое пространство). Городское пространство при этом исчезает. Дурная бесконечность перевоплощений на «ближайшую тысячу лет» (с. 237) останавливается. Соответственно, прекращается повествование: «...рукопись обрывается...» (с. 238). Писатель создает индивидуально-авторскую мифологию места, считает Алтай проекцией сакрального бытия. Горная антропология в романе метафорически обобщает историко-социальные и философско-психологические конфликты человечества.

Итак, алтайская литературная монтанистика имеет свою историю, совпадающую с общесибирской динамикой геопозитических образов: от обобщенной абстрактности к детальной конкретизации¹⁷¹; от реалистичных описаний к собственно художественным – метафорическим и символическим. Для произведений об Алтае почти не характерен специфичный для уральского текста теллурический (от лат. *Tellus* – земля) код, предполагающий устремленность в глубину¹⁷². Исключение составляют тексты о Рудном Алтае и мистическо-краеведческие романы В. Н. Токмакова. Сюжетно-мотивный комплекс, связанный с образами алтайских гор, в большей степени предполагает устремленность вверх. Аналогом физическому восхождению выступает мотив преобразования души, реализуемый даже в том случае, если фактически герой падает, как в рассказе В. Я. Шишкова «Алые сугробы» (см. параграф 2.2.1), или спускается в недра горы, как это произошло в романе В. Н. Токмакова «Танец маленьких королей».

---

¹⁷¹ *Рогачева Н. А., Драчева С. О., Медведев А. А.* Историческая динамика поэтической образности в сибирском тексте русской лирики XVIII – начале XX вв. // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 1. С. 127.

¹⁷² *Абашев В. В.* Русская литература Урала. С. 25.

1.2. Семантика тверди и воды в романе В. Я. Зазубрина «Горы»¹⁷³

В романе В. Я. Зазубрина «Горы» (1933) акцент поставлен на горном и водном аспектах образа Горного Алтая. Не случайно писатель включил в роман песню шамана, в которой есть слова: «Чистый Алтай, земля-вода, будет ли вечным пламенный очаг в небе?» (ОА, т. 3, с. 57). Автор опирается на мифологические представления коренных народов, при этом в его собственной картине Алтая границы между очерченными семантическими ореолами воды / горы, а также внутри оппозиции «твердь – жидкость» оказываются размытыми и неочевидными, что является признаком мифопоэтического текста.

В художественном мире романа можно выделить реальные как поименованные, так и безыменные реки и горы. Упомянуты водные артерии Алтая и Сибири: Обь, Бия, Катунь, Енисей, а также Телецкое озеро. Названы мелкие речки (Погорелка и Банная, притоки Талицы) и ключи (Крутой, Медвежий, Девичий). Среди гор обозначены Чупрачиха, Шебнюха, Воструха и Оградная вокруг долины, где расположены Белые Ключи, а также самая главная вершина региона – Белуха. Все эти объекты подвергаются семантизации, вступая в актуальный историко-политический и / или вневременной мифологический контекст.

Горный «сюжет» взаимодействия истории и мифа в романе описан А. И. Куляпиным. Исследователь обозначил четыре архаических претекста о горах, лежащих в основе мифопоэтики В. Я. Зазубрина. Это легенды о Беловодье, сказания об Александре Македонском, Книга пророка Исаии и тангутское предание о богинях Ане-гома-джаму и Нчжигму. Село Белые Ключи, окруженное оградой гор, – воплощение сказочной страны изобилия и свободы, но грешные люди превратили земной рай в ад. Статус преступных «сынов Иафетовых», заточенных Македонским в горах, приобретают то белые, то кулаки¹⁷⁴, то большевики. Каж-

¹⁷³ Результаты апробированы в: *Богумил Т. А.* Семантика тверди и воды в романе В. Я. Зазубрина «Горы» // Текст и контекст: литературно-культурные связи. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2021. С. 70–80.

¹⁷⁴ «Белая гвардия вершин колола глаза нестерпимым блеском ледяных штыков. <...> Белая

дая из противоборствующих сил в определенный момент истории оказывается деструктивной. Мифологема «горы господней» из Книги пророка Исаяи трансформируется В. Я. Зазубриным в политический миф о возникновении из первозданного хаоса войн и революций новых сакральных гор – коммун: «Коммуны росли пока вулканическими островами в океане единоличных хозяйств. Коммунист подумал, что они – первые куски суши, которая скоро поднимется высочайшими горами» (ОА, т. 3, с. 162). Однако при сопоставлении библейской мифологемы с тибетским космогоническим мифом демиургическая деятельность большевиков прочитывается радикально иначе, как трикстерский акт. Великая цель – всех сделать равными – обернулась новым социальным неравенством и раздором. Таким образом, инвариантом воплощения обозначенных мифов в истории является превращение светлой утопии в эсхатологию¹⁷⁵.

Итак, перекодировка архаичных горных образов в социально-политический модус лежит в основе неомифологической модели романа. Подобная логика прослеживается и при анализе функции воды в произведении. Примечательно в свете нашего интереса, что тангутское предание об иерархии человеческого общества (богатые / бедные) толкуется кулаком Андроном с помощью образов тверди и воды: «Гор бы не было, реки не текли бы. Все будут равны, работать никому не захочется» (ОА, т. 3, с. 179). Динамический аспект воды в романе многократно обыгран как в сфере психики и частной судьбы персонажей, так и в историческом контексте.

Путь Безуглого из Новосибирска на Алтай лежит по реке Обь. Пространственное передвижение сопровождается перемещением во времени: плавание на пароходе становится своего рода триггером, запустившим механизм воспоминаний героя о первом пребывании на Алтае. Вторично автор прибегает к этому при-

---

гвардия стояла кругом, как галерка. Она гоготом и гулом отмечала каждое падение – бойца, коня или обоих вместе» (ОА, т. 3, с. 33) ; «Синие горы с снежными вершинами расселись по всему горизонту толстыми алтайскими баями в белых бараньих островерхих шапках» (ОА, т. 3, с. 41).

¹⁷⁵ Литературная мифология Алтая. С. 107–114.

ему, когда Безуглый едет на лошади «вдоль мелководной, шумливой речки» (ОА, т. 3, с. 166) и в дреме словно проезжает «через всю свою жизнь» (ОА, т. 3, с. 166). Обь и безыменная речка оказываются эквивалентны в единой повествовательной функции перехода из настоящего в прошлое. Сквозь реальные объекты просвечивает инвариантный архаический образ реки памяти. Мемориальный нарратив, обусловленный древним отождествлением реки и речи¹⁷⁶, в итоге выводит на откровение подсознания: «Мощное течение качало его, как тонкую камышинку» (ОА, т. 3, с. 167). Субъективное ощущение героя выражено в образе, восходящем к философской формуле человека – «мыслящий тростник» (Б. Паскаль). В русской поэзии, начиная с Ф. И. Тютчева, образ колеблемого стихией тростника является моделью человеческой личности в ее непростых отношениях с природой и судьбой. Зависимость жизни Безуглого от превосходящих его сил обозначена водно-горными метафорами. Так, максимальный ужас герой испытывает, когда стоит на берегу реки и думает, что его жена утонула: «Человек стоял на краю обледенелой серебряной пустыни. Холод сковал у него все тело. Он закричал протяжно и хрипло» (ОА, т. 3, с. 127). Или, например, случай с фуражкой «разрастался в событие, подобно снежному кому, пущенному с горы» (ОА, т. 3, с. 199). Прогнозируемый итог навета о дворянском происхождении Безуглого в тех исторических реалиях весьма печален.

Если Безуглый в реке жизни чувствует себя камышинкой, то совсем иначе позиционирован его идеал – Сталин. Портрет в сельсовете изображает вождя в аналогичном пейзаже – на берегу «пустынного, замерзшего Енисея» (ОА, т. 3, с. 118). Рисунок преисполнен знаками успеха и власти: «Сталин смеялся, курил трубку и играл золотыми осетрами» (ОА, т. 3, с. 119). Туруханская ссылка, что характерно для Сибирского текста, прочитывается в данном экфрасисе как локус преобразования социального отщепенца – ссыльного революционера – в нового мессию, «ловца человеков» и хозяина природы. Амплуа удачливого рыбака явля-

---

¹⁷⁶ Ср.: «Чашегоров читал на один лад о радостях и о страданиях, мерно перевертывал страницы. Голос его жужжал, как вода в камнях, бумага шелестела тихими волнами» (ОА, т. 3, с. 170).

ется парафразом евангельского эпизода о призвании Христом апостолов Петра и Андрея. Сталин в романе наделен демиургическими чертами. Экфрасис ориентирован на иконографическую традицию¹⁷⁷. Одновременно в образе вождя проступают демонические черты. Во-первых, согласно Иоанну Златоусту и последующей средневековой традиции, Христос никогда не смеялся. Во-вторых, в описании осетров подчеркнуто, что лед на рыбах блестел, как золотые монеты, что ассоциативно отсылает к Золотому тельцу и мотиву сотворения кумира.

В левой руке вождь держит «связку больших жирных осетров» (ОА, т. 3, с. 119). В контексте романа подобная эмблематическая деталь возникает в описании алтайской старухи. На ее поясе гремит связка больших ключей от отсутствующих сундуков с богатствами. Дочь старухи, коммунистка Темирбаш, соотносит ключи с реками: «Вот ключи к нашим богатствам. Они звенят на поясе у хана Алтая» (ОА, т. 3, с. 56). Она имеет в виду экономический потенциал водных ресурсов страны – проект алтайской гидроэлектростанции. Для литературы начала 1930-х годов, как известно, характерен утопический преобразовательный пафос по отношению к природе¹⁷⁸. Симптоматично, что в романе упоминается о проекте гидроцентрали на Золотом озере (Телецкое. – Т. Б.), о работах по электрификации Алтая (ОА, т. 3, с. 102), о планах англичан-концессионеров поставить турбину на Талице (ОА, т. 3, с. 51). Авторская позиция двоится. С одной стороны, положительные герои романа радеют за техническое обуздание воды, подчинение ее инженерным замыслам, с другой, – демонстрируются последствия подобного потребительски-насильственного отношения к природе со стороны иностранных арендаторов. Так, Дитятин упоминает, что отсудил у англичан реку Звончиху: «Они ее совсем было зачертили в плане своей концессии» (ОА, т. 3, с. 126). Или: «Талица около Марьяновского рудника текла медленнее, мутнела, зеленела. Можно было подумать, что в ней растворяется зеленая руда, кучами лежащая на берегах, на

¹⁷⁷ *Проскурина Е. Н.* Поэтика Владимира Зазубрина: жанровые, сюжетные проекции. М.: Новый Хронограф, 2020. С. 136–137.

¹⁷⁸ *Эпштейн М. Н.* Поэзия и сверхпоэзия: О многообразии творческих миров. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. С. 299–304.

улицах и на площади поселка» (ОА, т. 3, с. 128). Имплицитно полемизируя с государственной стратегией, Зазубрин задает экологический вектор оценки происходящего: «За индустриализацию я головой, а, сказать по чистой совести, сердце знобит, как вздумаю, что станется с Алтаем» (ОА, т. 3, с. 122), – говорит Дитятин. Ранее, в публицистике 1926 года, Зазубрин ярко выступал за советскую индустриализацию: «Пусть рыхлая, зеленая грудь Сибири будет одета цементной бронью городов, вооружена каменными жерлами фабричных труб, скована тугими обручами железных дорог. Пусть выжжена, вырублена будет тайга. Пусть вытоптаны будут степи. <...> Ведь только на цементе и на железе будет построен железный братский союз всех людей...»¹⁷⁹.

«Мерцательность» авторской точки зрения неоднократно подчеркивалась исследователями: «...двойственность – двоemiрие, двойничество, двоемыслие – стало чертой его характера и творчества»¹⁸⁰; «Субъективно он, видимо, задумывал создать произведение о соцреалистическом преобразовании некогда отсталой окраины России. Объективно получилось нечто иное»¹⁸¹; «...стараясь соответствовать советскому идеологическому канону, он не в состоянии изменить своему “внутреннему человеку”»¹⁸².

Перелицовка «модальност[и]» своего сюжета из гуманистической в агитационно-пропагандистскую»¹⁸³, осуществленная при написании романа «Два мира» (1921), затрудняет создание последующих произведений Зазубрина, а для читателя делает проблематичным выявление непротиворечивой авторской позиции.

Например, антагонист коммуниста Безуглова Андрон Морев комментирует план англичан по устройству гидротурбины так: «...не дастся им река. <...> Ну мужики ково сделают, когда вода чертомелит – берега дрожат» (ОА, т. 3, с. 51). Позднее, обсуждая коллективизацию, Андрон использует практически те же сло-

¹⁷⁹ Первый Сибирский съезд писателей // Сибирские огни. 1926. № 3. С. 224.

¹⁸⁰ Яранцев В. Последняя ночь Зазубрина // Москва. 2011. № 7. С. 195.

¹⁸¹ Куляпин А.И. История и миф в романе В. Зазубрина «Горы». С. 108.

¹⁸² Проскурина Е. Н. Поэтика Владимира Зазубрина. С. 10.

¹⁸³ Там же. С. 26.

ва: «– Не век же, поди, река дурить будет, чертомелить, корежить все?». Протагонист, угрожающе щелкнув затвором, отвечает: «– Она войдет в берега <...>, но потечет по новому руслу» (ОА, т. 3, с. 70). Понятно, что не столько об англичанах и реальных реках шла речь ранее. Используется чрезвычайно популярная в советской литературе метафора «бурная река – революционный период истории». Преобразовательная деятельность иностранцев соотнесена с утопическими проектами советского государства. Негативная оценка происходящего, вложенная автором в уста предусмотрительно дискредитированного кулака, все же делает сомнительным итог строительства коммунизма.

Чаще всего в мире Зазубрина встречаются не названные горы и реки. Особое место в романе занимает река Талица, формально поименованная, но фактически, в силу того, что такое название носит более 49 рек России¹⁸⁴, приобретающая обобщенный статус Реки. Вокруг Талицы так же, как и вокруг мифологемы горы, концентрируются основные смысловые токи романа.

Этимология гидронима прозрачна, связана с характерным для Горного Алтая происхождением рек от таящих ледников: «В вершинах гор рождались льды и воды» (ОА, т. 3, с. 31), «...на горах кипел и плавился снег» (ОА, т. 3, с. 54), «В темной тайге таял снег и с шорохом сползал небольшими оплывинами. Под ним звенели ручьи. Вода сочилась из камней, каплями стучала и булькала с круч. Переполненные каменные посудины текли через края. Вода расплескивалась по склонам, лилась из расщелин. В скалистых глубинах гремела Талица. Под ее волнами с ворчаньем катилась вторая река из камней» (ОА, т. 3, с. 52–53).

Универсальность связанных с Талицей ситуаций и событий подчеркнута автором: «Долина Талицы была захвачена русскими одной из последних. В меньших размерах история ее слово в слово повторила историю заселения всей страны» (ОА, т. 3, с. 67). Объяснение названия одного из притоков Талицы в данном ракурсе также приобретает всеобщий характер: «На Погорелке у кержаков был бой с войсками Екатерины. Во время сражения деревня и лес на реке выгорели.

¹⁸⁴ Государственный водный реестр. URL: <http://textual.ru/gvr/> (дата обращения: 09.07.2023).

С тех пор реку и стали звать Погорелкой» (ОА, т. 3, с. 50). Эпизод местной истории – частное проявление истории заселения Сибири. Более того, все, что происходит в долине, повторяет историю человечества: «...жизнь первых человеческих скоплений зарождалась здесь, в яйцевидных чашах-долинах. Отсюда людские множества начинали свое победное наступление. Человеческое море растекалось по поверхности земли, заливало все впадины, поднималось к вершинам» (ОА, т. 3, с. 47).

Первособытие русской истории у Талицы связано с архетипическим единством жизни и смерти¹⁸⁵. Магафор, дед Андрона, 90 лет назад пришел с Поморья, топором зарубил своих товарищей, насильно овладел женой одного из них. Утром новая ячейка общества принялась строить дом. Сын Магафора, отец Андрона Агатим «умел прятать концы в воду» (ОА, т. 3, с. 68) – перед расчетом топил туземцев-батраков. Невеста Андрона Сусанна утопилась в Талице, лишь бы не выходить за него замуж (ОА, т. 3, с. 174).

Когда Безуглый плывет на пароходе по Оби, он вспоминает, как чуть не погиб в водах Талицы: раненый упал в горную реку, воды которой спасительно вынесли его на камень. «Я ведь тебя, как дите, с реки на руках принес, от бандитов схоронил» (ОА, т. 3, с. 27), – пеняет ему Андрон. Во втором воспоминании речь идет о том, как у реки Андрон убил медведицу с медвежонком. Вечером Безуглый сливается в порыве страсти с уподобленной медведице Анной, будущей женой и матерью его ребенка. В финале романа конь Андрона покалечит сына Безуглого, жена будет на пороге смерти из-за подпольного аборта. Некоторый оптимизм в отношении дальнейшей судьбы семьи Безуглова (роман «Горы» является вторым

---

¹⁸⁵ Вода, одна из фундаментальных стихий мироздания, в мифологии выступает как первоначало и финал мира (Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М.: Рос. энциклопедия, 1994. С. 240). Ср. о море в романе: «Море в окошко мне хлещет и качает меня, как мать дите» (ОА, т. 3, с. 116). «Ночь коротати на глубоком дне», – поют старообрядцы-кулаки песню о море: «Они точно смотрели на дно водяной своей могилы и томились предчувствием гибели» (ОА, т. 3, с. 184).

в ненаписанной трилогии¹⁸⁶) вносит предваряющий трагические события эпизод переправы через Талицу: «Река сомкнула над головами людей тяжелую воду. На поверхности не осталось ничего. <...> С другого берега донесся звонкий голос Анны:

– Чего орешь, дурной, выплыли мы!» (ОА, т. 3, с. 127).

Хронотоп переправы в мире Зазубрина связан не только с древним универсальным смыслом – переход из жизни в смерть и наоборот, но и с другими, не менее типичными мотивами. На бийской переправе герой неожиданно сталкивается со старым другом (ОА, т. 3, с. 35) – мотив встречи. Переправа метафорически увязывается с дружественностью, нахождением сомышленников, спасением от социальных конфликтов: «Собрание колыхалось, как безветренное озеро. Головы листьями лежали на воде. Безуглый вглядывался, словно искал брод. Берег трибуны казался ему слишком удаленным. <...> Над безликой гладью поднялись плечи, глаза своих...» (ОА, т. 3, с. 48).

Переправа через Катунь дополнена исторической деталью, напрямую связанной с целью поездки Безуглова в горы: крестьяне с руганью и криком заводили на паром тяжелые обозы с хлебом (ОА, т. 3, с. 37). Страна переходит на новый экономический формат – от нэпа к коллективизации, эмблемой чего выступает переправа обозов с хлебом через реку. Широко известно в ту эпоху было высказывание В. И. Ленина по другому историческому поводу: «...кажется что это борьба только за хлеб, но на самом деле это борьба за социализм»¹⁸⁷. Трудность совершающего исторического преобразования передана метафорой: «Река набухла толстой голубой жилой» (ОА, т. 3, с. 37).

¹⁸⁶ Из письма М. Горькому в 1931 г.: «“Горы” есть вторая книга трилогии. Первая на монгольском материале («Золотой баран. – Т. Б.») – строительство интернационала, вторая, известная Вам, – строительство колхоза и совхоза, третья – постройка или перестройка семьи, дома» (Цит. по: *Проскурина Е. Н.* Поэтика Владимира Зазубрина. С. 111).

¹⁸⁷ *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 36: Март-июль 1918. М.: Изд-во политической лит-ры, 1974. С. 449. Фраза относится к борьбе за хлеб в 1918 г., т. е. в период военного коммунизма. Но в соцреалистическом контексте, подобно другим репликам вождя, приобрела функции «крылатой», применяясь по случаю, уходя в подтекст.

Мифопоэтика романа строится на архаическом тождестве природы и человека, небесного и земного, на взаимозаменяемости воды, крови, молока, меда, вина, расплавленного металла: «В прежнее время на Алтае <...> Горы поднимались, как полные груди матери. Из каменных сосцов бежали реки со вкусом молока» (ОА, т. 3, с. 54). Талица «закипала молоком на порогах» (ОА, т. 3, с. 23), «текла с глухим шумом» в то же время, как из убитого медвежонка текла кровь «горячим ручейком» (ОА, т. 3, с. 27), а за столом течет медовуха. «Мхи делали воду в них похожей на вино – то зеленое, то красное, то золотистое. Девичий ключ, впадавший в Талицу, напоминал пролитую из огромной бутылки пенистую пьянящую влагу» (ОА, т. 3, с. 121). «Безуглому казалось, что кругом в траве бьются медовые жилки и мед течет по ним со всех гор прямо в пасеку...» (ОА, т. 3, с. 24), и «Метеоры падали из одного места, около созвездия Лиры, точно золотые ручьи растекались во все стороны с невидимой вершины» (ОА, т. 3, с. 53). Анна проливает молоко на пол, а над селом качается «золотой ковш Большой Медведицы, расплескивая по небу искристое молоко» (ОА, т. 3, с. 42). «Молоко плескалось в подойниках женщин. Облака молоком лились в небе» (ОА, т. 3, с. 55). «Шаман вылил молоко на лошадь<...>. В сумерках белые бока животного багровели от огня, точно в них открывались большие кровавые раны» (ОА, т. 3, с. 59). «Самцы (медведей. – Т. Б.) забывали голод, кровь набухала в их жилах, как вода в ручьях...» (ОА, т. 3, с. 76). «В ранах кипел расплавленный свинец» (ОА, т. 3, с. 19). «Из скал вылились малинные реки расплавленных металлов» (ОА, т. 3, с. 52). «Луна с шумом низвергла свое жидкое серебро на заснеженные горные вершины и в воду реки. Серебро плыло серединой» (ОА, т. 3, с. 127).

Взаимопревращению подвержены не только текучие вещества, но и вещества в иных агрегатных состояниях, и живые организмы: «Горы истекали водой, снегом, льдом, камнями» (ОА, т. 3, с. 53). Убийство медведей и маралов прозрачно соотнесено с человеческими распрями и символически выражено в пейзаже: «Снежные вершины покрылись красными пятнами заката, точно на них упали огромные капли горячей звериной крови» (ОА, т. 3, с. 178). В Гражданскую войну

раненый брат Безуглого, Федор, видит в бреду, как скалы «текли кровью» (ОА, т. 3, с. 31). Дополним примеры: «Тучи, как древние длинноволосые звери на толстых ногах, медленно волокли над горами свои водянистые животы, надвигались на охотников» (ОА, т. 3, с. 77). «Андрон вернул с тропы на поле. Конь под ним сразу погрузился до колен, точно ступил в темную, густую воду» (ОА, т. 3, с. 87). «Огород рос на глазах, как будто из земли на поверхность непрерывно выметывались упругие зеленые струи. Вечером река была слышнее. Безуглый стоял между гряд, слушал. Ему казалось, что он слышит шум зеленых ростков, струящихся у него под ногами» (ОА, т. 3, с. 94).

Метафорика воды нивелирует границы между веществами, телами, нейтрализуются оппозиции «живое – неживое, «частное – всеобщее», «преходящее – вечное»: «Его сады разливались и шумели, как реки. На зеленых берегах перекликались крикливые толпы его детей и внуков. Дед после смерти будет жить в их рассказах, в их походке, в чертах лица, в окраске волос и глаз» (ОА, т. 3, с. 92). «Охотник долго смотрел на небо. Над его головой текли синие реки вселенной. Вечность была занята своим обычным делом – переливала из сосуда в сосуд. Недалеко от озера ветер гонял льдины, бил их о берега. Льдины рассыпались со звоном. В пещере громко капала вода. Звон льда напоминал переливчатую игру курантов. Стук воды был четок и мерен, как стук маятника. Безуглый думал, что ход часов вечности неумолимо точен, они одинаковым бесстрашием отсчитывают сроки жизни целых миров и каждой ничтожной козявки. Он взял себя правой рукой за левую. Кровь двигалась по жилам размеренными толчками. Он знал – с годами бег ее будет терять свою правильность, она станет стыть, портиться. Две круглые пружины кровяных часов рано или поздно сломаются. Безуглый не чувствовал страха перед неизбежным концом» (ОА, т. 3, с. 82).

Постепенное сужение точки зрения от Вселенной до человеческого сердца, объясняет исчезновение страха героя перед смертью. «Мыслящий тростник» больше не противопоставляет себя природе, он вписан в мировой круговорот: «Он знал, что весь мир живет по одним и тем же законам разрушения и созидания.

Ветры, воды, льды непрестанно растаскивают, размывают, разламывают. Земля поворачивает к солнцу то один бок, то другой. Горы и моря на ней меняются местами» (ОА, т. 3, с. 109). «Вода реки с шумом вертела ворчащие каменные колеса вечной мельницы. На высоких полях, в спеющем хлебе, перепела отбивали звонкие секунды, коростели каждую минуту передергивали хриплую цепочку неостанавливающихся часов. Часы эти Безуглый слушал и раньше. Он никогда не думал всерьез, что они отсчитывают и его сроки. Сейчас он с радостью ощутил неотвратимую мощь времени. Мысль о смерти впервые возникла в его сознании. Она была горька и сладостна» (ОА, т. 3, с. 199).

Часы, мельница – эти символические образы времени, востребованные в конце романа, основаны на архетипе воды, и потому в них акцентирована не финальность, но, напротив, вечность. Симптоматично ощущение героя на могиле брата в начале романа, когда Иван всерьез сомневается, «что сам он еще жив» (ОА, т. 3, с. 35), и, несмотря на осознание нелепости этого предположения, надеется встретить на пароходе Федора и рассказать, что был на его могиле. Братья «походили друг на друга, как близнецы» (ОА, т. 3, с. 35), отчество Безуглого – Фёдорович. Окончателность смерти символически преодолевается, подчиняясь идее родового круговорота. Продолжение Ивана – Никита: «Отец и сын покачивались друг против друга, как две волны бессмертного человеческого океана. Одна поднимается к своему пределу. Она скоро закудрявится сединой и исчезнет. Другая повторит ее путь – долго будет играть на солнце золотыми брызгами» (ОА, т. 3, с. 92).

В финале романа Никита пострадал, но не смертельно. У него и, следовательно, у его отца, есть будущее. Такая интерпретация противоречит выводам Е. Н. Проскуриной, которая трактует описание внешности мальчика как намек на грядущую смерть: «Никита под покрывалом побледнел и пожелтел, как покойник»¹⁸⁸. Как было указано выше, амбивалентность авторской позиции является отличительной особенностью В.Я. Зазубрина. Изначальный замысел «жизнера-

¹⁸⁸ Цит. по: *Проскурина Е. Н.* Поэтика Владимира Зазубрина. С. 142–143.

достной и полнокровной»¹⁸⁹ книги об Алтае претерпел трансформацию в связи с темой коллективизации. Стремление Зазубрина «сохранить собственную творческую бескомпромиссность»¹⁹⁰ вступило в неустранимое противоречие с социальным заказом, подобно тому, как «естественный человек»¹⁹¹ в Безуглом конфликтует с классовыми установками¹⁹². Кажущееся противоречие в интерпретации возможного хода событий снимается при учете очевидной цикличности, вернее, спиралевидности всех уровней художественного мира романа, где каждый последующий виток оказывается хуже предыдущего¹⁹³. Будущее у Никиты и страны есть¹⁹⁴, но оно изуродовано, деформировано, неполноценно. Если описать авторскую творческую стратегию и логику судьбы персонажа в образах тверди и воды, то окажется, что все устойчивое, могущее быть опорой для частного человека и социума (семья, мировоззрение, государственный строй и пр.), быть твердью, осью – горой, рано или поздно теряет оформленность, устойчивость, незыблемость – оказывается водой, подчиняется току реки времени, управлять которым, несмотря на амбиции, человеку не дано.

---

¹⁸⁹ Литературное наследие Сибири. Т. 2: Владимир Яковлевич Зазубрин: художественные произведения, статьи, доклады, речи, переписка. Воспоминания о В.Я. Зазубрине. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1972. С. 273.

¹⁹⁰ *Проскурина Е. Н.* Поэтика Владимира Зазубрина. С. 146.

¹⁹¹ *Шастина Т. П.* Ойротия – Горный Алтай. С. 119.

¹⁹² *Проскурина Е. Н.* Поэтика Владимира Зазубрина. С. 145.

¹⁹³ Литературная мифология Алтая. С. 114.

¹⁹⁴ Аналогия «ребенок – будущее страны» архетипична. Ср. с аналогичным финалом философской повести А. Платонова «Котлован» (1930), где девочка Настя, символ счастливого будущего, умирает. О других творческих пересечениях В. Я. Зазубрина и А. П. Платонова см.: *Проскурина Е. Н.* Поэтика Владимира Зазубрина. С. 170–186.

1.3. Река и дорога: горизонтальная организация художественного пространства¹⁹⁵

Реки Сибири и Алтая неоднократно привлекали внимание ученых, представителей разных научных дисциплин. Наиболее существенной для настоящего исследования является коллективная монография «Реки и народы Сибири» (2007). Она содержит обобщающую главу Л. Р. Павлинской «Реки Сибири» и главу «Река как образ Родины у алтайцев», написанную Н. А. Тадиной по полевым фольклорно-этнографическим материалам и освещающую проблему воздействия речного ландшафта на становление этнического менталитета. Опыты литературоведческих анализов художественных произведений на предмет характеристики образов рек Сибири не столь многочисленны, как хотелось бы. Отметим статью Н. А. Непомнящих, в которой на материале прозы представителей коренных народов Сибири и Севера раскрывается функционирование мифологемы реки, во многом восходящей к традиционной культуре автохтонов. Также интерес представляет статья С. В. Мельниковой, где раскрыт христианский аспект образа реки в миссионерской прозе XIX века. Наконец, в статье Н. А. Агеевой обозначена миромоделирующая семантика реки в прозе Е. В. Гришковца. О реках Алтая существует лингвистическое исследование Л. М. Дмитриевой, результирующее ассоциативный эксперимент по выявлению значений гидронимов 'Катунь', 'Бия', 'Обь' в картине мира жителей Алтая. Литературоведческие наблюдения по мифопоэтике главных алтайских рек в произведениях Г. И. Чорос-Гуркина, С. П. Залыгина, В. Я. Шишкова и др.

¹⁹⁵ Результаты были опубликованы в: *Богумил Т. А.* Чуйский тракт в творчестве В. М. Шукшина // *Геопозтика Сибири и Алтая в отечественной литературе XIX–XX веков.* Барнаул: АлтГПУ, 2017. С. 84–92 ; *Она же.* Семантика Чуйского тракта в русской литературе // *Проблемы исторической поэтики.* 2018. Т. 16. № 3. С. 200–221 ; *Она же.* Гидропоэтика Алтая: реки // *Имагология и компаративистика.* 2022. № 17. С. 287–315 ; *Она же.* Речной символизм Чуйского тракта // *География искусства: ландшафтные миры культуры и искусства.* М.: ГИТР, 2023. С. 233–240 ; *Она же.* Региональная литература: Сибирь, Алтай, Барнаул. Барнаул: АлтГПУ, 2017. 69 с. URL: <http://library.altspu.ru/dc/pdf/bogumil.pdf> (дата обращения: 15.05.2023) ; *Богумил Т. А., Куляпин А. И., Худенко Е. А.* Геопозтика В. М. Шукшина Барнаул: АлтГПУ, 2017. С. 18–31, 66–71 ; *Литературно-туристический Алтай: топосы – мифы – имена / Т. А. Богумил [и др.].* Барнаул: АлтГПУ, 2018. С. 38–48 ; *Литературная мифология Алтая.* С. 10, 32–43.

сделаны И. А. Бедаревой и Е.А. Худенко¹⁹⁶.

1.3.1. Гидропоэтика Алтая: речные образы и мотивы

У реки: цвет и звук. Алтай – страна сотен озер, рек, ледников. Главная водная артерия Алтайского края – Обь – образуется слиянием двух крупнейших рек Горного Алтая – Бии и Катунь. Народная этимология устанавливает в названии Оби семантику двойственности (= ‘обе’)¹⁹⁷, что психологически оправдано различным цветом воды в истоке реки. Визуально впечатляющая картина двухцветного течения в начале Оби вошла в арсенал алтайской топики.

В качестве примеров приведем достоверное наблюдение Г. Н. Потанина из очерка «Полгода на Алтае» (1859): «...в первой вода светлая и темная, а последней мутная и беловатая; воды этих двух рек, соединившись в одном ложе, сохра-

---

¹⁹⁶ Павлинская Л. В. Реки Сибири // Реки и народы Сибири. СПб.: Наука, 2007. С. 18–55 ; Тадина Н. А. Река как образ родины у алтайцев // Там же. С. 151–158 ; Агеева Н. А. Моделирование топоса Сибири (повесть Е. Гришковца «Реки») // Литература путешествий: культурно-семантические и дискурсивные аспекты. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 2013. С. 529–541 ; Мельникова С. В. «В кораблике моем горит свеча...»: образ реки «Путевых записках» архиепископа Нила (Н. Ф. Исаковича) // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 1. С. 110–133 ; Непомнящих Н. А. Мифологема реки в прозе писателей – представителей коренных народов Севера и Сибири // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 204–217 ; Дмитриева Л. Д. Туристические концепты ‘Бия’, ‘Обь’, ‘Катунь’ в топонимической картине мира жителей Алтая // Вестник Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова. 2012. № 1 (1). С. 79–87 ; Бедарева И. А. Алтай как обетованная земля в романе С.П. Зальгина «Тропы Алтая» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-1 (78). С. 10–12 ; Национальная идентичность в зеркале топонимии (Горный Алтай) / П. В. Алексеев [и др.]. Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского ун-та, 2016. С. 121–139 ; Худенко Е. А. Реки Алтая в отечественной литературе XX–XXI веков: мифопоэтика и символика // Филология и человек. 2018. № 3. С. 103–117 ; Она же. Реки Сибири в очерковых и художественных текстах В. Я. Шишкова // Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ. Барнаул: АлтГПУ, 2020. С. 347–350.

¹⁹⁷ Дмитриева Л. Д. Туристические концепты ‘Бия’, ‘Обь’, ‘Катунь’... С. 82. На самом деле гидроним ‘Обь’ в переводе с коми означает ‘снежный занос; завал, обильно выпавший снег’ (Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.–Новосибирск: Наука, 2000. С. 416–417). В науке долгое время удерживалось ошибочное толкование названий рек Бия, Катунь и Обь в значении ‘река’, ‘вода’ (Молчанова О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1979. С. 159, 216).

няют это различие цвета на расстоянии четырех, пяти верст...» (ОА, т. 1, с. 83). Ср. с поэтическим обыгрыванием факта в стихотворном цикле П.А. Казанского «Рождение Оби» (1914): «И долго рядом в ней видна / Катунь мутная вода / С волною светлой и холодной» (ОА, т. 2, с. 356). Показательна также основанная на мифологии алтайцев дневниковая запись В. В. Радлова: «Открывался новый вид на могучий поток Бии и приближающуюся к своему супругу Катуню <...> теперь они продолжают путь уже вместе, но девичий стыд еще не позволяет ей слиться с ним, и отчетливо видно, как обе текут, не сливаясь, в одном русле, справа – река Бия с ее светлыми, прозрачными водами, слева – беловато-желтая Катуня»¹⁹⁸.

Катунь и Бия часто противопоставляются и вне русла Оби. Так, С. П. Залыгин в романе «Тропы Алтая» (1959–1961) пишет: «Крутые, нестройно поющие волны и даже какая-то неопрятность реки: размываемый, тальниковый берег той стороны, клочья пены, мутные пятна в зеленой глубине – все было для него отрадным, и он безоговорочно отдал ей предпочтение перед Бией – та была и уютнее, и светлее: отстоялась в глубинах Телецкого озера, из которого брала исток свой. Та была быстрой, но быстрой размеренно и четкой в берегах своих. От нее нельзя было ждать каких-то перемен» (ОА, т. 4, с. 31).

Разный цвет воды объясняется тем, что Бия вытекает из прозрачного Телецкого озера, тогда как изначально бирюзовая Катунь постепенно мутнеет из-за своих притоков – ледниковых рек, которые несут мельчайшие частицы горных пород. Это объяснял Н. М. Ядринцев в очерке «В дальних странствиях (Из путешествия в Алтай)» (1893): «...речка Кара-Кем¹⁹⁹ <...> напоминала горный ручей и брала начало в вечных снегах гор. Цвет ее, как всех подобных речек <...> был синевато-белый, почти молочный. Это зависело от пород сланца, который они размывали, и, может быть, от перемолотых морен, так как среди этих вечных снегов, наверное, были и ледники» (ОА, т. 1, с. 332).

¹⁹⁸ Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, 1989. С. 17.

¹⁹⁹ Современное название – Карагем, приток реки Аргут, правого притока Катунь.

Реки горного Алтая благодаря своему происхождению – родниковому или ледниковому – разделяются на прозрачные «черные», у которых просвечивает каменистое темное дно, и мутные «белые». Мифологическим и мифопоэтическим сознанием цвет «белых» горных вод не просто сравнивается, но и отождествляется с молоком, что отразилось в историко-этнографическом очерке Г. Д. Гребенщикова «Алтайская Русь» (1914): «...гора Белуха, родительница белых чудесных вод, таких белых и чистых, как те молочные <реки> с кисельными берегами, о которых рассказывают в сказках и которые уготованы в наследие только праведным» (ОА, т. 2, с. 24). В романе В. Я. Зазубрина «Горы» (1933) старик-алтаец рассказывает предание об утерянном рае: «Горы поднимались, как полные груди матери. Из каменных сосцов бежали реки со вкусом молока»²⁰⁰ (ОА, т. 3, с. 54); раскольники переселяются на Алтай: «на молочные реки, на кисельные берега» (ОА, т. 3, с. 42).

Белая пена горных рек и ручьев часто называется «седой» по признаку цвета (= с примесью белого), часто без учета признака возраста и опыта (= старость). В любом случае, седина – визуальное качество горных рек, входящее в геопозитическую топику Алтая. Например, в стихотворении «По Алтаю» (1914) А. С. Пиотровского река Бухтарма «седою пеною гонима» (ОА, т. 2, с. 364). Река может подвергаться анималистическому уподоблению, как в повести П. Г. Низового «В горах Алтая»: «Бурлит река. По гладким валунам торопливо скачут седые водяные зайцы. Они скачут без усталости вниз, в далекие долины, вон с той горы, где плещет водопад» (ОА, т. 3, с. 222), «стадо белых водяных баранов» (ОА, т. 3, с. 259). Специфический колер реки провоцирует и антропоморфную метафорику, для которой актуальны возрастные коннотации: «Молодая и седая, словно лунь, / По теснине пенится Катунь» (ОА, т. 5, с. 207), – так начинает А. М. Родионов «Уймонскую быль» (1977). Гераклитова связь текучести реки с идеей изменчиво-

²⁰⁰ Молоко – символ чистоты и святости у скотоводов Центральной Азии. В мифологии алтайцев небесный источник жизни и мировой центр – молочное озеро (Сагалаев А. М. Алтай в зеркале мифа. Новосибирск: Наука, 1992. С. 85–86).

сти и времени²⁰¹ в случае с Катунью представлена амбивалентным сочетанием юности и старости: река меняется, но остается неизменной. Упразднение хода времени – это Вечность.

Итак, Катунь и Бия отличаются своим происхождением, цветом воды, спецификой течения и звучания. В художественном произведении все реальные характеристики этих и других алтайских рек часто лежат в основе олицетворения. В приведенной выше цитате С. П. Залыгина из романа «Тропы Алтая» И. А. Бедарева трактует изображение Катунь и Бии как «описание двух женщин, причем первая более привлекательна для героя, он отдает предпочтение именно ей, несмотря на “нестройность” и “неопрятность”»²⁰². Дополним примеры. М. С. Бубеннов, рассказ «На Катунь» (1938): «Красавица Катунь – буйная река; она мечется по Алтаю, нигде не находя покоя, и то свирепо ревет, катая по дну камни-голыши, то стонет, вырываясь из ущелий, а вот здесь, на перекате, выложенном мелкой галькой, вся дрожит и неумолчно горюет» (ОА, т. 3, с. 363); «...под обрывом плескалась Катунь – похоже было, что она осторожно ощупывает те места, по которым ей приходится прокладывать путь в темноте» (ОА, т. 3, с. 366–367). В. М. Шукшин, очерк «Село родное» (1966?): «Стоит оно (с. Сростки. – Т. Б.) на берегу красавицы²⁰³ Катунь. Катунь в этом месте вырвалась на волю из каменистых теснин Алтая, разбежалась на десятки проток, прыгает, мечется в камнях, ревет... Потом, ниже, она несколько успокаивается, круто заворачивает на запад и несется дальше...» (Шукшин, т. 9, с. 28). У него же в предисловии к киноповести «Живет такой парень» (1975): «...есть река на Алтае

²⁰¹ Красноярова Н. Г. Природа как концепт культуры: опыт культурфилософского очерка реки, воды, потока // Аналитика культурологи. 2008. Вып. 1 (10). URL: http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/526-article_8-2.html (дата обращения: 10.03.2023).

²⁰² Бедарева И. А. Алтай как обетованная земля. С. 11.

²⁰³ Это речевое клише многократно встречается на страницах исследуемой антологии «Образ Алтая». Помимо приведенных цитат М. С. Бубенного и В. М. Шукшина см. также тексты Г. Д. Гребенщикова (ОА, т. 2, с. 18), В. В. Бахметева (ОА, т. 2, с. 194). «Красавица Бия» появляется у В. Я. Шишкова (ОА, т. 2, с. 297), П. Л. Драверта (ОА, т. 2, с. 350). Обь обычно характеризуется определением «многоводная». См. А. А. Черкасов (ОА, т. 1, с. 426), Г. Д. Гребенщиков (ОА, т. 2, с. 18), М. И. Юдалевича (ОА, т. 5, с. 302).

– Катунь. Злая, белая от злости, прыгает по камням, бьет в их холодную грудь крутой яростной волной, ревет – рвется из гор. А то вдруг присмирет в долине – тихо, слышно, как утка в затоне пьет, за островом. Отдыхает река»²⁰⁴ (Шукшин, т. 1, с. 272). В повести Ю. Я. Козлова «Белый Бом» (1978): «У подножия горы, весело журча, катилась с одной стороны речушка, с другой грозно ворчала Катунь» (ОА, т. 5, с. 87).

Ср. в цикле В. Я. Шишкова «Чуйские были» (1913): «Эх, да как стегнула по Алтаю Чуя, священная река. Белые стоят на горизонте горы, все в вечных снегах, Чуйские Альпы, земли надгробие. В них родится Чуя, священная река. Сначала степью течет она <...> Вся степь, во времена минувшие, до самых горных маков была водой залита: века веков плескалось здесь озеро голубой волной. И стерегли это озеро каменные витязи. <...> Но не удозорили, не усмотрели: обмануло их озеро, убаюкала их зыбун-волна, уснули крепко. А вода прорвала себе ход, проточила горы и хлынула. <...> Широко волна хлещет, опрокидывает скалы, грохочет и стонет и мчится вдаль бешеным потоком. Это Чуя, рожденная в снегах, горами плененная, вырвалась на волю и понеслась меж расступившихся в страхе Алтайских гор» (ОА, т. 2, с. 317). «Далеко стегнула по Алтаю Чуя, священная река!.. Бурлит по крутому склону, вся седая, вся косматая, ярко камни точит, грозит своим гневом человеку» (ОА, т. 2, с. 334).

Полагаем, именно этот текст В. Я. Шишкова задал топику описания бурной горной реки Алтая в последующей литературной традиции.

Как река: человек, дорога, история. Литературная антропоморфность рек восходит к мифологическому анимизму²⁰⁵, о чем, в частности, свидетельствует

²⁰⁴ Катунь, будучи одним из ключевых образов мифогеографии В. М. Шукшина, уподоблена автором Чуйскому тракту, Волге-матушке (*Богумил Т. А., Куляпин А. И., Худенко Е. А.* Геопозитика В. М. Шукшина. С. 34–39), архетипам женщины-матери и девы-жены-искусительницы (*Худенко Е. А.* Реки Алтая... С. 113).

²⁰⁵ Этот факт, конечно, не остался без внимания писателей. Так, в рассказе В. Я. Шишкова «На Бие» (1914) русский переселенец делится своими наблюдениями о «татарах»: «...у них, мотри, каждому ручейку, кажинной балочке прозвище дадено <...> любят земельку свою, всему названье дают... Как в святцах...<...> Что видит, про то и поет: река – про реку, девка – про девку, орла высмотрит – про орла песня сложена...» (ОА, т. 2, с. 300).

этимология гидронимов Катунь (алт. ‘госпожа’) и Бия (алт. ‘господин’)²⁰⁶. В легендах народов Горного Алтая и последующей словесной традиции немаловажную роль играет гендерная идентификация гидронима ‘Бия’ / ‘Бий’, основанная на очевидном для русского слуха различении «женского» / «мужского» окончания слова. В фольклорных²⁰⁷ и этнографических источниках образование реки Обь толкуется как брачный союз (см. вышеприведенную цитату из дневника В.В. Радлова). В русской художественной литературе, напротив, преобладает «сестринская» трактовка: «...она (Катунь. – Т. Б.) встретит свою величавую сестрицу Бию и умрет, породив Обь» (Шукшин, т. 9, с. 28). Ср. также в романе Л. П. Блюммера «На Алтае» «светлые воды озера радостно несут холодные воды Чулышмана в ее родную сестру Бию...» (ОА, т. 1, с. 188). «Сестрой Катуню» В. В. Бахметьев называет ее приток Коксу (ОА, т. 2, с. 195). «Речка называлась Барна-аул. В нижнем течении была спокойной, быть может, оттого, что страшилась близости старшей сестры, могучей Оби, которой отдавала свои буроватые воды у высоченного глинистого мыса»²⁰⁸. Матерински-дочерние отношения связывают Обь и Барнаулку в поэме Г. Н. Панова «У большой воды»: «Барнаулка к Оби спешила, / Как с повинной гулена-дочь» (ОА, т. 5, с. 66).

Комбинация брачных и материнско-дочерних отношений встречается в повести А. С. Сорокина «Алтай и города» (1925): бог Ульгень в земном воплощении носит речное имя Аргут, его жена – Катунь, пять из девяти их дочерей названы согласно гидронимам (Чулчей, Челушь, Еломань, Казымиль и Котанду). В повести создается авторский этиологический миф. Мать наказана за бегство девушек с богом зла Эрликом и оскорбление Ульгенья-Аргута: «...пойдешь ты на гору и там оплакивай своих дочерей вечные времена, пока существует земля. И потечет река, и будет названье ей – Катунь...»²⁰⁹

²⁰⁶ Молчанова О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая. С. 138–139; 215–217.

²⁰⁷ О могущественном хане Алтае, его дочери красавице-Катуню и ее возлюбленном богатыре Бие // Бийск. 1993. № 1. С. 18–20.

²⁰⁸ Бородкин П. А. Исторические рассказы о Барнауле. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1963. С. 5.

²⁰⁹ Сорокин А. С. Сочинения. Воспоминания. Письма. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2012.

В некоторых фольклорных источниках и ориентированных на локальную аутентичность литературных текстах направление русла и характер течения рек, образующих новую реку, ассоциируются с состязанием в беге. Например, Н. М. Ядринцев пересказывает легенду: «Направление течения Бии и Катуня объясняется тем, что женщина и мужчина хотели посоперничать, кто кого перебежит; Катунь пробовала перебежать Бию, тогда оскорбленный мужчина Бий пересек ей дорогу»²¹⁰. У В. М. Бахметьева в рассказе «У последней воды» (1914) написано: «Вот звонкоголосый Точуган, Тасын белогривый, Бачий неугомонный – три брата. Там, на синеющей горной маковке поспорили, кто первым к Чарышу прибежит. Бросились вперегонку с высот, забурили, запенились, подхватили родники попутные, ударили в камни, кедры с маху опрокинулись, а как вырвались на простор, в долину, друг от друга отпрянули, понатужились и – все враз в Чарыш»²¹¹» (ОА, т. 2, с. 185).

Известно, что в древних культурах различных народов мира бег наперегонки входил в состав свадебных испытаний²¹², следовательно, приведенную Н. М. Ядринцевым легенду можно отнести к разряду брачных. Причем соревноваться могли не только невеста и жених, но и женихи-конкуренты, что рудиментарно наличествует во втором примере. Мифопоэтической зарисовкой состязания в беге В. М. Бахметьев начинает свой рассказ и заканчивает. Кольцевое строение – это отнюдь не возвращение к началу, а переход на иной тип метафоризации. Аналогом соревнующихся рек становится своего рода конкуренция между потенциальными спасителями алтай-кижи от социального угнетения. Несостоятельны «ни новый бог Бурхан, ни сказочный Ойрот-хан» (ОА, т. 2, с. 221). Лишь рассказчик, «вестовой революции», мыслится «богаче солнца, сильнее всех богатырей, каких когда-либо знал Алтай», ибо его слово пропаганды подобно реке: «...оно

С. 281.

²¹⁰ Ядринцев Н. М. Об алтайцах и черневых татарах. СПб.: тип. В. Безобразова и К^о, 1881. С. 21.

²¹¹ Левый приток р. Обь. Третья по полноводности река Верхнеобского бассейна (после Катуня и Бии).

²¹² Жирмунский В. М. Народный героический эпос: Сравнительно-исторические очерки. М.; Л.: Гос. изд-во художеств. лит., 1962. С. 110–115.

бежит из аула в аул быстрее коня, проворнее рыси, оно неистребимо!...» (ОА, т. 2, с. 221). Попутно отметим, что уподобление скорости течения, ритмичного колебательного движения волн реки бегу коня входит в круг типичных акваметафор и мифологем, примером чему могут служить стихотворения Г. А. Вяткина «Катунь» (1917) (ОА, т. 2, с. 339), Ю. И. Жильцова «Голубая Катунь» и др.²¹³. На Алтае эта универсальная традиция восходит к мифологии и фольклору тюркских кочевников, населявших территории региона²¹⁴.

Давнюю традицию имеет использование акваметафоры для обозначения сложного исторического периода. В литературе об Алтае одним из первых в этом ключе высказался В. М. Бахметьев. Название рассказа «У последней воды» (1914) географически означает смещение ареала обитания алтай-кижи от исконных расселений в долинах рек к малопригодным для существования местам, что вызвано агрессивной стратегией русских: «Заняли чужаки по рекам Чарышу, Коксе, Катунь, Чуе плодоносные земли, воздвигли деревни, обнесли тыном берега ключей, завели в садах маралов, скот тысячеголовыми табунами начали водить, хлеба сеять, новину подымать <...> На речных берегах, как огромные сытые пауки, лежат уймонские деревни, а вокруг, подобно паучьим щупальцам, раскинулись заимки» (ОА, т. 2, с. 194). Старик-алтаец жалуется: «... поконь века на Чарыш, Кокса, Катунь обитал алтай-кижи... Нынче к шишам гонят, в горы, де камень, снега... Ручей нет, вода – грязь, скотдохнет, балам – дитя голодну слезу льет... У последней воды народ!» (ОА, т. 2, с. 203).

Метафорическое значение «последней воды» – предел терпению алтайского народа. Но и не только алтайского, а всех социально обиженных: «Не миллионы ли нас, угнетенных?» (ОА, т. 2, с. 203); «Я рассказал ему о русских нищих крестьянах, стоящих, как и алтайский народ, у последней воды» (ОА, т. 2, с. 207).

²¹³ Жильцов Ю.И. Свидание с памятью: стихи на родную тему. М.: МГО СП России, 2007. 247 с. Ср. также подобие отрицательного параллелизма в повести П. Г. Низового «В горах Алтая»: «...кони теперь не нужны: перед ними была широкая бурная река» (ОА, т. 3, с. 257).

²¹⁴ Литературная мифология Алтая. С. 15, 17.

Революционный аналог водной стихии особенно явлен в так называемом «бурном» пейзаже²¹⁵. Например, в очерке А. С. Новикова-Прибоя «Поезд № 204», написанном по впечатлениям от поездки за хлебом зимой-весной 1918 года из Москвы в Барнаул, ледоход на Оби есть аллегория революции: «Мимо по реке плыли отпечатанные на льду унавоженные дороги, застигнутые разливом брёвна и дрова. Попадались оторванные от берега целые деревья, корни которых, выныривая из-под льда, ворочались, как живые чудовища. Изредка на льдинах, как на плотках, несло лесную избушку или зазевавшегося зайца. <...> Навалившиеся друг на друга льдины как бы зычно заспорили между собой, протискиваясь вперёд, и с треском, похожим на взрыв, тяжёлой грудой облаков рухнули в порывистые мутные волны.

– Революция! – воскликнул Макс, глядя на ледяной разлом»²¹⁶ (ОА, т. 3, с. 418–419).

В повести Ю.Я. Козлова психологическое состояние алтайца, оказавшегося в эпицентре Гражданской войны, описывается следующей водной метафорой: «А вокруг развивались какие-то большие события. Отголоски их касались ушей Сопока, и тогда перед глазами возникал речной водоворот, пожирающий все, что попадает в него. Он не умел плавать, как и большинство его соплеменников, боялся быстрой воды и сходство событий с водоворотом вызывала в нем робость и даже страх» (ОА, т. 5, с. 83); «Волнами катятся туда-сюда по горам слухи о победах красных, о поражениях красных» (ОА, т. 5, с. 85).

В какой-то момент Сопок, наследник романтического типажа наивного и чистого сердцем туземца, понимает, что придется делать выбор: «Нельзя выплыть и остаться живым, держась все время середины реки» (ОА, т. 5, с. 115). У человека, близкого природе, рефлексия выражается при помощи водной образности: «Последнее время и день, и ночь перемешались в его голове, как вода двух быст-

²¹⁵ Энтлейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...». С. 146–148.

²¹⁶ Согласно комментариям А. И. Куляпина к очерку истолкование ледохода как метафоры революции принадлежит И. В. Сталину (статья «Тронулись!.. от апреля 1912 г.») (ОА, т. 3, с. 452).

рых рек» (ОА, т. 5, с. 139). «Мой разум мутен, как реки после дождя» (ОА, т. 5, с. 154). Понимая, что совершил невольное предательство по отношению к симпатичным красноармейцам, герой ощущает, что мир рушится: «Зашатался в седле Сопок. Горы зашатались. Чуя качнулась, едва не выплеснувшись из русла» (ОА, т. 5, с. 125). В итоге решение принимается интуитивно, по велению души. Не потому что политика красных более приемлема, а потому что люди они хорошие. Естественность выбора в пользу красных предваряется символическим эпизодом: «Бочком, бочком он спустился под берег речки. Быстрая вода была прозрачной и студеной. На глубине едва ли выше щиколотки носами против течения дремали почти на поверхности три небольших хариуса. Широкие плавники шевелились вслед чистым струям.

Сопок затаился. Глупые рыбы! Ручей не заменит вам реку, откуда вы вышли, дождевые потоки закидают коричневой грязью, зима закует в ледяной плен, весной птицы растащат ваши остатки.

– Глупые-неразумные... Чего ищите вы в стороне от остального рыбьего рода-племени?» (ОА, т. 5, с. 88)

Понятно, что для советского писателя генеральная «река» – социалистическая. Сопок, бедный представитель угнетаемого народа, отбилсь было от остального «рода-племени», связавшись с врагами революции. Но подобно тому, как он сам направил рыбу обратно в реку, кидая камушки, позднее обстрел красноармейцев, попавших в засаду, отвратил его от белых и алтайской элиты. Раньше он был «за себя» (ОА, т. 5, с. 111), теперь – за своих друзей-красных.

Если в советской литературе преобладал пафос воспевания водной / революционной стихии, сметающей старые устои (осуждающие интенции приписывались классово чуждому элементу), то в перестроечное время данная метафорика приобрела радикально иную оценку. Так, в рассказе известного на Алтае писателя В. Б. Свинцова «Умирает речка...» (1988) через историю реки показана история деревни и деда Вихтора. Раньше, до революции, кержаки жили по крепким устоям. Ленивого пастуха Квашу, поившего коров где попало, а не в положенном ме-

сте ниже реки, мужики жестоко избили: «Гадить в реку – грех немислимый. Потому как река и поилица, и кормилица»²¹⁷. С революцией же нерадивый пастух стал рьяным агитатором за коммуны. Масштаб настигшего деревню и страну бедствия нагляден в образе плотины: «– Последний раз предупреждаю – прекратить контрреволюционные разговорчики! – закричал Кваша и выстрелил в воздух. И, словно дожидаясь этого сигнала, хлестнула струя воды через плотину. <...> Струя на глазах делалась мощнее, бурливее, и вот уже плотина словно раскололась надвое. Огромная масса воды рухнула вниз, и вместе с нею плотина. Такой напор не удержали другие плотины – ниже по реке»²¹⁸.

Итог бездумного хозяйствования при коммунистах – обмеление реки, разрушение деревни – ничтожен в масштабах страны, но символичен. Недаром речка безыменная, стало быть – любая. Историческая катастрофа осмыслена автором посредством экологического неблагополучия.

Итак, существенный пласт алтайской гидропозтики составляет образность, осваивающая категорию времени: вечность, течение субъективного и исторического времени, кризисный момент, etc.

Через реку: кризис и преображение. Типичный речной хронотоп, связанный с решающим внешним и / или внутренним событием в жизни человека / общества, – это переправа. В случае со стремительными горными реками она наделена повышенной опасностью. В очерке Н. М. Ядринцева «В дальних странствиях (Из путешествия в Алтай)» (1893) к переправе приурочивается изменение отношения рассказчика к чуждому ему этносу. Исследователь встречается на диком берегу р. Аргут инородца, боится его, готов застрелить. В итоге после долгих сомнений и страхов оказывается, что алтаец не представлял опасности, напротив, он вывел русского к переправе и помог перебраться через бушующую реку. Агрессивно настроенный рассказчик прозревает: «...я понял, что этот человек вовсе не был врагом, и мне стало ужасно стыдно за себя» (ОА, т. 1, с. 340), «Меня охватил

²¹⁷ Свинцов В. Б. Избранное: повести, рассказы. Барнаул: Алт. полиграф. комбинат, 2000. С. 285.

²¹⁸ Там же. С. 288.

ужас при воспоминании, что я мог убить и чуть не убил человека совершенно мирного...» (ОА, т. 1, с. 341). Очерк заканчивается моралью, что предубеждение русских о коренном населении Алтая ведет к греху: «...мы не раз стреляли в дружескую грудь» (ОА, т. 1, с. 342). Так бытовая сценка оборачивается имагологическим умозаключением. В дальнейшем модель «недоверие – переправа – раскаяние» стала весьма продуктивной для произведений об Алтае, включается в имагологический дискурс о восприятии «другого». Аналогичным образом снобистское пренебрежение к мнению инородца сменяется признанием несомненной ценности его природосообразного поведения и мифологического мировоззрения, сохранившего древнюю мудрость, не понятную современной науке. Ср. с аналогичным решением темы в рассказах И. А. Ефремова «Озеро Горных Духов» и В. В. Бианки «Она» (см. параграф 2.1.3).

В произведениях об Алтае представлен широкий диапазон типовых вариантов решающих событий на переправе. В советской литературе переправа часто несет идеолого-политические смыслы. Так, в рассказе М. С. Бубеннова «На Катунь» о Гражданской войне на Алтае парнишка переплывает жгучую от холода «буйную» реку, чтобы примкнуть к партизанскому отряду и отомстить белым за смерть отца (ОА, т. 3, с. 365). Отметив смешение реальных топографических примет различных территорий Алтая в художественном локусе, Е. А. Худенко резюмирует: «...”сконструированность” пространства и намеренные топографические “ошибки” автора позволяют предположить, что Катунь наделяется неким сакральным содержанием и построение нового мира и нового человека возможно только в таком месте. <...> Катунь в рассказе становится точкой начала космогонического переустройства мира, создания нового строя через кровь и неискупимую жертву»²¹⁹.

В рассказе Л. И. Квина «Весна» (1957) тема освоения алтайской целины разрабатывается посредством соцреалистического канона²²⁰. Транспортировка го-

²¹⁹ Литературная мифология Алтая. С. 19.

²²⁰ Скубач О. А. Два лика Алтая в литературе 1950–1960-х гг. // Образ Алтая в русской

рючего через разлившуюся весной речку Белую связана с риском для жизни, но чрезвычайно необходима для начала пахоты. Прощтрафившийся авторизованный персонаж героическим поступком искупает невольную вину (ОА, т. 4, с. 392).

В исторической повести М. И. Юдалевича «Голубая Дама» (1981) героиня под видом крестьянки переплывает на лодочке через Обь на берег, где свирепствует холера (ОА, т. 5, с. 302), совершая выбор между статусным мужем-генералом и политическим ссыльным петербуржцем в пользу последнего.

Переправа встраивается в мифопоэтический контекст геопозэтического образа Алтая. Например, в рассказе К. Г. Паустовского «Правая рука» (1943) переезд на пароме через Катунь прочитывается А. И. Куляпиным как путь героя из подобия царства смерти (Белокуриха = Элизиум) в мир живых²²¹. Разнообразны семиотические функции переправы и моста в творчестве В. М. Шукшина²²².

Психологическое значение переправы акцентировано в романе С. П. Залыгина «Тропы Алтая» (1962). Сложное, лишь со второй попытки удавшееся преодоление реки знаменует для Андрея Рязанцева взросление и профессиональный рост. Событие предваряет открытие буроземов, что позволит стать герою «на равных» с отцом, известным ученым: «Было похоже на то, как он переплывал реку: он тогда знал, как должен дышать, как должен двигаться в воде, управлять гнедым и бороться с течением; и теперь совершенно точно ему было известно, что он должен делать каждый час, каждую минуту» (ОА, т. 4, с. 312).

Катунь в мире романа, по наблюдению Е.А. Худенко, является границей между профанным миром «бестолковой повседневности», которая захватывает реку Обь, города Барнаул и Бийск, село Сростки, и «верхним» миром Горного Алтая, пространством инициации для героя²²³. «Катунь больше пришлась Рязанцеву по сердцу еще и потому, что она мчалась “оттуда” – оттуда, куда он так стремил-

---

литературе: антология: в 5 т. Т. 4: 1950–1960 гг. Барнаул: ИД «Барнаул», 2012. С. 11.

²²¹ Там же. С. 76–81.

²²² Куляпин А. И. Семиотика художественного пространства В.М. Шукшина. Барнаул: АлтГПУ, 2016. С. 102–107.

²²³ Литературная мифология Алтая. С. 18.

ся, из его будущего, в котором он уже жил эти дни» (ОА, т. 4, с. 31). Устремленность героя вверх по течению реки, к истокам, возвращает его «к потерянному им первоначально жизни»²²⁴.

По реке: путь, карта, родина. Метонимические замещения реки и переправы по принципу *pars pro toto* основаны на общем для них признаке рубежности. Граница концентрирует вокруг себя сюжеты, связанные с осуществлением / невозможностью контакта, перемены. Поэтому не только пересечение реки, но и путь по реке сопровождается соответствующими событиями. Переправа однократна, тогда как река может аккумулировать ряд событий переходного характера. Например, сплав на лодке по бурной горной реке в повести П. Г. Низового «В горах Алтая» (1925) благодаря порогам оказывается растянутой и многократно повторенной переправой: «...глади было мало, перекааты, извивы, кипящие водовороты» (ОА, т. 3, с. 259); «Пенные валуны заскрежетали, впиваясь холодными зубами в упругие доски» (ОА, т. 3, с. 258); «...лодка с дрожью и стоном проносилась у самой пасти белой, клокочущей смерти» (ОА, т. 3, с. 259); «По бокам ныряло, взметывалось белое и холодное, окачивало с головы до ног, рвало одежду, пыталось выбросить их самих. За дно и бока лодки хватались невидимые остервенелые зубы, но, бессильные удержать, со скрежетом извергали проклятья. Сотни смертей неожиданно выпрыгивали из воды и с бешенством скалили каменные зубы. Лодка, извиваясь, словно дразня, проносилась мимо раскрытых пастей» (ОА, т. 3, с. 260). Сплав завершает «робинзонаду» двух подростков их социализацией – они, как и хотели, попадают в лагерь красных партизан.

Гораздо более спокойная равнинная Обь тем не менее дает возможность автору организовать авантюрный сюжет. В повести В. С. Сидорова «Тайна белого камня» (1959) путешествие трех подростков по реке следует канонам романа морского приключения. Ребята находят и расшифровывают карту, где главный ориентир – река Обь, самостоятельно ремонтируют лодку и дают ей имя «Открыватель», в пути подвергаются нападению «пиратов» – пацанов из чужой

---

²²⁴ Там же. С. 20.

деревни, борются с течью на борту, вкушают местные деликатесы – уху, попадают в бурю, терпят кораблекрушение, едва спасаются на полуострове с минимумом уцелевших вещей и продуктов, находят «клад» и раскрывают тайну. Географическое путешествие, по замечанию О. А. Скубач, приравнивается к странствию в глубь истории, во времена Гражданской войны на Алтае, что способствует «взрослению ребят, лучшему пониманию ими себя и своих истоков (линия Миши Боркова, узнавшего судьбу собственного деда), а также более трезвому знанию настоящего (разоблачение предателя дяди Феди)»²²⁵.

Перемещение по реке связано с приобретением опыта, познанием нового: «Когда идешь по незнакомой горной реке, никогда не угадаешь, какую еще панораму она откроет тебе...» (ОА, т. 2, с. 299), – писал В. Я. Шишков в рассказе «На Бии» (1914). Согласно наблюдениям Е. А. Худенко, река Бия в этом рассказе «закольцовывает» почти сказочный сюжет поиска яблоневого сада участниками экспедиции по исследованию реки Бии²²⁶. Успешное пешее путешествие завершается возвращением к реке с дарами – яблоками и медом.

С середины XIX века плавание по Оби, реке равнинной, широкой и глубокой, стало возможным на пароходе, что, конечно, отразилось в художественных произведениях. Путешественники получили возможность любоваться видами, которые, впрочем, не всех впечатляли: «Красивые берега реки Томи как-то весело смотрели после неприглядных, однообразных и скучных берегов широкой и многоводной Оби» (ОА, т. 1, с. 249), – не доволен И. А. Куцевский в очерке «Не столь отдаленные места Сибири» (1875). Гораздо более снисходителен к неброской красоте обского побережья П. Л. Драверт. В стихотворении «На Оби (Из дорожных эскизов)» (1911) развернутое описание неспешного плавания завершается традиционным романтическим контрастом: исполненная покоя, просторная и привольная природа противопоставлена городскому плену, болезни и тоске (ОА, т. 2, с. 347–348).

²²⁵ Скубач О.А. Два лика Алтая... С. 14.

²²⁶ Литературная мифология Алтая. С. 13.

Если горные реки впечатляют зрителя стремительным извилистым течением, порогами, кипением воды, то Обь – масштабами. Например, в очерке А. А. Черкасова «А. Брэм» (1887) известный путешественник «восхищался грандиозностью громадного разлива воды на широкой сибирской реке и пытливо окидывал взором эту массу вод, клубящуюся до пены, вертящуюся местами воронками и все это, взятое вместе, плавно несущееся к далеким берегам холодного моря» (ОА, т. 1, с. 425). В стихотворении «Обь-река» М. И. Юдалевича читаем: «Были со середины даже летом / трудно различимы берега»²²⁷. В рассказе А. П. Соболева «Алтайский француз» (1980-е) старик-эмигрант, навестивший родину, вспоминает: «Бию и то не признал в лицо. Обмелела, грязная стала, а река была державная. Как разольется, бывало, да как встренутся с Катунью-то – дак целое море!» (ОА, т. 5, с. 44).

Не удивительно, что в мифологической картине мира коренных народов Алтая слияние Бии и Катунь образует Мировую реку-море-океан, т. е. реальная Обь соотносится с космической Рекой. Реки текут с гор, в мифологии река связывает «верх» (будущее) и «низ» (прошлое). Обь как Мировая река / Мировая ось занимает срединное положение²²⁸. Интересным образом данная сакральная география переосмысливается в стихотворном цикле П. А. Казанского «Рождение Оби». Происхождение реки интерпретируется как нейтрализация нисходящей вертикали Катунь («поток <...> с высоты сошел») восходящей вертикалью Бии («из <...> глубин») в горизонтальный вектор движения Оби к «родным льдам» в Северный Ледовитый океан (ОА, т. 2, с. 355–356).

Любая река структурирует не столько время, сколько пространство. Особенно наглядно эта функция реки представлена в картографии. Так, в рассказе В. С. Сидорова «Тайна белого камня» маршрут поиска «сокровищ» сориентирован по реке Обь. В романе С. П. Залыгина «Тропы Алтая» есть две карты: са-

²²⁷ Писатели Алтая: в 15 т. Т. 2: Антология алтайской поэзии. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2000. С. 389.

²²⁸ Сагалаев А. М. Алтай в зеркале мифа. С. 83; Павлинская Л. В. Реки Сибири; Тадина Н. А. Река как образ родины у алтайцев. С. 153.

кральная и реальная. Старик-алтаец чертит пальцем по остывающей золе, рассказывая о сотворении Алтая культурным героем:

«– Сартакпай палец вот так – борозда делал! <...> Борозда делал – Чулышман-река побежал... <...>

– Сартакпай левой рукой все равно правильно делал: вот как Башкаус-река побежал! <...> Сартакпай сына ждал – тоже сильный был... Ушел Катунь-реку делать. Три дня сына ждал. Три дня палец к земле прижимал. Когда поднял палец, там озеро уже. После русские пришли. “Телецкое” дали имя! По-нашему – Золотое озеро, Алтын-Коль. <...> Гляди! – показал на золу около костра – там были знакомые очертания, географической карты Алтая: Чулышман, Башкаус, Телецкое озеро, Бия. <...> Они (с сыном. – *Т. Б.*) после Бию-реку, Катунь-реку вместе брали, один Обь делали. Далеко Обь-река – ей дорогу тоже делали... В море. Знал, как правильно делать Сартакпай» (ОА, т. 4, с. 226).

Вопрос о том, как правильно делать мир, в научной проблематике романа становится вопросом о том, как правильно делать карту: «...какой же нынче должна быть география?»²²⁹ (ОА, т. 4, с. 340). В этой области лежит конфликт интересов старшего и младшего Рязанцевых. Сын хочет исправить неверную карту авторитетного ученого, на которую опирается его отец. Сакральная картография алтайцев, описательная география прошлых лет должны смениться современным научным взглядом, совмещающим мельчайшие подробности местности с междисциплинарной генерализацией. Возможность целостного системного обобщения символизирует панорама с высоты полета вертолета: «Алтай виден был далеко, без остроконечных скал, почти без троп и поселков – Алтай между Катунью, Телецким озером и его притоком, рекою Чулышман, а Рязанцеву казалось, будто он видит всю Сибирь, чувствует Азию...» (ОА, т. 4, с. 342). Вид аналогичен нари-

²²⁹ Проблема картографического канона особо остро стояла в СССР при Сталине (*Орлова Г. А.* Советская картография в сталинскую эпоху: детская версия // *Неприкосновенный запас.* Дебаты о политике и культуре. 2008. № 2. С. 85–101). Актуальность данного вопроса в романном мире можно считать очередным «идеологическим рудиментом» соцреализма в романе, помимо указанных *О. А. Скубач.* (*Скубач О.А.* Два лика Алтая... С. 16).

сованной стариком схематической карте Горного Алтая, пространственные координаты определяются теми же гидрообъектами. Ученый – новый Сартакпай, знающий, «как правильно».

Демииургические амбиции советской науки воспеваются в цикле «Кулундинские письма» (1979) А. М. Родионова. Создание Кулундинского канала иллюстрируется согласно типичной советской риторике, где переустройство природы визуализировалось при помощи карты и схемы. Указка учителя идет по глобусу между Обью и Иртышом: «...там, где резал / Степь Кулундинский канал». Затем: «Канал, отростки и ростки / Нарисовал он мелом белым / На влажной черноте доски» (ОА, т. 5, с. 224). Легкость возникновения изображения коррелирует с податливостью рельефа, что мотивировано квазиестественным происхождением нового ложа реки: «...Жить зарождением русла, где воды, / В степи войдут, как явление природы, / И возликует степная душа» (ОА, т. 5, с. 225). Человек сам направляет ток воды, а не следует за рекой, как было исстари.

Реки ориентируют человека в пространстве, путь вдоль реки соотносится с семантической оппозицией «верный – неверный»: «Я спускаюсь в ту сторону, где река. У меня нет компаса, и я определяю путь по шуму реки» (ОА, т. 2, с. 261), – говорит герой рассказа С. И. Исакова «Там, в горных долинах» (1916). В повести П. Г. Низового «В горах Алтая» алтаец Перка объясняет другу, как они выберутся из тайги: «Видишь гора, тут ущелье идет низ. Тут речка. Все речка низ текут в большой река. Там долина, – люди в долина больше живут» (ОА, т. 3, с. 227). Действительно, с древнейших времен реки направляли и упорядочивали расселение людей, обуславливали специфику приречного этноса. Известно, что до середины XIX века алтайские роды селились по речным долинам. До сих пор место проживания определяют по реке²³⁰. Маршрут, по которому шло заселение русскими Сибири и Алтая также маркирован реками. В рассказе В. М. Бахметьева «У последней воды» написано: «Бежал его батюшка от страшной нищеты, от безземелья и барского гнета из Курского края на Енисей-реку... <...> И вот усуетовал

²³⁰ Тадина Н. А. Река как образ родины у алтайцев. С. 152–153.

ему какой-то добрый человек на Обь податься, а всего краше к истокам этой реки, в горы. Так и поступил он, а по пути на Бии-реке примкнули к нему целой артелью такие же, как он... <...>. Этак вот, артелью, и приглядели они себе займище на речонке Топчуган. Совсем было расположились тут, да переманил их к Чарышу, на Черемуховый Ключ, тамошний поселенец Иван Шестаков» (ОА, т. 2, с. 188).

Поиск Беловодья, стимулировавший миграционные процессы, определяется водными путями, что очевидно из названия «земного рая». В романе А. Е. Новоселова «Беловодье», герой, будучи ребенком, ощущал, что родная деревня и есть подлинное Беловодье: «Слышал, что ищут какие-то “белые воды”. Но кристальная вода родной реки не казалась ему черной...» (ОА, т. 2, с. 85). Связь детства и рая в культуре архетипична. Река маркирует время детства и locus малой родины у многих авторов, выходцев из сельской глубинки. В произведениях В. М. Шукшина, В. С. Золотухина, Р. И. Рождественского, а также алтайских поэтов-шестидесятников Л. С. Мерзликина, Г. П. Панова, Н. М. Черкасова, В. М. Башунова центральное место занимает фонетико-семантическая связь понятий «родина – река – речь». Родина ассоциируется с родником, источником жизни и творчества – «кастальским ключом»²³¹. Аналогия «шум реки = речь, пение, стихи» – одна из базовых констант культуры.

Итак, изучение аквапоэтики произведений об Алтае позволило выделить круг мотивов и образов, базирующихся как на реальных качествах исследуемого объекта, так и на литературой традиции, на архетипических основаниях. Образование одной из главных рек Сибири – Оби – путем слияния Катуня и Бии отражено в литературе через визуальный образ: цветовое различие двух рек в русле тре-

²³¹ Козлова С. М. Алтайский текст в русской поэзии // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. Вып. 1. С. 14–24 ; Марьин Д. В. Алтай в литературе 1970–1980-х гг. // Образ Алтая в русской литературе XIX – начала XX вв.: антология: в 5 т. Т. 5: 1970–1980 гг. Барнаул: ИД «Барнаул», 2012. С. 16 ; Богумил Т. А. Крест как принцип моделирования поэтического мира Л. Мерзликина // Русская словесность в России и Казахстане: аспекты интеграции. Барнаул: АлтГПУ, 2013. С. 246–254 ; Куляпин А. И. Семиотика художественного пространства В. М. Шукшина. С. 95–102 ; Литературная мифология Алтая. С. 14.

твей; и антропоморфный образ: союз/конфликт мужчины и женщины, двух женщин. Белый цвет горных рек отождествляется с молоком и сединой, рождая зооморфные и антропоморфные метафоры. Шум горных рек интерпретируется как крик зверя, плач и речь (бытовая и художественная) человека. Течение воды ассоциируется с ходом времени, бурное течение – со сложным историческим моментом, неизменность течения – с вечностью. Часто встречается хронотоп переправы, связанный с кризисным моментом в жизни человека и/или социума. Плавание по реке наделяется авантурными, гносеологическими, эстетическими функциями. Реки позволяют дифференцировать пространство и ориентироваться в нем. Малые реки, как правило, связаны с концептами родины и детства. Отмеченная семантика, по преимуществу, носит универсальный характер, конкретизируясь при помощи топонимики, исторических фактов, локальной мифологии и фольклора.

1.3.2. Образ Чуйского тракта

Одной из основных мифологем пространственной организации мира является дорога. В мифопоэтическом прочтении дорога, прежде всего, есть модель жизненного пути (судьбы) и пути души в загробный мир²³². Как отметил Е. М. Неёлов, «сказка заканчивается вовремя, в срок ... , за которым волшебносказочный оптимистический образ пути-дороги, дороги-жизни, переходит в символический образ дороги-смерти, характерный уже для похоронной обрядовой поэзии»²³³. Это «нечистый» локус, где «свой» мир граничит с «чужим»²³⁴ и где происходят решающие встречи. В ряде фольклорных и литературных жанров хронотоп дороги определяет композицию и событийный ряд всего произведения.

²³² Невская Л. Г. Семантика дороги и смежных представлений в погребальном фольклоре // Структура текста. М.: Наука, 1980. С. 228–239.

²³³ Неёлов Е. М. Волшебносказочные корни научной фантастики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. С. 114.

²³⁴ Левкиевская Е. Е. Дорога // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 124.

Этнографические исследования показали, что семантика дороги в русской культуре сложилась в результате диалектического единства статики и динамики: «Русские – движущийся этнос с самосознанием оседлого»²³⁵. «Культура дома» и «культура дороги» существовали по принципу взаимодополнительности и взаимоподобления, причем дорога устойчиво представлялась «источником опасностей и угроз, антивитальных, потусторонних сил»²³⁶. «Культура дороги» в традиционном «домоцентричном» обществе сосредотачивала «разнообразные скрытые, эзотерические и альтернативные доминирующей традиции элементы», которые актуализировались в кризисных ситуациях²³⁷. Информация извне (от знахарей, странников-богомольцев и др.) способствовала устранению «точек дезадаптации» оседлого общества, выполняла стабилизирующую функцию. В том случае, когда кризис охватывал значительную часть общества, идеология дороги начинала доминировать, провоцируя миграции населения (поиск Беловодья или других утопических земель)²³⁸.

Универсальные мотивы, связанные с дорогой, своеобразно реализуются в разных фольклорных жанрах и литературных произведениях. Наиболее существенную роль образ дороги играет в повествовательном фольклоре, поскольку главные персонажи сказок, былин, быличек – всегда герои пути. Движение персонажа в указанных жанрах представлено как путь, то есть реализация / нереализация дороги²³⁹. В сказке путь-дорога – это композиционный стержень повествования, модель мира и судьбы. Сказочный конец пути (свадьба) максимально воплощает народные представления о счастье, полноте реализации человеческого уде-

²³⁵ Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003. С. 8.

²³⁶ Там же. С. 474.

²³⁷ Там же. С. 17–18.

²³⁸ Там же. С. 475–477.

²³⁹ Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Н. В. Гоголя // Лотман Ю. М. О русской литературе. СПб.: Искусство-СПб, 1997. С. 656 ; Неклюдов С. Ю. Движение и дорога в фольклоре // Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. Jahrgang LII, 2. Reiseriten – Reiserouten in der russischen Kultur. München: Verlag Otto Sagner, 2007. P. 206.

ла²⁴⁰. Прикосновение к потустороннему миру в сказке связано с мотивом встречи на дороге, развилке, перекрестке (см. выявленные В. Я. Проппом функции дарения, испытания, опознавания и пр.), для былины и былички более характерна ситуация сопутствия и движения вослед. В разных жанрах варьируется степень проходимости дороги, наличие / отсутствие на ней препятствий. Эпитет «далекая», применяемый к дороге, в сказке означает «далеко ведущая», а в былине «далеко находящаяся». Для несказочной прозы (быличка, предание) и заговоров характерны определения дороги по ее принадлежности (леший след, Государева дорога). Мифологическое значение дороги как жизни и судьбы оказалось востребованным античной и средневековой словесностью, особенно дидактическими жанрами. Представление о перепутье и выборе из двух дорог, одна из которых широкая, легкая и – гибельная, а другая узкая, трудная и душеспасительная, восходит к новозаветной притче о «тесных вратах» (Лк. 13:24–29) и античной традиции (Эзоп, Гесиод). В русской литературе эта мифологема присутствует, например, в рукописном «Видении о двух путях» (XVII в.), в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (1863–1876)²⁴¹.

В художественной литературе, начиная с XIX в., мифологема дороги претерпевает определенные трансформации, описанные Е. М. Неёловым: утрата системности, направленности «туда» – «обратно» и конечности, метафоризация образа «дорога – страна», расподобление «пути» и «дороги», появление проблемы выбора пути и др.²⁴². Впрочем, названные метаморфозы не отменяют возможности обращения писателей к традиционным смыслам и структурам в рамках определенного жанра (литературная сказка, научная фантастика и др.) и индивидуально авторского замысла (фольклоризация, неомифологизация).

Главной дорогой Сибири – пространства, активно осваиваемого в процессе и результате движения, – уже более двух веков является самый протяженный в

²⁴⁰ Неёлов Е. М. Волшебнo-сказочные корни научной фантастики. С. 110–114.

²⁴¹ Неклюдов С. Ю. Движение и дорога в фольклоре.

²⁴² Неёлов Е. М. Волшебнo-сказочные корни научной фантастики. С. 116–117.

мире Московско-Сибирский тракт. О нем сложены легенды и предания, написаны научные исследования²⁴³. На Алтае подобной высокой значимостью обладает Чуйский тракт. В историко-географических трудах изложено возникновение этого маршрута и его превращение из миграционной тропы эпохи палеолита в автодорогу федерального значения, описаны изменения направлений, особенности при трактовой природы и поселений²⁴⁴. Многочисленные путевые очерки и путеводители популяризовали эту информацию²⁴⁵. Сведения о культурной составляющей дороги, как правило, ограничиваются рассказом о сопутствующих археологических памятниках и фольклоре, объясняющем происхождение знаковых мест вдоль тракта (гора Бабырган, озера Ая, Манжерок и пр.). Между тем практически не изученным остается семантический ореол Чуйского тракта в художественной литературе.

В начале XX века по территории Алтая пролегалo несколько гужевых транспортных путей²⁴⁶, но только Чуйский тракт запечатлен на литературной карте страны. Это обстоятельство связано, как минимум, с двумя «гениями места», названными в стихотворении «На Чуйском тракте» алтайского поэта Г. П. Панова:

Шуршанье шин. И шум вершин.

²⁴³ Катюнов О. Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004. 568 с.

²⁴⁴ Старцев А. Есть над Чуей-рекою дорога... // Чуйский тракт. 2006. № 1. С. 8–11; Подрезов М. В. История Чуйского тракта: обзор основной литературы // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 414. С. 103–107.

²⁴⁵ См., например: Гармс О. Путешествие по Чуйскому тракту: неизведанный Алтай: путеводитель. Барнаул: [б.и.], 2009. 142 с.; Грехова Е. А. Чуйский тракт до монгольской границы: историко-краеведческий очерк. Бийск: [б.и.], 2006. 99 с.; Кислицын В. Н., Малолетко А. М. Чуйский тракт. Времена. Имена. Барнаул: [б.и.], 2013. 87 с.; Сарычева Т. Путешествие по Чуйскому тракту: путеводитель. Горно-Алтайск: [б.и.], 2001. 76 с.; Кожевников С. Машина идет в Кош-Агач // Ойротия в зеркале литературы: антология / под ред. Э. П. Чининой, Т. П. Шастиной. Горно-Алтайск: Полиграфика, 2020. С. 143–154.

²⁴⁶ Барнаульско-Кузнецко-Томский, Кузнецко-Бийский, Барнаульско-Змеиногорский, Бийско-Змеиногорский, Барнаульско-Бийский, Змеиногорско-Семипалатинский, Бийско-Усть-Каменогорский, Уймонский и Чуйский тракты (Белявский Ф. Н., Семенов-Тянь-Шанский В. П. Русский Алтай // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков. Барнаул, 2005. Т. 1. С. 372).

И слышится: Шишков, Шукшин.

И в том – отечественный факт

(давайте это не забудем!):

Шишков разведал Чуйский тракт,

Шукшин о нем поведал людям! (ОА, т. 5, с. 56)

Для поэта, чувствительного к фонетическому уровню языка, соответствие имен писателей и звуков дороги оказалось глубинным резонансом, подтверждающим фактологическую связь В. Я. Шишкова и В. М. Шукшина с трактом. Стоит отметить, что для самого Шишкова знаковыми лицами Чуйского тракта были посредники между русской и алтайской культурами: художник Г. И. Чорос-Гуркин, этнограф Г. Н. Потанин, ботаник и географ В. В. Сапожников, писатели Г. Д. Гребенщиков и Г. А. Вяткин²⁴⁷. Однако только В. Я. Шишков и В. М. Шукшин получили «прописку» на тракте: первому здесь установлен памятник (с. Манжерок), в честь второго открыт мемориальный музей (с. Сростки). Как известно, по проекту Шишкова-инженера был проложен современный маршрут тракта. Не менее важно, что Шишков-писатель создал образную парадигму Чуйского тракта в литературе, в то время как В. М. Шукшин не просто существенно дополнил художественную традицию, но и артикулировал связанные с родной дорогой смыслы в автометаописательном тексте.

Итак, впервые художественное слово о главной дороге Алтая произнес В. Я. Шишков. В путевых очерках «По Чуйскому тракту» (1914) и цикле рассказов «Чуйские были» (1918) он задал основные векторы моделирования образа. Тексты создавались на основе впечатлений от возглавляемой им экспедиции 1913–1914 годов по изысканию оптимального маршрута. В своих путевых очерках В. Я. Шишков, с одной стороны, запечатлевает «быт в его плотной и густой материальности»²⁴⁸, постигает и закрепляет образы «инога» (коренных народно-

²⁴⁷ Маркина П. В. Мифопоэтика путевых очерков В. Я. Шишкова «По Чуйскому тракту» // Русистика и современность: в 2 т. Т. 2. Астана: ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 2016. С. 320.

²⁴⁸ Яновский Н. Н. Вячеслав Шишков: очерк творчества. М.: Худож. лит., 1984. С. 19.

стей, русских сибиряков и переселенцев), обнажая безобразные стороны жизни. С другой стороны, творческий метод В. Я. Шишкова шире приписанных ему советским критиком рамок «обличительного» и «безысходного» реализма²⁴⁹. Современный взгляд на прозу писателя усматривает в ней духовное начало. Это реализм «с элементами романтизма, глубоким психологизмом, религиозно-философским осмыслением бытия и патриотической направленностью»²⁵⁰. Так, теологические установки художественной путевой прозы В. Я. Шишкова наиболее отчетливо проявились в рассказе «Алые сугробы» (1925), где два крестьянина отправляются на поиски Беловодья (см. параграф 2.2.1). Часть их маршрута совпадает с Чуйским трактом: «Езжайте прямым трактом в Онгудай...», – советует «самоходам» сибиряк-чалдон²⁵¹.

В очерках «По Чуйскому тракту» повествование строится на контрастах «далеко / близко», «природное / социальное» с положительной оценкой первого элемента оппозиций. Внутри социального мира со- и противопоставлены Русь и Орда. Различны они укладом быта, схожи социальной дифференциацией на угнетателей и угнетенных. Определение, данное тракту писателем – «многогрешный и многострадальный» (с. 91)²⁵², – стало одной из семантических доминант художественного образа. Связана эта характеристика, во-первых, с реальными трудностями пути: «подъемы крутые, повороты невозможные, грязь» (с. 91); во-вторых, с разбоем на дорогах: «А тут ямщика одного кончили» (с. 91); в-третьих, с традиционным для «домоцентричного» русского этноса представлением о дороге как пространстве дезорганизации, беспорядка, аномалии, небытия, смерти²⁵³.

²⁴⁹ Там же. С. 21.

²⁵⁰ Редькин В. А. Вячеслав Шишков: новый взгляд: очерк творчества В. Я. Шишкова. Тверь: Тверское областное книжно-журнальное изд-во, 1999. С. 10.

²⁵¹ Шишков В. Я. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. М.: Правда, 1983. С. 119. Попутно отметим, что путь от Бийска до с. Черга как фрагмент маршрута к Беловодью описан в очерке Н. М. Ядринцева «На обетованных землях» (1886).

²⁵² Здесь и далее до конца параграфа в круглых скобках указаны страницы по изданию: Шишков В. Я. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Барнаул; Кемерово: Технопринт, 2018. 398 с.

²⁵³ Щепанская Т. Б. Культура дороги... С. 35–37.

Следуя сложившейся к середине XIX века традиции, В. Я. Шишков прибегает к метафорическому образу дороги как индивидуального и общественного жизненного пути («дорога – образ жизни», «дорога – страна»). В начале цикла намечена тема утраты верного направления, созвучная знаменитому гоголевскому вопрошанию о «птице-тройке»: «Издали кажется, что нет пути вперед, что ямщик с дороги сбился, не туда несут кони. Кругом горы. Куда ж пойдет дорога?» (с. 94). Последние строки цикла подытоживают тему: «Но как может знать лошадь, куда ей идти, если заблудились при постройке тракта сами строители, проводят тракт не там, где нужно» (с. 119).

Гоголевская реминисценция переводит рассуждения инженера о неудачности трассы в область философских раздумий о судьбах страны, о духовном заблуждении. Далеко не случайно писатель начинает последний очерк цитатой изречения, нацарапанного на вершинном придорожном столбе перевала Чике-Таман: «Ета не Чекетаман, а черт-атаман, сорок восемь грехов» (с. 118). Восходящее движение по Чуйскому тракту, по справедливому замечанию П. В. Маркиной, не оправдывает ожиданий, связанных с положительными коннотациями подъема как святости и чистоты, напротив, подъем по дороге сопровождается падением нравов, умалением духовности²⁵⁴. Многочисленные повороты, перепады высот перевала, ограниченная видимость и потеря ориентации в традиционном сознании мифологизируются и могут осмысливаться как негативное управление человеком, навязанное искривленным пространством, «страшное» место²⁵⁵.

Рассказчик проводит аналогию между Чике-Таманом и колокольной Ивана Великого, опираясь, на первый взгляд, только на пространственные характери-

²⁵⁴ Маркина П. В. Мифопоэтика путевых очерков В. Я. Шишкова «По Чуйскому тракту». С. 318, 322. Ср. с наблюдением А. Е. Новоселова о губительной роли другого тракта для жителей села Шемонаиха Змеиногорского уезда Томской губернии (ныне город в Восточном Казахстане): «Тракт сделал свое дело и в области нравственности. Молодежь не только поголовно курит, что для истинного старообрядца великий грех, но поголовно пьет» («У старообрядцев Алтая», 1913) (ОА, с. 2, с. 63).

²⁵⁵ Щепанская Т. Б. Культура дороги... С. 245–246.

стики перевала – его высоту: «неразумная природа так ухитрилась поставить» (с. 118). Однако в отмеченной параллели можно усмотреть историософскую идею. Истоки социального неблагополучия современного рассказчику мира коренятся в толще времен, в политике «собираания земель», начатой русскими при Иване III Великом. Симпатии автора к коренному населению Алтая то и дело проскальзывают в стремящемся к объективности повествовании: «Сорок племен угнетающий / Сердитый русский народ» (с. 110), – поют бурханисты. Социально-обличительный пафос оказался в дальнейшем особенно востребованным в советской поэзии и прозе (см. параграф 1.3.3).

Современный Чуйский тракт входит в состав автомобильной дороги федерального значения Новосибирск – Ярантай. У В. Я. Шишкова речь идет о «старом» Чуйском тракте, проходящем от города Бийска до границы с Монголией по левому берегу Катуня через села Смоленское и Алтайское. После окончания экспедиции по изысканию наилучшего маршрута и обработки материалов в 1916 году инженер предложил три варианта: прежний (левобережный) и два новых (вдоль Катуня и правобережный, который в итоге выбрали). Обстоятельства времени – революция, Гражданская война – отсрочили начало воплощения проекта до 1926 года. Тракт изменил направление, но семантический ореол остался прежним: «многогрешный и многострадальный» (с. 91). Оценочная доминанта, заданная В. Я. Шишковым, была поддержана в литературе XX века. Например, в повести Ю. Н. Козлова «Белый Бом» (1978), посвященной Гражданской войне на Алтае, Чуйский тракт остается смертельно опасным пространством, что связано с возможностью засады на красноармейцев: «Длинный тракт. Шестьсот верст. Четыре перевала, сорок бомов, три по сорок черных теснин. Каждая верста против тебя» (ОА, т. 5, с. 91). Отряд проходит мимо отвесной скалы, которая «мрачнела на фоне веселой зелени, как надгробие» (ОА, т. 5, с. 98). Герой-алтаец рассказывает предание, связанное с Писаной горой, или Бичекту-Кая²⁵⁶. Много веков назад

---

²⁵⁶ См. также: *Гордиенко П.* Ойротия (к десятой годовщине Ойротской автономной области) // Там же. С. 91.

ходил чуйской тропой монгольский царь Санака, грабил и убивал народ. Наконец у бомов Бичекту-Кая и Бозоголу алтайцы устроили укрепления. Не смогло войско монголов преодолеть их, разделилось и пошло в обход, да по пути часть была разбита, а часть замерзла в снежной буре. Уходя, предводитель начертал на скале: «Я здесь был» и «Я приду» (ОА, т. 5, с. 98–99). Красноармейцы ожидаемо воспринимают «сказку» как намек: «Угрюмое место. Дорожка тоже. Как бы и нам не пришлось оставить здесь свои подписи» (ОА, т. 5, с. 99). Учитывая, что далее по тракту, у Белого Бома, отряд ожидает засада, которая по воле случая расстреляет другой отряд (реальный факт), опасения были не напрасны. Времена меняются, а инвариант событий – нет.

Итак, древнее универсальное для русской культуры восприятие дороги как зоны насилия, где путнику надо всегда быть готовым к нападению и отпору²⁵⁷, проявляется в различных авторских образах Чуйского тракта, наполняясь конкретно-историческим содержанием (разбой на дорогах, война).

Другой семантический пласт Чуйского тракта вырастает из представления, что любой путь – это мир в миниатюре. Дорога включает в себя различные территории и времена, что неоднократно становилось предметом рефлексии писателей. Так, С. П. Залыгин в романе «Тропы Алтая» (1959–1961) восхищается: «Каждый, кто проедет Чуйским трактом с севера на юг, увидит в этой стране под названием Горный Алтай множество других стран...

Увидит мягкие очертания невысоких, сглаженных гор – и вдруг узнает Южный Урал...

Увидит Семинский перевал – и подумает, что это Саяны.

Перевал Чикитаман (sic!), а вскоре за ним бомы вдоль Катунки напомнят путешественнику Кавказ...

В устье Чуи промелькнет перед ним картина из предгорий Копет-Дага (sic!), Курайская степь возникнет вдруг, как будто кто-то перенес сюда пейзаж Хакасии, а степь Чуйская – это пустыня Гоби в миниатюре» (ОА 4, 349–350).

²⁵⁷ Щепанская Т. Б. Культура дороги... С. 291.

Далее С. П. Залыгин рассуждает о метаморфозах календарного времени: «Миновали Семинский перевал. Там, на высоте, была уже зима, снег покрыл тундровую растительность и деревья тонким блестящим налетом. Когда спустились в деревню Топучую, зима кончилась, но и здесь все дышало воздухом глубокой осени...» (ОА 4, 350).

Здесь он невольно вторит В. Я. Шишкову, более века тому назад заметившему: «Что за Алтай, что за страна сюрпризов! Вечером туча зашла, засияла молния, гром загрохотал. На другой день хиус подул, холоду нагнал, на третий день, 16 сентября, из Топучей в Шелаболиху (sic!) я приехал на санях, зима была. А потом опять лето настало, теплое, бабье лето» (с. 117).

Исторические события, происходившие на Чуйском тракте, зафиксированы археологическими артефактами, мемориальными знаками, а на словесном уровне – в легендах, преданиях и художественных произведениях. Путник волей-неволей соотносит современность с древностью, увидев вербальный, а чаще невербальный «текст».

Чуйский тракт – не только спрессованное пространство и время (календарное, историческое), но и своего рода палимпсест, текст, сквозь который «чужое слово проступает» (А. А. Ахматова). С. П. Залыгин писал так: «...давным-давно исхожены все тропы на обетованной земле. Пусть известна горькая правда – путешествие ничто не изменит на географической карте, не укажет новых троп, не откроет ничего нового в природе, – пусть так <...>. Быть может, счастливцу, который пройдет этими же путями много-много лет спустя, более зоркому и внимательному, чем ты, все-таки пригодятся твои глаза, твой слух, твои мысли, и он откроет то, что не дано было открыть тебе» (ОА, т. 4, с. 27).

Писатель размышляет о диалектике встреч, знакомств и одиночества в пути; о появлении прозвищ, а стало быть, новых обертонов личности в условиях дорожного существования; о законах жизни, диктуемых трассой: «Законов и правил для него, кажется, никаких не существовало, кроме одного: на дороге выручать своего брата шофера» (ОА, т. 4, с. 56). В художественном мире Залыгина тракт

ассоциируется с надежностью, возможностью спасительного бегства от людей и чувства вины: «На тракте она сядет в первую же машину и уедет в Бийск. Что будет дальше – безразлично» (ОА, т. 4, с. 225). Тракт в мифопоэтической традиции аналогичен жизненному пути, поэтому закономерны мысли героя о придорожных столбиках как вехах человеческой судьбы: «Столбики эти не отмечали ни населенных пунктов, ни километров – они ограждали путь, но Рязанцев подумал, что, может быть, какой-то из них вот сейчас отметил половину его жизни» (ОА, т. 4, с. 352).

Отсутствие прагматической функции вещи позволяет наделить ее функцией семиотической: ничего не значащий столб в субъективном восприятии становится символом жизненного рубежа. Путешествие меняет человека, его систему ценностей, даже географические координаты: «Давно заметил Рязанцев, насколько условны такие понятия, как “центр”, “большой город”, “столица”» (ОА, т. 4, с. 115). И вот скромный Горно-Алтайск вырастает до статуса Москвы, а «маленькое», «далекое», «затерянное» село Онгудай оказывается центром пересечения транспортных потоков из России в Монголию и обратно. Так С. П. Залыгин обозначил очень важные моменты, связанные с идеей путешествия вообще и по Чуйскому тракту в частности.

Пожалуй, самый весомый вклад в формирование образа Чуйского тракта после В. Я. Шишкова внес В. М. Шукшин. Базовой константой художественного мира писателя наряду с рекой Катунь является Чуйский тракт. В интервью «От прозы к фильму» В. М. Шукшин объяснял: «Почему я не сделал всех этих “Странных людей” жителями одной деревни? Чего, казалось бы, проще: поселить их на одной улице <...> Ведь не случайно же возник Чуйский тракт, по которому ехал от села к селу, от встречи к встрече Пашка Колокольников?!» (Шукшин, т. 8, с. 117).

Следовательно, тракт «вытягивает» точечное пространство в линию, играет важную композиционную роль, «нанизывая» села-встречи-тексты на нить, образуя целостную эпическую картину мира.

Шукшин первым из писателей сформулировал семантику Чуйского тракта в предисловии к киноповести «Живет такой парень» (1975), обозначив главные значения, связанные с этим образом:

1) сходство с рекой (см. параграф 1.3.3);

2) искушающее сочетание красоты и опасности высоты, вызывающее в человеке авантюризм: «Он (тракт) манит к себе, соблазняет молодые души опасным ремеслом, сказками, дивной красотой. Стоит разок проехать от Бийска до Ини хотя бы, заглянуть вниз с перевала Чике-таман (Чик-атаман, как зовут его шоферы) – и жутковато станет, и снова потянет перевозмочь страх, и увидеть утреннюю нагую красоту гор, почувствовать кожей целебную прохладу поднебесной выси...» (Шукшин, т. 1, 272);

3) творчество: «Много всякой всячины рассказывается, поется, выдумывается о нем. <...> все легенды – всё с Чуйского тракта» (Шукшин, т. 1, 272);

4) особый тип героя дороги: «Все удалые молодцы, все головорезы былых лет <...> – всё с Чуйского тракта. <...> Такой суровый и такой рабочий тракт не мог не продиктовать людям свои законы. Законы эти просты: Помоги товарищу в беде. Не ловчи за счет другого. Не трепись – делай. Помяни добрым словом хорошего человека. Немного. Но они неумолимы. И они-то определяют характеры людей. И они определяют отношения между ними» (Шукшин, т. 1, 272–273).

Естественно, эти характеристики дороги достаточно универсальны и традиционны, разрабатывались писателями и до Шукшина, но на другом материале. Анализ текстов позволяет дополнить очевидные писателю смыслы другими, возникающими исподволь, за пределами авторской рефлексии.

В наибольшей степени оригинальность писателя проявилась в образе героя-шофера, сформированного Чуйским трактом. Впервые такой типаж появляется в рассказах «Гринька Малюгин» и «Классный водитель» (цикл «Они с Катуня», 1963). Оба персонажа и закрепленные за ними сюжетные ходы путем контаминации образовали нового персонажа – Пашку Колокольникова, героя киносценария

х/ф «Живет такой парень» (1964) и одноименной киноповести (1975). Впоследствии под именем Пашки Любавина он перекочевал во вторую книгу романа «Любавины» (1987). Таким образом, данный персонаж далеко не случаен в мире писателя.

Какие черты характера свойственны этому сквозному персонажу? Смелость, легкость, летучесть, быстрота: «легкий на ногу», «смахивал на какую-то птицу», «Авиатор!», «Уважаю скорость» (Шукшин, т. 1, с. 186–187), влюбчивость и невезение в любви (Шукшин, т. 2, с. 293), желание «своровать» чужую невесту, жену (Шукшин, т. 1, с. 194, 282; т. 2, с. 302, 311), творческое начало – танец (Шукшин, т. 1, с. 184, 189, 276), «Поэму буду сочинять» (Шукшин, т. 1, с. 185). В быту творящая энергия персонажа выплескивается в создание новой автобиографии, бескорыстное враньё: «Меня же на Луну запускали» (Шукшин, т. 1, с. 179, 302), «Ну и трепач ты!» (Шукшин, т. 1, с. 189). В иррациональном состоянии порождает сны (Шукшин, т. 1, с. 183–184, 293–294, 306–307, 309–310). Весьма существенна посредническая функция персонажа. Как дорога соединяет отдельные точки пространства, деревню и город (см. «Первое знакомство с городом», 1968), так и персонаж пути соединяет человеческие судьбы: привозит жену к мужу («городскую женщину» к зоотехнику), способствует браку напарника с теткой Анисьей, вопреки собственным интересам примиряет любимую Настю с женихом.

Любовные приключения крепко связаны с хронотопом дороги²⁵⁸ и, в частности, с Чуйским трактом. Симптоматично, что бывшая подруга упрекает Пашку: «Культурный – по чужим бабам шастать. Наверно, уж весь Чуйский тракт охватил?» (Шукшин, т. 1, с. 292).

Хронотоп дороги требует персонажа, склонного к любовным и героическим авантюрам. Особо наглядно это представлено в тексте песни «Есть по Чуйскому тракту дорога...»²⁵⁹, мелодия которой звучит в фильме «Живет такой парень».

²⁵⁸ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 247.

²⁵⁹ Варианты: «Есть по Чуйскому тракту машины...», «Есть над Чуйе-рекою дорога...».

Авторская песня стала функционировать как фольклорная с конца 1930-х годов²⁶⁰. В песне погоня водителя трехтонной АМО за управляющей зеленым фордом девушкой (это условие, чтобы она ответила на его любовь) оборачивается его гибелью в пропасти. Значит, в народном сознании закреплена связь любви и смерти с пространством Чуйского тракта. Попутно отметим, что аналогичные смыслы, но в редуцированном виде присутствуют в рассказе Г. А. Горышина «Есть по Чуйскому тракту дорога...» (1957): связь дороги с одноименной песней и творчеством (герои-ремонтники пишут прозу), а также нереализованный любовный треугольник, потенциально чреватый смертью²⁶¹.

В фильме слова песни не приводятся, есть только узнаваемая мелодия, подсвечивающая сюжет возможностью трагедии. Показателен в этом отношении сон Пашки Колокольникова, навеянный легендой о встрече шофера на тракте с «голой бабой», которая просит привезти ей белой материи²⁶². Женщина из легенды трактуется старушкой-рассказчицей как смерть: «Это же смерть по земле ходила – саван себе искала. Вот вскоре после этого и война началась» (Шукшин, т. 1, с. 294). Во сне встреченная женщина оборачивается возлюбленной Пашки Настей. «А зачем тебе белое-то? Ты что, замуж вы...», – не успевает спросить герой и просыпается. Понятно, что замужество любимой ощущается героем как ее окончательная, смерти подобная утрата. Одновременно сон обнажает древнейшее мифологическое тождество брака и смерти. Наконец, сон выполняет прогнозирующую функцию. Композиционно непосредственно за ним следуют поминки разбившегося на тракте товарища-шофера, справляемые на месте гибели: «Впереди, близ дороги, большой серый валун. <...> На камне написано: “Тут погиб Иван Перетягин. 4.5.62 г.”» (Шукшин, т. 1, с. 294). Затем идет брачный эпизод, где герой сво-

²⁶⁰ История создания песни изложена ее автором в: *Михеев М. П.* Как родилась песня // Сибирские огни. 1965. № 9. С. 148–149. См. также: *Козлов Ю. Я.* Есть над Чуей-рекою дорога. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1971. 120 с.; *Шипилов В. Н.* Из жизни Кольки Снегирева // Бийский рабочий. 1988. 27 янв. С. 2.

²⁶¹ См.: *Горышин Г.* «Есть по Чуйскому тракту дорога...» // Аврора. 1990. № 8. С. 23–35.

²⁶² Аллюзия на распространенные в фольклоре рассказы о встречах пьяных с женщиной в белом – «дорожницей». См. об этом: *Щепанская Т. Б.* Культура дороги... С. 331.

дит одинокого напарника с теткой Анисьей. Следующее звено сюжета – чреватый смертью подвиг Пашки, когда он уводит горящий бензовоз в безопасное место и едва спасается сам. Во сне Пашка не успел проговорить «замуж выходишь». В реальности смерть покалечила его, но не свершилась. Чередование любви и смерти продолжает эпизод прихода в палату к герою журналистки, в которую он безответно влюбляется. Следующий сон Пашки – о женщинах, у которых сердце болит (тема смерти). Завершающий сон возвращает героя к навеянной легендой встрече с Настей, которая говорит ему: «Так вот, ты не верь: это не смерть была, это любовь по земле ходит» (Шукшин, т. 1, с. 309). «Значит, будем жить», – резюмирует Пашка. Следовательно, в отличие от народной трактовки такой встречи как предвестия смерти, в подсознании героя это событие переосмысливается и символизирует любовь и жизнь.

Преодоление смерти жизнью прочитывается и в рассказе В. М. Шукшина «Чужие» (1974) – истории про подаяние ребяташками «пятка» яичек сиблаговцам (заключенным сибирских лагерей), строившим Чуйский тракт в 1930-е годы (Шукшин, т. 7, с. 113). Помимо того, что это сытная еда, несомненно, необходимая работавшим в тяжелейших условиях заключенным, яйцо еще и символ возрождения.

Чуйский тракт благодаря фонетическому созвучию невольно ассоциируется с глаголом «чуть». Весьма примечательно словоупотребление этого глагола в произведениях писателя. В подавляющем большинстве случаев персонажи чувствуют приближение беды²⁶³. Смертельно опасное преследование организует сюжет рассказа «Рыжий» (1974). Начавшись идиллическим описанием природы и состояния души: «Это было давно и прекрасно», «Сердце замирало в радости», «И прекрасна моя родина – Алтай...» (Шукшин, т. 7, с. 42–43), – повествование стремительно приближается к роковому столкновению машин. Важно, что события видятся глазами авторизированного подростка. Весна в природе коррелирует с возрастом

²⁶³ Во 2 томе из 7 словоупотреблений 6 имеет указанную семантику, в одном – ощущение фальши (Шукшин, т. 2, с. 47, 53, 167, 216, 322, 369).

рассказчика. Его словами передано ощущение надвигающейся беды: «А опасность летела навстречу нам... Я <...> до сих пор помню этот треск – резкий, сухой, мгновенный... Как-то от него, от этого треска, толкнулось в сознании, что беда, может – смерть...» (Шукшин, т. 7, с. 43). Рыжий, в машине которого ехал мальчик, не прощает нахальства «встречного дурака», задевшего его машину, и пытается проучить, догнав обидчика. В глазах мальчика этот поступок выглядит героическим. Реакция Рыжего естественна для шофера Чуйского тракта, как формулирует это автор в наброске статьи о фильме «Живет такой парень»: «Испытай горе – прокляни и восстань на обидчика, который посягнул на жизнь, не им дарованную» (Шукшин, т. 9, с.25). Подростку в экстремальных условиях дан урок достойного поведения. Происходит возмужание личности: «Я же почему-то принялся думать так: нет, жить надо серьезно, надо глубоко и по-настоящему жить – серьезно» (Шукшин, т. 7, с. 45). За «документально-биографическим», по определению Шукшина, планом (Шукшин, т. 7, с. 276) кроется ритуальная схема инициации, «в-смерти-рождения». Не случайно исследователи проводили аналогии между характеристикой Рыжего – «Такого не враз сшибешь» (Шукшин, т. 7, с. 45) и самохарактеристикой Шукшина «Никогда ни разу в своей жизни я не позволил... сшибить себя»» (Шукшин, т. 7, с. 277–278). Рыжий шофер в этом контексте прочитывается как знающий дорогу, своего рода проводник души юноши через символическую смерть к новому уровню развития.

Итак, традиционное представление о дороге как гибельном пространстве Шукшин раскрывает через повествование о постройке Чуйского тракта заключенными-сиблаговцами и описание возможной смертельной аварии, используя идею преодоления смерти жизнью.

Шофер почти все время молчит, иногда только «зевнет, смешно заматерится – протяжно как-то, нараспев – и опять молчит» (Шукшин, т. 7, с. 42–43). Влюбленный «классный водитель» Пашка Холманский / Любавин постоянно напевает «В жизни раз бывает восемнадцать лет» (Шукшин, т. 1, с. 194, 196, 199; т. 2 с. 302), а Пашка Колокольников – «И за борт ее бросает / В набежа-авшую вол-

ну...»²⁶⁴ (Шукшин, т. 1, с. 283). Песня и Чуйский тракт для Шукшина были нераздельны. Не случайно жестокий романс «Есть по Чуйскому тракту дорога...» сопровождал видеоряду фильма «Живет такой парень». Титры фильма «Печки-лавочки» по замыслу режиссера, отклоненному цензурой, должны были сопровождаться игрой и пением частушек Феди-балалаечника, который бродяжничал по Чуйскому тракту в начале 1970-х, развлекая проезжающих своим творчеством, и случайно попался на глаза Шукшину (Шукшин, т. 9, с. 127–128). Песня, дорога и река тождественны в своем метафорическом прочтении как образ судьбы, жизненного пути. Ср.: «Он про свою долю поет» («Стенька Разин», Шукшин, т. 1, с. 125), «Прожил, как песню спел, а спел плохо. Жалко – песня-то была хорошая» («Билетик на второй сеанс», Шукшин, т. 5, с. 197).

Шукшиноведы неоднократно отмечали, что герой Шукшина, как правило, – это «человек пути»²⁶⁵. Именно он «по-настоящему близок Шукшину, который осмыслил свою жизнь в категориях пути»²⁶⁶. Дорога (жизни) создает человека под стать себе по архаичным лекалам. Характеристики шукшинского персонажа пути, шофера, (дар сновиденья, крылатость, плутовство, вранье, кража, творчество, посредничество, роль проводника) типологически совпадают с качествами древнегреческого бога-трикстера – Гермеса, прадеда хитроумного Одиссея, изобретателя лиры, покровителя путешественников и воров, насылателя снов и проводника душ.

Таким образом, в художественной литературе Чуйский тракт был описан как торговая гужевая дорога и маршрут ухода в Беловодье (В. Я. Шишков), как направление бегства / преследования во времена Гражданской войны (П. Г. Низовой, Ю. Я. Козлов), как автомобильная дорога, соединяющая села и

²⁶⁴ Цитата из знаменитой песни о Разине не случайно появляется в речи персонажа, в некотором смысле отождествляя Пашку и атамана. О. А. Скубач полагает, что Разин – «крайний выразитель идеи пути, кульминация героя-путешественника» (*Скубач О. А. К семантике образа героя-путешественника в произведениях В. М. Шукшина // Творчество В. М. Шукшина как целостность. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 57*).

²⁶⁵ *Куляпин А.И. Семиотика художественного пространства В.М. Шукшина. С. 84.*

²⁶⁶ *Скубач О. А. К семантике образа героя-путешественника... С. 56.*

рождающая героя пути – шофера (В. М. Шукшин). В творчестве И. А. Ефремова («Озеро Горных Духов») и С. П. Залыгина («Тропы Алтая») тракт связан прежде всего с геологическими и ботаническими разысканиями.

Еще одно «амплуа» Чуйского тракта – скотопрогонный путь – в центре внимания рассказа М. И. Веллера «Конь на один перегон» (1983). В сезон 1976 года начинающий автор работал перегонщиком скота на Чуйском тракте. Бытовая сцена укрощения коня скрывает мощный историко-культурный подтекст, одним из ключей к которому оказывается тракт как материализованная память. Действие рассказа происходит в долине реки Юстыд, известной археологическими артефактами (скифские курганы, наскальные росписи). То есть поединок героя с монгольским конем спроецирован на древние времена. Одновременно актуализированы современные аллюзии на американский вестерн²⁶⁷. Направление пути из Монголии в Бийск, согласно сложившейся традиции путешествия по Чуйскому тракту (от Бийска к Монголии), имеет «возвратный» характер и семантику подведения итогов²⁶⁸. Какие же итоги подводит М. И. Веллер? По мнению А. И. Куляпина, мотив укрощения коня появляется на излете советской эпохи далеко не случайно, поскольку издревле он связан с мотивом завоевания царства (Александром Македонским, Вещим Олегом, Батыем, Петром I, блоковскими «скифами»). Прогнозируемое убийство животного на скотобойне в конечной точке маршрута делает иллюзорными шансы освободившегося зэка Сиверина (его двойника) на нормальную жизнь. Одновременно грядущая гибель коня предсказывает крах Советской империи²⁶⁹. Здесь, как и у В. Я. Шишкова, путешествие по Чуйскому тракту стимулирует появление историософских идей о судьбе страны.

²⁶⁷ *Марьин Д. В.* Жанровые элементы вестерна в «алтайских» рассказах М. И. Веллера // Сибирский филологический журнал. 2017. № 4. С. 135–141.

²⁶⁸ Этот смысл более очевиден в упомянутых текстах об экспедициях, где в город везутся результаты исследовательской работы. Так, у И. А. Ефремова читаем: «Добравшись до Онгудая, я отправил в Бийск своего помощника с коллекциями и снаряжением» (ОА, т. 3, с. 380).

²⁶⁹ *Куляпин А. И.* Мотив укрощения дикого коня в русской литературе XX века // Русская словесность в России и Казахстане: аспекты интеграции. Барнаул: Алтайская гос. пед. акад., 2013. С. 286–291.

Последним к настоящему моменту ярким текстом о Чуйском тракте является песня Гарика Сукачева “Chuya highway” (2017, на англ. яз.). На песню был снят клип, кроме того, она стала саундтреком к документальному фильму «То, что во мне» (2017), режиссер и исполнитель главной роли в котором – сам Сукачев. Это роуд-муви о мотопутешествии по Чуйскому тракту до границы с Монголией. В тексте Чуйский тракт объявляется наилучшим (“the best”), даже по сравнению со знаменитой американской «Матери Дорог» – “Route 66”²⁷⁰. Отправляясь в дорогу, человек выключается из системы социальных связей: лирический герой прощается с родителями, сестрой, возлюбленной. Песня в полной мере воплощает «трасное мироощущение» (термин Т. Б. Щепанской), характерное для субкультуры байкеров и привлекательное современному человеку (идеология странничества вышла из тени «домоцентризма»²⁷¹).

Итак, образ Чуйского тракта в русской литературе XX начала XXI века имеет константные составляющие, впервые системно воплощенные в путевых очерках и цикле рассказов раннего В. Я. Шишкова. Семантической доминантой образа является представление о Чуйском тракте как пространстве греха, преступления, страдания, смерти, подвига. Чуйский тракт есть образ мира в сжатом виде: «спрессованное» пространство, календарное и историческое время, культурная память. Последнее порождает авторские историософские модели. В литературе середины XX века опасность тракта связывается, в первую очередь, с аварийностью. Авантюрная доминанта образа дополняется любовной и творческой составляющей. В творчестве В. М. Шукшина Чуйский тракт, подобно образу дороги в сказке и былине, часто выполняет композиционную роль, оказывается сюжетным стержнем, на который нанизаны решающие события жизни героя пути. Базовые

²⁷⁰ Как и Чуйский тракт, «Главная улица Америки» прославилась благодаря песне. Хит “Get Your Kicks on Route 66” (1946) многократно исполнялся в различных версиях: от джаза до рок-н-рола и электро-рока. Наложение американизированного рок-н-рольного звучания песни Сукачева на природный и стилизованный под алтайскую древность видеоряд довольно эклектично. Идея Алтая как аналога США не нова, она активно культивировалась еще областниками Г. Н. Потаниным, Н. М. Ядринцевым и младообластником Г. Д. Гребенщиковым. Байкер в новом историческом и культурном контексте сменяет главного героя пути – шофера.

²⁷¹ Щепанская Т. Б. Культура дороги... С. 22.

характеристики Чуйского тракта получают индивидуальное преломление в художественных образах, созданных авторами XX–начала XXI века.

1.3.3. Речной символизм Чуйского тракта

В художественных произведениях об Алтае главной парой «двойников» являются Чуйский тракт и река Катунь (вариант: Чуя). Связано это с реальным обстоятельством: «Страна имеет лишь одну крупную автомобильную магистраль: Чуйский тракт пересекает её с северо-запада на юго-восток. Но путник, поднимаемый машиной по спиралям шоссе, оставляющий за собой перевалы и бомы – узкие карнизы пути, выдолбленные вдоль отвесных каменных стен, – и на тракте не уходит от неизменного шума реки. Дороги страны тянутся по ущельям вдоль бурлящей горной воды»²⁷².

Название тракта привязывает его к водной артерии – реке Чуе. Как известно, направления первых дорог задавали реки, поверх которых (зимой) и параллельно и перпендикулярно которым (летом) прокладывался путь. Исторический Чуйский тракт идет вдоль рек Катунь и Чуя (правый приток Катуни). В древности в Чуйской степи происходил обмен товарами между русскими и монголами, что стимулировало развитие Чуйского торгового пути и объясняет его название. Гидроним «Чуя» переводится с тибетского как «вода», «река», «главная река»²⁷³. Следовательно, на лексическом уровне устанавливается эквивалентность дороги и реки (Чуйский = «водный» тракт).

Начало литературной традиции отождествления Катуни / Чуи и Чуйского тракта, как видится, положил В. Я. Шишков в рамочном тексте к циклу очерков «Чуйские были» (1913). Однако здесь природная аналогия сменяется антропологической и социальной: «Весь бы этот тракт серебром можно вымостить да золотом, что загребли-захапали купцы у алтайцев и монголов. Весь бы тракт можно

²⁷² Зарудин Н. Прекрасная Ойротия // Ойротия в зеркале литературы. С. 133.

²⁷³ Молчанова О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая. С. 346.

слезами залить, что сочились из глаз полудиких, с чистой душой кочевников; такой большой обидой и горем наделил их неистовый, алчный хищник» (ОА, т. 2, с. 317). Уточняя интерпретацию В. Я. Шишкова, можно было бы назвать Чуйский путь «слезным» трактом.

Социально-обличительная тема активно разрабатывалась в советской литературе. Сходный образ реки слез, иллюстрирующий социальный конфликт между богатыми и бедными, представлен в переводном произведении алтайского писателя П. В. Кучияка «Матка ячменя» (1941): «...в воды говорливой Семы вместе с многочисленными горными ручейками стекали горячие народные слезы, и Сема несла их бурной Катуню, а та – дальше, в степи... Тревожным эхом отдавались в горах стенания и народный плач. Лучшие долины и плоскогорья покрывались росой бедняцкого пота... <...> Давно унесла безвозвратно Катуню народные слезы; не плач, а песни веселые разносит по горам эхо. Песни радостного, дружного, созидательного труда»²⁷⁴.

Ранее в стихотворении И. А. Мухачева «Чуйский тракт» (1926) об угнетении мирных пастухов купцами также было написано в прошлом времени:

Но с тех пор прошло дней сивых много,
Красный ветер здесь провевял пыль;
По надбездным пасмурным дорогам
Зацвела совсем другая быль²⁷⁵.

Старая «быль» Чуйского тракта сменилась новой – счастливой. Тождественен финал произведений (смена горестного плача реки веселыми песнями). Единообразие, как видится, обусловлено общим претекстом – циклом очерков В. Я. Шишкова «Чуйские были», где кольцевая композиция подытоживается авторскими надеждами: «Еще немного – и твои волны (Чуй. – Т. Б.) запоют иные песни и будут сказывать новые были, светлые и радостные» (ОА, т. 2, с. 334).

²⁷⁴ Ойротия в зеркале литературы. С. 239–240.

²⁷⁵ Мухачев И. Чуйский тракт // Там же. С. 52.

В повести о событиях Гражданской войны П. Г. Низового «В горах Алтая» (1925) подхватывается и усиливается ассоциация тракта с рекой слез. В главе с говорящим названием «Кровавый поток» отступление армии Колчака описывается так: «Это была последняя волна разбитой и разбросанной колчаковской армии. Жуткая и безобразная. Катилась она вглубь гор по Чуйскому тракту, к границе Монголии. <...> В это русло с обеих сторон стремительно вливались десятки мелких потоков: остатки карательных отрядов, сельская милиция, и все те, кому страшен был народный гнев» (ОА, т. 3, с. 266).

Ужасающую наглядность этот образ получает в повести Ю. Я. Козлова «Белый Бом» (1978) о тех же исторических событиях 1918–1922 годов. Красноармейцы попали в засаду на Чуйском тракте у Белого Бома, что на реке Чуя: «Справа, где река, такие полосы, будто пробороноено... Туда их волокли и сбрасывали... Мертвых и раненых... При виде тех полос, леденела кровь...» (ОА, т. 5, с. 161). Автор устанавливает преемственность по отношению к «Чуйским былям» В. Я. Шишкова при помощи эпитафии: «Эй, подожди, Чуя, вода холодная! Куда бежишь, куда по камням вскачь мчишься? Стой, Чуя, стой! Расскажи нам вчерашние и сегодняшние были свои» (ОА, т. 5, с. 71). Как видим, Чуйский тракт в произведениях о Гражданской войне становится «кровавым» трактом, а Чуя – кровавой рекой.

Чуйский тракт идет вдоль Чуи до впадения ее в Катунь, а затем – вдоль последней. Если у одних писателей тракт соотносится с Чуей, то у других – с Катунью. В авторском предисловии к киноповести «Живет такой парень» (1975, первая редакция – 1964) обозначены варианты олицетворения реки и дороги: «Есть на Алтае тракт – Чуйский. <...> И еще есть река на Алтае – Катунь. <...> И вот несутся они в горах рядом – река и тракт. Когда глядишь на них, думается почему-то, что это брат и сестра, или что это – влюбленные, или что это, наоборот, ненавидящие друг друга Он и Она, но за какие-то грехи тяжкие заколдованы злой силой быть вечно вместе...» (Шукшин, т. 1, с. 272).

Сформулированные писателем варианты персонификаций и ситуаций опираются на мифологическую и фольклорную традицию. Известно, что В. М. Шукшин использовал в фильме «Живет такой парень» (1964) мелодию песни «Есть по Чуйскому тракту дорога...» (слова М. П. Михеева, музыка в обработке композитора П. В. Чекалова), которая с 1930-х годов бытует как фольклорная. В жанровом отношении это жесткий романс с мелодраматическим сюжетом: водитель трехтонной АМО, согласно условию, пытается обогнать зеленый фورد, за рулем которого находится его возлюбленная, но срывается в пропасть и гибнет. Аналогичный сюжет брачной погони, но со счастливым финалом, содержится в вариантах алтайской легенды об образовании реки Обь. Ханская дочь Катунь полюбила пастуха Бия. Спасаясь от преследования воинов разгневанного отца девушки, влюбленные превратились в реки и, соединившись, создали главную водную артерию Сибири. Географически слияние двух рек в одну происходит относительно недалеко от села Сростки, родины писателя. Легенда, неоднократно пересказанная краеведами и учеными, была изложена в стилистике дворовой песни барнаульским автором-исполнителем Н. Н. Косых в 2005 году²⁷⁶. Эта песня разошлась в сети Интернет во множестве вариантов, модернизировав и популяризовав древний сюжет. Как видим, в «парафольклорных» текстах и Чуйский тракт, и Катунь встречаются в сюжетах о затрудненном браке с мотивом погони.

В. М. Шукшин характеризует тракт при помощи образа, вторящего описанию реки в «Чуйских былях» В. Я. Шишкова: «Красивая, стремительная дорога – как след бича, стеганувшего по горам». Ср.: «Эх, да как стегнула по Алтаю Чуя, священная река» (ОА, т. 2, с. 317). Плеть, связанная с тематикой битья, насилия, наказания, власти, но и (само)защиты является постоянным атрибутом снаряжения путника и, стало быть, дороги²⁷⁷. Следует отметить, что сравнение дороги, реки с плетью, видимо, восходит к метафоре народов Алтая «горы – плеть – кам-

²⁷⁶ Косых Н. 7 лучших песен Николая Косых – автора этого блога // Музыка и путешествия Николая К. 19 ноября 2021. URL: <https://dzen.ru/a/YUyes5AaUGk0bHcn> (дата обращения: 09.03.2023).

²⁷⁷ Щепанская Т. Б. Культура дороги... С. 136.

ча». Согласно наблюдениям Т. П. Шастиной, этот фольклорный образ стал известен благодаря публикациям В. В. Радлова и В. Вербицкого, затем был воспроизведен в стихотворных опытах Н. М. Ядринцева («Я из той страны, где горы <...> “извилисты как плети”»²⁷⁸) и лиро-эпическом цикле очерков Г. Д. Гребенщикова «Моя Сибирь» («...хребет, причудливо сплетающий небо и землю»²⁷⁹), что свидетельствовало о начале формирования образной топики Горного Алтая²⁸⁰. Полагаем, у В. Я. Шишкова и В. М. Шукшина имеет место не случайная перекличка образов, а синхронизация с культурной традицией и интертекстуальная преемственность.

Помимо приема олицетворения и уподобления траектории движения извилам бича, произведения объединяет ассоциация реки/дороги с художественным словом, восходящая к устному народному творчеству. Так, цикл «Чуйские были» обрамлен образом реки-сказительницы. В начале: «Стой, Чуя, стой! Расскажи нам вчерашние и сегодняшние были свои» (ОА, т. 2, с. 317); в финале: «Еще немного – и твои волны запоют иные песни...» (ОА, т. 2, с. 334). Заданный предшественником образ «река-речь» у В. М. Шукшина достраивается дорогой: «соблазняет ... сказками», «Много всякой всячины рассказывается, поется, выдумывается о нем. <...> все легенды – всё с Чуйского тракта» (Шукшин, т. 1, с. 272). Песня и тракт для Шукшина были нераздельны. Помимо того, что в фильм «Живет такой парень» вошла музыка песни о Чуйском тракте, известно, что титры фильма «Печки-лавочки» должны были сопровождаться игрой и пением частушек Федибалалаечника, бродяги-песенника с Чуйского тракта (отклонено цензурой) (Шукшин, т. 9, с. 127–128). Песня, дорога и река тождественны в своем метафорическом прочтении как образы судьбы, модели жизни.

В автобиографической повести В. С. Золотухина «На Исток-речушку, к детству моему» (1973) совмещаются шишковская и шукшинская традиции. Мать

²⁷⁸ Шастина Т. П. Горный Алтай в публицистике Н. М. Ядринцева. С. 75.

²⁷⁹ Гребенщиков Г. Д. Моя Сибирь. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 113.

²⁸⁰ Шастина Т. П. Горный Алтай в публицистике Н. М. Ядринцева. С. 75.

увозит сына на лечение в туберкулезный санаторий в село Чемал: «И повезла я тебя по Чуйскому тракту... А он ведь аж чет-те куда ведет, аж в самую Монголию. <...> ...а внизу, в пропасти жуткой, Катунь шумит – холодная, быстрая, гремучая... Заверти на ней сумасшедшие, пороги страшные. А мне казалось, да и на самом деле так оно и было, – не снегом талым и родниками, а слезами моими родилась и жила Катунь-река... и над ней дорога – высоко, круто петляет, кружит... и все дальше, все выше. Сколько машин и шоферов нашли свой приют в ней, в реке Катунь! Закружит тракт, завертит, затуманит... А Катунь тут как тут – встречает всех, поддавливает... Как две сестрицы-змеюки, этот тракт и Катунь... стерегут... одна ведет, другая заглатывает...» (ОА, т. 5, с. 195).

Лечение растянулось на три года. Навещать ребенка мать могла только осенью. Авторизованный рассказчик подхватывает образ «слезного» тракта Шишкова, но адресует его реке, перекодировав из социально-обличительного в интимно-личностный план: «...глубже Катунь стала от слез твоих (материнских. – Т. Б.)» (ОА, т. 5, с. 195). Уподобление реки и дороги «сестрицам-змеюкам» и колдовская губительная притягательность тракта сходны с намеченными Шукшиным смыслами (Ср.: «Он (тракт) манит к себе, соблазняет молодые души...», Шукшин, т. 1, с. 272). Поездка матери с сыном по тракту сопровождается ее причетом из сказки: «Понесла меня / Баба-яга / За крутые горы, / За быстрые реки, / За темные леса...» (ОА, т. 5, с. 194). «Память жанра» превращает эпизод автобиографии в этап инициации: длительное пребывание ребенка в санатории – хронотопе символической «смерти» и «возрождения» – закончилось выздоровлением и песней мальчика. Наконец, тракт и река метафоризируются как образ жизненного пути: «Меня свои тракты кружат, своя петля, своя Катунь стережет меня» (ОА, т. 5, с. 195).

Таким образом, в художественной прозе сформировался устойчивый смысловой комплекс, связывающий образы Чуйского тракта и реки (Катунь, Чуи): эквивалентность персонифицированных дороги и реки, а также песни (были, сказания, легенды); метафоризация их как модели жизни, наполненной приключения-

ми, искушением, любовью и страданием, смертельными опасностями и спасительными неожиданностями.

В лирике наиболее значимые произведения о Катунь и Чуйском тракте принадлежат Н. М. Рубцову. Исследователи выделяют шесть стихотворений, созданных во время поездки поэта на Алтай летом 1966 года: «Старая дорога», «Весна на берегу Бии», «Шумит Катунь», «В горной деревне», «Сибирь, как будто не Сибирь!..», «В сибирской деревне»²⁸¹. Из всего корпуса «алтайских» произведений два настолько сближаются в тематическом, композиционном, образном отношении, что образуют своего рода дистих, – это «Шумит Катунь» (ШТ) и «Старая дорога» (СД). Согласно мемуарному свидетельству И. Пантюхова, второе стихотворение «рождалось именно на Чуйском тракте»²⁸².

Тематическое сходство указанных текстов обусловлено элегическим модулем художественности, суть которого состоит «умалении “я” относительно событийных границ его причастности ко всеобщей жизни»²⁸³. Личное, уникальное в человеческой судьбе является частным проявлением экзистенциальных универсалий (природа, любовь, искусство, история, смерть). Типичный элегический хронотоп – уединения и странничества. Медитативные размышления лирического субъекта возникают в ситуации статичного изолированного созерцания динамичного природного объекта: «Лицом к реке садился я на камень / И все глядел, задумчив и угрюм» (ШТ) (ОА, т. 4, с. 514); «Всё облака над ней, всё облака...» (СД) (ОА, т. 4, с. 511). Мысленное путешествие осуществляется не в пространстве, а во времени. Главная оппозиция обоих стихотворений – история (преходящее, временное) и вечность. «Конечность всякой человеческой истории и культуры, а также ограниченность (немота) природной цикличности противопоставляются у

²⁸¹ *Осинов А. И.* Алтайский текст в элегии Н. Рубцова середины 1960-х гг. («Шумит Катунь») // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. Вып. 2. С. 83–88.

²⁸² *Пантюхов И.* Прежде всего он был поэтом... / интервьюер В. Е. Тихонов // Алтайское лето поэта Николая Рубцова. Барнаул: Алтай, 2011. С. 58.

²⁸³ *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий.* М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 302.

Рубцова вечному шуму реки Катунь»²⁸⁴, – пишет Е. А. Худенко о ШТ. В свою очередь, образ старой дороги раскрывает культурфилософию Рубцова: «Смысл “русскости” заключается в отсутствии изменчивости во времени и пространстве»²⁸⁵, история оказывается видимостью, подобна текучим облакам, скрывающим единое – вечность. Эмоциональная доминанта элегического субъекта – умиление от «жизни как данности, ее необратимости, ее вписанности в объективную картину всеобщего жизнесложения»²⁸⁶.

Связь вечного и конечного возможна благодаря памяти. Этим качеством автор наделяет олицетворенную Катунь. Благодаря архетипическому тождеству реки и речи²⁸⁷ шум «свирепой реки», ее немолчное «рыдание» и «свист» (ОА, т. 4, с. 514) в сознании наблюдателя превращаются в песнопение о былых веках: «Катунь воспринимается как древнее творческое начало, хтоническая вечность, проявляющаяся в элегическом сознании лирического субъекта»²⁸⁸. Не исключено, что олицетворение Катунь как сказительницы восходит к образу Чуи, обрамляющему «Чуйские были» В. Я. Шишкова. Тем более, что композиция стихотворения Рубцова тоже кольцевая. Напротив, в СТ дорога не персонифицирована. Видимо, это обстоятельство связано с ее статичностью. Движение происходит *по* и *над* ней, но она сама пребывает в неподвижности. Соответственно, функция памяти и речи является прерогативой лирического субъекта: «Душа, как лист, звенит, перекликаюсь / Со всей звенящей солнечной листвой, / Перекликаюсь с теми, кто прошел, / Перекликаюсь с теми, кто проходит...» (ОА, т. 4, с. 511). Неизменной тем не менее остается образная связь реки / дороги и слова.

В формальном отношении оба стихотворения также обнаруживают ряд пересечений. Они написаны 5-стопным ямбом, при помощи кольцевой композиции: «слушал этот шум» и «слышно, как шумит Катунь» в ШК (ОА, т. 4, с. 514), «всё

²⁸⁴ Литературная мифология Алтая. С. 18.

²⁸⁵ Скубач О. А. Два лика Алтая в литературе. С. 23.

²⁸⁶ Поэтика. С. 302.

²⁸⁷ Мифы народов мира. Т. 2. С. 375.

²⁸⁸ Осипов А. И. Алтайский текст в элегии Н. Рубцова... С. 88.

облака» и «облака» в СТ (ОА, т. 4, с. 511), подкрепленной катренами с опоясывающей рифмовкой. Наличествует внезапное внедрение перекрестной рифмовки (2 строфа в ШК, 5 и 7 строфы в СТ) в тех четверостишиях, где речь идет о средствах фиксации событий: «клинописью птиц ... записывал напев» в ШК (ОА, т. 4, с. 514), «знаки верстовые», «перекликаясь» в СТ (ОА, т. 4, с. 511). Чередование предложений восклицательных и заканчивающихся многоточиями создает ритм, который в ШК имитирует «бурное и затихающее течение горной реки»²⁸⁹, а в СТ отражает логику движения мысли автора от темы бессобытийности, забвения, тленности к вечности. В художественном мире и тексте Н. М. Рубцова Катунь и Чуйский тракт оказались эквивалентными образами, изображенными при помощи изоморфных приемов.

Итак, ландшафтные доминанты Горного Алтая – Катунь / Чуя и Чуйский тракт – являются организующими элементами геопоэтической картины мира, часто выступая в ней как персонифицированные двойники. Семантическое сближение реки и дороги связано с традицией их отождествления в мировой культуре, имеющей как типологическое (общекультурное), так и генетическое (интертекстуальное) основание.

Выводы по главе 1

Пространственная модель Алтая в Сибирском тексте русской литературы строится на пересечении вертикальной и горизонтальной осей, материализованных в образах дерева / горы и реки / дороги соответственно. Исследование ключевых для геопоэтики Алтая ландшафтных образов в контексте сибирского текста русской литературы позволило наполнить схему фактурой, уточнить смысловые обертоны.

Дендрообраз Сибири формируется как триединство березы, кедра и лиственницы. Эти деревья выполняли сакральную функцию в верованиях и обрядовых

---

²⁸⁹ Там же. С. 84.

практиках коренных сибирских народов. Семантика березы как «русского» дерева обнажает подспудное противостояние Сибири и Центральной России, обостряющееся на разных этапах истории. Реальные и культурные качества кедра как хвойного, вечнозеленого, мощного, плодоносящего, «мужского» дерева обуславливают его сакрализацию в сибирской языческой и русской христианской культурах. Восходящее к средневековью русское название сосны кедровой сибирской – кедр – устанавливает соответствие между Сибирью и Палестиной, Севером и Югом, отражает процесс мифологизации завоеванного пространства в категориях рая / локуса крестных мук. Основные мифологические и мифопоэтические «кедровые» значения связаны с представлениями о Мировом древе, Древе жизни, родовом древе, древе поэзии и пр. Неизменной является символизация кедра как знака и модели человека, народа, родины, Алтая, Сибири. Сопутствуют кедрю образы зверя (медведь, соболь), птицы (орел), горы. Семантическим двойником сибирского кедра в русской культуре является «главное» дерево европейской части России – дуб. Начиная с XX века практика промышленных лесозаготовок приводит к появлению новой, экологической, проблематики. В названии лиственницы отражен двойственный статус дерева: хвойное, но как листопадное. Неопределенным является и «гендер» лиственницы: мужское / женское. Лиственница занимает «промежуточное» положение в системе важнейших дендрообразов Сибирского текста: между кедром и березой. Лиственница может быть связана с универсальными древесными мифологемами (Мировое древо и пр.), однако наиболее отчетливо воплощает базовый концепт Сибири как пространства насилия, каторги, ссылки, концлагеря.

Литературная монтанистика Русского Алтая основана на описаниях высокогорных ландшафтов, созданных путешественниками XIX века. Травелоги, помимо реалий местности, включали аналогии с другими географическими объектами (Швейцарские Альпы, Ливанский хребет, Кавказ), с иным видом художественного дискурса – живописью, с новым типом мироустройства – *terra incognita*. В публицистике XIX века появился мотив духовного преображения и чуда (Алтай =

Афон), который оказался особо востребованным в православной литературе рубежа XIX–XX веков. Советская литература подвергла десакрализации алтайский культ гор и Хозяина Алтая, ранее представленный, в основном, в литературе этнографической бытоописательной направленности. С 1960-х годов нарастала тенденция неомифологизации гор Алтая.

В краеведческом романе В. Н. Токмакова «Танец маленьких королей» неоромантический мир произведения поделен на две реальности: фиктивную (столица) и подлинную (Алтай как земная проекция потусторонней Белой Горы). Значение горы в романе основано на универсальных мифологических смыслах. Белая Гора выступает как локус битвы Добра и Зла, островок спасения в мировом потоке, вместилище подземных сокровищ, пространство инициации (наряду с лабиринтом и пещерой как антигорой), эквивалент дерева / человека / книги и пр. Посредством своеобразной комбинации этих идей, историко-географической конкретизации и фантастики автору удалось создать оригинальный образ горы.

В романе В. Я. Зазубрина «Горы» метафорическое осмысление образов горы и реки осуществляется с опорой на биографический опыт автора, актуальный для времени написания политический дискурс и мифологические претексты. Мифопоэтика романа строится на архаическом тождестве природы и человека, небесного и земного и вытекающей отсюда взаимозаменяемости воды, крови, молока, меда, вина, расплавленного металла; живого и неживого; преходящего и вечного. «Гора», опора для человека и социума (семья, мировоззрение, государственный строй и пр.), теряет оформленность и устойчивость, оказывается «водой», опереться на которую не возможно.

В путевых очерках и рассказах В. Я. Шишков задал парадигму описания главной дороги Алтая – Чуйского тракта. Существенно обогатил эту традицию В. М. Шукшин, в художественном мире которого Чуйский тракт играет значительную символическую и композиционную роль, определяет характер героев-шоферов. Преобладает представление о Чуйском тракте как пространстве испытания любовью и смертью. Метафорический образ «Чуйский тракт – страна» вхо-

дит в историософские модели писателей. На тракте происходит сжимание пространства и времени, взаимоналожение культур.

Одной из устойчивых доминант образа Алтая в художественной литературе является эквивалентность Катунь / Чуи и Чуйского тракта. Историко-литературная традиция взаимной метафоризации реки, дороги и песни основана на общей для данных образов семантике – аналогии с человеческой судьбой в единстве преходящего и вечного. Основные образные варианты водного и сухопутного пути – это река слез (в социально-обличительном и индивидуальном контекстах), река крови (в литературе о Гражданской войне).

Можно констатировать, что в художественной литературе об Алтае сформировалась особая традиция семиотизации дерева и горы, реки и дороги. Круг мотивов и образов, связанных с данными элементами ландшафта, базируется на реальных качествах исследуемых объектов, на культурной традиции и на архетипических основаниях. Общечеловеческая семантика дерева, горы, реки, дороги географически конкретизирована топонимическим маркерам и локальным фольклором, индивидуализирована в авторских картинах мира, типизирована в рамках Алтайского текста русской литературы.

Глава 2. История освоения пространства Алтая в отечественной литературе

Региональная специфика Сибири, обусловленная ее природными, историческими, этническими, социально-экономическими и прочими характеристиками, повлияла на отбор мотивов и сюжетов в произведениях о Сибири. В настоящей главе систематизирован и рассмотрен в динамике арсенал мотивов, сюжетов, дискурсивных практик (преимущественно жанровых), актуальный для Сибирского текста в целом и Алтайского – в частности.

Обозначенный круг сюжетов парадигматичен для всей совокупности произведений о Сибири. Корпус сочинений на сибирскую тему достаточно велик. Так, только за 100 лет, с 1800 по 1900 годы, было опубликовано 778 художественных произведений по данной тематике¹. Понятно, что в нижеследующем обзоре охватить весь объем текстов не представлялось возможным, поэтому здесь лишь намечены трансформации изначальных мотивов, сюжетов и жанровых канонов в исторической перспективе и индивидуально-авторском преломлении.

2.1. Трансформация традиционных сюжетов²

2.1.1. Библейские сюжеты в Сибирском тексте

Церковь выступала одной из движущих сил колонизации Сибири, поэтому влияние ее на становление местной литературной традиции оказалось решающим.

---

¹ Сибирская тема в периодической печати, альманахах и сборниках XIX века (1800-1900 гг.): учеб.-библиогр. справочник. Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ин-т, 1970. 53 с.

² Результаты были опубликованы в: *Богумил Т. А.* Ермаков сюжет в творчестве В. М. Шукшина // *Культура и текст.* 2017. № 3 (30). С.117–124 ; *Она же.* Библейские сюжеты в сибирском тексте // *Проблемы исторической поэтики.* 2020. Т. 18. № 4. С. 331–347 ; *Она же.* Концепт СИБИРЬ в творчестве Дмитрия Александровича Пригова // *Критика и семиотика.* 2021. № 2. С.402–417 ; *Она же.* Алтайский текст Виталия Бианки // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература.* 2022. Т. 19. № 2. С. 226–237 ; *Она же.* Сибирь как пространство (анти)утопии в творчестве В. Сорокина // *Филология и человек.* 2023. № 4. С. 204–214 ; *Она же.* Мифопоэтика романа В. Я. Зазубрина «Горы»: Эрос и Танатос // *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates.* 2023. Том 9. № 4 (36). С. 82–93 ; *Она же.* Региональная литература: Сибирь, Алтай, Барнаул. Барнаул: АлтГПУ, 2017. 69 с. URL: <http://library.altspu.ru/dc/pdf/bogumil.pdf> (дата обращения: 15.05.2023) ; *Богумил Т. А., Куляпин А. И., Худенко Е. А.* Геопоэтика В. М. Шукшина. Барнаул: АлтГПУ, 2017. С. 66–71.

«Крещение явило Древней Руси и письменность, и литературу. <...> дало идеал и предопределило содержание русской литературы»³, – справедливо утверждал В. Н. Захаров. В первых сибирских произведениях – летописях и хронографах XVII века – сформировался образ Сибири-Эдема; в Есиповской летописи (1636) возник сюжет об апостольской миссии похода Ермака, провиденциальная цель которого – не просто завоевать землю, но христианизировать ее население и приобщить к русской святости⁴. Параллельно в фольклоре зарождался сюжет о Ермаке – раскаявшемся грешнике. Образ Сибири как пространства ада, «мифологической страны мертвых»⁵ (холод, каторга, ссылка) впервые возник в другом прецедентном для сибирской словесности произведении – «Житии протопопа Аввакума, им самим написанном». Глава старообрядческой оппозиции Аввакум Петров (1620–1682) строит автобиографию по канону «христологической инициации»⁶. В конце XVIII–начале XIX века зародилась легенда о Беловодье, праведной земле на востоке Российской империи. Бегство староверов от власти «анти-христового» государства уподоблено исходу евреев из египетского плена⁷. В житнетворчестве и произведениях областников (середина XIX века) актуальным оказался сюжет о блудном сыне, реализующийся как возвращение интеллигента после обучения в столице на родину⁸.

Апостольский сюжет в широком смысле понимается как миссионерский сюжет, т.е. поведенческая стратегия, обусловленная стремлением выполнить по-

³ Захаров В. Н. Русская литература и христианство // Проблемы исторической поэтики. 1994. № 3. С. 6.

⁴ Чмыхало Б. А. Художественное пространство в сибирском летописании XVII века // Научный ежегодник Красноярского государственного педагогического университета. 2001. Вып. 2. Т. 1. С. 108–110 ; Ромодановская Е.К. Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск: Наука, 2002. С. 97, 105–106, 120–123.

⁵ Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27.

⁶ Там же. С. 29.

⁷ Сморгунова Е. М. Библейский Исход и рассеяние русских староверов: некоторые изоморфные черты // От бытия к Исходу: отражение библейских сюжетов в славянской и еврейской народных культурах. М.: ГЕОС, 1998. С. 150–189.

⁸ Анисимов К. В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX веков: особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. С. 175.

ручение Христа: «...идите, сделайте все народы учениками и крестите их» (Мф 28:19). Закрепившись за сибирским локусом в летописаниях о деяниях Ермака, мотив апостольского служения продолжал активно функционировать в церковной литературе вплоть до XIX столетия. В мемуарах православных священнослужителей неохватные и всем изобильные сибирские просторы одолевает «глад неслышания слова Божия»⁹. Согласно наблюдениям С. В. Мельниковой, в XIX веке именно Сибирь «открывала пространство для духовного подвига», где миссионер «активно преобразует действительность, проповедуя Слово Божье». В результате, например, автобиография преосв. Вениамина (Благонравова, 1825–1892) тяготеет к канону святительского жития, где архиепископ выступает как миссионер и креститель бурят, храмостроитель и чудотворец с божьей помощью¹⁰.

Радикальное переосмысление апостольский сюжет, ставший к тому времени традиционным для Сибирского текста, получил в повести Н. С. Лескова «На краю света» (1875), которая была написана после знакомства писателя с записками и устными рассказами Нила (Исаковича, 1799–1847), архиепископа Иркутского, впоследствии Ярославского¹¹. Архиепископ Лескова вспоминает о своей юности: будучи епископом в отдаленной сибирской епархии, он рьяно выполнял свой долг, чувствуя свое духовное превосходство над некрещеными инородцами. Испытания, выпавшие на его долю, когда он чуть не погиб в якутской снежной пустыне и спасся только благодаря самоотверженной и бескорыстной помощи «самоеда», заставили его многое переосмыслить. Епископ понял, почему отец Кириак отказался от крещения «скорохватом», действительно, «Божие дело своей хо-

⁹ *Инок Парфений (Агеев)*. Автобиография монаха Парфения (бывшего в Молдавии раскольника, затем постриженника русского Пантелеймонова монастыря на Афоне). М.: Индрик, 2009. С. 152.

¹⁰ *Мельникова С. В.* Мемуары сибирского православного духовенства XIX века и областная сибирская литература // Проблемы исторической поэтики. 2012. № 10. С. 71–73.

¹¹ *Лесков Н. С.* Собрание сочинений: в 11 т. Т. 5. М.: ГИХЛ, 1957. С. 618–619. Ревизия авторского утверждения о прототипе проведена в: *Мельникова С. В.* К вопросу о прототипе главного героя рассказа Н. С. Лескова «На краю света» // Вопросы литературы. 2013. № 4. С. 451–462; *Она же.* Повесть Н. С. Лескова «На краю света»: художественный образ в историческом контексте // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. 2022. № 3. С. 86–97.

дой без суеты идет»¹², иной «нехристь», не осознавая того, ведет себя как подлинный святой, а наспех крещенный – как негодяй. Ибо «есть великая тайна врожденной веры, которая как бесценный редкий дар дается простой душе человека»¹³. Блуждание по якутской земле, по мнению Н. В. Дуловой, содержит аллюзию на сорокалетнее скитание израильтян по пустыне. Вот только епископ соотносится отнюдь не с пророком Моисеем, а с теми, кого он вел: «это испытание его веры, его духовной стойкости, его любви к человеку, его миссионерских идей». В результате в якуте ему «открылся святой лик человека, перевернувшего его представления о церковных догмах»¹⁴. Так миссионерская деятельность меняет точку своего приложения: от аборигена к самому проповеднику. Апостольский сюжет формализованного крещения «огнем и мечом», а также водкой, подкупом, etc. возвращается в подлинно христианскую систему координат, где главная заповедь – любовь к Богу, себе и ближнему.

Следует отметить, что трансформации, произошедшие в повести Н. С. Лескова с апостольским сюжетом, вызваны не только жизненным опытом прототипа главного героя, но и литературной традицией, восходящей к концепции «естественного человека» Ж.-Ж. Руссо. В творчестве романтиков дикарь перевоплотился в невинное «дитя природы». «Туземец могли упрекать за поедание тухлой рыбы, дурное обращение с женой и умерщвление престарелых родителей, но его нельзя было не похвалить за простоту, великодушие и терпение. Подобное сочетание презренного и прекрасного стало каноническим в начале века и оставалось общепринятым более ста лет»¹⁵. Собственно, этот канон и реализовался в произведении Н. С. Лескова.

¹² Лесков Н. С. Собрание сочинений. Т. 5. С. 474.

¹³ Дулова Н. В. Сибирь как испытание души (А. Коцебу, Н. С. Лесков) // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. Иркутск: ИМИОН, 2004. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/ (дата обращения: 08.03.2023).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Слёзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 100.

Эквивалентом церковного миссионерского служения в светской литературе XIX века был, как видится, просветительский сюжет «влияния политического ссыльного на юного героя-сибиряка», актуализированный жизнью и творчеством предобластников и областников¹⁶. Очередной пик использования сюжета просветительского типа пришелся на 1920–1950-е годы. В революционных романах-эпопеях Вс. В. Иванова, В. Я. Шишкова, К. Ф. Седых, Г. М. Маркова и др. «преобразовывались и “дикость” аборигенов, и непросвещённость переселенческого крестьянства, и классовая несправедливость прежнего социального устройства»¹⁷. Акцент смещается в литературе «оттепели»: с непросвещенного социума на докультурное пространство, требующее окультуривания. Архаичная основа романа об освоении Сибири как процессе космотворения была востребована до 1970-х годов.¹⁸

Фольклорный сюжет о Ермаке – раскаявшемся грешнике¹⁹, по замечанию К. В. Анисимова, оказался более продуктивным в светской литературной традиции, нежели летописный сюжет о Ермаке – христианском герое. В ряде исторических песен поход Ермака выполняет искупительную функцию. Формирование легендарной биографии атамана как главы разбойничьей ватаги, т. е. маргинального субъекта, было обусловлено периферийным статусом Сибири²⁰. Зародившись в XVI столетии, представление о Сибири как локусе, преобразующем человека, просуществовало века. В литературу данный вариант сюжета попал через посредничество Н. М. Карамзина²¹. В IX томе «Истории государства Российского» (1821) Ермак выведен как разбойник, искупающий свою вину перед госу-

¹⁶ Анисимов К. В. Проблемы поэтики... С. 187–190.

¹⁷ Рыбальченко Т. Л. Мифологемы образа Сибири в русской прозе второй половины XX века // Сибирь: взгляд извне и изнутри. С. 295.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Был ли реальный Ермак разбойником – дискуссионный вопрос. Обзор имеющихся точек зрения на эту проблему см. в: Анисимов К. В. Проблемы поэтики... С. 60–66.

²⁰ Там же. С. 67–68.

²¹ Анисимов К. В. Подвиг Ермака на страницах «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина: поэтика, контекст // Уральский исторический вестник. 2023. № 4 (81). С. 6–15.

дарем победой над ханом Кучумом. Историк завершает свой рассказ рассуждениями о ссылке, где «наказание преступника высылкой его в Сибирь становится ... повседневным вариантом эволюции героя (преступление – раскаяние – возрождение), которую когда-то в качестве первого и потому уникального случая реализовал со своими дружинниками Ермак»²².

В филологии впервые обозначил эту литературную традицию Ю. М. Лотман. В ряде произведений русской классической литературы Сибирь, место ссылки и каторги, предстает как пространство «гражданской смерти» и последующего духовного возрождения. Сюжетное звено «преступление (подлинное или мнимое) – ссылка в Сибирь – воскресение» является вариантом схемы «смерть – ад – воскресение»²³. Идеи Ю. М. Лотмана подхватил и уточнил В. И. Тюпа: «Это вообще отнюдь не inferнальный хронотоп окончательной и бесповоротной смерти, но скорее богоугодное место временной смерти: *лиминальный* (пороговый) хронотоп смертельного испытания»²⁴. Истоки концептуализации Сибири как лиминальной фазы архаичного сюжета инициации лежат в «Житии» протопопа Аввакума. Окончательно закрепление сюжета «в-смерти-рождения» за пространством Сибири произошло благодаря повторению контуров «христологической инициации»²⁵ главы старообрядцев в жизни декабристов. В 1830–1850-х годах сибирская беллетристика активно эксплуатировала романтический сюжет о духовном возрождении через кризис благодаря благотворному влиянию сибирской среды: «...в общении с девственной природой, с наивными и добрыми туземцами, в уединённых раздумьях о смысле жизни озлобленный на весь мир человек постепенно “оттаивает” и как бы “воскресает”»²⁶. Наличие инвариантной для Сибирского текста сюжетной схемы характерно и для «вершин-

²² Анисимов К. В. Проблемы поэтики... С. 82.

²³ Лотман Ю. М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю. М. О русской литературе. СПб.: Искусство–СПб, 1997. С. 723–725.

²⁴ Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 28.

²⁵ Там же. С. 29.

²⁶ Спиридонова Г. С. Проблемы типологии сюжетов в литературе Сибири XIX века: дисс...канд. филол. наук: специальность 10.01.01. Красноярск, 2000. С. 139–140.

ных» произведений русской реалистической словесности, например, дилогии Н. А. Некрасова «Русские женщины», творчества Ф. М. Достоевского («Записки из мертвого дома», «Преступление и наказание»), романа Л. Н. Толстого «Воскресение», прозы А. П. Чехова и др.²⁷

Вновь образ Сибири-каторги актуализировался в «лагерной прозе» 1950–1970-х годов, но сюжет инициации претерпел существенные изменения. В романах В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба», Ю. О. Домбровского «Факультет ненужных вещей», А. Г. Битова «Пушкинский дом», Э. С. Радзинского «Лунин, или Смерть Жака», в «Колымских рассказах» В. Т. Шаламова преобразования человека не происходит: «лагерная проза редуцировала христианскую мифологему воскресения, духовного возрождения»²⁸

Как видим, связанные с Сибирью библейские сюжеты с течением времени подвергались инверсии, теряли свою религиозную семантику: она вытеснялась социальными, политическими, психологическими и др. темами. Ядро, позволяющее объединять эти сюжеты и мотивы воедино, – идея преобразования (себя, другого человека, пространства), что, впрочем, и есть функция любого мотива²⁹. Гипотетически, у каждого сюжета есть свой период максимальной продуктивности, сменяемый спадом. Религиозный сюжет поиска Беловодья (см. параграф 2.2.1), продержался дольше, чем миссионерский сюжет или сюжет «христологической инициации»: не до конца XIX, а до второй половины XX века. Но он и возник на столетие позже: не в XVII веке, а на излете XVIII столетия.

²⁷ Тюпа В. И. Мифологема Сибири... ; Разумова Н. Е. Чехов и Сибирь: уход, жизнь и смерть // Сибирь. Литература. Критика. Журналистика. Новосибирск: СО РАН, 2002. С. 89–110 ; Габдуллина В. И. Мотив смерти – воскресения в сибирском тексте Ф. М. Достоевского // Сюжетология и сюжетография. 2015. № 2. С. 101–108 ; Масолова Е. А. Сибирский текст в романе Толстого «Воскресение» // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. Вып. 6. С. 265–280 ; Шатин Ю. В. Путешествие Нехлюдова в Сибирь. К проблеме инициации // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 11–15.

²⁸ Рыбальченко Т. Л. Мифологема образа Сибири... С. 300.

²⁹ Силантьев И. В. Сюжетологические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2009. С. 15.

С топосом Беловодья (и его аналогов) тесно связан сюжет **изгнания из рая**, вышедший на первый план в XX веке. Он реализуется, как минимум, в двух вариантах. О потерянной идиллии тоскуют либо коренные алтайцы, которых вытеснили с хороших земель русские пришельцы, как, например, в рассказе В. М. Бахметьева «У большой воды» (1914) (см. параграф 1.3.1) или романе В. Я. Зазубрина «Горы» (1933): «В прежнее время на Алтае народа было мало. Тайга лежала на горах, как соболья шкура с горностаевым воротником. Так темны были ее чащи, так белы снега вершин. Горы поднимались, как полные груди матери. Из каменных сосцов бежали реки со вкусом молока. Пастбища в обширных долинах не могла перелететь сорока. Стада бродили, как звезды в небе, не знающие счета. В ту пору не было войн, и оружие служило потехой праздным. Анчи знает – обнищал отец Алтай. Шубу его дорогую изодрали. Остался от нее один белый воротник. Нагота его прикрыта черным сукном пожарищ» (ОА, т. 3, с. 54).

Либо утрату Эдема претерпевают русские (старожилы или приезжие). В частности, мифологема грехопадения и изгнания из рая организует сюжет рассказа И. И. Катаева «Под чистыми звездами» (1937), в трансформированном виде – рассказ К. Г. Паустовского «Правая рука» (1943), повесть В. Г. Распутина «Прощание с Матерой» (1976), романы В. В. Личутина «Скитальцы» (1 книга 1974, 2 книга 1982) и С. П. Залыгина «Комиссия» (1975) и др.³⁰

В житнетворчестве областников (середина XIX века) актуальным оказался **сюжет о блудном сыне**, реализующийся как возвращение интеллигента после обучения в столице на родину. Сознательно выстраиваемая биография влияла на литературно-критические взгляды сибирских писателей, типологию героев и сюжетные модели текстов областников³¹. Характеризуя идиллический хронотоп, М. М. Бахтин писал: «В областническом романе иногда появляется герой, отры-

³⁰ См. написанные А. И. Куляпиным параграфы в: Литературная мифология Алтая / Е. А. Худенко [и др.]. Барнаул: АлтГПУ, 2019. С. 76–81; 124–131; *Ковтун Н. В.* Русская традиционалистская проза XX–XXI веков: генезис, мифопоэтика, контексты. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. С. 84–95; 263–280; 539–569.

³¹ *Анисимов К. В.* Проблемы поэтики... С. 175.

вающийся от локальной целостности, уходящий в город и либо погибающий, либо возвращающийся как блудный сын в родную целостность»³². А. П. Казаркин настаивает на обязательности этого сюжета для региональной словесности: «возвращение блудного сына – лейтмотив областной эпопеи»³³. Актуализация «вечного», «архетипического» мотива мировой литературы каждый раз связана с изменениями его структурных компонентов³⁴. В частности, для сибирской литературы данный сюжет стал востребованным в тот исторический момент, когда зародилось региональное самосознание, возникло представление о Сибири как «своем» пространстве, в которое следует вернуться. Продуктивная фаза сюжета о блудном сыне синхронизирована с зарождением и дальнейшим существованием собственно сибирской литературы, что отражают и соответствующие научные публикации³⁵.

В середине XX века в творчестве сибирских писателей-традиционалистов и поэтов-шестидесятников зафиксирован очередной «всплеск» регионального самосознания, что закономерно вылилось в обращение к сюжету о блудном сыне³⁶. На этот раз он предстал как мотив возвращения из города в деревню. Известно, насколько важной была идея возвращения на Алтай для В. М. Шукшина. Между тем писатель отдавал себе отчет, что уход из родных мест был необходим для его становления и самореализации. Так, в автобиографическом цикле В. М. Шукшина «Из детских лет Ивана Попова» (1968) отношение рассказчика к городу радикально меняется от первого к последнему рассказу. К финалу город становится

³² Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 379.

³³ Казаркин А. П. Проза Сибири в XX веке // Сибирь в контексте мировой культуры. Опыт самоописания. Томск: Сибирика, 2003. С. 114.

³⁴ Шатин Ю. В. Архетипические мотивы и их трансформация в новой русской литературе // «Вечные» сюжеты русской литературы («блудный сын» и другие). Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 1996. С. 40.

³⁵ Закаблуква Т. Н. Мотив «блудного сына» в романе-эпопее Г. Д. Гребенщикова «Чураевы» // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. Вып. 3. С. 12–17; Костылева И. А. Концепция личности В. М. Шукшина в романе-биографии А. Варламова «Шукшин» // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25. № 2. С. 171–175.

³⁶ Люсьи А. П. Русская литература как система локальных текстов. М.: АНО ВО ГИТР, 2020. С. 195–200.

для повзрослевшего подростка тем, чем он был для его родителей – пространством открывающихся возможностей. Задается иной вектор пути, чем в первом рассказе: не из деревни в город и обратно, а из деревни в город и дальше в иные города и страны³⁷.

Необходимость ухода, мотивированность его не произволом, но человеческим естеством тонко обозначена в стихотворении алтайского поэта-шестидесятника Л. С. Мерзликина «Блудный сын»:

Блудным сыном древнего сказанья,
Жертвою скитаний и дорог
Я пришел к тебе на покаянье,
Позабитый всеми уголок.

И стою, как будто бы нездешний,
До кровинки здешний человек...
Улетели птицы из скворечни.
Скоро ночь. А ночью будет снег³⁸.

Архетипический образ блудного сына, с которым сопоставлен лирический субъект, возвышает частную ситуацию до общечеловеческого уровня. Канонический сюжет претерпевает определенные изменения. Сакральная фигура Отца / Бога замещена пространством малой родины. Заключительное двустопное, как и зачин, привносит в уникальную ситуацию повторяемость, которая мотивируется по-новому – не культурой, но природосообразностью. Люди уходят из родного «уголка», ищут, где лучше, подобно птицам, улетающим из скворечников в теплые края, но птицы возвращаются, и люди – тоже. Таков закон природы и закон социума. Ночь и снег, сохраняя связь с реальным временем, одновременно прочитываются как метафоры конца. Благодаря тому, что это элементы суточного и го-

³⁷ Подробнее см.: *Богумил Т. А.* Мифопоэтика автобиографического цикла В.М. Шукшина «Из детских лет Ивана Попова» // Сибирский филологический журнал. 2020. №2. С.118.

³⁸ *Мерзликин Л. С.* Избранное: Стихотворения и поэма. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1997. С. 200.

дового природного цикла, трагичность неминуемого для каждого человека финала снижается, возникает надежда на преодоление своего предела.

Таким образом, в Сибирском тексте русской литературы сложился устойчивый круг сюжетов, восходящих к Библии: апостольский / миссионерский, христологической инициации, исхода, изгнания из рая, о блудном сыне. С течением времени религиозная семантика подвергалась инверсии, вытеснялась светским содержанием. Инвариантный мотив, общий для всех указанных сюжетов, – это событие преобразования человека и / или пространства.

Подводя итог неизбежно избирательному обзору базовых для Сибирского текста библейских сюжетов, следует отметить, что ими, конечно, обращение авторов к Библии не ограничивается. Возможно расширение «канонического» для Сибирского текста спектра библейских образов, мотивов и сюжетов за счет привлечения нового материала (см. параграф 3.1.1).

2.1.2. Житийный канон в текстах о Сибири и Алтае

Дмитрия Александровича Пригова

Представления о Сибири как месте испытания, лиминальном хронотопе, так же как и райские коннотации Алтая, наиболее отчетливо воплотились в текстах концептуалиста Дмитрия Александровича Пригова, при всем том, что тема Сибири в его творчестве периферийна, как и само это пространство в его биографии. Локус и слово «Сибирь» возникают в «Повести о трижды герое Советского Союза Алексееве». Только слово – в стихотворении «Охота на слонов в Западной Сибири». В «Открытом письме (к моим современникам, соратникам, и ко всем моим)» (1984) Сибирский текст маркирован упоминанием Тунгусии, мотивами из «Жития...» протопопа Аввакума и мистифицирующей «агиографией» Андрея Монастырского, «который провел все детство и юность в диких лесах

Алтая» (с. 286)³⁹. В стихотворении «Широка страна моя родная» дан перечень сибирских рек. Как видим, количество упоминаний о Сибири и ее реалиях ничтожно. Тем весомей роль данного региона, осмысляемого русской литературой начиная с XVII века, в конструируемой автором картине мира.

Концептуализм, как известно, был особо чуток к контексту функционирования произведения искусства. Вс. Н. Некрасов называл направление «контекстуализмом»⁴⁰, а Тимур Кибиров формулировал творческое кредо так: «Если ты еще не в курсе, / я скажу тебе читатель: / все зависит от контекста <...> / вне контекста, к сожалению, / не бывает ничего!»⁴¹ («В творческой лаборатории», 1998). Сам Пригов писал о том, что единственным критерием художественности является «жест назначения», т. е. «помещение в определенный контекст и считывание его (текста. – Т. Б.) соответствующей культурной оптикой»⁴². Признавая право писателей быть судимым «по законам им самим над собою признанным»⁴³, рассмотрим знаки Сибирского текста в контексте соцреалистической культуры и контексте культуры древнерусской, на которую недвусмысленно намекает автор.

Соцреалистический контекст. В «Повести о трижды герое Советского Союза Алексееве» объединяются и утрируются героические сюжеты о своего рода «мифических персонажах»⁴⁴ нашей истории:

– о Рахметове, идеальном герое-революционере романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (1863), чья биография соотносится с житийным каноном Алексия, человека Божьего⁴⁵;

³⁹ Здесь и далее до конца параграфа в круглых скобках указаны страницы издания, по которому приводятся цитаты: Пригов Д. А. Написанное с 1975 по 1989. М.: Новое литературное обозрение, 1997. 285 с.

⁴⁰ Цит. по: Курицын В. Русский литературный постмодернизм. М.: ОГИ, 2001. С. 92.

⁴¹ Кибиров Т. Стихи. М.: Время, 2005. С. 377.

⁴² Липовецкий М., Кукулин И. Теоретические идеи Д. А. Пригова // Пригов и концептуализм. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 83.

⁴³ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. Письма. М. ; Л.: АН СССР, 1949. С. 121.

⁴⁴ Курицын В. Русский литературный постмодернизм. С. 101.

⁴⁵ Clark K. The Soviet Novel. History as Ritual. Chicago & London: The University of Chicago Press, 1981. Pp. 48–51.

- о Павле Корчагине, герое частично автобиографического романа Н. А. Островского «Как закалялась сталь» (1934) (глава 4);
- об А. П. Маресьеве, прототипе Мересьева, героя «Повести о настоящем человеке» (1946) Б. Н. Полевого (глава 4);
- о панфиловцах, подвиг которых впервые был воспет в статье А. Ю. Кривицкого «Завещание 28 павших героев» (1941) (глава 5);
- о прототипах берлинского памятника «Воину-освободителю» (1949) (глава 6, 8);
- об А. М. Матросове, чей подвиг впервые осветил в печати М. С. Бубеннов в 1944 году (глава 7);
- о В. И. Чапаеве, чья фраза «Врешь, не возьмешь» из фильма «Чапаев» (1934) стала рефреном текста Пригова.

Все эти культовые персонажи советской культуры являлись символами мужества, бесстрашия, самоотверженной любви к родине. В тексте концептуалиста сюжеты о разных героях контаминируются в один сюжет об идеальном советском солдате с распространенной русской фамилией⁴⁶, семантика которой – «защитник» – обнажает инвариантную функцию его подвигов.

Пригов вскрывает ритуальный и формульный характер соцреалистического текста, его установку на положительного героя⁴⁷, обнажает необходимость жертвы и насилия для проявления героического⁴⁸. Сибирь в этом контексте ожидаемо является локусом трансформации человека. Москвич Алексеев было «поддался вредным сторонним влияниям», поэтому родители в исправительных целях собираются его женить, т.е. подвергнуть современному реликту обряда перехода. Прочитанная в день свадьбы статья Ленина о голоде в Сибири запускает процесс преобразования героя: жених «не заходя в брачную комнату» (с. 268) отправляется

---

⁴⁶ В Списке Героев Советского Союза насчитывается 25 Алексеевых. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_Героев_Советского_Союза_\(Азаров_-_Алиев\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_Героев_Советского_Союза_(Азаров_-_Алиев)) (дата обращения: 09.03.2023).

⁴⁷ Clark K. The Soviet Novel. History as Ritual. Pp. 10–11.

⁴⁸ Добренко Е. Политэкономика соцреализма. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 310–311.

из столицы в Сибирь – пространство смертельных испытаний. Описание первого, иницирующего, подвига Алексеева состоит из пародийно нагнетаемых штампов: «В лютый мороз, без сапог, без лопаты, голыми руками рыл он землю и отбивался от бандитов. Но однажды всех перебили, только ему удалось бежать. 10 суток полз он по тайге, питаясь кусочками, которые откусывал от своего ремня. Подобрали его сочувствующие Советам нанайцы. Отмороженные ноги пришлось ампутировать» (с. 269).

Ассоциация Сибири с холодом в языке и культуре является очевидной, хотя и не всегда реально обусловленной⁴⁹. То обстоятельство, что Алексей добрался в Сибирь на поезде, а «самое трудное место» (с. 268), куда его направляют, – узкоколейка, актуализирует в Сибирском тексте Пригова магистральный мотивный комплекс, связанный с железной дорогой. С легкой руки К. Маркса («Революции – локомотивы истории»), железная дорога в советской культуре стала тиражированной метафорой революционного пути, основой социалистического хозяйства⁵⁰. Понятно, что узкоколейка здесь – образ становящегося социализма (ср. строительство узкоколейки Павлом Корчагиным). В «дикой» Сибири герой, так сказать, «обнуляется», возвращается в состояние Адама, Нового человека. Ему приходится космизировать природу без применения достижений цивилизации, нагим и босым, используя изначальное орудие труда человека – руки, попутно отражая нападки несознательной человеческой стихии – бандитов. Как видим, Пригов утрирует типичный сибирский и северный сюжет революционного романа-эпопеи 1920–1950-х годов⁵¹.

⁴⁹ Анисимов К. В. Климат как «закоснелый сепаратист»: символические и политические метаморфозы сибирского мороза // Новое литературное обозрение. 2009. № 99. С. 98–114.

⁵⁰ Непомнящих Н. А. Железная дорога как комплекс мотивов в русской лирике и эпике // Сюжетно-мотивные комплексы русской культуры. Новосибирск: СО РАН, 2012. С. 101 ; Савицкий С. А. «Железная дорога» как метафора в советской культуре 1920-1930-х гг. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2011. № 17 (79). С. 39.

⁵¹ Рыбальченко Т. Л. Мифологемы образа Сибири... С. 291–303 ; Hansen-Magnusson H. Arctic Geopoetics: Russian Politics at the North Pole. In: Cooperation and Conflict, 2019, vol. 54, no. 4, pp. 466–487.

Финальным этапом инициации становится трансформация тела Алексеева – замена ног протезами. Тело в культуре соцреализма подвергается семиотизации. Монструозность, телесная ущербность зачастую является гарантом внутреннего совершенства, свидетельством героического амплу персонажа⁵². Из Сибири начинается триумфальный путь преображенного героя на Запад. В Берлине он по-смертно канонизируется и окончательно «бронзовеет» в статуе богатыря-защитника. (Известно, что в эскизе памятника «Воину-освободителю» Е. В. Вучетича планировался автомат, но по предложению Сталина он был заменен более символичным мечом⁵³). Статуя воплощает коллективное бессознательное народных масс, идеал советского человека. Сравним с идеей S. Buck-Morss в пересказе S. Ganesha: “The statue of Lenin atop the Palace of the Soviets and King Kong atop the Empire State Building both symbolize the masses themselves” («Статуя Ленина на вершине Дворца Советов и Кинг-Конг на вершине Эмпайр-стейт-билдинг символизируют народные массы»)⁵⁴. Пригов демонстрирует превращение тела в текст, а человека – в знак, в «вещь идеологии»⁵⁵.

Древнерусский контекст. Сказовый характер «Повести...» позволяет говорить о совмещении авторской ироничной точки зрения с уважительно-восхищенным взглядом «исполнителя». Ирония Пригова далека от глумления и распространяется не на героизм советских людей, а на процесс идеологической мифологизации, на технику превращения реальной личности в культовую. Концептуалист обнаруживает аналог подобной текстопорождающей стратегии в нормативной, традиционалистской культуре⁵⁶ – фольклоре и древнерусской словесности. «Повесть...» строится по житийному канону: в начале говорится о затруд-

⁵² Куляпин А. И., Скубач О. А. Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи. М.: Языки славянской культуры. 2013. С. 82–95.

⁵³ Костюнин О. В. Человек из легенды. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. С. 15.

⁵⁴ Ganesha S. The Construction of Mass Utopia. In: European Journal of Social Theory, 2006, vol. 9, no. 3, p. 438. (Здесь и далее перевод наш. – Т. Б.)

⁵⁵ Гусейнов Г. Ч. Карта нашей родины: идеологема между словом и телом. М.: ОГИ, 2005. С. 176.

⁵⁶ Категории поэтики в смене литературных эпох / Аверинцев С. С. [и др.] // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994. С. 3–38.

ненном рождении от благочестивых родителей («членах партии», с. 268); затем о детстве и «отпадении» героя от праведного пути («стал вести рассеянный образ жизни», с. 268); потом следует отказ от брака вследствие слова-божественного откровения (статья Ленина); уход в «пустынь» и борьба с бесами (эпизод в Сибири); преисполненная подвигами и чудесами жизнь («дивились врачи», с. 269, 270); благочестивая смерть («он был уже мертв, но лицо его светилось», с. 271); похвала и канонизация.

Художественная интуиция Пригова подкрепляется мнением Катерины Кларк, специалиста по советской культуре: “One can compare the portrait of the Socialist Realist hero and that of his counterpart in medieval texts not just in function and genre but ... in terms of the actual cliches used to characterize them” («Можно сопоставить портреты соцреалистического героя и его двойника из средневековых текстов не только по функциям и жанрам, но... по характеризующим их речевым клише»)⁵⁷. Кларк справедливо фиксирует и регрессию индивидуального авторства в сторону коллективного все-авторства: “After 1932... the Stalinist writer was no longer the creator of original texts; he became the teller of tales already prefigured in Party lore” («После 1932 года ... сталинский писатель перестал быть создателем оригинальных текстов, он стал рассказчиком партийного фольклора»)⁵⁸. Следовательно, идеальный homo soveticus – и «сказитель», и герой – моделируется по средневековым образцам, что деконструирует в своей «Повести...» Пригов.

Если в древнерусской культуре географическое пространство обладало религиозно-моральным значением (земля праведная / грешная)⁵⁹, то в соцреалистическом романе знаковость сохраняется, но в иной координатной сетке – социально-политической. Путешествие в обеих художественных системах наделено нравственным смыслом, «увеличивает святость человека» средневекового⁶⁰, идей-

⁵⁷ Clark K. The Soviet Novel. History as Ritual. P. 47.

⁵⁸ Ibid. P. 159.

⁵⁹ Лотман Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Лотман Ю. М. О русской литературе. СПб.: Искусство–СПб, 1997. С. 112.

⁶⁰ Там же. С. 113.

ность – советского. Периферийная по отношению к столице Сибирь в этом контексте совмещает полярные характеристики. С одной стороны, это пространство малоосвоенное, чуждое, нечистое, подлежащее социалистическому преобразованию (ср. апостольская роль Ермака в Есиповской летописи XVII века). С другой стороны, Сибирь сама преобразовывает героя, создает условия для трансмутации, оказывается более созидательной для выработки «советскости», тогда как локус достигнутого идеала, Москва, напротив, способствовал развращению юноши. Для соцреалистической культуры характерен не пафос обладания достигнутым, а романтический пафос пути, сражения, сопротивления обстоятельствам. Подобно сказке и былине типичный хронотоп борьбы – не центр, а периферия, пограничное пространство. Движение персонажа изоморфно ходу маятника, где ось проходит по Москве: отталкивание на Восток, откуда, набрав ускорение и стремительно минуя осевое пространство, герой устремляется на Запад и статуарно замирает в крайней точке. Алексеев не только достиг высшей формы советской святости, но и освятил путем праведника пройденные земли, приобщил «своей» культуре дальние рубежи родины.

Итак, Сибирь Пригова оппозиционна Москве (центр – периферия) и Берлину (Восток – Запад), является лиминарным хронотопом инициации. Наложение древнерусской и соцреалистической поэтики в пределах одного произведения превращает Сибирь в текст-палимпсест.

Алтай. Соцреалистический роман, по мнению Кларк, в основном ориентирован не на житийную, а на летописную модель: “...is reminiscent not just of hagiography, which tells of a saint's religious virtue ... , but also of those sections of the old chronicles that tell of the secular virtues of princes...” («...напоминает не только агиографию, повествующую о религиозной добродетели святого... , но и те разделы старинных летописей, где повествуется о светских добродетелях князей...») ⁶¹. Несмотря на это, для Пригова жанр жития оказывается предпочтительней, о чем автор в свойственной ему ернической манере сообщает в «Открытом

⁶¹ Clark K. The Soviet Novel. History as Ritual. P. 47.

письме...»: «новая агиография – вот что мерещится мне как истинный ответ на зов истории» (с. 284). Средневековые и советские «агиографии» перемежаются в вымышленных историях о соратниках Пригова, образуя единый в своем историко-культурном многообразии сверхтекст об избранных. «Онтологика» Пригова, т. е. «лад бытия, где может случиться что угодно»⁶², формирует вероятностную картину мира с полисубъектным «я», а также «ты» и «он».

Житие приговского субъекта высказывания проецируется на множество контекстов, один из которых подобен сибирскому опыту протопопа Аввакума: «...сидел я в ледяном мешке, который сгубил мое юношеское цветенье и последующее здоровье по злой воле и бесовской злобе проклятого Никона» (с. 283). Отец Рубинштейна якобы «был легендарным командармом славной конницы и первым занес азбуку и алфавит в дикие тогда еще края ... Тунгусии» (с. 285–286). В этих фрагментах представлены традиционные характеристики Сибири как пространства смертельно опасного, испытывающего и подлежащего окультуриванию.

Иной модус задается в жизнеописании Андрея Монастырского, «который провел все детство и юность в диких лесах Алтая, воспитываемый медведицей и вскармливаемый молоком горного орла» (с. 286). Птичье молоко – священный чистый небесный напиток, дарующий бессмертие, в то же время означает нечто невозможное, утопическое⁶³. Известно также, что жители Аркадии почитали себя потомками медведя⁶⁴. Сакральность медведицы, орла, молока подчеркнута тем, что все эти образы имеют небесный аналог в виде Большой медведицы, Малой медведицы, Орла, Млечного пути. Таким образом, «дикость» Алтая не есть подлежащий исправлению недостаток, но, напротив, признак идиллического хронотопа. В русской культуре Алтай концептуализируется как спасительное простран-

⁶² *Смирнов И. П.* Быт и бытие в стихотворениях Д. А. Пригова // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов (1940–2007). М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 105.

⁶³ *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Русская фразеология: ист.-этимол. словарь. М.: Астрель, 2005. 926 с.

⁶⁴ Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. Т. 2. К–Я. М.: Рос. энцикл. 1994. С. 130.

ство, где локализовано Беловодье, Шамбала, Центр Мира, иные формы земного рая.

Алтай вписан в контекст рассуждений о вариантах «святости» (житийной и советской) соратников Пригова, проявляющейся в различных пространствах: Урал, Поморье, Калмыкия и Тунгусия, Средиземный «океан». Подобно тому, как единый во многих ликах и судьбах говорящий субъект эквивалентен своим «другам», «сородичам», «соплеменникам», уникальные локусы объединены общим статусом сакрального пространства, хронотопом подвига.

Орел и медведь в ипостаси «царя» мира птиц / зверей часто сопрягались в мифологии и в последующей культурной традиции (особенно в геральдике). И орел, и медведь являются символами России, ее Западного и Восточного начала⁶⁵. В произведениях Пригова они встречаются не только как насельники Алтая-Эдема, но и в московском локусе. В цикле «Москва и москвичи» (1982) нападение орла есть аллегория наполеоновского нашествия. Медведица же присутствует иносказательно. В фантазии о Москве тех времен, когда она «...была еще волчицей / И бегала лесами Подмосковья», по мнению Е. А. Добренко, иронически переосмысляются строки из поэмы Н. П. Кончаловской «Наша древняя столица» (1948): «...там, где столько крыш вдали, / Огромный лес стоял когда-то, / <...> / И рев медведицы в берлоге...»⁶⁶. «Это было время отсутствия Москвы, время девственной дикости»⁶⁷, – комментирует интертекстуальную переключку исследователь. Добавим, что подобно медведице в мифологизированной биографии Монастырского, Москва-волчица выступает как зооморфный первопредок. (Интересно, кстати, с точки зрения типологических совпадений, что в скальдической поэзии «пчелиный волк» – это метафорическое обозначение медведя). Воинственный орел Наполеона в Московском тексте Пригова не имеет ничего общего с алтай-

⁶⁵ Хрусталева Д. Происхождение «русского медведя» // Новое литературное обозрение. 2011. № 1 (107). С. 137–152.

⁶⁶ Добренко Е. «Прийти к женщине и лечь к ней в постель в мундире»: Пригов и Михалков-Кончаловская // Неканонический классик. С. 383.

⁶⁷ Там же.

ским орлом. Разве что Борис Орлов, чье имя упоминается в начале и конце цикла, «закольцовывая» его, привносит в образ орла семантику дружественности и единства судьбы.

Итак, системные совпадения (дикость, орел, медведица / волчица) позволяют установить отношения эквивалентности алтайского локуса и доисторической, потенциальной Москвы (= России). Хотя Пригов совершенно не вкладывал историко-философские идеи в образ Алтая, но в общерусском Сибирском тексте именно с Алтаем часто связываются идеи возрождения страны, возобновления человеческой истории после конца мира. В этом контексте совсем иначе звучат финальные слова цикла: «Где мы поставим – там и есть Москва!»⁶⁸.

Двойничество прото-Москвы, Урала, Русского Севера, Калмыкии, Тунгусии, Средиземного моря и Алтая является частным проявлением характерного для концептуалиста приема тавтологического нанизывания одноприродных объектов. В приговском «переводе» знаменитой «Песни о родине» (1936) В. И. Лебедева-Кумача – стихотворении «Широка страна моя родная...» – каждая строка претекста дополняется внушительными по объему вставками, парадигматическими перечислениями, «варьирующими главную тему строки»⁶⁹. Частные случаи инвариантной темы «широты» привольной реки-жизни составляют следующий реестр: «...широка / Словно Волга, Дон, Днепр, Днестр, Лена, Кама, Ока, Индигирка, Нева, Москва-река, Терек, Заравшан, Кура, Ангара, Сев. Двина, Нижняя и Верхняя Тунгуски, Обь, Иртыш, Витим, Алехма, Алдан, Истра, Нерль, Амур, Байкал, Гильменд, Амударья, Сырдарья и др. / течет»⁷⁰. Указанные реки, в числе которых и несколько сибирских, оказываются своего рода синонимами, серией эквивалентов. В протеическом художественном мире Пригова номинации безреферентны,

⁶⁸ Пригов Д. А. Советские тексты, 1979–84. СПб.: Изд-во И. Лимбаха, 1997. С. 192.

⁶⁹ Шапур М. И. О пределах длины стиха в верлибре (Д. А. Пригов и другие) // *Philologica*. 2000. Т. 6. С. 126.

⁷⁰ Цит. по: Там же. С. 134–135.

«здесь совершенно исчезают идентичности»⁷¹, множественность подчинена единству. Радикальная детализация приводит к рассеиванию объекта и субъекта речи. Гипертрофированная детализация сопровождается универсализмом, возникает эффект удаленного созерцания, подобного гипнотическому или под анестезией⁷².

Завершая анализ Сибирского текста в творчестве Пригова, следует отметить, что, во-первых, автор манипулирует традиционным концептом Сибири как лиминарном локусе, хронотопе инициационного испытания, где Алтай, напротив, концентрирует идиллические смыслы. Во-вторых, специфика приговской картины мира состоит в ее «мерцательности», потере идентичности объектов и субъектов. В историческом ракурсе Сибирь, как и другие локусы, оказывается палимпсестом, совмещает в себе временные пласты. Перечислительная техника письма приводит к тому, что в географическом измерении уникальность пространственных объектов оказывается нивелированной их семантическим тождеством. Автор, художественный мир, текст живут по принципу метаморфозы. Частное с легкостью оборачивается другим частным, т. к. является лишь одной из форм всеобщего.

2.1.3. Сказочный канон в рассказе В. В. Бианки «Она»

Пребывание на Алтае сыграло решающую роль в судьбе В.В. Бианки. Четыре года, проведенных здесь (1918–1922), привели к изменениям семейных связей – разрыву с первой женой и обретению новой семьи, а также определили жизненный путь: именно на Алтае он решил стать писателем-натуралистом, а не ученым-

⁷¹ Ямпольский М. Время метаморфозы (как тексты Пригова избегают устойчивой модальности) // Пригов и концептуализм. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 7. Впрочем, существует мнение об уникальности каждого повторения в тексте Пригова: *Edmond J. Dmitrij Prigov's Iterative Poetics*. In: *Russian Literature*, 2014, vol. 76, is. 3, pp. 275–308.

⁷² *Glanc T. The Lord of Self-Removal*. In: *Janecek G.(Ed.). Staging the Image: Dmitry Prigov as Artist and Writer*. Bloomington: Slavica Publishers Indiana University, 2018. P. 153.

биологом⁷³. Круг текстов об Алтае, созданный В. В. Бианки уже после отъезда, составляют «Аскыр: повесть о саянском соболе» (1926), рассказы «Последний выстрел» (1927), «Бун» (1927), «Роковой зверь» (1936), «Кувырк» (1944), «Она» (1944). Во всех перечисленных произведениях имеется точное указание, что место действия – Алтай, за исключением повести «Аскыр», которая основана на материалах экспедиции Д. К. Соловьева «Саянский промыслово-охотничий район и соболиный промысел в нем» (1921)⁷⁴. Горная система Западных Саян как бы продолжает Алтайскую горную систему, т. е. события локализованы в т. н. Саяно-Алтайской горной стране. Все указанные произведения объединяет инвариантный для Сибирского текста мотив экзистенциального выбора, конкретизированный различными хронотопическими обстоятельствами и персонажами.

Рассказ «Она» можно считать апофеозом авторской концепции Алтая как локуса, испытывающего и преобразующего человека. Неудивительно, что для выражения этой идеи наиболее адекватным оказалось сближение рассказа с волшебной сказкой, которая выросла из обряда инициации⁷⁵. На волшебство указывают скептические реплики рассказчика: «Все они тут живут в сказке, как дети, – и ойроты, и даже русские старожилы. Очевидно, первобытная природа так на них действует. Населяют ее какими-то таинственными существами. <...> ...сказочный какой-то персонаж вроде бабы-яги, разъезжающей по воздуху в ступе с помелом в руках» (с. 383). Молодость героя, схожесть ойротки с могучей «мистической» силой – «Ею», имя коня – «Воронко» – все это намекает на сказочный подтекст⁷⁶.

Более пристальное рассмотрение инвентаря и порядка функций персонажей произведения устанавливает подобие его строения с типичной сказочной композицией, исчерпывающе описанной В. Я. Проппом и его преемниками, что возвра-

⁷³ Бианки Е. В. Краткая биография Виталия Валентиновича Бианки // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. Л.: Детская литература, 1975. С. 372.

⁷⁴ Бианки В. В. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. Л.: Детская литература, 1973. С. 420. Далее до конца параграфа в круглых скобках указаны страницы по этому изданию.

⁷⁵ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки.

⁷⁶ Литературная мифология Алтая. С. 121.

щает рассказ к собственному жанровому генезису⁷⁷. Исходная **недостача** (пропажа сумки) делает неизбежной **отправку** героя в путь: «...делать нечего, ехать было необходимо» (с. 381). Ученый-метеоролог, забывший сумку на предыдущей стоянке и посылающий героя устранить **беду**: «Там ее... и найдете на кедре» (с. 381), – является начальником экспедиции. Функционально этот персонаж тождествен типичному **отправителю** волшебной сказки – царю, которого в финале сменяет прошедший испытания герой, а также **вредителю**, с которым герой вступает конфликт. В отличие от сказки и конфликт, и замена старого правителя новым осуществляются в сфере мировоззрения, психики, во внутреннем событийном ряду.

В сказке далее следует предварительное **испытание**, проводимое **дарителем** (часто – бабой-ягой) в рубежном пространстве, в результате чего герой получает **волшебный предмет** или **помощника**. В рассказе этот этап контаминирован с типичным для зачина сказки **запретом**: «Нельзя. Не ходи» (с. 382), – советует девушка, – и его **нарушением**, что обычно предваряет беду. Здесь Бианки отступает от сказочной последовательности функций (запрет – нарушение – недостача), ибо подлинная проблема – не потеря сумки, а стихийное бедствие – еще впереди.

Ойротка работает проводником экспедиции, что аналогично медиативной функции бабы-яги в сказке. Чтобы понять подтекст ее вполне реальной должности, важно обратить внимание на портрет «каменной девы». Она сидит у реки на большом камне, ее прическа символична: «Семь длинных мелко заплетенных кос узкими змейками сбегали с ее плеч на грудь» (с. 382). Созданная с оглядкой на Хозяйку гор алтайского и уральского фольклора⁷⁸, ойротка причастна не только к

⁷⁷ *Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.; *Мелетинский Е. М.* Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М.: Наука, 1986. 318 с.; *Смирнов И. П.* От сказки к роману // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 27 : История жанров в русской литературе X–XII вв. Л.: Наука. Ленингр. отд-е, 1972. С. 284–320 ; Структура волшебной сказки / Мелетинский Е. М. [и др.]. – М.: РГГУ, 2023. 239 с.

⁷⁸ Литературная мифология Алтая. С. 120–121. В сказах П. П. Бажова Хозяйка Медной Горы наделена как азиатскими, так и хтоническим чертами: черные волосы и глаза, ящерица и змея как

камню («казалась изваянной из камня», «агатовые глаза», с. 382), но и к водной стихии, на что намекает ее положение в пространстве и прическа. Изоморфизм змеи и реки – один из самых древних в мировой культуре. В мифологии сибирских аборигенов есть сюжет о происхождении рек из следа, протертого телом змея, Змея выступает Хозяйкой реки. Сакральное число семь постоянно используется при описании мировой реки в мифах и фольклоре сибирских автохтонов⁷⁹. См., например, фрагмент песни шамана из повести П. Г. Низового «В горах Алтая» (1925): «Живущий при устье семи рек, богатый Эрлик...» (ОА, т. 3, с. 243). В произведениях об Алтае типично отождествление «змея – река». Так, у В. М. Бахметьева: «...бежит, вьется по той долине, как огромная змея, земно-зеленая Кокса» (ОА, т. 2, с. 195); у В. С. Золотухина «сестрицы-змеюки» Катунь и Чуйский тракт (ОА, т. 5, с. 195). В стихотворении Г. А. Вяткина «Змея» животное и водопад связаны не метафорой, а метонимией: змея сверху очарованно наблюдает за струями падающей воды (ОА, т. 2, с. 340).

Помимо лито- и гидросферы в связи с девушкой актуализирован атмосферный код. Когда по ее намеку герой прислушивается, он сравнивает тягостное напряжение в природе с тем, «точно рядом кто-то затаил дыхание и уже открыл рот, чтобы сказать что-то, но, задыхаясь, ни слова не может вымолвить» (с. 382). В одной из редакций текста затрудненная речь приписана самой ойротке, когда она «чуть слышно... прошептала»⁸⁰. Таким образом, портрет героини указывает на ее причастность к базовым материям Горного Алтая: камню, воде и воздуху. Следующий этап сюжета рассказа, соотносимый со сказкой, – главное испытание героя – проходит в этих сферах. Благополучный исход испытаний объясняется благоволением к молодому герою «Её» – и девушки, и стихии, эквивалентных друг другу и функционально соотносимых с волшебным помощником.

атрибуты и двойники (*Липовецкий М. Н.* Зловещее в сказках П. П. Бажова // *Quaestio Rossica*. 2014. № 2. С. 212–230).

⁷⁹ *Павлинская Л. В.* Реки Сибири // *Реки и народы Сибири*. СПб.: Наука, 2007. С. 40–41, 47, 52 ; *Тадина Н. А.* Река как образ родины у алтайцев // Там же. С. 153.

⁸⁰ *Бианки В. В.* Удивительные тайны. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1984. С. 88.

Испытание героя состоит в реальной и метафорической переправе, по сказочному утроенной и подчиненной принципу градации – усиление угрозы для жизни. Герой успешно преодолевает, во-первых, брод через реку Чарыш: «Переправа была небезопасна...» (с. 384). Во-вторых, ее приток, реку Коргон: «Брод здесь серьезный: сильный поток тащит по дну “булки” – камни, обточенные водой и трением о грунт. Может ударить “булкой” коня по ногам. А стоит коню оступиться – стремнина подхватит его, закрутит вместе с всадником и выкинет два разможенных о камни труп в глубокий Чарыш» (с. 385). Третье испытание, подобно тому, как это принято в фольклоре, – решающее. Природный катаклизм, возникший из-за разницы атмосферного давления, состоит в «переправе» воздуха через горный хребет. Примечательно, что этот процесс описан при помощи аква-тических метафор: «воздух отдельной волной перехлестнул через хребет. <...> Потом... пошел хлестать всей массой, целым потоком» (с. 389). На внешнем событийном ряду все три переправы варьируют кульминационное испытание сказки типа «бой – победа». Однако в последний раз герой проигрывает «сражение»: здесь автор уходит от сказочной модели в глубинные архаические структуры, связанные с обрядом инициации. Суть инициации, по удачной формулировке М. Элиаде, заключается «в переходе через символическую смерть и возрождение от незнания и незрелости к духовному возмужанию»⁸¹. Состояние героя в момент бешеного порыва стихии можно описать как нуминозное⁸²: он ощущает «безотчетный ужас», «разом одеревенело все тело, остановилось сердце», «закрыв глаза», его «обдало чье-то могучее, жаркое дыхание, вдавило в землю», он «перестал чувствовать» (с. 386). Потеря сознания, последующее временное беспомощество – все это традиционные метафоры смерти, через которую прошел герой.

⁸¹ Элиаде М. Миф о вечном возвращении: архетипы и повторяемость. СПб.: Алетейя, 1998. С. 187.

⁸² Термин Рудольфа Отто, от лат. *numen* – безличная воля или могущество богов. К. Г. Юнг и М. Элиаде прибегают к нему в описаниях архаических структур сознания. «Нуминозному ... переживанию явление открывается не как простая физическая данность, а как вещественная манифестация сверхъестественной воли и могущества» (Абашев В. В. Русская литература Урала: проблемы геоэтики. Пермь: Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2012. С. 65).

Примечательно, что цель поездки – сумка – была оставлена на кедре. Кедр в мифологии алтайских народов, как было показано в первой главе (параграф 1.1.2), часто выступает аналогом Мирового Древа, сакрального центра мира, «трудная дорога» к которому завершается посвящением⁸³. Стихия вырвала с корнем огромный столетний кедр и перенесла его к человеку, как будто создавая необходимые для ритуала условия.

«Возрождение» героя состоялось не только и не столько физически, сколько ментально. В сфере психики реализован другой тип сказочной кульминации: «задача – решение». Молодой ученый отходит от строго научной картины мира, которую предлагает похожий на измерительный прибор, не замечающий «живых», «многомудрый» гидролог-метеоролог (с. 381, 389) в сторону интуитивного, мифологического миропонимания, представленного «каменной девой». Следовательно, метафорически совершается «брак» рационального и иррационального начал в сознании рассказчика. Существенная для сказки свадебная тема, не реализованная в рассказе (есть лишь намек на взаимную симпатию юноши и девушки), метафорически состоялась на уровне внутреннего событийного ряда, для сказки несвойственного.

После публикации рассказа в 1946 году В. В. Бианки был подвергнут резкой критике и обвинениям в мистицизме, которые он с возмущением отвергал: «...ну, как же я могу испугаться обвинений в какой-то “мистике”, когда мистикой в моих рассказах и не пахнет, неоткуда мне ее взять» (с. 427). В 1927 году писателю уже приходилось сталкиваться с подобными нападками в связи с рассказом «Бун». Он твердо отстаивал свою позицию: «В мистике не повинен ни сном, ни духом и ни на какие переделки не пойду» (с. 422). Критики уловили главное – сходство двух рассказов, разделенных двумя десятилетиями. Если рассмотреть рассказ «Бун» на уровне системы персонажей, выполняемых ими функций и сюжетной композиции, то можно увидеть не только сказочный архетип, но и те изменения, которые

---

⁸³ Элиаде М. Миф о вечном возвращении. С. 32–33.

произошли в позднейшем тексте. Рассказ «Она» является своего рода инверсией «Буна», иначе решает ту же проблематику – отношение человека и природы.

Связи со сказкой в раннем произведении проявлены не столь очевидно, как в рассказе «Она». Они усматриваются в большей степени благодаря автоинтертекстуальной ретроспекции. Традиционное сказочное начало – запрет. «Прошу тебя, откажись от него. Довольно ты убивал ради удовольствия убивать» (с. 193), – говорит пожилой охотник молодому. Это завязка конфликта. Городской юноша относится к природе свысока, легкомысленно. Старый опытный охотник, всю жизнь проживший на Алтае, безуспешно настаивает на уважении к жизни зверей. Можно убивать ради выживания, достатка, но не из спортивного азарта. В почитании объектов охоты, животных проявляется экологическая культура народа, разумность природопользования. Младший отправляется в путь на поиски каменного козла, буна. Трижды он встречается его и пытается застрелить. Третья, кульминационная встреча ставит человека перед выбором: убить козерога, но тогда тот упадет в пропасть и «получится мешок, продырявленный изнутри осколками костей» (с. 197), или отказаться от убийства: «...показалось нелепым, что сейчас он выстрелит в того, другого, который смотрит на него сверху» (с. 198). Противостояние человека и природы описано как экзистенциальное: «Ему вдруг ясно представилась та страшная высота, где стояли они – впервые взглянувшие друг другу в глаза человек и зверь. Кругом – холодная пустота и смерть» (с. 198). Герой отмахивается от посланного ему откровения: «Глупости все это!» (с. 198). В итоге погубленный зверь, падая в пропасть, увлек за собой и охотника. Рассказ «Бун» – это притчеподобное предостережение человечеству о последствиях самонадеянного, надменного отношения к окружающему миру.

Рассказы «Бун» и «Она» образуют своего рода микроцикл, двоицу. Обращает на себя внимание идентичность заглавий в плане трехбуквенного состава и указания на некий субъект. Образы «каменной девы» и «каменного козла» соотносятся посредством одинакового эпитета; описаний, где подчеркнута связь персонажей с горами: «плотное, точно из камня вытесанное тело», «гордый и непо-

движный, как памятник» (с. 195) (ср. с приведенными выше характеристиками алтайки); положения в пространстве: зверь стоит на скале, девушка сидит на камне. Контакт между героями осуществляется при помощи взгляда: охотнику «не по себе было от этого тяжелого взгляда, с безмолвным вопросом устремленного прямо ему в глаза» (с. 198); «агатовые глаза в упор уставились» на молодого ученого (с. 382). Однако звуко-буквенный состав заглавий организован по принципу инверсии: «согласный – гласный – согласный» и «гласный – согласный – гласный». Контрастна также категория рода: мужское – женское. Оба заглавных субъекта в текстах произведений подлежат множественной номинации, расположенной в противоположных местах текста. В **начале** рассказа «Бун»: «Туром или козорогом звали его древние славяне. В науке он известен под именем каменного козла. Алтайцы зовут его бун» (с. 195). В **конце** рассказа «Она»: «Ученый начальник наш назвал это явление “фёном”. Коргонский зверолов – просто “верховкой”. Дева Алтая назвала таинственно: “Она”» (с. 389). Исход сюжетов различен. Если в рассказе «Она» молодой и самонадеянный герой проходит своеобразную инициацию, приобретает новый, более глубокий и многоракурсный взгляд на мир, то в раннем произведении повествуется, скорее, о неудачной инициации, о неспособности довериться интуитивному чувству, уловить естественное, органическое единство мироздания. Два рассказа Бианки диаметрально противоположным образом варьируют одну и ту же связанную с Алтаем проблематику, являясь текстами-антагонистами.

Следует отметить, что в творчестве писателей первой половины XX века «дух Алтая» является одним из типичных персонажей. Например, в рассказе С. И. Исакова «Горный дух» (1914) в бредовом сне герою является похожий на орангутанга «темный человек с ужасно длинными руками, коренастый, обросший шерстью и весь обвешанный какими-то зелеными водорослями или травой» (ОА, т. 2, с. 244). Беседы с Духом гор постепенно подтачивают здравомыслие героя, приводят к отказу от цивилизации и безумному бегству в горы. Автор подвергает ревизии романтические стереотипы и демонстрирует их несостоятельность в

условиях современной ему эпохи⁸⁴. В аллегории В. Я. Шишкова «Скала» (1915) рассказчику в пограничном состоянии видится филин – «дух горный, хозяин Алтайских гор», увлекающий «в страну сказок и нездешних снов». В повести «Алые сугробы» (1925). Шишкова поясняется, что «горный дух Алтая – человеку враг»⁸⁵. Путь героев в поисках «земного рая» – Беловодья – отмечен страданием, болью и героической смертью. В повести П. Г. Низового «В горах Алтая» (1925) герой, услышав трубный зов марала, в первые мгновения подумал, что «это дух гор... будит природу, зовет всех больших и малых обитателей тайги к дневному радостному труду» (ОА, т. 3, с. 224).

Под влиянием творчества известного алтайского художника Г. И. Чорос-Гуркина пишет свой рассказ «Озеро Горных Духов» (1944) И. А. Ефремов. Местное население приписывает роковое воздействие прекрасного горного озера на людей мистическим силам: «...несколько столбов призрачного сине-зеленого цвета, похожих на громадные человеческие фигуры в мантиях» (ОА, т. 3, с. 384). Создание живописного шедевра было оплачено здоровьем художника: он едва не умер. Как и в произведении В. В. Бианки «Она», написанном в том же году, рассказчик – молодой ученый, чье видение мира поначалу ущербно: «Вы природу хорошо знаете и любите, но не верите ей» (ОА, т. 3, с. 382), – говорит художник. В финале таинственное и волшебное объясняется реалистически, но тем не менее сознание героя трансформируется. Инвариантная сюжетная модель рассказов Бианки и Ефремова следующая: «Ученый, от лица которого ведется рассказ, в ходе научной экспедиции на Алтай вступает в контакт с представителем коренного народа. Возникающий во время общения когнитивный диссонанс приводит в конечном счете к радикальным изменениям мировоззрения героя-рассказчика»⁸⁶.

Как видится, в творчестве Бианки данная модель является вариантом более универсальной схемы, где человек испытывается представителем природных сил.

⁸⁴ Гребнева М. П. Поэтика рассказа Ст. Исакова «Горный дух» // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. С. 268–277. Вып. 8.

⁸⁵ Шишков В. Я. Чуйские были. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1986. С. 184, 185, 349.

⁸⁶ Литературная мифология Алтая. С. 116–117.

В его «алтайских» рассказах, в том числе не рассмотренных здесь подробно⁸⁷, ситуации столкновения человека со зверем перебирают эмблематичные для Сибирского текста образы: горный козел, медведь, соболь. Помещение в этот ряд девушки/стихии («Она»), которая интерпретируется исследователями как «дух Алтая»⁸⁸, обнажает подтекстовую функцию зооморфного кода. Бианки, по сути, творит мифопоэтический образ региона, отличный от мифологии исконных жителей Саяно-Алтая, где было принято наделять антропоморфными (не зооморфными!) признаками духов отдельных локусов, но не Алтай полностью: «Собственное имя Алтай понимается туземцами не как географическое наименование определенной местности, а оно является в их представлениях – существом, могущим чувствовать, желать и благодетельствовать, хотя и не наделяется ими какими-либо признаками, заключающими его в определенные, человекоподобные, или другие формы живого организма. Горы и воды, леса и скалы, ущелья и долины, неразрывно связанные и объединенные между собой одним оживляющим их духом, и есть – существо Алтая»⁸⁹.

У Бианки же все антагонисты человека (животное, антропоморфная стихия) могут быть прочитаны как воплощение сути единого Алтая, персонификация его протеической сущности. Здесь писатель солидаризируется с русской литературной традицией описания Горного Алтая – «внешней» по отношению к местной картине мира, соединяющей, делающей цельной изначально дискретное восприятие региона (у каждого алтайского рода – свой Алтай), использующей иные, нежели у аборигенов, способы одушевления.

⁸⁷ См.: *Богумил Т. А.* Алтайский текст Виталия Бианки. С. 228–229.

⁸⁸ Там же. С. 120.

⁸⁹ *Потанов Л. П.* Охотничьи поверья и обряды у алтайских турков // *Культура и письменность Востока.* 1929. № 5. С. 131–132.

2.1.4. Ермаков сюжет в творчестве В. М. Шукшина и романе В. Я. Зазубрина «Горы»

Ермаков сюжет, повествуя об истории покорения Сибири и гибели Ермака, вошел в фонд общерусских сюжетов, сохранив географическую приуроченность и заложив фундамент Сибирского текста русской литературы⁹⁰.

Информацию о Ермаке ввели в общероссийский научный и читательский оборот Г. Ф. Миллер («История Сибири», 1750) и Н. М. Карамзин («История государства Российского», 1821). Казачий атаман и его войско пошли на службу к торговым людям Строгановым, чтобы охранять границы русских поселений за Уралом от набегов татар. Ермак был умелым предводителем, вел освободительную политику по отношению к покоренным ханом Кучумом племенам, что позволило ему в 1582 году завоевать столицу Великого ханства, Сибирь. На пике военного успеха и славы Ермак попал в засаду и бурной ночью утонул в притоке Иртыша. Роковую роль при этом, якобы, сыграли металлические латы, подаренные атаману Иваном IV в знак благодарности за присоединение Сибири.

Вслед за летописцами писатели XVII века рассматривали экспедицию Ермака как главное событие всей сибирской истории, predetermined божественной волей. «Богоизбранное» войско, перейдя границу Уральского пояса, с легкостью завоевывало «грешную» языческую землю, дабы ввести ее в состав Святой Руси путем христианизации. «Чужой» этнос представлялся «диким», «басурманским», звероподобным, тогда как ценность новоприобретенной территории доказывалась идиллически изобильными списками представителей флоры и фауны, рек, городов, острогов⁹¹.

⁹⁰ Янушкевич А. С. «Ермаков сюжет» в русской литературе 1820–1830-х годов // Мотивы и сюжеты русской литературы. От Жуковского до Чехова. Томск: Знамя мира, 1997. С. 41.

⁹¹ Чмыхало Б. А. Художественное пространство в сибирском летописании XVII века // Научный ежегодник Красноярского государственного педагогического университета. 2001. Вып. 2, т. 1. С. 107–116.

Ермак стал национальным героем, воспетым в народном эпосе, исторических песнях. В фольклоре фигура казачьего предводителя подверглась контаминации с образами вольных разбойников, бунтарей (Стенькой Разиным и Емельяном Пугачевым) и царя Ивана Грозного (сюжет о взятии Казани). При всей типологической близости фольклорных образов атаманов между их историческими прототипами есть существенное различие: Ермак действовал в интересах государства, выполнял охранительную и созидательную миссию, тогда как Разин и Пугачев, возглавив народное восстание, стали разрушителями государственных устоев⁹².

Судьба Ермака особо заинтересовала романтиков. Контрастный переход от славы и многочисленных побед к поражению и смерти на вершине удачи, трагическая роковая предопределенность, социальный протест, оппозиционность обществу и власти, вольность, нравственное преображение, раскаяние «разбойника» и прощение царем, экзотический сибирский хронотоп – все это давало богатую пищу воображению поэтов⁹³.

Рассмотрев бытование сюжета о Ермаке от истоков вплоть до середины XIX в., К. В. Анисимов резюмировал: «В региональной словесности Сибири, расценивавшей поход казаков 1581 г. как начало истории края, образ Ермака мог быть, с одной стороны, продуктивной идеологемой, своего рода «первомоделью» сибиряка – отважного и независимого авантюриста. С другой стороны, обращаясь к получившей всероссийскую известность теме завоевания Кучумова ханства, сибирский автор мог видеть в ней знак неповторимости истории русского Востока. <...> ...основа сюжетной структуры почти всегда оставалась неизменной. В самом общем виде она предстает как последовательность мотивов выхода героя вовне / преодоления преграды (границы), обретение нового качества личности: в фольклоре – царственного, а в древнерусских памятниках – сакрального статуса.

⁹² Анисимов К. В. Проблемы поэтики... С. 60–74.

⁹³ Манн Ю. В. Русская литература XIX века. Эпоха романтизма. М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 322–326.

Областная культура дополняет этот спектр вариантов идей появления сибиряков, новой разновидности русского народа, склад характера и традиции которых во многом производны от культурного облика казаков эпохи Ермака»⁹⁴.

Обращение к Ермакову сюжету в явной или скрытой форме характерно для всей сибирской словесности. Вполне ожидаемо появление этого сюжета или его элементов в творчестве В. М. Шукшина. Между тем образ Ермака в прозе сибиряка почти совсем затмевается образом Степана Разина, воплощающим общенациональный, а не сибирский характер⁹⁵. Как и в фольклорной традиции, происходит контаминация сюжетов, создается обобщенная фигура «вольного казака». Для этого были историко-культурные основания. И Ермак, и Разин руководили «ватагой», участвовали в военных действиях с крымцами. Двойничество Ермака и Разина связано с их землячеством, социальным статусом, мотивом завоевания чужой страны (реализованным и потенциальным) и мотивом прощения разбойника царем.

Попутно отметим, что в мировоззрении и художественном мире В. М. Шукшина у Ермака, помимо Степана Разина, наблюдается еще один двойник – Василий Чапаев, о чем обстоятельно написал А. И. Куляпин. Это отождествление связано с мифом советской культуры о преображении бывшего унтер-офицера в красного командира подобно тому, как «разбойник» Ермак стал «апостолом». Чапаев становится новым народным героем – своего рода «реинкарнацией» Ермака, Разина и Пугачева. У истоков мифологизации личности комдива стоял роман Д. А. Фурманова «Чапаев» (1923), где на первый план выдвинута стихийная революционность, объединяющая Чапаева с народными бунтарями, Разиным и Пугачевым. Развитие тема получила в фильме братьев Васильевых «Чапаев» (1934), где, напротив, более весомым оказалось сопоставление с «государ-

⁹⁴ Анисимов К. В. Проблемы поэтики... С. 94–95.

⁹⁵ Тортунова И. А. Степан Разин как национальный архетип в творчестве В. М. Шукшина (традиции и специфика освоения образа): дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2008. 191 с.; Гончаров П. П., Гончаров П. А., Стрыгина Е. Л. Разин и «разинский тип» в прозе В. М. Шукшина: между разбойником и заступником. Мичуринск: МГПИ, 2010. 191 с.

ственником» Ермаком, что подчеркнуто сходными обстоятельствами гибели героев. В киноистории, отмечает исследователь, «миссия Чапаева масштабнее Ермаковой, он воюет не за новые территории, а за светлое социалистическое будущее»⁹⁶. Шукшин этот фильм неоднократно пересматривал и отзывался о нем. В творчестве писателя Ермак, Разин и Чапаев воплощают историческую динамику в противовес застою «забуксовавшей» России⁹⁷.

Рассмотрим подробнее тождество двух атаманов, с разной степенью очевидности реализованное в нескольких произведениях Шукшина. Например, в киноповести «Печки-лавочки» (1975) потомственный сибиряк (= Ермак) Иван Расторгуев в сновидческом пространстве предстает Стенькой Разиным (Шукшин, т. 5, с. 284–285) и таким образом объединяет в себе две исторические личности, воплощающие национальный характер.

В киноповести «Калина красная» с Разиным напрямую сравнивается Егор Прокудин: «Видали мы таких... разбойников! Стенька Разин нашелся» (Шукшин, т. 6, с. 224). В то же время герой сопоставляется и с Ермаком (отметим параграмму имен, повтор звуков [йэ], [р]). Егор едет из европейской части в Сибирь, скорее всего, на Алтай. Едет он «завоевывать» Сибирь. Как сам говорит: «брать две пары валенок» у Любы. Успешно эту Сибирь (Любу) завоевывает, но гибнет. Завоевание страны-женщины, завершающееся смертью, является традиционной схемой Ермакова сюжета (см. ниже). В поэме упомянуто предание сибирских аборигенов, которые считали, что березки в Сибири появились вместе с Ермаком. Этот контекст в какой-то степени объясняет подчеркнутую любовь Егора Прокудина к березкам.

Е. В. Черносветов, комментируя рассказ «Митька Ермаков» («Сильные [смелые] идут дальше...», 1970), прочитывает детали «девушка в штанишках» и «набежавшая волна» как аллюзию на утопление Разиным персидской княжны, а

⁹⁶ Богумил Т. А., Куляпин А. И., Худенко Е. А. Геопозитика В. М. Шукшина. С. 74.

⁹⁷ Там же. С. 74–76.

фамилию Митьки (Ермаков) ассоциирует с Ермаком⁹⁸. Добавим, что к Ермакову сюжету отсылает также мотив (почти состоявшейся) гибели героя в водах сибирского озера и топики «бурного пейзажа»⁹⁹: «Всю темную, осеннюю ночь ровно и сильно дул ветер. Байкал к утру здорово раскачал. Утром ветер поослаб, но волны катились высокие – Байкал сердито шумел, хлестал каменистый берег, точно на нем хотел выместить теперь всю злость, какую накопил за тревожную ночь» (Шукшин, т. 5, с. 79).

Ср. с пейзажем в стихотворении К. Ф. Рылеева «Смерть Ермака» (1822), во многом сформировавшим традицию описания гибели атамана:

Ревела буря, дождь шумел;
 Во мраке молнии летали,
 Бесперерывно гром гремел,
 И ветры в дебрях бушевали... <...>
 Иртыш кипел в крутых берегах,
 Вздымались седые волны...¹⁰⁰

Эту песню, кстати, собирается петь герой другого рассказа В. М. Шукшина – «Чередниченко и цирк» (Шукшин, т. 5, с. 104).

В. М. Шукшин изменяет финал Ермакова сюжета: его герой не тонет, спасается, так же, как героически направив горящий грузовик в воду, в последний момент выпрыгивает из обреченной машины Гринька Малюгин / Пашка Холманский – «чудик», подобный Митьке Ермакову.

Трансформация сюжета наиболее наглядна в апокрифе, который рассказывает своему приемному сыну Афоньке Степан Разин в киносценарии «Я пришел дать вам волю...» (1970):

«– Он давно был, Ермак-то? – сказал Афонька.

⁹⁸ Черношвитов Е. В. Пройти по краю. Василий Шукшин: мысли о жизни, смерти и бессмертии. М.: Современник, 1989. С. 165–167.

⁹⁹ См. значение термина в: Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. С. 144–145.

¹⁰⁰ Рылеев К. Ф. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель. С. 143–144.

– Давно. Сто лет прошло. Ты слушай, однако. Много, говорит, я за свою жизнь чужой крови пролил. И нет мне смерти за то. Думают, что я в Сибири, в реке утонул. А я живой и не могу помереть за грехи. Царь простил меня, а бог не простил. Бог не может простить, – продолжает Степан. – И теперь каждую ночь приползает к нему змея и сосет кровь из сердца. И он не может убить ее: одну убьет, две приползут. И будут они сосать его кровь столько, сколько он на своем веку чужой пролил.

– И никто-никто не может убить змею?

– Может. Но тада тот человек примет на себя все грехи Ермака. Он просит. Он давно просит... Никто не хочет.

– Кто-нибудь найдется, – убежденно сказал Афонька.

– Можа, найдется» (Шукшин, т. 4, с. 391).

Прервать вечные страдания Агасфера-Прометея-Ермака и стать его двойником, сыном не по крови, но по духу, способна личность титаническая – Степан Разин.

В рассказе «Стенька Разин» (1962) сотворение фигурки Разина предваряет вырезанный из дерева смолокур, который «поет» песню про Ермака Тимофеевича. Имеющаяся здесь хронологическая последовательность появления персонажей отражает их преемственность по отношению друг к другу.

Прецедент прощения разбойного казачьего атамана Ермака царем Иваном Грозным за присоединение Сибири к России становится потенциальной моделью поведения Стеньки Разина в романе В. М. Шукшина «Я пришел дать вам волю...»: «Пошлем к царю с топором и плахой – казни али милуй. Помилует! Ермака царь Иван миловал же...» (Шукшин, т. 4, с. 12). «Сибирь для Разина – это Ермак, его спасительный путь, туда он ушел от петли. Иногда и ему приходила мысль о Сибири, но додумать до конца эту мысль он ни разу не додумал: далеко она где-то, Сибирь-то. Ермака взяли за горло, он потому и двинул в Сибирь, Степан сам пока держал за горло...» (Шукшин, т. 4, с. 279).

В виртуальной истории Стенька Разин дублировал бы искупающий грехи подвиг Ермака, только в иных исторических декорациях, где объект завоевания – Крым или Персия, а милостивый царь – Алексей Михайлович. Однако в реальности и в романе Разин отвергает спасительный путь, до конца оставаясь противником идеи государственности.

Единство и полярность казачьих предводителей, их несовпадение во времени и по исторической роли выразилось в творчестве В. М. Шукшина как отцовско-сыновьи отношения персонажей. Так, в рассказе «Степка» (1964) Ермолаем зовут отца сбежавшего из колонии Степана (по одной из версий, Ермак – от Ермолай); в автобиографичном рассказе «Дядя Ермолай» (1971) брат отца замещает репрессированного родителя, выполняет отцовские функции по отношению к заблудившимся и завравшимся подросткам, Гришке и Ваське. Отец – хранитель традиции, закона, моральных норм. Сын – отпавший от отца, но и вернувшийся к нему. В подтексте семейных отношений – библейский сюжет о блудном сыне, символ отношения Бога и грешного человека.

Авторская самоидентификация со Степаном Разиным, многократно становившаяся предметом рефлексий шукшиноведов, в контексте реальных и символических семейных отношений может быть прочитана как сыновство. В условиях тоталитарного государства, репрессивно разлучавшего отцов и сыновей, актуализируется «комплекс Гамлета», т. е. «духовное влечение к отцу, особенно же, если он был убит; встреча с тенью его», «стремление во всей деятельности своей, во всех помыслах, руководствоваться его напутствием»¹⁰¹. Так в творчестве В. М. Шукшина Ермаков сюжет становится сюжетом об отце и сыне, смыкается с библейским сюжетом о блудном сыне и шекспировским сюжетом о Гамлете¹⁰².

Подмена мотива гибели в опасных водах несостоявшейся смертью может быть объяснена обращением к еще одной архетипической паре «отец – сын».

¹⁰¹ Турбин В. Н. Незадолго до Водолея. М.: Радикс, 1994. С. 135.

¹⁰² См. подробнее: Богумил Т. А. Лики В. М. Шукшина: Мартин Иден, Гамлет, Степан Разин // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 4 (39). С. 59–65.

В. М. Шукшин полагал, что имя его отца означает «путевой» (Шукшин, т. 9, с. 33), хотя достоверна другая этимология – «блаженный, счастливый» (греч.). По В. И. Далю, так «плутов зовут». Фразеологизм «Куда Макар телят не гонял» синонимичен выражениям «за тридевять земель», «на кудыкину гору» и тому подобным перифразам отдаленного опасного неведомого места, то есть пространства смерти¹⁰³. Пучок смыслов, связанных с именем Макар, позволяет соотнести его с античным странником по мирам мертвых – хитроумным Одиссеем¹⁰⁴. Телемах встречается с родителем, вернувшимся из потустороннего царства. В. М. Шукшин преодолевает детскую травму, обретает в своем творчестве репрессированного, но «не утонувшего» отца.

Рассмотрим подробнее другой аспект сюжета о Ермаке (эротико-танатологический), обозначенный выше в связи с «Калиной красной». Восходящий к архаике общекультурный параллелизм женщины и страны не мог не отразиться в литературе об индивидуальном и государственном освоении Сибири. В фольклорной, библейской и последующей литературной традиции типично уподобление города/страны женщине (невеста, сестра, жена, мать), часто встречается производный от этого тождества параллелизм «взятие города = воцарение = свадьба / насилие / блуд»¹⁰⁵. Не удивительно, что летописный сюжет о завоевании Сибири Ермаком в фольклоре и беллетристике XIX века дополнился любовной интригой¹⁰⁶. В устных преданиях о Ермаке завоевание Сибири соотносится с темой брака, а смерть атамана в водах реки обусловлена предательством женщины: «По-видимому, “Кучумиха старуха”, дочь сибирского князька, “сожительница-

¹⁰³ *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. С. 241–253.

¹⁰⁴ *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. С. 232.

¹⁰⁵ *Топоров В. Н.* Текст города-девы и города-блудницы в мифопоэтическом аспекте // Исследования по структуре текста. М.: Наука, 1987. С. 121–132; *Плюханова М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб.: Акрополь, 1995. С. 190–199; *Неклюдов С. Ю.* Тело Москвы. К вопросу об образе «женщины-города» в русской литературе // Тело в русской культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 367–369.

¹⁰⁶ *Сиренко О. В.* Любовная интрига как структурный компонент «колониационного» сюжета русской литературы (на примере текстов XIX века о Ермаке) // Филология и человек. 2009. № 4. С. 92–99.

татарка” являются образами, символически персонифицирующими покоренную страну...»¹⁰⁷. Данная традиция со всей очевидностью воплотилась в поэме П. П. Ершова «Сузге» (1837), где выстраивается триада эквивалентов: «Сибирь – Сузгун – Сузге». Овладение Сибири Ермаком предполагает захват неприступного города Сузгуна атаманом Грозой, что в судьбе татарской царицы Сузге актуализирует свадебные мотивы, закономерно обернувшиеся похоронными¹⁰⁸.

Русская колонизация Сибири, как известно, определялась течением рек¹⁰⁹. В мифологии и мифопоэтике вода, подобно земле, может соотноситься с женским началом – материнским чревом, как порождающим, так и поглощающим¹¹⁰. Значит, сюжет о завоевании Сибири Ермаком и трагической гибели атамана на пике славы отнюдь не случайно связан не только с матримониальной, но и водной темой. Тому были как реальные исторические, так и архетипические основания.

Далее мы понимаем Ермаков сюжет расширительно – как любой опыт общерусского и индивидуального освоения пространства Сибири, связанный с мотивом гибели и преображения. Намеченные лингвистические и мотивно-образные клише, характеризующие контакт человека с сибирским пространством в сексуальном ключе прочитываются как проявление мифологических архетипов.

Семантический комплекс, выявленный в Ермаковом сюжете («новая земля – река – женщина – секс – смерть»), являясь, по-видимому, универсальным для человеческой культуры, проявляется в текстах о Сибири любопытным, зачастую скабрёзным образом. Так, в повести «Дядюшкин сон» (1859) Ф. М. Достоевского говорится про «здешнюю скверную речонку с неприличным названием»¹¹¹. Пред-

¹⁰⁷ Анисимов К. В. Проблемы поэтики... С. 87.

¹⁰⁸ Там же. С. 86. Ср. с развитием танатоэротического мотива в мистико-анархическом произведении Г. Чулкова: Шатин Ю. В., Силантьев И. В. Драма Г. Чулкова «Тайга»: рецепция сибирского текста в контексте русского символизма // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 66. С. 298–307.

¹⁰⁹ Васильев А. П. Забайкальские казаки: исторический очерк: в 3 т. Т. 1. Чита: тип. Войскового Хозяйственного Правления Забайкальского казачьего войска, 1916. С. 17, 29.

¹¹⁰ Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. Т. 1. А–К. М.: Рос. энцикл. 1994. С. 240; Башляр Г. Вода и грезы. Опыт о воображении материи. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1998. 268 с.

¹¹¹ Достоевский Ф. М. Дядюшкин сон // Собрание сочинений: в 12. Т. 2. М.: Правда, 1982. С. 41.

положительно, географическим прототипом художественного образа является река Кóндома – левый приток Томи, впадающий в нее возле Кузнецка (совр. Новокузнецк), где бывал писатель. «Неприличие» гидронима заключается в омографии с названием барьерного контрацептива – кондóма¹¹². Примечательно, что упоминание о реке приведено в качестве аргумента для брака по расчету, предполагающего дальнейший переезд героини из провинциального захолустья в романтизированное спасительное зарубежье.

Современные авторы выражаются не столь целомудренно, как классик, прикрываясь, впрочем, литературными приемами – каламбуром и рифмой. Г. Ю. Шульпяков в рассказе с цитатным названием «Дядюшкин сон» (2002) дал инструкцию путешественникам: «В Горный (Алтай. – *Т. Б.*) надо ехать через Бийск. При въезде в этот вогнутый, как тарелка, город на берегу реки Бии следует крикнуть в окно: “Здравствуй, Бийск! И Бия-мать!”»¹¹³. Дмитрий Александрович Пригов, открывая для себя Новосибирск, восхитился Обским водохранилищем: «Проходил я вдоль Оби / Думал: мать твою ***! – / Что за ширь и что за глыбь! ...»¹¹⁴. Владимир «Сват» Муллов, фронтмен и автор песен барнаульской рок-группы «Территория 22», в тексте про Обь перечислил основные туристические достопримечательности реки («...где слияние Бии с Катунью», «где начинается Шамбала») и скаламбурил: «Люблю я, Обь, твою муть»¹¹⁵. Использование обценной лексики в приведенных примерах лишено бранной функции, как, впрочем, и эротизма. На первый план выходит экспрессия, незамутненный восторг от овладения пространством в процессе движения. Здесь уместно вспомнить гипотезу Б. А. Успенского, который возводит матерщину к культуре земли и реконструирует первоначальную функцию мата – символическое совокупление с Матерью

¹¹² Сафронова Е. Ю. Сибирский текст Ф.М. Достоевского. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. С. 239.

¹¹³ Шульпяков Г. Дядюшкин сон. М.: Запасной выход / Emergency Exit, 2005. С. 13.

¹¹⁴ Запись от 21.11.2006 2:44. URL: <http://www.prigov.ru/> (дата обращения: 14.04.2023)

¹¹⁵ Территория 22 : [сайт]. URL: <https://svatei.com/txt.php?text=010> (дата обращения: 14.04.2023).

Сырой Землей¹¹⁶. Глубинная ритуальная связь человека и места карнализована¹¹⁷ в действиях завоевателей Сибири – Братства Земле**ов – в романе В. Г. Сорокина «Голубое сало» (1999). Не вдаваясь в альтернативные версии генезиса мата¹¹⁸, отметим, что вариант интерпретации известной глагольной формулы как изначально инцестуозного союза связан с ситуацией обладания властью над местом (в т. ч. государством), с символикой сокровенного познания, с темой зрения/слепоты и странничества¹¹⁹. В профанной реальности эти элементы чаще всего объединяются в туристических практиках, естественно, в редуцированном виде.

Парадигма «новая земля – река – женщина – секс – смерть» лежит в основе отношений Прохора Громова и мертвой тунгусской шаманки Синильги в романе В. Я. Шишкова «Угрюм-река» (первая часть 1928), в редуцированном виде присутствует в рассказе В. В. Бианки «Она» (1944), развернута в нарратив в романе В. Я. Зазубрина «Горы» (1933).

Рассмотрим подробнее функционирование обозначенной парадигмы в данном романе. Важно подчеркнуть, что в художественном мире писателя главенствует принцип синекдохи – *pars pro toto*. События у реки на Алтае изоморфны общесибирской и общечеловеческой истории (см. параграф 1.2.). Ермаков сюжет здесь присутствует подспудно в редуцированном виде.

Восприятие гор и рек как женского начала отражено в мифологии коренных жителей Алтая: «Горы поднимались, как полные груди матери. Из каменных сосцов бежали реки со вкусом молока» (ОА, т. 3, с. 54); «Охотник знал, что тайга –

¹¹⁶ Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Избранные труды: в 3 т. Т. 2. Язык и культура. М.: Гнозис, 1994. С. 53–128.

¹¹⁷ Термин М. Липовецкого, произведен от лат. *carnalis* – «плотский, телесный», означает индивидуально сорокинский «метод деконструкции авторитетных дискурсов, символов и культурных нарративов», заключающийся в прямом и непрямом телесном воплощении метафор, языковых норм и скрытой логики дискурса (или развоплощении в случае обратной карнализации). По остроумному замечанию автора, термин перекликается с карнализацией и канализацией (Липовецкий М. Сорокин-троп: карнализация // Новое литературное обозрение. 2013. № 2. С. 226).

¹¹⁸ См., например: Михайлин В. Ю. Русский мат как мужской обценный код: проблема происхождения и эволюция статуса. Саратов – СПб.: ЛИСКА, 2010. 69 с.

¹¹⁹ Аверинцев С. С. К истолкованию символики мифа о Эдипе // Античность и современность. М.: Наука, 1972. С. 90–102.

людям мать, когда они при разделе добычи – братья» (ОА, т. 3, с. 83). «Женскость» кодируется по-разному в зависимости от точки зрения: пространство родины аборигенами ощущается материнским, в то время как для колонизаторов (продолжателей дела Ермака) присваиваемая территория аналогична эротическому объекту. История поморских переселенцев на Алтае начинается с преступлений. В долине реки Талицы Магафор зарубил топором двух своих друзей, чтобы насильно овладеть женой одного из них: «Они двумя темными большими рыбами возились на траве, горячей и скользкой от крови. Под ними камнями перекатывались убитые. Руки их шлепали, как плавники. Ноги двумя раздвоенными хвостами бешено били землю, разметывали костер. Угли и головни летели кусками крови. Милодора обессилела и стихла» (ОА, т. 3, с. 64).

Натуралистическое описание преобразуется в метафорическое, отбрасывающее человека в доисторические и даже дочеловеческие времена, а завершается возвращением в прагматичную реальность: «Утром стали рубить избу» (ОА, т. 3, с. 64). Казалось бы, Милодора не может символизировать новое пространство, поскольку она тоже переселенка. Полагаем, здесь сыграла роль инерция сложившейся традиции. Кроме того, важно, что это *чужая* женщина. Очевидным образом рядом с рекой реализовано символическое тождество полового акта и захвата территории, а также двуединая (деструктивная и созидательная) функция фаллического орудия – топора. Магафор Морев «топором взял не только жену, но и деньги, и лучшую землю» (ОА, т. 3, с. 67).

Роман советского писателя Зазубрина построен по мифопоэтическим моделям¹²⁰, что проявляется, помимо прочего, в «рифме» ситуаций, коллизий и событий. Исходный микросюжет из истории русских первопоселенцев в смягченном виде дублируется в начале алтайского этапа жизни красноармейца Безуглого. После знакомства с работницей Анной герой бессознательно совершает действия,

---

¹²⁰ Литературная мифология Алтая. С. 107–114 ; *Богумил Т. А.* 2.2. Семантика тверди и воды в романе В.Я. Зазубрина «Горы» // Текст и контекст: литературно-культурные связи. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2021. С. 70–80.

однозначно читаемые в свете психоаналитического подхода: «Он, сам не зная для чего, зашагал к реке, остановился на берегу и стал тыкать палкой в воду»¹²¹ (ОА, т. 3, с. 22–23). Описание Анны пронизано акваметафорами: «Работница быстро проходила мимо, и Безуглый чувствовал каждый раз на своем лице теплые волны воздуха и видел пестрый плеск складок ее сарафана» (ОА, т. 3, с. 23). Ночью герой подглядывает за купающейся в реке женщиной: «Он увидел ее, когда она, уже раздетая, входила в воду. Низ живота у нее был темен и лохмат, как у медведицы» (ОА, т. 3, с. 23). Половое влечение характеризуется как инволюционное движение вспять, к первовременам. Однако по сравнению с предыдущим эпизодом на этот раз человек регрессировал уже не до рыбы, а до более высокой, звериной, ступени развития: «Миллионлетия протекли с тех пор, как вымерли земноводные страшилища, но сейчас, как и тогда, самец следил за самкой. <...> Ноги Анны были упруги и холодны после воды. Она не сопротивлялась» (ОА, т. 3, с. 29).

Как и в первом микросюжете, соитие предваряется жестокой расправой. Агафон, внук «первоубийцы» Магафора, уничтожает разорявших пасеку медведицу с медвежонком. Безуглый не участвует в процессе, но наблюдает его. Эротическая деталь внешности Анны соотносит героиню с медведицей и намекает на финал романа, где сын Безуглого и его жена будут на грани смерти, причем ребенок пострадает от действий Агафона, а Анна от подпольного аборта, т. е. косвенно из-за мужа.

Третий раз структура микросюжета воспроизводится в описании охоты на медведей, в которой участвуют Агафон и вернувшийся на Алтай после многолетнего отсутствия Безуглый (здесь актуализируется его статус пришельца).

---

¹²¹ Водная метафорика, сопровождающая эротическую ситуацию, помимо мифологических истоков, имеет конкретно-исторический генезис, связанный с концепцией «стакана воды», распространенной в советской культуре 1920-х гг. Смысл ее заключался в том, что совершить половой акт – так же просто, как и выпить стакан воды. Зазубрин к этой теории относился скептически, пародийно обыграв применение ее на практике в рассказе «Общежитие» (1923). См. об этом: *Проскурина Е. Н.* Поэтика Владимира Зазубрина: жанровые, сюжетные проекции. М.: Новый Хронограф, 2020. С.89.

Сначала охотники идут по следу черного медведя, выжившего в лавине. Отметим насыщенность повествования водной образностью: «Он пробирался рыхлым снегом, скорее нырял, чем шел, и очень напоминал тюленя. На него налетела белая волна лавины. Медведь повернулся к ней мордой и лег. Его захлестнуло, но не снесло. Он исчез в снегу и вынырнул с легкостью настоящего морского зверя» (ОА, т. 3, с. 75).

Далее натуралистически описывается медвежья свадьба: «Медведица и семь медведей ходили по круглой поляне <...> Лапы зверя топорами (ср. с первым микросюжетом. – Т. Б.) обрушивались на черепа, на ребра, на хребты соперников» (ОА, т. 3, с. 76). Самка отдавалась победителю: «Медведица поднялась, расставила задние ноги, оглянулась. Медведи вскочили с ревом. Зубы мелькнули, как белые ножи. Звери сшиблись в одну бурую кучу. Из-под ног у них полетели камни, земля, снег, шерсть. <...> Медведи кончили драку. Они стояли длинным рядом. Морды, шеи, плечи у них были окровавлены, языки высунуты. Звери дышали тяжело и жарко. Самка немного отошла от самцов и снова призывно оглянулась. Черный бросился на нее, навалился ей на спину всей грудью и животом. Она устойчивее расставила ноги. Победитель ревел и устрашая, и торжествуя» (ОА, т. 3, с. 77)¹²².

Затем следует сцена убийства животных охотниками, инстинкт размножения у медведя сменяет голод, не знающий моральных препятствий: «Черный остервенело теребил самку за загривок. Самка лежала без движения. Он рванул ее когтями. Она рыхло перевернулась на спину. Он разорвал у нее живот и, мгновенно опьянев от крови, стал пожирать горячие внутренности» (ОА, т. 3, с. 78). Пищевая перверсия вытесняется другим инстинктом – выживания. Раненый зверь убегает, охотники не стали его преследовать.

¹²² Неприкрытый «физиологизм» случки медведей был отрицательно оценен критикой. Однако Максим Горький указал на «целомудрие подлинного искусства» (Цит. по: *Проскурина Е. Н. Поэтика Владимира Зазубрина. С. 130*). Согласимся с советским классиком, тем более, как писали древние, «naturalia non sunt turpia» – «естественное не безобразно».

Как видим, в сцене охоты вновь собирается мотивный комплекс: «новая земля (для Безуглого) – вода (снежное море) – женщина (медведица) – соитие – смерть». На этом витке человек уже окончательно дистанцирован от животного мира. Он не сравнивается ни с рыбами, ни с земноводными, ни с медведями. Однако участие в охоте пробуждает в Безуглом древние, первобытные, ощущения: «Спать легли в пещере. Шкуры пахли сырой кровью. Длинная шерсть на них была пушиста и тепла. Безуглый голый бродил по песчаному берегу моря, прятался среди валунов, каменным топором бил медведей, выламывал из них костяные фаллы... нанизывал их на сухую жилу оленя и отнес в пещеру своей густоволосой самке. Она надела ожерелье. Глаза у нее раскрылись черными крыльями бабочки. Он повалил ее на мохнатое теплое ложе» (ОА, т. 3, с. 81–82).

Итак, в романе встречается три эпизода, где тема чужестранца в новом для него мире раскрывается в речном/морском хронотопе через единство Эроса и Танатоса. Градус жестокости с каждым последующим витком снижается. С ходом романного времени и логики повествования, казалось бы, наблюдается эволюционный прогресс характеризующей человека метафорикой: от водных чудовищ через зверя к дикарю.

Одновременно Безуглый видит вокруг себя мир, в котором «человек человеку – медведь» (ОА, т. 3, с. 109). Законы частной собственности нерушимы: «В этом мире путь к обогащению был открыт каждому, кто поднимал топор и обрушивал его на голову ближнего» (ОА, т. 3, с. 109). Цивилизационные достижения не отменяют захватнической и корыстной природы человека, смягчение нравов иллюзорно: «Медовуха часто была для Андрона тем же, что для Магафора топор и для Агатима денежный станок» (ОА, т. 3, с. 69). Особенность романа заключается в противоречии между задуманным оптимистичным сюжетом соцреалистического романа и правдой жизни, в которой общественные взаимоотношения не столь однозначны, как диктовала советская картина мира.

Зооморфный код романа тесно переплетается с растительным. Традиционное отождествление земли и женщины актуализируется посредством метафориче-

ского отождествления сельскохозяйственных работ и полового акта, урожая и деторождения. При этом спектр взаимодействия мужчины и женщины/земли весьма разнообразен. В годы Гражданской войны на Алтае преобладает насилие: «Мужиков в нашем аймаке головой не было, всех поприбили – кого белые, кого наши, остались одни старики да ребятишки. <...> Ночью тебе всяк хозяин. Лишь бы кто с гор спустился. Кто в борозду попал, тот и запахал, и засеял. А днем поминай как звали. Меня два раза насильничать принимались – не далась» (ОА, т. 3, с. 39). Аналогия между властью временщиков над территорией и сексуальным произволом над женщинами прозрачна.

В эпоху коллективизации конфликт между крестьянами-собственниками и политикой государства иллюстрируется также при помощи сельскохозяйственной метафоры: «Земля, разгоряченная, потная, бесстыдная, лежала с оголенным черным брюхом. Она ждала сеятеля. <...> Андрон горестно вскрикнул:

– Пахарь пашню покинул! Земля пустует!

Безуглый <...> сквозь стиснутые зубы сказал Андрону:

– Засеем» (ОА, т. 3, с. 87).

Крестьянин-собственник – пахарь и сеятель, уже не насильник, но своего рода муж и отец: «Миллионы слабеньких зеленых ножек торчали из теплой утробы матери. Андрон бережно, как живот беременной женщины, щупал землю» (ОА, т. 3, с. 87). Нежный жест крестьянина повторится в движении Безуглого, его антагониста: «Ночью Безуглый положил свои руки на живот Анне и слушал долго, как пахарь землю, потом спросил:

– Анна, ты понесла?

Анна повернулась к нему лицом.

– Пустоколосая я, Иван Федорыч.

Она горячодохнула ему в ухо.

– Заждалась я тебя, перестоялась, ровно пашня без дождика» (ОА, т. 3, с. 95).

В финале выяснится, что Анна обманула мужа. Она действительно была беременна, но сделала подпольный аборт из страха, что Безуглый опять уедет на семь лет и бросит ее одну с детьми. Боязнь женщины за свое будущее и нежелание рожать ребенка подобны опасениям крестьянина: «Федорыч, пошто у нас жизнь какая-то дурная стала? Хозяин урожаю своему не рад. Ране думал – уродилось бы поболее, нонче думать – посохло бы, градом побило бы, помха бы пала» (ОА, т. 3, с. 87).

По ходу романного сюжета мотив завоевания женщины-пространства трансформировался в мотив оплодотворения и далее в мотив бесплодия. Благие начинания Безуглого и государства, которое он представляет, оборачиваются сомнениями в верности выбранного пути и горестными утратами как в личной, так и в общественной жизни.

Таким образом, для автора-сибиряка или пишущего о Сибири характерно обращение к знаковым персонам Сибирского текста. Ермак – периферийная, но весьма важная фигура в историософской модели В. М. Шукшина. Типологическая близость Ермака и Разина (отсюда контаминация сюжетов в фольклоре) в творчестве Шукшина реализуется как отцовско-сыновьи отношения персонажей, воплощающих «ермаков» и «разинский тип». В подтексте семейных отношений лежит библейский сюжет о блудном сыне и «комплекс Гамлета». Ермаков сюжет трансформируется: герой не тонет, отец символически возвращается к сыну.

Мифопоэтическая аналогия «женщина – страна» в контексте художественного дискурса об овладении человеком / государством новой сибирской территорией реализуется при помощи гендерных мотивов. Ермаков сюжет (и производные от него сюжеты) связан с семантическим тождеством «взятие города = воцарение = свадьба / насилие / блуд» и мотивом гибели героя у/от воды. Лингвистические игры авторов-путешественников, порождающие эротические коннотации сибирских гидронимов, обнажают архаическую подоплеку как матерного слова (символическое совокупление с Матерью Сырой Землей), так и странствия (Эдипов сюжет о подлинном и ложном обладании-познании). В романе В. Я. За-

зубрина «Горы» (1933) пространство Алтая видится материнским сначала аборигенами, а впоследствии укоренившимися русскими. В мирное время устанавливаются полубовные, семейно-родственные отношения между мужчиной и женщиной, государством и народом. Для пришельца же актуальна парадигма «новая земля – река – женщина – секс – смерть». Исторически конфликты порождают насилие над женщиной / страной. В романе, как и в Ермаковом сюжете, «половой вопрос» встраивается в так называемый «магистральный сюжет» (термин Л. Е. Пинского), определяя не только индивидуальную судьбу «частного» человека, но и специфику национальной истории.

2.2. Утопический дискурс в Сибирском тексте¹²³

Сибирь и Русский Север оказались территорией, подходящей для локализации утопии в силу периферийного положения по отношению к максимально освоенному русскими центру страны (Москва / Петербург). Неведомое, труднодостижимое, «чужое» всегда наделено мощным семантическим потенциалом. Огромные пространства Сибири (10 млн. км²), отграниченность региона (с севера и востока – моря, с запада и юга – горы и плоскогорья), неисчислимы ресурсы и непростые природно-климатические условия благоприятствовали созданию утопического, а впоследствии и антиутопического дискурса.

¹²³ Результаты были опубликованы в: *Богумил Т. А.* Беловодье: легенда, мифологема, бренд // *Культура и текст.* 2018. № 3 (34). С.89–102 ; *Она же.* Алое Беловодье В. Я. Шишкова // *Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ.* Барнаул: АлтГПУ, 2020. С. 298–301 ; *Она же.* Алтай в биографии и творчестве В. Я. Шишкова («Алые сугробы») // *Имагология и компаративистика.* 2020. № 13. С.128–140 ; *Она же.* Сибирь как антиутопия в диалогии А. В. Рубанова «Хлорофилия» и «Живая земля» // *Сибирский филологический форум.* 2020. № 4 (12). С. 64–77 ; *Она же.* Беловодье А. Е. Новоселова и В. Я. Шишкова: творческий диалог // *Язык и литература в поликультурном пространстве: проблемы, идеи, тенденции развития.* Актобе: Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова, 2021. С. 245–249 ; *Она же.* Региональная литература ; *Литературно-туристический Алтай: топосы – мифы – имена / Т. А. Богумил [и др.].* Барнаул: АлтГПУ, 2018. С. 56–64 ; *Литературная мифология Алтая.* С. 24–31, 100–107.

2.2.1. Беловодье как алтайский утопический локус и сюжет

Легенда о Беловодье играет существенную роль в истории освоения Сибири восточнославянскими народами. Социально-утопическая идея о праведной и обильной «далекой вольной земле» на востоке Российской империи, куда может попасть любой, знающий тайную дорогу, более века выполняла не только информационную, но, главное, побудительную функцию, стимулируя миграционные процессы¹²⁴.

Сведения о Беловодье складываются из устных сказаний, из рукописных тайных листков-агитаций-памяток – «Путешественников» Марка Топозерского (севернорусская редакция) и инока Михаила (вторая и третья, сибирская, редакции), из судебных документов¹²⁵. Легенда о Беловодье возникает в конце XVIII–начале XIX века как старообрядческий вариант известных многим народам мира легенд о «далекой земле» и «золотом веке». Семантическое «ядро» легенды – представление о благословенной стране, где сохранились «истинное» священство и дониконовская обрядность, куда нет доступа Антихристу и его слугам (царю, послениконовской церкви, администрации, войскам)¹²⁶. Это представление связано не только с определенным старообрядческим согласием («бегунов»), но принадлежит всем староверам и русскому крестьянству¹²⁷.

Легенда, по-видимому, не существовала в законченном виде, бытуя в «дочерней» форме «слухов» и «толков», устных и рукописных «меморатов» (воспо-

¹²⁴ Чистов К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 448–449 ; Дутчак Е. Е. Путь в Беловодье (к вопросу о современных возможностях и перспективах изучения профессиональных миграций) // Вестн. РУДН. Сер. История России. 2006. № 1 (5). С. 81–94.

¹²⁵ Чистов К. В. Русская народная утопия. С. 427–447 ; Мамсик Т. С. Беловодцы и Беловодье (по материалам следственного дела о побегах 1827–1828 гг.) // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск: Наука, 1982. С. 135–164.

¹²⁶ Чистов К. В. Русская народная утопия. С. 9–11.

¹²⁷ Там же. С. 280, 291–291, 318 ; Мальцев А. И. Староверы-странники в XVIII – первой половине XIX века. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. С. 13 ; Покровский Н. Н. К постановке вопроса о беловодской легенде и бухтарминских «каменщиках» в литературе последних лет // Общественное сознание и классовые отношения в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск: Наука, 1980. С. 121.

минание от 1-го лица) и «фабулатов» (рассказ в 3-ем лице)¹²⁸. «Мерцающий» характер текста легенды проявляется в отсутствии устойчивого текста при сохранении узнаваемых деталей Беловодья: отдаленность и труднодоступность отграниченного локуса, праведность его насельников¹²⁹.

Структурно-семантические параметры легенды, функционирующей как идеологическое основание и мотивация перемещений старообрядцев, определяются основными концептами конфессиональной миграции: «исход – дорога – обретение»¹³⁰. Е. М. Сморгунова указала на изоморфизм начальной и конечной точек пути староверов и древних иудеев. Исход евреев из египетского плена подобен исходу староверов из порабощающего царства Антихриста, Вавилона, в который превратилась Святая Русь после церковных реформ. Финальная точка пути – Земля Обетованная для иудеев, Беловодье / Китеж для староверов – есть идеальное, в физическом и духовном измерениях, пространство¹³¹. Дорога, удачно обозначенная Е. Е. Дутчак как маршрут «Вавилон – Беловодье»¹³², ведет из Москвы через Казань, Екатеринбург, Тюмень, Барнаул, Бийск («Избенск») в Алтайские горы, где в долинах рек Бухтарма и Уймон (верховья Катуня) были алтайские старообрядческие поселения. Собственно, происхождение легенды о Беловодье увязывается с существованием вольной крестьянской общины бухтарминских «каменщиков» (т. е. «горцев»), находившейся вне государственного контроля вплоть до 1791 года. Во 2-й половине XVIII века Беловодьем называли Бухтарминскую и Уймонскую долины на Алтае¹³³. После официального вхождения общины в состав России «закончилась история реального Беловодья и началось ее мифическое продолжение»¹³⁴, в результате чего маршрут продлился дальше на

¹²⁸ Чистов К. В. Русская народная утопия. С. 9.

¹²⁹ Бахтина О. Н. Проблемы изучения миграции старообрядцев (Сибирь и Дальний Восток) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Т. 2. Благовещенск: АмГУ, 2001. С. 11.

¹³⁰ Дутчак Е. Е. Путь в Беловодье. С. 86.

¹³¹ Сморгунова Е. М. Библейский Исход... С. 178.

¹³² Дутчак Е. Е. Путь в Беловодье. С. 91.

¹³³ Чистов К. В. Русская народная утопия. С. 307–308 ; Покровский Н. Н. К постановке вопроса о беловодской легенде. С. 131.

¹³⁴ Дутчак Е. Е. Путь в Беловодье. С. 87.

восток через Китай к берегам моря, где на островах в «Опоньском» (Японском) государстве расположен искомый «рай» на земле.

Крестьянское «царство божие» не имеет достаточно определенных характеристик государственного, политического, религиозного, общинного, семейного устройства. Его отличают типичные для «утопий места» черты: отдаленность (на краю земли, на берегу моря) и отграниченность (за горами, лесами, морем, на острове), обеспечивающие независимость от государства, «выключенно[сть] из сферы действия дурных социальных закономерностей»; суровая, но изобильная природа; отсутствие социальной иерархии, светской власти, налогов, войн, рекрутчины; вольная жизнь по «божецкому закону» под ненавязчивым и справедливым управлением древлеправославных духовных властей. Населен «земной рай» бежавшими от религиозных преследований выходцами из России и западных стран. Первыми русскими жителями Беловодья стали старообрядцы, ушедшие от гонений после подавления Соловецкого восстания (1667–1676). Беловодье как оплот «древлего благочестия» смыкается со старообрядческой рецепцией града Китежа, сокрывшегося не от Батыя (так в изначальной версии легенды XIII века), но от никоновского владычества и напоминающего об истинной вере звоном колоколов. Проникнуть в заповедную страну может не каждый, а только истинно верующий, тот, кто не нарушит беловодские порядки «антихристовыми» нововведениями¹³⁵. Поскольку образ легендарной страны генетически восходит к представлениям о потустороннем мире¹³⁶, не удивительно, что попасть в Беловодье можно через смерть. В народной молве, согласно В. Г. Короленко, пропавшие без вести странники достигли искомой счастливой страны и остались в ней¹³⁷.

Семантика топонима «Беловодье» объясняется, во-первых, белой окраской притоков верхней Катунь, стекающих с «белков» (горных ледников), а также цветом пены горных рек Алтая. Во-вторых, существенным является употребление

¹³⁵ Чистов К. В. Русская народная утопия. С. 293–294.

¹³⁶ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. С. 241–255.

¹³⁷ Хохлов Г. Т. Путешествие уральских казаков в «Беловодское царство». СПб.: Герольд, 1903. С. 8.

начиная с XVI века прилагательного «белый» в значении «чистый, свободный от чего-либо, вольный», без податей и повинностей, ничейный¹³⁸. Наконец, философское прочтение белизны П. А. Флоренским позволяет понять символику Беловодья во всей его метафизической глубине: «"Белый свет" есть только обозначение света как такового, чисто аналитическое прочтение его цельности. Он <...> – полнота, в нем нет никакой односторонности, ибо всякая односторонность происходит от препятствий; нет в нем никакого ущерба, никакого ограничения»¹³⁹. В «сакральной географии» белизна сопрягается с божественными категориями света-сияния и святости¹⁴⁰.

Бытование легенды прошло несколько этапов: (1) Конец XVIII–первая половина XIX века – возникновение легенды, первые поиски Беловодья. (2) 1850–1880-е годы – наибольшая активность в поисках обетованной страны, добавление в маршруте «апоньского» этапа, появление самозванцев (епископ «беловодского поставления» Аркадий). (3) Конец XIX–начало XX века легенда теряет информационно-побудительную функцию, становясь историческим преданием о том, как искали, но не нашли, либо нашли, но не попали, т. к. греховны¹⁴¹. Ср. с подобными трансформациями легенды о граде Китеже на рубеже XIX–XX веков: «В это время идеология старообрядчества, господствовавшая в Керженских лесах с конца XVII в., претерпевала кризис. "Тайна выдыхается, – писал В. Г. Короленко в 1900 году, – нитей, связующих два мира, видимый и невидимый, становится все меньше. Много народа припадает к берегам, чтобы услышать из глубины святой звон невидимого града. И не слышат". <...> Образ невидимого града постепенно терял мистическую окраску, превращаясь в мечту, сказку, отлично сочетавшуюся с трезвым, практическим восприятием действительности»¹⁴².

¹³⁸ Чистов К. В. Русская народная утопия. С. 307–312.

¹³⁹ Флоренский П. А. Небесные знамения (Размышления о символике цветов) // Флоренский П. А. Иконостас: избранные труды по искусству. СПб.: Русская книга, 1993. С. 313.

¹⁴⁰ Терехихин Н. М. Метафизика Севера. Архангельск: Пом. ун-т, 2004. С. 66–67.

¹⁴¹ Чистов К. В. Русская народная утопия. С. 318–320.

¹⁴² Шестаков В. П. Эсхатология и утопия: очерки русской философии и культуры. М.: ВЛАДОС, 1995. С. 9.

Последним известным путешествием в поисках Беловодья является предпринятая в 1898 году экспедиция группы уральских казаков, за четыре месяца побывавших на Ближнем Востоке, на Цейлоне, в Сингапуре, Китае, Японии. В 1903 году уральцы навели Л. Н. Толстого в Ясной Поляне, дабы расспросить о посещении им Беловодья и принятии там сана. Понятно, что писатель их разочаровал¹⁴³. Всплески агитационной функции легенды в локальных старообрядческих группах (уймонской, бухтарминской) имели место и позднее, в кризисные моменты советской истории (революция, Гражданская война, коллективизация, репрессии), «стимулировавшие обращение старообрядцев к привычным эсхатологическим и утопическим мотивам»¹⁴⁴. В XX веке «дочерние» рассказы легенды дополнились новыми персонажами и деталями. В Беловодье якобы побывала экспедиция Н. К. Рериха, в доказательство чего упоминаются сделанные там фотографии, привезенные оттуда предметы (рубашка, скатерть), встреча с беловодским мужиком¹⁴⁵. Путь в чудесную страну, расположенную на оз. Лоб-Нор, знает некий капитан парохода¹⁴⁶.

«Утопия места», как известно, нацелена на обретение справедливого мироустройства в реальном геополитическом пространстве. Воспринятая сквозь призму веры искомая физическая реальность Беловодья постепенно замещается символическим пространством духовного опыта и нравственного выбора¹⁴⁷.

Существует версия, что Н. В. Гоголь намеревался перенести действие второго тома «Мертвых душ» в Сибирь, поскольку план духовного перерождения героев уместно было бы реализовать в контексте беловодческой темы¹⁴⁸. Тем не менее в русскую литературу легенда о Беловодье проникает позднее – в конце

¹⁴³ Чистов К. В. Русская народная утопия. С. 303–304.

¹⁴⁴ Савоскул С. С. Легенда о Беловодье в XX столетии // Фольклор и этнография. К девятидесятилетию со дня рождения К. В. Чистова. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 211.

¹⁴⁵ Савоскул С. С. Н. К. Рерих и легенда о Беловодье // Советская этнография. 1983. № 6. С. 99.

¹⁴⁶ Савоскул С. С. Легенда о Беловодье... С. 206.

¹⁴⁷ Дутчак Е. Е. Путь в Беловодье. С. 87, 91.

¹⁴⁸ Дмитриева Е. Е. Миф о сибирском Эльдорадо, Опоньское царство староверов-бегунов и загадка второго тома «Мертвых душ» Гоголя // Studia Litterarum. 2018. Т. 3. № 3. С. 116–143.

XIX века. О ней писали И. П. Мельников-Печерский¹⁴⁹ (роман «В лесах», 1871), Д. Н. Мамин-Сибиряк («Три конца: уральская летопись», 1895), В. Г. Короленко (предисловие к брошюре Г. Т. Хохлова «Путешествие уральских казаков в Беловодское царство», 1903; переписка с Л. Н. Толстым)¹⁵⁰. Знаковой темой Беловодье стало в научных и публицистических трудах областников: Г. Н. Потанина (статья «Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении», 1864) и Н. М. Ядринцева (статья «На обетованных землях», 1886; «Раскольничьи общины на границе Китая», 1886). Вероятно, от Г. Н. Потанина впервые услышал эту легенду Н. К. Рерих, впоследствии усмотревший истоки беловодческой легенды в буддийском сказании о Шамбале («Алтай – Гималаи», 1927; «Сердце Азии», 1929)¹⁵¹. Впрочем, этот генезис рассматривают не только как вполне достоверный, но и как метафору¹⁵².

В литературе первой трети XX века наблюдается беспрецедентный всплеск интереса к беловодческой теме. Первая волна – романы А. П. Чапыгина «Белый скит» (1913), А. Е. Новоселова «Беловодье» (1917)¹⁵³, Г. Д. Гребенщикова «Чураевы» (1 часть, 1917), очерки А. Е. Новоселова «У старообрядцев Алтая» (1913), Г. Д. Гребенщикова «Алтайская Русь» (1914) и др. Вторая волна – рассказ В. Я. Шишкова «Алые сугробы» (1925), повести Вс. В. Иванова «Бегствующий остров» (1925) и «Гибель Железной» (1927), А. А. Караваевой «Золотой клюв» (1925), М. П. Плотникова «Беловодье» (1925), А. П. Платонова «Иван Жох»

¹⁴⁹ И. П. Мельников-Печерский был первым публикатором списка северно-русской редакции текста «Путешественника» в «Нижегородских губернских ведомостях» (1839) (Соколова В. Ф. П. И. Мельников (Андрей Печерский): очерк жизни и творчества. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1981. С. 121).

¹⁵⁰ Чистов К. В. Русская народная утопия. С. 327, прим. 99.

¹⁵¹ Савоскул С. С. Н. К. Рерих и легенда о Беловодье. С. 93–98.

¹⁵² Савелли Д. Алтай как пространство религиозного трансфера в понимании Николая Рериха (от Шамбалы до Беловодья, от буддизма до теософии) // Сибирь как поле межкультурных взаимодействий: литература, антропология, историография, этнология. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 424–449.

¹⁵³ В 1918 году, за несколько дней до ареста, в беседе с поэтом Г. А. Вяткиным А. Е. Новоселов признавался: «Мне очень хочется написать роман о трагической беспочвенности русской интеллигенции <...> ...название: “Китеж – град невидимый”. Вы понимаете – интеллигентская революционная романтика и её крах перед действительностью...» (Вяткин Г. Памяти А. Е. Новоселова // Сибирские огни. 1928. № 6. С. 239).

(1927), роман Е. Н. Пермитина «Капкан» (1928). С известной долей условности сюда же можно отнести утопическую повесть В. С. Логинова «Царство Ял-Мал» (1929), в которой идеальный мир окрашен в белый цвет и разработана тема бегства от ужасов Гражданской войны в потаенную счастливую страну, расположенную на сибирском полуострове¹⁵⁴.

Согласно наблюдениям Е. А. Папковой, в предреволюционных текстах 1910-х годов акцентируется «мотив родительского наказа искать Беловодье», романы «Белый скит» и «Беловодье» завершаются достижением искомой святой земли, реальность чего, впрочем, условна, т. к. герои находятся в измененном состоянии сознания. В произведениях 1920-х годов связи между отцами и детьми разрушены, «блудные дети» отправляются в путь, как правило, самостоятельно и на самом деле находят некое место, чье название намекает на Беловодье: Белый остров у Вс. Иванова, Бухтарминская долина у М. П. Плотникова, А. А. Караваевой, Л. И. Гумилевского, Вечный Град-на-Дальней реке у А. П. Платонова¹⁵⁵. В финале романа Л. И. Гумилевского «Белые земли» (1930) герой, достигнув Бухтармы, вдруг с опустошительным ощущением бесцельности и бесплодности своего долгого пути узнает, что местные старцы ушли в тайгу, в скиты. Дескать, там Беловодье, а здесь святость утеряна. В романе В. Я. Зазубрина о коллективизации «Горы» (1933) герои тоже ищут и находят свое Беловодье – село Белые Ключи. Подобно предыдущим текстам, здесь праведность места подвергается сомнению, ибо населяют его люди со своими страстями, пороками и преступлениями. Утопические чаянья оборачиваются эсхатологией¹⁵⁶.

¹⁵⁴ Шатин Ю. В., Силантьев И. В. Поэтика утопии vs антиутопии в прозе В. С. Логинова // Новый филологический вестник. 2022. № 4. С. 276–284.

¹⁵⁵ Папкова Е. А. «Беловодье» Михаила Плотникова: русская литература 1-й трети XX века в поисках крестьянского рая // Сибирские огни. 2011. № 3. С. 133–140. См. также: Она же. Легенда о Беловодье в творчестве Вс. Иванова // Филологические науки. 2009. № 5. С. 29–37; Она же. Исторический и литературный контексты повести Всеволода Иванова «Бегствующий остров» // Культура и текст. 2021. № 3. С. 171–184; Она же. Образ Беловодья в произведениях сибирских писателей 1920-х гг. Повесть А. Караваевой «Золотой клюв» // Литература Сибири в социокультурном пространстве. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2022. С. 138–146.

¹⁵⁶ Куляпин А. И. Образ Алтая в литературе 1920–1940-х годов // Филология и человек. 2013. № 3. С. 171–172.

Остановимся подробнее на двух произведениях начала XX века о поиске «земного рая»: повести А. Е. Новоселова «Беловодье» (1917) и рассказе В. Я. Шишкова «Алые сугробы» (1925), обнаруживающих системные интертекстуальные совпадения.

В основе сюжета обоих произведений – исполненный страданиями путь в поисках лучшей доли. Двигают действие парные герои, типологически относящиеся к категориям «богатыря» и «праведника»¹⁵⁷. Чернобородый великан Панкрат и его двойник – рыжебородый силач Хрисанф из повести А. Е. Новоселова соотносены у В. Я. Шишкова со Степаном, угрюмым и грозным охотником-медвежатником. Смиренный и богобоязненный Панфил – с тихим и мечтательным Афоней. Цель их поиска, Беловодье, раздваивается: для «богатыря» – это земледельческий «мужицкий рай», а для «праведника» – христианская обитель¹⁵⁸.

Образ Алтая у обоих авторов «свернут» в названиях произведений. Беловодье А. Е. Новоселова локализовано на Алтае и, можно сказать, ему изоморфно. В заглавии рассказа В. Я. Шишкова действует тот же принцип метонимического отождествления части и целого. Единичность слов «алый» и «Алтай» позволяет считать словосочетание «алые сугробы» перифразом топонима. В заглавиях основной акцент сделан на цветовой доминанте и водной стихии пространства.

Парадокс повести А. Е. Новоселова заключается в том, что искомое Беловодье, по сути, уже найдено. В сознании Панфила спрятана «мысль о тщетности попыток найти земной рай, о том, что подлинная идиллия уже достигнута, – и она вокруг них, живущих посреди Алтайских гор»¹⁵⁹. Не случайно, будучи ребенком, Панфил удивлялся, что его отец ищет «какие-то “белые воды”», а между тем «кристально чистая вода родной реки не казалась ему черной» (ОА, т. 2, с. 85). В культурной традиции детское сознание – критерий подлинности. Клятва, обременившая героя, затмила непосредственное восприятие реальности, подменила

¹⁵⁷ Ковтун Н. В. Русская традиционалистская проза... С. 53–63.

¹⁵⁸ Анисимов К. В. Проблемы поэтики... С. 240.

¹⁵⁹ Там же. С. 242.

наличную благодать ложной целью. На мгновение детское ощущение возвращается к герою в походе и манит свернуть с пути домой: «Перед Панфилом поплыли в волшебном мареве родные горы, развернулись темные луга, напитанные влагой, пахло терпким ароматом большетравья, и живой перед ним стояла грязная деревня со знакомыми домами, с моленной, с гурьбой ребятишек на улице. Спокойно там, сытно... <...> Угодье-то какое! Лесу, лесу! А воды! И бежит она с кручей, будто песни поет. Не замолчит ни днем, ни ночью. И цветов и трав там всяких! Красота господня! Утром встанешь вместе с солнышком и нет тебе ни суеты и ни печали» (ОА, т. 2, с. 155–156).

Старообрядец расценивает это воспоминание как иску: «неможное тело побеждало дух» (ОА, т. 2, с. 155). Но для автора отказ Панфила от материального в пользу идеи, несомненно, разрушителен, ведет к гибели не только героя, но и всех, поверивших своему вожаку. Альтернативой фиктивному Беловодью в двух его ипостасях (крестьянский рай и монастырская обитель) является реальность. А. Е. Новоселов, по точной формулировке Н. В. Ковтун, «настаивает на беспочвенности поисков “земного рая”, на необходимости направить силы, талант на возделывание насущной действительности»¹⁶⁰.

Радикально иной является концепция В. Я. Шишкова. Ее помогает понять интерпретации заглавия «Алые сугробы». «Вода» претерпевает метаморфозы, превращаясь в снежные «сугробы» горных вершин. Сказочный образ изобилия – «молочные реки», движение, ток жизни оборачиваются холодной неподвижностью смерти. Не случайно на уровне этимологии и фонетического созвучия в слове «сугроб» отчетливо слышится «гроб» (с оттенком совместности – «су–»). В финале автор высказал эту ассоциацию недвусмысленным образом: «...белый погост в горах» (с. 150)¹⁶¹.

¹⁶⁰ Ковтун Н. В. Русская традиционалистская проза... С. 63.

¹⁶¹ Здесь и далее до конца параграфа в круглых скобках указаны страницы по изданию: Шишков В. Я. *Алые сугробы* // *Собрание сочинений*: в 8 т. Т. 2. М.: Правда, 1983. С. 117–151.

Намеченное заглавием контрастное единство блага и зла, жизни и смерти разворачивается в дальнейшей характеристике Алтая. Элементы ландшафта открываются странникам не просто как природные объекты, но как проявление сверхъестественного: «...с поднебесной высоты возле самых путников грохотал осатанелый водопад. Падучая вода яростно била в камни, вся дробилась в облачную пыль, пыль взлетала туманными крыльями: вот один, вот другой крылатый призрак отделяются, тихо плывут под легким ветром, протягивают к путникам седые ласковые руки, плавно поворачивают в сторону и манят за собой куда-то вдаль, в волшебную долину между гор. <...> Суровым грохотом был оглушен весь свет, от земли до солнца. От грохота колыхались горы, и, казалось Афоне, тряслась земля» (с. 123–124).

Переживания Афона сродни ритуальному экстазу: «Он не мог и не пытался понять, что в нем творится, он весь во власти этого дьявольского грохота, этих невиданных чудес, ему хотелось и хохотать, и плакать, точно он распался надвое и обезумел. <...> его душу охватывал непереносимый трепет, тяжкая радость мешала ему дышать» (с. 124).

Созданные водой «белоснежные видения» вновь обладают амбивалентной семантикой. Переживание ландшафта у героя носит нуминозный характер, ибо открывает в водопаде суть искомого Беловодья: таинственной, манящей, смертельно опасной и сладостной мечты – «дьявольское Беловодье» (с. 124). Описание В. Я. Шишкова следует сложившейся в культуре амбивалентной символике водопада. Двойственность заключается в устойчивой связи данного акваобраза с «раем / негативным раем», а также в поэтике невыразимого, реализуемой через нейтрализацию оппозиций. Созерцатель при этом погружается в протосознание (детское или адамическое состояние)¹⁶².

Водопад задает вертикальный вектор движения, что, во-первых, прозрачно намекает на иллюзорность нахождения искомой утопии в пределах земной реаль-

---

¹⁶² Ямпольский М. Б. К символике водопада // Символ в системе культуры. Тарту: ТГУ, 1987. С. 26–41.

ности, а во-вторых, рифмуется с финальным прыжком Степана в горную расщелину. Попасть в Беловодье если и возможно, то через смерть. Мечта принципиально недостижима, но оттого не менее притягательна. «Смещение» искомой цели обозначено в описании маршрута Недокрытовых: на пароходе Волгой, по чугунке через Урал в Сибирь, по «речище» Обь к «горищам» – Алтаю. В селе Алтайском их отправляют по тракту в село Онгудай, оттуда в Урянхайский край. Но и там Афоня почти находит «райскую землю» лишь в больном бреду, а в реальности – пусть и хорошую землю, но не Беловодье.

В заглавии рассказа белизна сочетается с алым, ярко-красным цветом. Общекультурная символика алого – кровь, средоточие жизненной силы; пламя огня; закатный или рассветный солнечный свет. Единство этих понятий для писателя отражено в психологическом параллелизме, описывающем состояния персонажа и мира: «в жилах гуляет взбудораженная кровь, в небе горит солнце» (с. 141), синтаксическом параллелизме: «Вся кровь ударила разом в голову, огонь метнул в глазах» (с. 150), а также в олицетворении: «кровь огнем кричит» (с. 148).

Главным ориентиром в процессе поиска «диковинной страны» является солнце: «все на восход, к солнцу, путь свой править» (с. 117), «они все вверх, гнались за солнцем, не спускали с солнца глаз», «Долго гнались за солнцем, долго не давали ему пасть на дно» (с. 120), «Солнышко красное, укажи путину верную» (с. 136). Символика красного в христианской культуре обозначена П. А. Флоренским как «образ Божий для твари», «явление Бога на земле»¹⁶³. Описывая, как снег на вершине далекого хребта, перевалить который собирались путники, розовел «в нежных потоках утренней зари», как «все гуще алели снежные вершины», автор фиксирует поведение Афони: «сложил молитвенно руки», шептал: «Господи, господи, снег-то какой... красный... Так бы и погулял там». Ответная реплика Степана вскрывает мортальную семантику алых сугробов: «Может, там смерть наша сидит» (с. 132–133).

¹⁶³ Флоренский П. А. Небесные знамения... С. 315.

Знаки смерти присутствовали еще при первом описании горной панорамы, представленной в поэтическом сознании Афони в виде хребтов чудовищ: «на ободранных боках кровавые подтеки», «словно вся шкура была содрана с чудовищных хребтов до самого до мяса» (с. 120–121). В дальнейшем повествовании тема крови реализуется в различных регистрах: гибель лошади, сорвавшейся в пропасть приводит Степана к разбойничьим замыслам: «Кровь пролью, а лошадь будет наша» (с. 131); голод провоцирует аутофагию (Степан нечаянно «ударил себя топором по руке и долго сосал липкую кровь из пальца», с. 138), тягу к самоубийству (рука «выронила жадный до крови нож», с. 141), разрешаясь убийством лошади: «Перерезанное горло ее хрипело, хлестала кровь в подставленные ковшом пляшущие пригоршни Степана. Жадно глотал кровь, захлебываясь и урча» (с. 149). Не ради себя, но ради товарища Степану надо набраться сил. Завершает тему крови жертвенный прыжок героя в пропасть, спасение друга ценой собственной жизни. Тема раскрывается только в связи со Степаном, функционально тождественным лошади, и в определенной динамике: от убийства через самоубийство к самопожертвованию. Так постепенно реализуется заложенная в этимологии имени героя символика тернового венца. Пространство Алтая оказывается местом, где физические испытания преображают душу человека и создают условия для экзистенциального выбора¹⁶⁴. По удачной формулировке Е. А. Орловой, в рассказе «дорога к исполнению мечты оказывается и путем постижения своей души»¹⁶⁵.

Параллельно «человеческой» теме крови продолжает раскрываться «божественная» солярная образность. Верным было первое впечатление путников:

¹⁶⁴ Подобная логика движения героев «от тьмы преисподней к свету» организует сюжет повести В. Я. Шишкова с симптоматичным названием «Странники». Там также имеется эпизод мученической смерти персонажа ради спасения другого по евангельской заповеди: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15: 13). См.: Габдуллина В. И., Изранова Е. В. Библийская символика в повести В. Я. Шишкова «Странники» // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15. № 1. С. 119, 127.

¹⁶⁵ Орлова Е. А. «Африка» Е. И. Замятина и «Алые сугробы» В. Я. Шишкова: поиск мечты как форма познания души // Наследие В. Я. Шишкова: феноменология творчества. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2010. С. 128.

«Горный дух Алтая – человеку враг» (с. 124). Пространство кружит, путает, обманывает человека. Казалось бы, герои выбрались из «тюрьмы» горных котловин (с. 122), из «колючей пасти» тайги (с. 134), добрались до вершины хребта – «белого, ослепительно сияющего погоста» (с. 146). Вечером «все заалело кругом» (с. 147), но, в отличие от крови, солнечный свет не несет тепла и равнодушен к человеку: «Алые снега и небо вслушивались в человеческую речь, но были спокойны, холодны» (с. 148). Спасение приходит не от прекрасной природы, не от могучих потусторонних сил, а от маленького человека, готового умереть ради любви и жалости к ближнему.

Заглавие «Алые сугробы» вызывает ассоциации с исторически и тематически близкой рассказу повестью Александра Грина «Алые паруса» (1922), тоже посвященной достижению некой мечты благодаря любви и воле человека. Казалось бы, финал произведения В. Я. Шишкова гораздо трагичнее: гибнет человек. Но в смерти своей он «взвился над провалищем» (с. 150), через самопожертвование реализовал свое самое высокое предназначение. Оба героя – Недокрытовы из села Некрытова, т. е. принадлежат к одному роду. Для патриархального сознания гибель одного из членов общины во благо и спасение всех остальных – не трагедия, но подвиг. Исторический контекст (1920-е годы), социальная стратегия государства (строительство утопического государства), политические коннотации цвета (алый стяг, красная армия, белогвардейцы) – все эти обстоятельства делают возможным прочтение словосочетания «алые сугробы» не только как образ Алтая, но и как символ России. Путь к идеальному миру Беловодья, исполненный голодом, страданием, болью, смертью, героизмом, метафорически соотносится с трудным путем, которым шла молодая Советская Россия.

Итак, рассмотренные произведения являются своего рода «репликами» в диалоге писателей о базовом сюжете Сибирского текста – поиске Беловодья. Знаками преемственности являются структурные особенности текстов, организованных, так сказать, двухцентрово: два главных героя («богатырь» и «праведник»), два образа Беловодья (земледельческий «крестьянский рай» и христианская оби-

тель). Сходен финал – Беловодье мнится найденным (в предсмертном бреду Панфила, горячечном сновидении Афони), однако в конце концов замещается близким к идеальному, но вполне реальным пространством. Кардинально отличаются авторские концепции поиска «земного рая». А. Е. Новоселов отрицает необходимость пути к утопии, его герои изначально находятся в реальном благодатном пространстве. Угнетают и порабащают человека путы религии и ложные ценности. Герои В. Я. Шишкова начинают свой путь из социально неблагополучного «мертвого» мира: «Не жизнь нам здесь, а гроб» (с. 343). Поэтому нахождение Беловодья – хорошей земли – для них жизненно необходимо, страдания и смерть оправданы высокой целью, истинность которой несомненна.

Во второй половине XX века Беловодье становится одной из ведущих мифологем в произведениях писателей-традиционалистов¹⁶⁶. В повести В. Г. Распутина «Прощание с Матерой» (1976), романах В. В. Личутина «Скитальцы» (1 книга 1974, 2 книга 1982), С. П. Залыгина «Комиссия» (1975) на первый план выходит эсхатологическая идея гибели обретенного было «земного рая»¹⁶⁷. В художественном мире В. М. Шукшина Беловодье и град Китеж как пространства должного и чаемого отсутствуют. Однако сельский мир, локализованный, как правило, на Алтае, противопоставлен столичным Москве или Ленинграду, городам-Вавилонам. Алтай наделен признаками утраченного райского топоса¹⁶⁸, куда «блудный сын» неизменно стремится вернуться. Миф о Беловодье в литературе рубежа XX–XXI веков не столько связывается с природным пространством Алтая или Сибири, сколько превращается в концепт: «воплощение русского мира, вобравш[ий] святыни прошлого, малую родину, деревню и город, саму национальную историю со времен Грозного и вплоть до конца XX столетия»¹⁶⁹.

¹⁶⁶ Ковтун Н. В. «Беловодский метатекст» в современной русской прозе (к постановке проблемы) // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XX веков. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. С. 157.

¹⁶⁷ Ковтун Н. В. Русская традиционалистская проза XX–XXI веков: генезис, мифопоэтика, контексты. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. С. 84–95; 263–280; 539–569.

¹⁶⁸ Богумил Т. А., Куляпин А. И., Худенко Е. А. Геопоэтика В.М. Шукшина. С. 138–139.

¹⁶⁹ Ковтун Н. В. «Беловодский метатекст»... С. 189.

В современной культуре эти смыслы во многом утрачены. Беловодье стало достоянием псевдонаучных и квазимистических спекуляций, коммерческим ходом массовой и сетевой литературы, медиапроектов¹⁷⁰, удачным туристическим брендом. Понятно, что особенно привлекательным этот образ является для писателей Алтая и Сибири. Например, Беловодье возникает в стихах Г. В. Кондакова, В. Р. Куницына, Ю. М. Ключникова, Ю.И. Жильцова, в книге новелл и легенд Л. М. Козловой «Алтай-Алтарь» (Бийск, 2010)¹⁷¹.

Одно из последних художественных воплощений легендарной страны осуществлено в романе В. Н. Токмакова «Запретная книга Белого Бурхана» (Барнаул, 2017). Эрудированный автор «играет» в поиски заповедной страны, манипулируя впечатляющим количеством слухов, толков, баек, сложившихся вокруг Беловодья к сегодняшнему дню. Достигнув «дна» своей жизни, герой устремляется в путь к лучшей доле, имея на руках приблизительную карту маршрута (Рисунок 1).

Рисунок 1. Карта маршрута в Бурханостан¹⁷²

¹⁷⁰ Например, «Беловодье. Тайна затерянной страны» (2019), сиквел приключенческого фэнтези «Пока цветет папоротник» (2012). Оба сериала снимались, помимо прочего, на Алтае (реж. Е. А. Бедарев).

¹⁷¹ *Непомнящих Н. А.* Беловодье как «общее место»: современные литературные и иные интерпретации // *Сибирская идентичность...* С. 190–202.

¹⁷² *Токмаков В. Н.* Запретная книга Белого Бурхана. Барнаул: Алтай, 2017. С. 6.

При помощи проводников (капитан парохода, джек-лондовские охотники, Лама), пережив серию «смертей» и «возрождений», герой проникает в «земной рай». Приметы «Бурханостана» заметно модернизированы: «Когда-то в Долине жили староверы, искавшие сказочное Беловодье. Место уникальное и аномальное: микроклимат, невозможность обнаружить ни с воздуха, ни с земли. Пуп мира.

После революции сюда сбегали от советской власти. В 1928-м Николай Рерих во время своей экспедиции привез и передал для хранения древние книги, свитки, тексты, картины.

Государство Бурханостан окончательно сформировалось в 1950-60-е, когда стали приходить диссиденты, интеллигенция, ученые, несогласные с советским строем. Тогда сюда еще можно было попасть более-менее свободно. Были проводники, которые знали путь. Потом что-то произошло – и дорога в Бурханостан закрылась. <...>

Теоретические работы семьи Рерихов, труды Потанина, Ядринцева «Сибирь как колония», других областников, стали идеологией всего Бурханостана»¹⁷³.

Не ведая того, герой пронес с собой «маячок», вследствие чего правительственные войска смогли найти и разбомбить тайную страну. Достигнутая утопия оказалась уничтожена внешними силами (впрочем, идеальный мир под критическим взглядом героя и так проявлял черты симулякра). В данном сюжетном ходе В. Н. Токмаков следует традиции, сложившейся в творчестве писателей-традиционалистов. Далее намечена футурологическая программа: «Ты разрушил Бурханостан, ты его восстановишь», – предсказывают герою. Мрачная ирония сквозит в последней фразе романа: «И первое, что мы сделаем теперь, – настоящую бомбу. Потому что бомба в руках Бога – это и есть Свобода»¹⁷⁴. Как видим, данная радикалистская перспектива Беловодья «с кулаками» далеко ушла от благолепного идеала старообрядцев. Утопия мутирует в антиутопию.

---

¹⁷³ Там же. С. 185.

¹⁷⁴ Там же. С. 214, 216.

Таким образом, географически прикрепленная к Сибири и Алтаю легенда о поиске земного рая (Беловодья) с конца XVIII века способствовала заселению региона. В фольклорной, очерковой и художественной словесности XIX–XX веков периодически активизировались утопические идеи, создавая специфичную для Сибирского и Алтайского текстов русской литературы беловодскую тему и нарративную традицию. Продуктивная мифологема со временем десакрализировалась, тиражировалась, стала региональным брендом.

2.2.2. (Анти)утопия в произведениях о Сибири и романе В. Г. Сорокина «Доктор Гарин»

Беловодье – не единственный, хотя и самый плодотворный, вариант утопического мира, расположенного где-то в Сибири. В настоящем параграфе обозначены (анти)утопические произведения, связанные с сибирским и алтайским пространством, но лежащие вне беловодческой темы. Если легендарное Беловодье имело две модификации: «крестьянский рай» и теократия, то иные утопии Сибири преимущественно разрабатывают не оппозицию «тело – душа», а «природа – цивилизация» (варианты: «деревня – город», «аграрное – промышленное»).

Один из первых русских утопистов Ф. В. Булгарин написал научно-фантастическую повесть-ухронию «Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в XXIX веке» (1824), в которой рассказчик после 1000 лет беспмятства очнулся в университете на самом северном мысе Чукотки. За это время суровая морозная Сибирь превратилась «в роскошную полуденную страну, в Эльдорадо...»¹⁷⁵, пустошь заполнена городами. Прошлое XIX века и настоящее XXIX века соотносятся посредством «перевертыша», характерного для утопии приема¹⁷⁶. Определяющей пространственной оппозицией в произведении является

¹⁷⁵ Булгарин Ф. В. Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в XXIX веке // Косморама: фантастические повести первой половины XIX века. М.: Рус. кн., 1997. С. 320.

¹⁷⁶ Чернец Л. В. Литературные жанры (проблемы типологии и поэтики). М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 125–127.

противопоставление былых границ Российской империи ее центру: «...я упал в море ... поблизости Петербурга, а сего дня нахожусь в Сибири, на Шелагском Носу, в великолепном городе!»¹⁷⁷. Рукопись закономерно обрывается в момент приезда героя в Петербург. Возвращение в локус столицы сопровождается переходом в реальное историческое время, выводит из мира утопии.

Сибирь вновь стала пространством утопии до и после революции 1917 года, о чем свидетельствует всплеск интереса к беловодскому сюжету, рассмотренному выше. В рассказе А. К. Гастева «Экспресс. Сибирская фантазия» (1916) представлена утопия, где каждый сибирский город – это центр определенного вида деятельности. Согласно жанровому канону, все города отличает планомерность и упорядоченность, они залиты светом, технически совершенны. Самым необычным является не существующий на реальной карте город Беринга, который, подобно фантазиям Ф. В. Булгарина, построен на морском дне. В лучших традициях жанра в нем воздвигнуты «хрустальные дворцы из морского янтаря»; человек смело трансформирует природу: «...согнать снега с полюса, изменить направление теплых течений в океанах и смягчить весь полярный климат»; Сибирь ожидает «революция земледелия и садоводства». Экспресс («локомотив истории») стремительно преодолевает пространство и время, «поет» не о тяжелом прошлом, но о «грядущих радостных подъемах»¹⁷⁸.

В дальнейшей советской литературе о Сибири мы не находим столь же отчетливого воплощения жанра, но утопический пафос преобразования человеком пространства Сибири и человека пространством Сибири пронизывает соцреалистическую культуру. «Нетронутость» природы Сибири в преддверии индустриальной эпохи 1930-х годов оценивалась негативно. Показательны призывы В. Я. Зазубрина на Первом Сибирском съезде советских писателей в 1926 году: «Будущее Сибири – блестящее будущее промышленной страны <...> Нам, людям,

¹⁷⁷ Булгарин Ф. В. Правдоподобные небылицы... С. 319.

¹⁷⁸ Дозоров [Гастев А. К.] Экспресс. Сибирская фантазия // Сибирские записки. 1916. № 1. С. 11–12.

по-звериному влюбленным в таежные просторы Сибири, тяжела мысль о городе, о городской культуре, о лязге фабрик и заводов. Но пусть будет так, пусть человек в нас повалит зверя...»¹⁷⁹

Декларируемые В. Я. Зазубриным перспективы Сибири, впрочем, были подвергнуты ревизии в его же романе «Горы» (1933) о коллективизации на Алтае (см. параграф 1.2). Не соглашался с индустриально-урбанистической повесткой и его современник А. С. Сорокин. В повести «Алтай и города» (1925) реализована революционная мифологема смены старого мира новым. Конфликт природы и цивилизации представлен через образы доброго Ульгения и злого Эрлика, верховных божеств коренных народов Алтая. Горы несут утопическую семантику, являясь в повести последним «прибежищ[ем] естественности, добра и красоты», «ковчегом человечности, носящимся в хаосе строения нового мира»¹⁸⁰. Вывод, к которому приводит автор, неутешителен: развращающая цивилизация побеждает природное начало, спасения человечеству не будет.

В годы Великой Отечественной войны пространство Сибири и Алтая, куда эвакуировали людей и заводы, в какой-то мере начинает соответствовать промышленным фантазиям раннесоветской литературы. Однако для Алтая гораздо более весомым оказался аграрный миф («житница Сибири»), сформировавшийся в послевоенные годы. В романе Е. Ю. Мальцева «От всего сердца» (1948) нарушенная войной сельскохозяйственная колхозная идиллия эволюционирует в сторону утопии: Алтай, «утратив идиллическую нетронутость, порочную – с советской точки зрения – невинность “золотого века”, миновав очистительный этап грозного вторжения Истории во время войны, он превратился в рай на земле, <...> колыбель нового человечества»¹⁸¹.

¹⁷⁹ Первый Сибирский съезд писателей // Сибирские огни. 1926. № 3. С. 224.

¹⁸⁰ *Шастина Т. П.* Творение мира и смерть богов в мотивном комплексе повести Антона Сорокина «Алтай и города» // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 2. С. 402, 403.

¹⁸¹ *Куляпин А. И., Скубач О. А.* Алтай в пространстве советской утопии // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. Вып.3. С. 54.

Оригинальная историософская концепция сибирского, алтайского и монгольского пространства встречается у И. А. Ефремова. Периферийные локусы оказываются центральными в авторской картине мира, полемичной по отношению к европоцентричным моделям. Тема Алтая наиболее отчетливо проявлена в раннем рассказе «Озеро горных духов» (1944), где ставится ключевой для писателя вопрос о соотношении науки и искусства, рационального и иррационального. Картины художника Чоросова (прототип – Г. И. Чорос-Гуркин) помогли рассказчику совершить очень важное для советской промышленности геологическое открытие ртутного месторождения. В романе «Лезвие бритвы» (1963) одну из героинь прозвали «Дар Алтая», упомянута картина Н. К. Рериха «Звенигород» (1933) – эти детали намекают на значимость Алтая как локуса блага, спасения, обновления, возрождения. «Сибирь у Ефремова – это будущее Африки, а Монголия – будущее Сибири и последний оплот сил космоса в их войне с силами хаоса. <...> Пессимизм Ефремова-ученого уравнивается оптимизмом Ефремова-утописта»¹⁸², – пишет А. И. Куляпин. В романе «Туманность Андромеды» (1957) Сибирь не деградировала до Монголии, человек преодолел «дурную цикличность эсхатологического мифа»¹⁸³.

В освоении утопической тематики советскими писателями наблюдается две тенденции: если в раннесоветской литературе преобладала утопия, отнесенная к будущему («прекрасное далеко»), то в творчестве традиционалистов утопия локализована в прошлом («светлое прошлое»)¹⁸⁴ и подключена к беловодческой традиции. Русский постмодернизм, создававшийся на отталкивании от соцреалистического канона, сохранил временную приуроченность утопии и утопического к будущему. Существенно, что если в доперестроечной прозе моделировались преимущественно эсхатологические сюжеты об утраченном рае, то у современных писателей речь идет о постапокалиптическом мире. Достаточно упомянуть рома-

¹⁸² Куляпин А. И. Мифы Ивана Ефремова // Сибирские огни. 2011. № 3. С. 180.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ Парте К. Русская деревенская проза: Светлое прошлое. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004. 204 с.

ны В. О. Пелевина «S.N.U.F.F.» (2011), «Transhumanism ins» (2021), В. Г. Сорокина «Голубое сало» (1999), «Ледяная трилогия» (2002–2005), «Теллурия» (2013), «Доктор Гарин» (2021).

Как известно, главный структурно-семиотический параметр Сибирского текста – «ситуация отдаленности» от культурного центра¹⁸⁵. На обыгрывании данной оппозиции построена диалогия А. В. Рубанова «Хлорофилия» (2009) и «Живая земля» (2010). Не вдаваясь в описание антиутопического (первый роман) и постапокалиптического (второй роман) мира Москвы, обратим внимание на сибирский локус, который претерпевает определенные метаморфозы. В начале первого романа безбедное существование всех россиян, сконцентрированных в Москве, обеспечено тем, что Сибирь отдана в аренду Китаю. Но беспечное и счастливое процветание оплачено слишком дорогой ценой: «...леса сведены под корень, почва истощена, реки загрязнены, животный мир уничтожен»¹⁸⁶. Здесь доведена до предела восходящая к XVII веку историко-идеологическая роль Сибири как колонии¹⁸⁷ – формально «своей», но фактически «чужой» территории, чьи ресурсы метрополия выкачивает руками китайцев. Крах потребительской утопии связан с исчерпанием природных богатств, экологической катастрофой. Сибирь выступает как локус, (мнимо)противопоставленный центру и государственной политической стратегии.

Впустив чужой народ в Сибирь, русские потеряли себя. Баснословное богатство Москвы-России обеспечено, так сказать, продажей «первородства»: «народ-богоносец» устал от своей миссии, пресытился «бесконечными войнами, кризисами и прочими глобальными потрясениями»¹⁸⁸ и продался за «похлебку».

В финале романа «Хлорофилия» намечен новый виток истории, альтернативный тому, где возникла утопия, закончившаяся биоантропологической эсхато-

¹⁸⁵ Анисимов К. В. Проблемы поэтики... С. 23.

¹⁸⁶ Рубанов А. В. Хлорофилия. Живая земля. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. С. 194.

¹⁸⁷ Bassin M. Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century // American Historical Review. 1991. Vol. 96. Pp. 763–794 ; Анисимов К. В. Проблемы поэтики... С. 291–295.

¹⁸⁸ Рубанов А. В. Хлорофилия. Живая земля. С. 70.

логией. На руинах развивается новая, постиндустриальная цивилизация. Сибирь после катастрофы (исхода китайцев) возвращает свою историческую роль: становится зоной ссыльных поселений.

Вопреки экологическому апокалипсису, заявленному в конце первого романа, во втором Сибирь осталось «живой». Подобно регенерации природы, восстановима оказалась и подлинная человечность, и попытки людей быть счастливыми здесь и сейчас, создать «земной рай». В Сибири находится Новая Москва, которая покрыта огромным прозрачным куполом из разработанного китайцами нанополимера, что поддерживает идеальный микроклимат. Это классическое (анти)утопическое общество с тотальной слежкой, культом «прозрачности» и манипуляцией психикой людей через чипирование.

Купол похож на «оброненный богом и вдавленный в планету шарик для пинг-понга диаметром сто километров»¹⁸⁹. Игра в пинг-понг предполагает перелет мяча, попеременную смену половины стола / поля. Оппозиция «столица – окраина», как это некогда случилось с Москвой и Петербургом, оказалась обратима. В контексте романа «Живая земля» Сибирский текст оказывается тесно переплетенным с Московским текстом и его базовой мифологемой – религиозно-политической концепцией «Москва – третий Рим», а также с Петербургским текстом русской литературы. Подобно Петербургу, который претендовал на роль наследника великой империи, Сибирь позиционирует себя Новой Москвой. И точно так же, как и в случае с Петербургом, святость и законность имперских притязаний очередной столицы подвергаются сомнению, ибо «четвертому Риму не бывать» (Филофей), новая столица – мнимая и призрачная¹⁹⁰.

Герой выбирает, где жить, ориентируясь не на официальную пропаганду, а на внутреннее ощущение подлинности своего мира: «Собственно, он не очень знал, что такое правильная жизнь. И тем более не знал, чем она пахнет. Но дога-

¹⁸⁹ Там же. С. 397.

¹⁹⁰ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва – Третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Художественный язык средневековья. М.: Наука, 1982. С. 248.

дывался, что пахнет она просто. Дровами, штопаными телогрейками, женой, снегом, чаем»¹⁹¹. Из утопии герой возвращается в реальную жизнь, «к менее “совершенному” и более свободному обществу»¹⁹².

Сибирь неоднократно появляется и сходным образом осмысливается в художественных мирах В. Г. Сорокина. Согласно наблюдениям Я. Войводич, в романах «Голубое сало», «Лед» и «Теллурия» – это «место великого изобретения, появления нового вещества»¹⁹³, обозначенного в заглавиях, что, конечно, дополнительно подчеркивает важность данного топоса для автора. Роль Сибири как источника нового опыта, знаний и пр. – одна из констант Сибирского текста, в том числе утопической его составляющей. Развивая мысль исследователя, следует привлечь дополнительный контекст и уточнить место нахождения и качество (семантику) «волшебного» вещества или предмета.

В XXIII главе «Теллурии», фильме «Мишень» (2011), романе «Доктор Гарин» (2021) вещество / артефакт находятся не просто в Сибири, а в Горном Алтае (здесь уместно вспомнить о ресурсной и спасительной роли Алтая в научно-фантастическом мире И. А. Ефремова). Рельеф Южной Сибири создает столь необходимую для утопического пространства границу, обособляющую и охраняющую регион от остального мира. Немаловажен, пожалуй, и семантический ореол Алтая, связанный с версией этимологии топонима – «золото», т. е. нечто драгоценное, связанное с солнцем, священное.

Голубое сало, теллуровые гвозди в творческих мирах Сорокина наделены исключительной значимостью и являются сильнейшими наркотиками. М. Н. Липовецкий интерпретирует голубое сало как «материальную квинтэссенцию русской словесности», а лед / снег как материализацию дискурса, проявляя

¹⁹¹ Рубанов А. В. Хлорофилия. Живая земля. С. 476.

¹⁹² Бердяев Н. А. Смысл истории: Новое средневековье. М.: Канон+: ОИ «Реабилитация», 2002. С. 297.

¹⁹³ Войводич Я. Миф и неомифологическое сознание. Образ Сибири как пространства будущего в текстах В. Сорокина и В. Пелевина // Сибирская идентичность... С. 242.

авторскую аналогию между наркотиками и литературой (дискурсом)¹⁹⁴. Сходным образом понимает суть вещества И. А. Калинин: «сконцентрировавшее перформативную мощь языка» (голубое сало) и являющееся «абсолютной кристаллической структурой идеального языка» (лед)¹⁹⁵.

Сибирская лаборатория, где производится голубое сало в письме персонажа сравнивается в «замороженной дырой», называется «мерзлой О», этим она напоминает вагину¹⁹⁶. Расположенная в горах Алтая Мишень – советский научно-технический объект – наделяет всякого, кто в ней переночует, вечной молодостью и осмысленностью собственного существования. Мишень в фильме отчетливо воплощает образ матки, пребывание в которой обеспечивает перерождение посредством обращения к коллективной исторической травме и ее преодоления¹⁹⁷ подобно тому, как в прозе Сорокина преодолевается догмат русской классики или любого иного дискурса.

Пространство Алтая в наибольшей степени представлено в романе «Доктор Гарин», где задействованы знакомые по предыдущим произведениям образы (волшебный предмет, утроба), сексуальные мотивы (соитие, оплодотворение), приемы (деконструкция, карнализация), жанры (утопия, дистопия, антиутопия). Преемственность алтайской темы наиболее очевидна при сопоставлении «Доктора Гарина» с романом «Теллурия».

Республика Теллурия – место, где добывается редкоземельный металл теллур, из которого изготавливают наркотические гвозди. Представленная глазами президента алтайская резиденция производит впечатление идиллии: летний пейзаж в окрестностях сакральной горы Кадын-Бажи (Белухи), счастливые отношения между верховной властью и пасторальными жителями, гармония владыки с

¹⁹⁴ *Липовецкий М.* Сорокин-троп: карнализация // Новое литературное обозрение. 2013. № 2. С. 235–236.

¹⁹⁵ *Калинин И.* Владимир Сорокин: ритуал уничтожения истории // Новое литературное обозрение. 2013. № 2. С. 266.

¹⁹⁶ *Ковалев М.* Пустые слова? Функции ненормативной лексики в романе В. Сорокина «Голубое сало» // Новое литературное обозрение. 2013. № 1. С. 197.

¹⁹⁷ *Кукулин И.* Техногенная матка истории // Новое литературное обозрение. 2013. № 1. С. 215.

самим собой. В утрированном описании всеобщей благодати сквозит авторская ирония. Как верно подметила С. М. Козлова, Жан-Франсуа Токар уподоблен Антихристу¹⁹⁸. Словно падший ангел, он «первый бросил вызов небесам, став летчиком», а затем возглавил «крылатый легион». На вершине высочайшей горы Алтая президент преисполнен демонической гордыни: «Мир лежал у его ног». Стремительный спуск с горы описан как полет «в желанную бездну»¹⁹⁹. За романтическим французским названием дворца – L'Edelweiss Noir – кроется фашистская символика («Черный эдельвейс» – так назывались горнострелковые части Вермахта и СС). Наркотическому соблазну Зверя покорилось почти все человечество.

Критик А. В. Долин отозвался о романе «Теллурия» как об экспериментальной анти-романной форме, где «каждая из глав была “первой главой” недописанного романа»²⁰⁰. Справедливость данного утверждения становится очевидной, если обратить внимание на сходство нарратива XXIII главы «Теллурии» и начала «Доктора Гарина». Здесь имеется в виду не только общность мироустройства двух романов: «Россия как ретрофутуристичное никогда, примиряющее дореволюционное, советское и современное»²⁰¹. Фрагменты объединяет единство локации – Алтайские горы, тип замкнутого хронотопа (высокогорный дворец / санаторий), начальственный статус героев (президент / главврач), совпадающие приемы введения персонажей в текст и мир, благодаря чему Токар и Гарин формально сближаются. Начинается повествование с упоминания спинки (кровати / кресла), затем дан портрет через отражение в зеркале, герой (пере)одевается, представлена картина великолепных высокогорных видов из окна, изображается глобус / карта Республики Алтай, в который(ую) воткнуты теллуровые гвозди / разноцветные булавки, идет размеренное описание режима дня, завершаемого сексуальной сце-

¹⁹⁸ Козлова С. М. Сибирь, Алтай в постапокалипсическом дискурсе современной прозы // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. Вып. 10. С. 60–61.

¹⁹⁹ Сорокин В. Теллурия. М.: АСТ: CORPUS, 2013. С. 225, 239–240.

²⁰⁰ Долин А. Владимир Сорокин и «Доктор Гарин» // Издательство CORPUS. URL: <https://www.corpus.ru/press/sorokin-doktor-garin-anton-dolin.htm> (дата обращения: 12.03.2023).

²⁰¹ Кириенков И. Опять метель: каким получился «Доктор Гарин» Владимира Сорокина // РБК: Стиль. URL: <https://style.rbc.ru/impressions/6087e1099a7947ebd05f911e> (дата обращения: 12.03.2023).

ной. Оба 52-летних героя обладают фаллическими предметами, дающими власть над людьми: теллуровые гвозди / электрическая дубинка blackjack. Принципиальное различие лежит в использовании этой власти. Если Жан-Франсуа Токар демонически эгоцентричен, его забота о людях симулятивна, то Платон Ильич Гарин искреннее радуется о благе других, являясь наследником докторов-гуманистов И. С. Тургенева, А. П. Чехова, М. А. Булгакова, Б. Л. Пастернака. Симптоматично поведение героев в сходной «спортивной» ситуации. Там, где президент побеждает и присваивает мир («лежал у его ног»), доктор «шумно выдохнул, обнимая невидимый мир руками, прижимая к своей груди» (с. 61)²⁰², как бы отечески его оберегая и защищая.

Идиллическое существование президента Теллурии в горах Алтая исчерпывает содержание посвященной ему главы романа. Напротив, для доктора Гарина герметичный рай санатория служит отправной точкой последующих странствий. Вымышленные «Алтайские кедры» по некоторым параметрам уподоблены санаториям курорта Белокуриха (ландшафт, аэротерапия, грязелечение, радоновые и пихтовые ванны и пр.), по другим – альпийской туберкулезной лечебнице в «Волшебной горе» Т. Манна (панорама идеологий и пр.). Роман немецкого писателя заканчивается описанием сражения Первой мировой войны 1914 года. Эта сцена, как видится, является подтекстом характеристики последствий атомного взрыва в романе В. Г. Сорокина. Сравним:

«Они бросаются наземь, когда на них с воем летит снаряд, снова вскакивают и спешат дальше с по-юношески срывающимися криками, радуясь, что в них не попало. Но потом снаряд попадает, и они валятся, взмахивая руками, раненные в лоб, в сердце, в живот. <...> А лес высылает новых, и те тоже бросаются наземь, и вскакивают, и с криком или молча, спотыкаясь, спешат вперед между выбывшими из строя»²⁰³.

²⁰² Здесь и далее до конца параграфа в круглых скобках указываются страницы по изданию: *Сорокин В.* Доктор Гарин. М.: АСТ : CORPUS, 2021. 544 с.

²⁰³ *Манн Т.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. М.: Гослитиздат, 1959. С. 526.

«Гул и треск наполняли воздух. И бор редел на глазах: это рушились кедры, пораженные ударной волной. Десятки падали, увлекая за собой другие; выжившие отчаянно качались» (с. 106).

В. Г. Сорокин как бы подхватывает и продолжает повествование в другой географической и исторической виртуальности, размыкает замкнутый микрокосм в странствие, увеличивая масштаб: от модели европейского общества до мирового социума.

Бегство сотрудников и пациентов из санатория инициировано началом очередной войны – взрывом атомной бомбы. Выбор оружия, видимо, не случаен. На вопрос об авторском названии приема деконструкции В. Г. Сорокин ответил: «Называю его “литабочка”: литературная атомная бомбочка»²⁰⁴. Собственно, в романе атомная бомба взрывает не только мирное существование персонажей, но и канон идиллии, запуская новую цепную реакцию деления группы людей и жанрово-стилевых мутаций.

Маршрут героя можно прочесть как движение из райского безвременья в историю и культуру. Дворяне алтайской усадьбы характеризуют текущее состояние так:

«– ...мы все варимся в собственном соку <...>.

– Нынче все в округе живут обособленно ... . У всех свои стены, пушки.

– Своя этика и эстетика...» (с. 172).

Не удивительно, что путь доктора Гарина критики дружно характеризуют как странствие по архетипам национальной культуры: «герой пройдет по разным воплощениям русской утопии»²⁰⁵; «через разные основополагающие русские хронотопы, исторические и культурные, на каждом этапе делая две вещи: выживая и

²⁰⁴ Сорокин В. «Я путешествую по моим внутренним литературным провинциям» / интервьюер Б. Орехов // Гипертекст. 2006. № 6. С. 11. URL: <http://nevmenandr.net/personalia/sorokin.php> (дата обращения: 12.03.2023).

²⁰⁵ Биргер Л. Титановые ноги, 1917 год и врачевание задниц: каким получился свежий роман Владимира Сорокина «Доктор Гарин» // Правила жизни. 28.04.2021. URL: <https://www.pravilamag.ru/letters/259123-titanovye-nogi-1917-god-i-vrachevanie-zadnic-kakim-poluchilsya-svezhiy-roman-vladimira-sorokina-doktor-garin/> (дата обращения: 12.03.2023).

спасая чужие жизни <...> ...посконная деревенская Россия, европеизированный аристократический дореволюционный мир, квазисоветский хтонический ГУЛАГ, постсоветская неряшливая утопия»²⁰⁶; «мы оказываемся на территории Солженицына, Шаламова, Пастернака (...Яхиной) – и получаем искусную пародию на лагерную прозу»²⁰⁷.

По мнению А. Н. Архангельского, с которым в общих чертах солидаризируется автор, роман представляет собой «путешествие-оплодотворение – сквозь русскую литературу: от Тургенева и Толстого до Чехова и Солженицына. Скитание по большому и размякшему телу русской литературы <...> ...Гарин обходит старые владения русской и советской литературы. Попутно он ее оплодотворяет, желая вернуть к жизни...»²⁰⁸.

Тяготение писателя к «обобщающим концепциям национальной идентичности»²⁰⁹ сформулировано им вполне отчетливо в категориях пространства: «...магия географии, русская сакральность, анархия и деструктивность – вот это все и образует для меня понятие “русская метафизика”»²¹⁰. Для нас представляет особый интерес размещение «русского» именно в Сибири и на Алтае. Идея Сибири как квинтэссенции подлинной России – одна из мифологем Сибирского текста. Существенно, что пространство Сибири долгое время было фронтиром, культурным пограничьем, следовательно, расположение в нем изолированных хронотопических образований, через которые проходит герой пути, исторически оправданно. Наконец, следует учитывать, что до начала освоения русскими Сибирь мыслилась как *terra incognita*, населенная невероятными мифическими существами. Данное обстоятельство создает необходимый культурный прецедент для раз-

²⁰⁶ Долин А. Владимир Сорокин и «Доктор Гарин».

²⁰⁷ Кириенков И. Опять метель: каким получился «Доктор Гарин» Владимира Сорокина.

²⁰⁸ Сорокин В. «Пятеро маяковских и четверо конных» / интервьюер А. Архангельский // Новая газета. 2021. 16 апреля. URL: <https://www.corpus.ru/press/izdatel-corpus-vyhodit-priklyuchennyy-roman-vladimira-sorokina-doktor-garin.htm> (дата обращения: 12.03.2023).

²⁰⁹ Абашева М. П. Сорокин нулевых: в пространстве мифов о национальной идентичности // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. № 1 (17). С. 203.

²¹⁰ Цит. по: Там же.

мещения в регионе разного рода фантастических особей, сообществ, государственных образований.

Маршрут доктора Гарина к своему спасению и обретению утраченной возлюбленной Маши (аллюзия на тоску набоковского Ганина о Машеньке, символизирующей дореволюционную Россию) географически достоверен: спуск с гор Алтая в лесостепи, переправа через Катунь, движение на север в Барнаул, бегство по Оби (по плану – через Камень-на-Оби в Новосибирск), пребывание в плену в Барабинской низменности, перелет в Хабаровск. По тексту рассыпаны указания на другие реальные объекты, расположенные на Алтае: река Уба, Змеиногорский тракт, города Бийск и Шемонаиха (в настоящее время территория Казахстана), села Тальменка и Землянуха (упразднено в 1974 году). Время от времени упоминаются бренды Алтая и Сибири: водка «Ермак», сигареты «Гора Белуха», форель из горных рек и т. д.

Локусы, через которые проходит герой, содержат дополнительные маркеры «сибирскости», помимо географически конкретной топонимики и реалистичного ландшафта (из которого выбивается упоминание каштанов и дубов, не растущих в естественных условиях на Алтае, что может быть прочитано как универсализация пространства). Так, утопическое сообщество анархистов поклоняется двум крупнейшим российским идеологам, в биографии которых реализованы важнейшие сибирские сюжеты: открытие и освоение Сибири, каторга, брачный союз. П. А. Кропоткин до ареста и бегства за границу был выдающимся географом, исследователем Сибири. Он открыл короткие пути из Забайкалья до среднего Амура и до витимских и олёмминских золотых приисков, составил карту притока Амура – Сунгари, собрал материал для орографии Восточных Саян и изменил представления о тектоническом строении Сибири, обосновал теорию ледникового периода²¹¹. М. А. Бакунин был приговорен на вечное поселение в Западную Сибирь,

---

²¹¹ Петренко Т. Лёд и пламень: как анархист Пётр Кропоткин зарыл в землю свой талант // Русское географическое общество. 2022. 12 декабря. URL: https://dzen.ru/a/Y5dATZp07Dy103Fj?share_to=telegram (дата обращения: 12.03.2023).

откуда сбежал через Японию и США в Европу. Любопытное совпадение, что жены обоих анархистов были родом из Томска.

Менее очевидна привязка к Сибири в следующей утопии дворянского гнезда. Помимо «снежной» фамилии графа – Сугробов, отсылкой выглядит возможный прототип астролога – Григорий Распутин, уроженец села Покровское Тюменского уезда Тобольской губернии.

Пожалуй, совсем отсутствует «сибирское» начало в «Берендеевом царстве» (с. 309) Матрешки (доминанта общерусского) и наркотическом трипе у витаминдеров (доминанта общеживого).

Цивилизация чернышей – «грубой, предельно витальной и мощной в своей самодостаточности» (с. 446) производной советских научно-технических экспериментов и доисторической хтони – расположена в болотах Барабинской низменности. Там же, где в XLVIII главе «Теллурии» создан симулякр СССР – Сталинская Советская Социалистическая республика, утопический «остров сталинской мечты», отгороженный и защищенный от постимперского мира и губительный для всех несталинистов. Благополучно выжившие после наркотического трипа поклонники Отца Народов названы «многочисленным племенем»²¹². Эта метафора разворачивается в «Докторе Гарине» в сообщество существ «каменного века» (с. 421), поклоняющихся не кресту (что имитируется в «сталинском рае»), а топору. «Чернышевская страна» (с. 241) за счет названия и темы каторжного труда прозрачно увязывается с социал-утопическими построениями Н. Г. Чернышевского, оказавшими существенное влияние на мировоззрение основателей реального СССР, и биографией революционера, сосланного за свои взгляды в Сибирь. Географическое тождество расположения аналогов СССР (Барабинская низменность) подчеркивает бинарную оппозицию: раеподобная утопия в «Теллурии» противостоит адской дистопии в «Докторе Гарине». Однако это противопоставление иллюзорно: прекрасное и ужасное с легкостью оборачиваются друг другом. Это относится не только к сопоставлению фрагментов двух романов, но и к внутритек-

²¹² Сорокин В. Теллурия. С. 452, 463.

стовому устройству главы «Белая ворона». Так, отношения Гарина и Альбины на фоне лагерного террора спроецированы на романтическую поэму А. С. Пушкина «Кавказский пленник» и элегический финал рассказа А. П. Чехова «Дом с мезонином» (не случайно, наверно профессор из Омска и сосед по нарам назван Антоном).

Шаткость всех утопических миров, сквозь которые проходит герой, подспудно ощущается персонажами. После взрыва атомной бомбы Ангела говорит, что для лечения был выбран «казалось бы, самый тихий, красивый и спокойный уголок на планете – Горный Алтай», – и подытоживает: «Ваше имение (графа Сугрובה. – *Т. Б.*) дышит покоем, благополучием и гостеприимством. И мне очень хочется, чтобы это не было иллюзией» (с. 177–178). Очевидно, что если лагерь «Свобода», усадьбу Сугробовых, поместье Матрешки нужно защищать при помощи оборонительных укреплений и оружия, то рано или поздно утопический мир будет разрушен. Как оказался уничтожен санаторий в горах Алтая и аквамир – «водный рай» (с. 284) – в Барнауле.

Путь доктора Гарина через (сомнительные) утопии и дистопию завершается относительно счастливым финалом, географически смещенным в Хабаровск. Алтай утрачивает семантику пространства счастья, передавая эстафету на восток, подобно тому, что произошло с легендарным Беловодьем в связи с освоением русскими Сибири.

Логику происходящих с героем и пространством изменений можно проследить через динамику телесного образа – «мануальный» сюжет. В идиллических «Алтайских кедрах» Гарин тщательно ухаживал за руками: мыл, вытирал, подпиливал ногти, смазывал кремом, разминал (с. 508). В утопических мирах лечил ими, проникая в сокровенные анально-вагинальные сферы. В «уродливом, зловеще-безумном мире» дистопии спасал психику от ужасов бытия советом учителя: «...смотрите только на руки хирурга... И тошнота пройдет <...> И он сфокусировался на собственных руках, лечащих заключенных» (с. 457). Слушая Моцарта в самолете, уносящем его в Хабаровск, доктор рассматривает свои натруженные

огрубевшие руки и думает о том, что это «совсем другая музыка», суровая и завораживающая, на фоне которой «вечно прекрасный Моцарт кажется легковесным дерьмом» (с. 508–509). Мануальный сюжет романа местами дословно воспроизводит рассказ С. Д. Кржижановского «Сбежавшие пальцы» (1922), в котором идеалистическая концепция искусства сталкивается с материалистической и утверждается мысль о необходимости познания художником обыденной низкой сферы жизни для достижения подлинных смыслов. И рассказ, и роман формально завершаются хэппи-эндом: музыкант воссоединился с кистью руки, Гарин – с Машей. Но произошедшие и с руками, и с героями изменения, обусловленные погружением в боль и грязь бытия, оказываются необратимыми, несмотря на оказанное лечение и гигиенические процедуры. Человек, прошедший через горнило испытаний (анти)утопическими мирами / дискурсами, стоически, смиренно и милосердно принимает реальность текста и текст реальности: «Это наш мир. Самый лучший мир во Вселенной» (с. 534).

Итак, расположение (анти)утопического мира именно в пространстве Сибири и Алтая вызвано совокупностью историко-географических факторов. Весомую роль здесь сыграли естественные особенности региона (отграниченность, масштаб, природно-климатические условия, природные ресурсы) и исторически сложившиеся оппозиции «столица – периферия», «цивилизация – природа» – варианты базовой оппозиции «свое – чужое». На этом фоне особенно ярок контраст современного автору состояния Сибири с будущим ее преображением / былой патриархальной святостью. Утопические образы Сибири, представленные в произведениях Ф. В. Булгарина и А. К. Гастева, как видится, не особенно повлияли на дальнейшую традицию сибирской (анти)утопии. Системные совпадения носят скорее жанровый, типологический, нежели генетический характер. Оригинальный, хотя и вписанный в Сибирский текст русской литературы образ Сибири представлен в диалогии А. В. Рубанова. Локус Сибири последовательно меняет свои функции: существует в оппозиции к Москве, центру и эквиваленту России; является колонией и условием существования московской утопии; местом ссылки

и постапокалиптической «дикости» как основы потенциального возрождения; собственно утопическим городом, альтернативной столицей. В. Г. Сорокин использует традицию осмысления Сибири и Алтая как пространства утопического. Автор доводит до предела канонические для Сибирского текста мотивы и образы, представляя Сибирь ценностно-дифференцированным пространством, где расположены амбивалентные утробно-утопические локусы, порождающие / поглощающие ценный предмет или вещество, которое также функционирует двойственно: спасает и губит. Алтай обычно концентрирует в себе положительные смыслы, которые регион, однако, утрачивает, стимулируя продвижение героя на восточные рубежи страны, из (дис)утопии в (условную) реальность.

Выводы по главе 2

Подводя итоги, обозначим парадигматичные для Сибирского текста библейские сюжеты: апостольский / миссионерский, христологической инициации, исхода, изгнания из рая, о блудном сыне. Связанные с Сибирью библейские сюжеты с течением времени подвергались инверсии, религиозная семантика вытеснялась иными темами. Единое ядро, позволяющее объединять эти сюжеты и мотивы воедино, – событие преобразования (себя, другого человека, пространства). Гипотетически, у каждого сюжета есть свой период максимальной продуктивности, сменяемый спадом. Миссионерский сюжет и сюжет христологической инициации актуализировались в XVII веке и были продуктивны до конца XIX века. Сюжет поиска Беловодья, изоморфный исходу евреев из Египта, возник на излете XVIII века и существовал до конца XX столетия. Сюжет о блудном сыне оказался востребованным в середине XIX века в творчестве областников и позднее их наследников – младообластников и «деревенщиков». Процессы глобализации и информатизации, стирание пространственных и культурных границ, постепенно делают это сюжет неактуальным.

В творчестве Дмитрия Александровича Пригова рассмотрены устойчивые смысловые клише, связанные с образом Сибири и Алтая в литературе. Сибирь является локусом смертельных испытаний. Наложение древнерусской житийной и соцреалистической поэтики в пределах одного произведения превращает Сибирь в текст-палимпсест. Приговское «я» проецируется на множество контекстов, один из которых подобен негативному сибирскому опыту протопопа Аввакума. Алтай моделируется как идиллический хронотоп. Двойничество прото-Москвы, Урала, Русского Севера, Калмыкии, Тунгусии, Средиземного моря и Алтая есть частное проявление характерного для концептуалиста приема тавтологического нанизывания подобных объектов. Дифференциация пространственных объектов оказывается нивелированной их семантическим тождеством. Частное с легкостью обрачивается другим частным, так как является одной из форм всеобщего.

Инвариантный мотив «алтайских» произведений В. В. Бианки – экзистенциальный выбор человека в острый момент «схватки» с представителем природных сил, воплощающим «дух» Алтая (соболь, медведь, горный козел, стихия). Начав с достоверного изображения «охоты-промысла» («Аскыр», «Последний выстрел»), автор продолжил рассказами с уклоном в анекдот («Роковой зверь», «Кувырк!») и притчу («Бун»), а завершил актуализацией канона волшебной сказки в рассказе «Она». «Фантастические» события объяснены реалистически, что не отменило благоговейного восхищения повествующего субъекта тайнами природы.

Завоевательная экспедиция казаков под предводительством атамана Ермака Тимофеевича в конце XVI века заложила реальные основания становления первого оригинального сибирского сюжета, вошедшего в репертуар сюжетов общероссийских. Ермаков сюжет получил своеобразные модификации в различных фольклорных и литературных жанрах, неизменно сохраняя локальную приуроченность и мотивную последовательность: «завоевание – преобразование – смерть». Типологическая близость Ермака и Разина, отразившаяся в фольклоре, в системе персонажей В. М. Шукшина реализуется как отношения отца и сына, воплощающих «ермаков» и «разинский тип». Ермаков сюжет увязывается с библейским сюже-

том о блудном сыне и «комплексом Гамлета» и в некоторых рассказах утрачивает трагический финал: герой не тонет, отец символически возвращается к сыну.

Освоение пространства Сибири часто вербализировалось при помощи эротической лексики, что обусловлено мифопоэтической аналогией «женщина – страна». Ермаков сюжет связан с традиционным мотивом «взятие города = воцарение = свадьба / насилие / блуд», причем в комбинации с мотивом «смерть мужчины от женщины / воды». В контексте темы путешествия речные образы Сибири формулируются при помощи обценной лексики, что может быть прочитано как реликт символического совокупления с Матерью Сырой Землей. На материале романа советского писателя В. Я. Зазубрина «Горы» о Гражданской войне и коллективизации на Алтае прослежена метафоризация сексуальной темы посредством животного и растительного семантического кода. Обозначена связь «полового вопроса» не только с личной биографией, но и с национальной историей.

Другой, собственно сибирский, сюжет о поиске Беловодья зародился в конце XVIII столетия в связи с гонениями на старообрядцев после Раскола. Более века легенда о заповедной земле выполняла информационную и агитационную функцию, побуждая крестьян к бегству на Алтай и дальше. Проникнув в литературу в конце XIX в., Беловодье становится продуктивной мифологемой, определяющей проблематику, сюжет и систему образов в художественных произведениях. Сопоставительный анализ повести А. Е. Новоселова «Беловодье» и рассказа В. Я. Шишкова «Алые сугробы» позволил увидеть преемственность текстов на уровне сюжета, бинарной системы персонажей и образов Беловодья. Обнаружено расхождение авторов в решении вопроса, стоит ли искать «земной рай» и какова цена этого пути. В культуре последних десятилетий идея «земного рая» выхолащивается, слово «Беловодье» тиражируется, все более отчетливо приобретает статус «ментального продукта» – бренда.

Сибирь является пространством (анти)утопии не только в произведениях о Беловодье. Существует линия преемственности утопической традиции: от утопии прекрасного (индустриально-урбанистического / сельскохозяйственного) будуще-

го к постапокалиптическому ретро-футуристическому (анти)утопическому миру и выходу из него в пространство менее умозрительное и совершенное, но более реальное (А. В. Рубанов, В. Г. Сорокин).

Глава 3. Антрополокальное единство: город и *genius loci*

В процессе взаимодействия человека и пространства возникает, по емкой формулировке В. Н. Топорова, их «антрополокальное единство». С течением времени происходит взаимное приспособление: человек адаптируется к среде обитания, но и трансформирует ее под свои цели, зачастую насильственно. Квинтэссенцией «адаптивно-осваивающего» антропогенного воздействия на место является, помимо других материально-семиотических объектов, город. Результат «гуманизации» ландшафта еще более ярко представлен в ономатетической деятельности (сфера языка). Она во многом ориентирована на фиксацию имени мифологической или мифологизированной исторической личности на карте местности, что подчеркивает органическое соединение и взаимоопределение человека и локуса¹. Содержание настоящей главы отражает указанные аспекты.

3.1. Семиотика городов Сибири²

Истоки семиотического изучения города в русской научной мысли восходят к градоведческим изысканиям И. М. Гревса о Флоренции, вдохновившим

---

¹ Топоров В. Н. Эней – человек судьбы: к «средиземноморской» персонологии. М.: Радикс, 1993. 208 с.

² Результаты были опубликованы в: Богумил Т. А. Голубая Дама: барнаульский текст и миф // Сибирский филологический журнал. 2016. № 4. С. 102–108; Она же. Прогулки по Барнаулу мистическому // Геопозитика писателей Сибири и Алтая. Барнаул: АлтГПУ, 2016. С. 16–20; Она же. Образ Барнаула в поэзии барнаульцев // Филология и человек. 2019. № 3. С. 101–115; Она же. Поэты о Барнауле: образ города // Алтай. 2020. № 1. С. 170–186; Она же. Образ Бийска в художественной литературе // Филологический класс. 2020. Т. 25. № 3. С. 195–206; Она же. Образ Змеиногорска в художественной литературе // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 2 (198). С. 210–224; Она же. Семиотика городов Сибири: типологический аспект // Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 350–367; Она же. Образы сибирских городов в трудах П. А. Словцова и Г. Н. Потанина // Наука и образование – важнейший фактор развития общества в современных условиях. Караганда: Кент-LTD, 2023. С. 226–228; Она же. Горнозаводской пруд Барнаула в художественной литературе // Региональные столицы России – точки опоры и роста. Екатеринбург: Альфа-Принт, 2023. С. 436–438; Она же. Региональная литература: Сибирь, Алтай, Барнаул. Барнаул: АлтГПУ, 2017. 69 с. URL: <http://library.altspu.ru/dc/pdf/bogumil.pdf> (дата обращения: 15.05.2023); Литературно-туристический Алтай: топосы – мифы – имена / Т. А. Богумил [и др.]. Барнаул: АлтГПУ, 2018. С. 50–56, 73–78; Литературная мифология Алтая / Е. А. Худенко [и др.]. Барнаул: АлтГПУ, 2019. С. 50–75, 82–99.

Н. П. Анциферова на исследование Санкт-Петербурга. В своих трудах Н. П. Анциферов предложил новаторскую концепцию города как гетерогенного «историко-культурного организма», изменчивого, но внутренне постоянного, обладающего собственной семантикой и языком («Городские названия – язык города»)³. Ученый проследил эволюцию образа Петербурга в художественных произведениях. Наконец, разработал локально-историческую методологию⁴. Все это задавало векторы развития теории и методологии изучения городского сверхтекста в трудах представителей тартуско-московской школы. Сформулированная В. Н. Топоровым модель Петербургского текста определила его *генезис* – антитегичное мифологическое ядро, вырастающее из эмпирически постигаемой данности места; *природу* – «синтетический сверхтекст»; *способ существования* – варианты, восходящие к единому инварианту; *маркеры* – «словарь», «языковую и предметно-качественную парадигму»⁵. Ученые предложили культурологические типологии городов: стихийный (план = ствол дерева в разрезе) и регулярный (план = правильные линии, проспекты)⁶; концентрический и эксцентрический⁷, «дева» (Иерусалим) и «блудница» (Вавилон)⁸, «женский» и «мужской»⁹ и пр. Было введено понятие «градосфера», обозначены варианты базовой градооппозиции, восходящей к природному противопоставлению «вода – гора», «хлябь – твердь». Первый полюс занимает дольняя, эсхатологическая, западная, мужская, рациональная, торгово-индустриальная «Петросфера». Второй – горняя, генетическая,

³ Анциферов Н. П. Душа Петербурга; Петербург Достоевского; Быль и миф Петербурга. М.: Книга, 1991. С. 41.

⁴ Московская Д. С. Н. П. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920–1930-х гг. К истории взаимосвязей русской литературы и краеведения. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 432 с.

⁵ Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс; Культура, 1995. С. 275–280.

⁶ Анциферов Н. П. Душа Петербурга. С. 25.

⁷ Лотман Ю. М. Символика Петербурга // Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб.: Искусство–СПб, 2000. С. 320–334.

⁸ Топоров В. Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифопоэтическом аспекте // Исследования по структуре текста. М.: Наука, 1987. С. 121–132.

⁹ Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2003. URL: <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35> (дата обращения: 09.03.2023).

восточная, эмоциональная, аграрная «Москвосфера». Градосфера провинциальной России может толковаться посредством выявления данных доминант¹⁰.

Методология исследования базируется на синтезе культурно-семиотической и культурно-исторической стратегий изучения города¹¹, как они сложились в работах Вяч. Вс. Иванова, Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского, З. Г. Минц, Р. Д. Тименчика и др. Также учитывается опыт геокультурного (В. Г. Щукин, О. А. Лавренова, Д. Н. Замятин)¹² и геопоэтического подходов к исследованию пространственной образности. В рамках геопоэтики город рассматривается не столько как текст, сколько как образ. Под геопоэтическим образом понимается символический «образ территории как единого целого», который формируется, «когда территория, ландшафт ... становятся предметами эстетической и философской рефлексии»¹³. Данный подход на ином научном уровне возвращает к идеям Н. П. Анциферова: только художнику слова «наиболее доступно целостное видение города, которое может привести к уяснению его идеи»¹⁴.

Среди русских городов особое место занимают сибирские, что связано как с особенностями региона, так и со спецификой возникновения, исторического развития и функционирования поселений.

Сведения о первых государственных сибирских городах появляются вместе с их постройкой: это царские указы воеводам и «горододельцам», в которых содержались сначала общие, а со временем все более конкретные планы месторасположения города, чертежи, сметы. Несколько позднее возникает сибирское го-

¹⁰ Кобзев И. И. Встреча культур Запада и Востока в русской провинции: дис. ... канд. культурологии. СПб., 1998. 198 с.

¹¹ О трех основных стратегиях изучения города в рамках тартуско-московской школы см.: Пильщиков И., Поселягин Н., Трунин М. От редакторов // Семиотика города. Таллинн: Изд-во ТЛУ, 2014. С. 2–26. Экскурс в литературоведческую урбанистику см. также: Потанина Н. Л., Гололобов М. А. Городской текст как теоретическая проблема // Филологическая регионалистика. 2012. № 1 (7). С. 32–37.

¹² Обзор исследований в русле геокультурного подхода см. в: Эртнер Е. Н. Геокультурный подход к исследованию пространственной образности русской литературы // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 1. С. 6–12.

¹³ Абашев В. В. Русская литература Урала. Проблемы геопоэтики. Пермь: Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2012. С. 54.

¹⁴ Анциферов Н. П. Душа Петербурга. С. 46.

родовое летописание. Сначала общее «Описание о постановлении городов и острогов в Сибири...», а затем местное (Верхотурье, Березов, Тара, Тобольск, Томск, Кузнецк, Енисейск, Иркутск, Якутск)¹⁵. Летописный образ города обусловлен двумя точками зрения: государственной (крепость для сбора ясака) и клерикальной (возникший «божьей милостью», источник христианского просвещения)¹⁶. Складывается особая концепция присоединения и освоения Сибири, согласно которой начало этому процессу положил не столько поход Ермака, сколько построение городов¹⁷. Существенно, что не деревня, а город стал первой ступенью освоения колонизируемой территории. Постепенно военные сюжеты в летописях сменяются историями о хозяйствовании, культуре, городских восстаниях.

Ранние историко-географические работы конца XVII века основывались на городском фольклоре (предания, легенды), летописях и фамильных архивах. В XVIII веке формируется слой сибирской интеллигенции, заинтересованной краеведческой работой. «Наряду с первыми рационалистическими представлениями на страницах книг и манускриптов продолжали гулять “бродячие сюжеты” – общие штампы и легендарные предания о времени поставления русских городов в Сибири»¹⁸, – резюмирует Д. А. Резун. После выхода первого тома пятитомного академического труда Г. Ф. Миллера «Описание сибирского царства и всех происшедших в нем дел» (1750), где были широко освещены общесибирские события, представлена общая концепция истории Сибири и ее городов, научный интерес сфокусировался на изучении частной истории городов.

В XIX веке краеведческое направление в городоведении Сибири стало заметным явлением научной жизни. Попытка системной характеристики сибирских городов изначально была осуществлена на пересечении собственно художествен-

¹⁵ Резун Д. Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVII–первой половины XVIII века. Новосибирск: Наука, 1980. С. 71.

¹⁶ Там же. С. 57.

¹⁷ Журова Л. И. Вариации сюжета о взятии града Сибирь в летописях XVII в. // Сюжетология и сюжетография. 2017. № 1. С. 7.

¹⁸ Резун Д. Я. Очерки истории изучения сибирского города XVIII века. Новосибирск: Наука, 1991. С. 4.

ного и научного дискурса, в смешении ассоциативно-образного и логического типов мышления. Индивидуальные «физиономии» пяти сибирских городов XVII–XVIII веков впервые стали предметом исторической «выметки» в приложении к работе П. А. Словцова «Историческое обозрение Сибири» (кн. 1, 1838). Краевед писал: «Судьбы городов зависят более от инуда (т. е. иного места. – *Т. Б.*), не собственно от себя»¹⁹, – поэтому его емкие описания городов отталкиваются чаще всего от их локации. Приведем примеры: с 1594 года *Тобольск* «начал разуместься у правительства главным водворением и опорю Сибири» (с. 571), «при своем старейшинстве, после многократных пожаров и наводнений, побуждавших к осушке почвы и к улучшению строительства, долее всех сибирских городов плесневел в татарской архитектуре и небрежности, не заботясь о здоровом помещении, и тем менее об украшении» (с. 578); *Томск* – «...город не вел записок или летописи. В мыслях его исстари бродила закваска старообрядчества, и жителям не приходило в голову замечать происшествия местные» (с. 580; *Енисейск* построен «в труппе кедровых и других хвойных лесов, на месте невыгодном, часто затопляемом ..., но на страже трех Тунгусок, в середине звероловных племен» (с. 580), «оказавший незабвенные услуги в расширении Сибири, ... с издания Сибирского Учреждения, блистает в имени новой губернии, как серебро в царских вратах одного тамошнего храма, но померкнул в первенстве губернского каталога» (с. 582); *Красноярск* – «должен был отстаивать свою колыбель от киргизов и аринов» (с. 583), «этот сирота жил под начальством Томска лет 70, не богато, не бедно, как земледелец, питаясь от щедрот плодоносной земли <...>. Потом жил он под властью Енисейска с прежним трудолюбием <...>. Открылась прямая дорога между Томском и Иркутском чрез Ачинск и Красноярск; <...>. Город начал становиться чистеньким, хотя и небольшим» (с. 583), «если бы Палласу не случилось на правом берегу Енисея открыть кусок самородного железа, Красноярскому округу не

¹⁹ Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Кн. 1: с 1585 по 1742 года. М.: тип. А. Семена, при Медико-хирург. акад., 1838. С. 589. В нижеследующем фрагменте в круглых скобках указаны страницы по этому изданию.

досталось бы крохи в горно-исторической молве» (с. 583), «Ландшафты ли бесчисленные или, быть может, изображения фигур, по утесистым берегам Енисея когда-то малеванных, заронили в Красноярске искру и вкус к живописи» (с. 583); «Из сравнения Тобольска с *Иркутском* (выделено мной. – Т. Б.) открывается, что хотя все в последнем начиналось позднее, по крайней мере полувеком, многое, однако ж, поравнялось и даже выпередело. Толь счастливое спеяние надобно приписывать не разнице в широте, а собственно торговле кяхтинской. Если бы опыт времени оправдал надежду ... , что с торгом бухтарминским сольется и китайский, Иркутску довелось бы превосходить только Якутск...» (с. 589). Как видим, характеристика городов, основанная на месте и истории их возникновения и развития, не лишена художественности.

Во второй книге «Исторического обозрения Сибири» (1886) П. А. Словцов уделил городам две главы (IV и V). При этом он существенно расширил прежний перечень до 21 наименования, в том числе за счет включения в него уральских городов – Екатеринбурга и Челябинска. По мнению автора, Урал не «отделял тогда Сибирь от России, политически или нравственно», «не был гранью между государством и колонией»²⁰.

Свою типологию сибирских городов в XIX веке предложил Г. Н. Потанин. В статье «Города Сибири» областник классифицирует сибирские центры как «буржуазные» (Тюмень, Енисейск, Томск) и «бюрократические» (Тобольск, Красноярск, Омск), а также совмещающие в себе эти два начала (Иркутск). Подчеркнуто различие между городами Восточной и Западной Сибири, заключающееся в специфике товара: «...последние отвозили в европейскую Россию громоздкие сырые материалы для заводской обработки ..., тогда как города восточной половины Сибири доставляли ... дорогие и удобные для перевозки предметы: золото, меха и чай»²¹. Это обстоятельство повлияло на уровень культуры сибирских

²⁰ Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Кн. 2: с 1742 по 1823 года. М.: тип. И.Н. Скороходова, 1886. С. 66.

²¹ Потанин Г. Н. Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб.: издание А.Ф. Девриена, 1908. С. 238.

купцов и на специфику города. Г. Н. Потанин, как и П. А. Словцов, наделяет города яркими образными характеристиками, отражающими решающие моменты в развитии города, опорные для локальной самоидентификации:

Так, просвещенному «Иркутску льстили, называя его сибирскими “Афинами”» (данным высоким статусом наделяли и Барнаул, и Томск); открытие в конце XIX веке высших учебных заведений «превратило Томск в умственную столицу Сибири и изменило физиономию города»; смена транспортных путей привела к тому, что «из военного лагеря Омск стремится превратиться в купеческий пакугауз, дробь барабана хочет смениться щелканием счет»; Тобольск, бывший административный центр всей Сибири, – это «”мать” сибирских городов» и «сибирский Киев», т. к. в нем есть Софийский собор, напоминающий о том, что этот город «после Киева и Новгорода – третий этап в истории распространения русского христианства»; Барнаул – «уголок Петербурга»; Бийск и Минусинск «могли бы сыграть для монголов роль “окон в Европу”»²².

Первые характеристики сибирских городов, данные П. А. Словцовым и Г. Н. Потаниным, делают акцент не на структуре пространства, а на его образной фактуре. Полагаем, что из посеянных писателями «зерен» со временем выросли или могут вырасти полноценные, развернутые городские тексты.

В XX веке молодая советская наука рассматривала сибирский город как оплот военной колонизации Сибири: «осады, пожары, походы казаков были одной из главных тем сибирской урбанистики»²³. Со временем в круг изучения историков вошла торгово-ремесленная и промышленная составляющая города, тема городских восстаний. Наконец, город стал рассматриваться как памятниковедческий и культуроведческий образ.

Расцвет литературной регионалистики на рубеже XX–XXI веков ознаменовался в том числе и появлением работ филологов и культурологов о городских мифах и текстах Сибири. Были намечены образные модели Барнаула, Новокуз-

²² Там же. С. 241–256.

²³ Резун Д. Я. Очерки истории изучения сибирского города XVIII века. С. 6.

нецка, Томска, Красноярска, Тюмени, Новосибирска, Тобольска, Якутска, Иркутска и др.²⁴ Личный опыт описания образов урбанистических центров Алтайского края – Барнаула, Бийска, Змеиногорска – выявил потребность в реконструкции универсальной для сибирской матрицы, на фоне которой станут очевидными уникальность или типичность черт того или иного города.

Культурная семантика города, как известно, определяется его названием и пространственными параметрами²⁵. Особенность номинаций первых сибирских городов была подмечена историками: «...в то время как в России конца XVI–XVIII вв. появляются и строятся города, названные “аристократическими” именами, например, Борисов, Царицын, Екатеринбург и Екатеринослав, Павловск, – в Сибири города прозываются или по речкам – Тобольск, Томск, Туринск, Тара, или же “по дивности сего места” – Красноярск, или же по этносу древних обитателей Сибири – Якутск, Ялуторовск»²⁶. В расчет бралось также «названи[е] древ-

²⁴ Десятов В. В., Куляпин А. И. Барнаульский миф в русской литературе // Культура и текст. 1998. № 3. С. 187–200 ; Жерносенко И. А. Барнаул как текст культуры // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. Вып. 2. С. 94–101 ; Эртнер Е. Н. Образ Тюмени с русской литературе конца XIX–начала XX века // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург: УрО РАН, 2006. Вып. 2. С. 59–65 ; Она же. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX–XX века. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2005. 211 с. ; Голуб О. С. Кузнецкий локус в литературе XIX–XX веков // Сибирский филологический журнал. 2008. № 3. С. 90–96 ; Бабенко И. И. Специфика эстетической актуализации концепта *город Томск* в региональном поэтическом дискурсе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 3 (105). С. 54–58 ; Киселев В. С. Томск в русской литературе: проблемы и перспективы изучения // Имагология и компаративистика. 2017. № 8. С. 36–61 ; Кудинова И. Ю. Культурологический портрет сибирского города (на примере Красноярска): дис. ... канд. культурологии. Улан-Удэ, 2015. 176 с. ; Байдуж М. И. «Параллельная Тюмень»: визуальные манифестации локального текста // Шаги-Steps. 2016. Т. 2. № 4. С. 312–338 ; Корниенко С. Ю. Город «сибов», «китаезов», обывателей и чиновников, или «Новая Америка»: Новосибирск в канун великого перелома // Сюжетология и сюжетография. 2019. № 1. С. 207–224 ; Шаповалов М. С. Новый сибирский Иерусалим: истоки, трансфер, топонимика в XVII–начале XX вв. // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 2 (24). С. 182–198 ; Косинцева Е. В. Метатекст в хантыйской литературе: урбанистический код. Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2020. 168 с. ; Ноева (Карманова) С. Е. Особенности поэтики и структуры городского текста в якутском геокультурном ландшафте // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2021. № 3 (83). С. 93–105 ; Сумарокова Е. В. Образ города в современной иркутской поэзии // Литература Сибири в социокультурном пространстве. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2022. С. 247–261.

²⁵ Лотман Ю. М. Символика Петербурга. С. 320.

²⁶ Резун Д. Я., Василевский Р. С. Летопись сибирских городов. Новосибирск: Новосибирское кн.

него родоплеменного аборигенного городка, который находился по соседству – Сургут, Пелым»²⁷. Налицо нерасторжимое единство имени и места, а не имени и власти. Это связано не только с «демократичностью», «народностью»²⁸ сибирских поселений, отдаленных от государственного центра, но и с природосообразностью выбора локации. Остроги и города ставились с учетом рельефа местности, часто на возвышениях, при слиянии рек: «Течение могучих сибирских рек предопределило пути русской колонизации и места построения острогов. исполинская веерообразная система Оби с центром в Тобольске – представляла плацдарм русского могущества. А от Тобольска почти непрерывный водный путь вел к Великому океану <...> естественной грани русского могущества на востоке»²⁹.

Подобно всем поселениям «эксцентрического» типа, расположенным «на краю» культурной ойкумены, для городов Сибири актуальна оппозиция «природа – культура», семантика которой была описана Ю. М. Лотманом на примере Петербурга, возведенного «вопреки Природе»³⁰. Наводнения и заболоченность были постоянными спутниками ранних сибирских городов, как и пожары, губительные для деревянных строений. Впрочем, негативные проявления природной стихии компенсировались другими природными, политическими, экономическими и прочими факторами. Естественно, эсхатологическая мифология поселений формировалась с оглядкой на наиболее вероятные бедствия. В частности в Барнауле, хотя построенном в XVIII веке, но подверженном тем же опасностям, бытовала легенда о «проклятии» города его основателем А. Н. Демидовым, что объясняло наводнение (1793), пожар (1917) и другие катастрофические события.

Семантический ореол города, помимо имени и места, связан с изменением функции поселения во времени, историческим процессом формирования локаль-

---

изд-во, 1989. С. 297. В другом фрагменте работы исследователи уточняют этимологию Красноярска: «Из-за красной глины это место называли Красный Яр» (Там же. С. 187).

²⁷ Резун Д. Я. Сибирский город XVII – первой половины XIX века как явление русской культуры // Культурологические исследования в Сибири. 2005. № 1. С. 66.

²⁸ Резун Д. Я., Василевский Р. С. Летопись сибирских городов. С. 297.

²⁹ Васильев А. П. Забайкальские казаки: исторический очерк: в 3 т. Т. 1. Чита: тип. Войскового Хозяйственного Правления Забайкальского казачьего войска, 1916. С. 17.

³⁰ Лотман Ю. М. Символика Петербурга. С. 321.

ного текста как архитектурно-ландшафтного и семиотического палимпсеста, «аккумулятора памяти»³¹.

Самые первые русские укрепленные городки (Ляпинский, Сосвинский, Обдорский, Казымский) были построены в середине XV века на территории низовьев реки Обь и ее притоков возле политических центров аборигенных племен и княжеств³². Выбор местоположения определялся военно-тактическими целями, оборонительные укрепления москвитян символизировали русскую государственность. Деревянные постройки не сохранились, историкам приходится только догадываться, как они выглядели.

В XVI веке границы Московского государства сдвигаются в сторону Уральских гор. На берегах рек Сосьвы, Оби, Надыма, Таза, окрестности которых были богаты пушниной, вблизи с родовыми стойбищами коренных сибиряков возникла система русских вольнопромышленных и торговых поселений: Надымский, Обдорский или Носовой (ныне Салехард), Березовский, Пелымский городки и др. Крупнейшим был русско-зырянский Тазовский городок, или Мангазея (от названия самоедского племени Монканси). Это заполярное поселение, основанное в 1572 году, располагалось на оживленном торговом пути. Мангазейский морской ход шел Северным Ледовитым океаном из Поморья в Западную Сибирь, соединяя Европейскую Русь с Приобьем. В конце XVI–начале XVII века Мангазея воплощала идеи воли и богатства: «...это золотое дно, своего рода Калифорния, куда стремились за добычей драгоценного пушного зверя жители северных губерний...»³³. В 1601 году здесь построили «государев» город. Так устанавливался контроль правительства над торговым путем и операциями с «мягкой рухлядью», создавался форпост для дальнейшего освоения Севера – открытия Якутии. Экономический упадок «златокипящей» Мангазеи был связан с несколькими обстоя-

³¹ *Абашев В. В.* Русская литература Урала. С. 123.

³² Здесь и далее историко-географические данные о ранних сибирских городах почерпнуты из обобщающих трудов Резуна Д. Я., указанных выше.

³³ *Буцинский П. Н.* К истории Сибири: Мангазея и мангазейский уезд. 1601 г.–1645 г. // Записки Императорского Харьковского университета. Харьков: тип. Адольфа Дарре, 1893. Вып. 1. С. 33.

тельствами: оскудением главного градообразующего ресурса – соболиного промысла; запретом в 1613–1619 годы морского пути из Поморья (во избежание колонизации территории Англией и Голландией); смещением южнее потоков сельскохозяйственного и промышленного освоения Сибири; восстаниями окружающих самодийских племен. В результате в 1672 году жители и гарнизон города переселились в Новую Мангазею (Туруханский острог) на реке Енисей. Достоверные данные об архитектуре и образе жизни забытого города были получены в результате археологических раскопок В. Н. Чернецова (1946), М. И. Белова, О. В. Овсянникова и В. Ф. Старкова (1968–70, 1973), Г. П. Визгалова и С. Г. Пархимовича (с 2000).

Публикации историков инициировали появление художественных произведений о Мангазее. За последние годы вышли романы И. З. Елегечева («Мангазея», 1982), В. П. Рожкова («За морем – Мангазея», 1987), М. К. Анисимковой («Мангазея, или Златом кипящая царская вотчина», 2008 и 2012), К. Янева («Южная Мангазея», 2015), Ю. Ф. Шестеры («Мангазея», 2017). Образ утраченного / найденного локуса подкреплен мощной культурной традицией и вводит сибирский город в систему легендарных прецедентов: Троя, Китеж, Атлантида, Эльдорадо, Беловодье и др. В столетней судьбе города особенно притягательна для литературной обработки стремительность перехода от широкой славы и неслыханного богатства к запустению и забвению. Потенциал реализации мангазейской темы далеко не исчерпан и включает в себя жанровые вариации от исторического и авантюрно-приключенческого романа до фэнтези и разного рода мифотворчества.

После похода Ермака с середины 1580-х годов начинается планомерное освоение сибирской территории. Царские воеводы заново отстраивают старые городки (Юильский, Ляпинский, Обдорский, Казымский, Березовский) и основывают новые «государевы» города, взяв под контроль все дороги, ведущие в Сибирь и обратно. Стратегически важные русские форпосты возводились на месте недавних центров Сибирского ханства или рядом с ними: Тюмень (1586) в районе татарского города Чимги-Тура, Тобольск (1587) в 15–18 верстах от бывшей рези-

денции Кучума – Искера (он же Кашлык, Сибирь), Верхотурье (1598) в километре от остатков вогульского городища Нером-Карр, Туринск (1600) на месте Епанчина. Томск (1604) был построен по просьбе князька Тояна на его землях для защиты ешутинских татар. В Сибирском летописном своде (1687) опустевший центр ханства – город Сибирь «стал символом разорения царства Кучума, ушедшего времени, прошлой жизни»³⁴. В этом качестве он был противопоставлен идее новой истории, начавшейся с основания русских городов. Память о прежних этносах и их культуре, несомненно, создает исторический и мифологический «подтекст» локуса, является семантически насыщенным и продуктивным «ядром» для формирования городских свертхтекстов (см., например, современную актуализацию мифа о великом сибирском городе Асгарде Ирийском, существовавшем на месте Омска³⁵).

Градостроительное освоение Сибири изначально было процессом географического продвижения на новые земли вплоть до природных и политических границ: Тихоокеанского побережья на востоке и Китая на юго-востоке. Специфика первых очагов русского заселения типична для всех поселений-фронтиров, расположенных в зоне контакта двух уровней человеческой цивилизации. Большинство городов выросло из деревянных крепостей и острогов на постоянно расширяемых рубежах страны. Помимо военно-оборонительного предназначения, укрепления выполняли функцию сбора ясака. Далее последовало хозяйственное освоение территорий: развитие аграрно-ремесленной роли городов и острогов (многие из них официально переводятся в разряд «городов») и появление земледельческих слобод, из которых к концу XVIII века сформировались некоторые малые города (Ишим, Курган, Ялотуровск, Шадринск и др.). Сибирские города, расположенные на основных водных и сухопутных торгово-транспортных путях, стали крупными торгово-промышленными узлами России, связующими Запад и Восток.

³⁴ Журова Л. И. Вариации сюжета о взятии града Сибирь в летописях XVII в. С. 13–14.

³⁵ Селезнев А. Г. Миф, растянувшийся на века: древний великий город Сибири в средневековом сказании и современной идеологии родноверия // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2021. Т. 8. № 4 (32). С. 163–173.

Этапы, аналогичные городам XVII века, прошли крепости и остроги начала XVIII века, построенные для защиты южных границ Сибири: Омск (1716), Бийск (1709/18), Семипалатинск (1718), Колывань (= Чаусский острог, 1713), Каинск (1722, с 1935 года – Куйбышев). Сибирская оборонительная линия, опорными пунктами которой были редуты, форпосты и города-крепости, включала в себя три линии. Во-первых, возведенную в 1730-х годах в междуречье Ишима и Иртыша Старо-Ишимскую (Омск – Тара – Курган), которая сменилась более прямой Тоболо-Ишимской (1752–1755). Во-вторых, Иртышскую (1745–1752), соединявшую Омск, Семипалатинск, Усть-Каменогорск. В-третьих, Колывано-Кузнецкую (1747–1768) – от Кузнецка до Бийска и далее к Усть-Каменогорску. С продвижением границ России дальше на восток и линии, и крепости потеряли свое оборонное значение.

Закономерным единообразием отличается метафорика подобных городов. В краеведческих, научных, художественных текстах распространены образы ключа, окна, ворот, символизирующие двоякую функциональность локуса границы – барьерную и контактную. Например: Верхнеудинск (совр. Улан-Удэ) – «оной город почитаетца ключ Даурския провинции» (И. Идес, рубеж XVII–XVIII веков); «Верхотурье – ключ к Сибири» (И. Е. Фишер, XVIII век); Тюмень – «ворота в Сибирь» (Н. Д. Телешов, конец XIX века). В современных медиатекстах, особенно рекламно-туристического характера, «общим местом» являются формулировки, акцентирующие историческую роль городов: «Томск (Тюмень, Тобольск, Иркутск) – окно (ворота) в Сибирь (Азию, Европу)»³⁶.

Большинство сибирских городов, изначально принадлежавших к «эксцентрическому» типу, с расширением территории страны утрачивают свою порубежную локацию и, соответственно, семантику. На первый план выходит, во-первых, идея центра: на статус столицы Сибири в разное время претендовали Тобольск,

³⁶ Ср. также: Милюкова Е. В. Челябинск: окно в Азию или край обратной перспективы // Русская провинция: миф – текст – реальность. М.; СПб.: Тема, 2000. С. 347–361; Клубкова Т. В., Клубков П. А. Русский провинциальный город и стереотипы провинциальности // Там же. С. 27.

Тюмень, Омск, Красноярск, Томск, Новосибирск. Более того, в политическом и художественном (анти)утопическом дискурсе периодически актуализируются планы переноса столицы России из европейской части страны в Сибирь (см., например, роман А. В. Рубанова «Живая земля», 2010). Во-вторых, города провинциализировались, приобретая все больше черт, общих с городами европейской части России.

Совершенно новый, индустриальный, тип сибирского города представлял собой Барнаул³⁷ – промышленно-металлургический и административный центр Колывано-Воскресенского горного округа, построенный по образцу уральских горнозаводских городов. Комплекс Колывано-Воскресенских заводов сформировался на Алтае в 1816 году и включал пять сереброплавильных заводов: Барнаульский (1739), Змеиногорский (1736), Павловский (1763), Локтевский (1781) и Гарвиловский (1795, совр. Кемеровская область). Змеиногорск на протяжении своей истории то приобретал, то терял статус города. Поселок Павловск, названный в честь наследника престола, имел шанс стать столицей Алтайского края, если бы, как было задумано, туда перенесли основные заводские работы. Нереализованный потенциал локуса составляет отдельный аспект его семиотики.

Выросшие из заводских поселков «горные» города изначально отличались более организованной застройкой, планировкой улиц и площадей, а также жесткой регламентацией административной, хозяйственной, общественной жизни. Естественно, данный аспект фиксировался писателями. Так, Л. П. Блюммер в романе «На Алтае» (1885) помещает главу о городе Багуле, под которым угадывается Барнаул: «...каменные здания, выстроенные на кабинетские и казенные деньги, отзываются несколько и казенным вкусом, приведением всех частей к одному нивелирующему знаменателю» (ОА, т. 1, с. 116).

К концу XVIII века внешний облик большинства сибирских городов изменился согласно европеизированным столичным стандартам перепланировки. Были «спрямлены» улицы, почти везде разобрали оборонительные укрепления,

³⁷ Резун Д. Я. Сибирский город XVII – первой половины XIX века... С. 69.

началась каменная двух-, трехэтажная застройка в стиле барокко (т. е. появилось «вертикальное» восприятие пространства города), стали облагораживаться набережные, площади, дороги и тротуары³⁸. В литературе эти изменения обыгрываются, с одной стороны, при помощи установления *подобия* сибирского города европейскому или столичному. С другой стороны, подчеркиваются *отличия* неизменно отстающего от центра и Европы провинциального города, тщетно и зачастую комически им подражающего. Например, в главе «Барнаул» романа И. А. Куцевского «Не столь отдаленные места Сибири» (1875) подчеркнуто, что «наибогатейшие дома ... построены на манер английских коттеджей», что роскошь города чрезмерна: «...я не воображал себе таким даже голландского города негоциантов, Брука» (ОА, т. 1, с. 289). Напротив, в вышеупомянутом романе Блюммера написано: «Про великорусские города, когда желают их похвалить, говорят обыкновенно, что “городок – Москвы уголок”. К Багулу такая льстивая кличка не подходит: слишком далек он от белокаменной, да и вообще представляет слишком мало сторон московской общественной жизни и внешности» (ОА, т. 1, с. 116).

Решающим фактором взлета и падения города является его месторасположение на торгово-транспортной артерии: «История пролагаемых внутри страны дорог есть вместе с тем и история поселений. Основываемые города – суть этапы на этих дорогах и вещественные памятники колонизации»³⁹. На разных стадиях освоения русскими Сибири ведущие пути менялись, соответственно, города возникали и расцветали либо, наоборот, приходили в запустение, теряли былой статус. Самые первые направления были природными: «...каждая из больших сибирских рек представляет собой отдельную главу колонизации Сибири»⁴⁰. Например, государственной дорогой, соединявшей Москву с Тобольском, сначала был водный Чердынский, или Вишерско-Лозвинский, путь (в 1587–1588-х годах был по-

³⁸ Там же. С. 70.

³⁹ Васильев А. П. Забайкальские казаки. С. 29.

⁴⁰ Там же.

ставлен Лозьвинский городок для закрепления русской власти на бывшей дороге Сибирского ханства). Поскольку реки в основном текли перпендикулярно линии продвижения русских на восток, почти сразу назрела необходимость сухопутных маршрутов, пересекавших водные преграды. После того, как с 1597 года Лозьвинский путь был вытеснен более короткой сухопутной Бабиновской дорогой, городок разобрали. Аналогичным образом существование Мангазеи было predeterminedено сначала востребованностью, а позднее запретом морского хода из Поморья в Западную Сибирь.

Наиболее выигрышным, как показало время, было местоположение тех городов, которые оказались на перекрестке водных и наземных направлений. С середины XVIII века главным сухопутным маршрутом из европейской России через Сибирь в Китай стал Московско-Сибирский тракт, обустройство которого закончилось к середине XIX века. Важнейшими торговыми центрами были расположенные вдоль тракта Тюмень, Томск, Красноярск, Иркутск. Возросшие к концу XIX века транспортные потребности российской экономики привели к сооружению в 1891–1916-х годах Великого Сибирского пути – Транссибирской железнодорожной магистрали⁴¹. Смещение генеральной дороги привело к снижению роли областных центров у ряда городов (Тобольск, Барнаул) и дальнейшему возвышению тех поселений, что находились в непосредственной близости от железной дороги (Тюмень, Омск, Красноярск, Иркутск, Чита). Статус города получили алтайские торговые села Славгород (1914), Камень (1915) и некоторые железнодорожные станции⁴².

Особенно впечатляет стремительное преобразование Новой деревни (Гусевки), возникшей в 1893 году в связи с постройкой железнодорожного моста через Обь, в малый город Новониколаевск (1903), который уже в 1904 году вошел в число средних городов. В 1926 году он был переименован в Новосибирск – сего-

---

⁴¹ *Казимиров В. Н.* Великий Сибирский путь: к столетию начала строительства Транссибирской магистрали. Чита: Оттава, 1991. 230 с.

⁴² Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Т. 1: А–И. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. С. 409.

дня третий по численности город России, крупнейший торговый, культурный, научный и прочий центр Сибири. Закономерно, что в литературе образ Новосибирска связывался с концептами молодости и столичности. Так, в романе В. Я. Зазубрина «Горы» (1933) написано: «Безуглый любил Новосибирск – город-юношу в гремящей прозодежде. <...> На горизонте работал городской юноша. Его высокие, угловатые плечи дымились» (ОА, т. 3, с. 18). Представление о том, что Новосибирск – «новая столица Сибири», транслируется в записках Глеба Гонцова 1920–1930-х годов⁴³. Стремительное преобразование города стало основанием для сравнения его с быстрорастущим американским мегаполисом (в 1901 году – журналист В. Сибирцев, в 1928 – нарком А. В. Луначарский). «Сибирский Чикаго» – один из концептов Новосибирска, лежащих в основе брендинга города⁴⁴.

В середине XX века многие исторические города Сибири получают «второе дыхание» в результате развития промышленности в СССР. Так, метаморфоза Кузнецка в Новокузнецк произошла благодаря постройке гигантских металлургических комбинатов, что нашло отражение в советской литературе и стало существенным компонентом кузнецкого текста⁴⁵. Индустриальное освоение территории Сибири, в т. ч. связанное с открытием и добычей полезных ископаемых, привело к появлению большого количества новых рабочих поселков и городов. В послевоенное время к градообразующим факторам добавилось здравоохранение и туризм (Белокуриха), а также наука – появились Академгородки под Новосибирском, Томском, Красноярском и Иркутском⁴⁶. Незначительный срок существования города, как показывает складывающийся вокруг Белокурихи корпус произве-

⁴³ Корниенко С. Ю. Город «сибов», «китаезов», обывателей и чиновников, или «Новая Америка».

⁴⁴ Буров Ф. 120 лет назад Новосибирск впервые назвали сибирским Чикаго // VN.RU. 08.08.2021. URL: <https://vn.ru/news-120-let-nazad-novosibirsk-vpervye-nazvali-sibirskim-chikago/> (дата обращения: 21.06.2023).

⁴⁵ Голуб О. С. Кузнецкий локус в литературе XIX–XX веков // Сибирский филологический журнал. 2008. № 3. С. 90–96.

⁴⁶ Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1. С. 411.

дений, не является препятствием для возникновения локального текста и мифа⁴⁷. Семантический потенциал этого города-курорта определяется как его оздоровительной – преобразующей – функцией, обусловленной уникальными природно-климатическими факторами, так и очевидной привязкой топонима к беловодческой традиции.

Градообразовательные возможности и потребности на территории Сибири неравномерны и связаны, в первую очередь, с особенностями местности и прагматическими запросами государства. Особое место занимает Республика Горный Алтай, в предгорьях которой стоит единственный возникший в советское время город – Горно-Алтайск (до 1948 года Ойрот-Тура, с 1928 по 1932 годы Улала). Преимущественно сельскохозяйственная и туристическая направленность экономики региона делает неактуальным наличие городских поселений, а в плане семантики встраивает Горный Алтай в оппозицию «город – деревня», «цивилизация – природа». Антиурбанистическим пафосом проникнута, например, повесть А. С. Сорокина «Алтай и города»: «Никогда города не будут стоять на горах Алтая! Никогда на ледниках не будут построены их каменные дома, и никогда не будет вырублен кедровый алтайский лес. Никогда звери Алтая не будут уничтожены»⁴⁸.

Итак, первые города Сибири в подавляющем большинстве восходят к инициированным государством поселениям-фронтам. Они принадлежат к эксцентрическому типу регулярной застройки, что устанавливает семантическую эквивалентность сибирских локусов с петербургским. Номинация сибирских городов в основном связана с местом их основания: с гидронимами, этнонимами, аборигенными топонимами. Здесь обнаруживается общность с древнерусскими городами. Образ города определяется именем, пространством, историей существования. Мощным семантическим потенциалом обладают события основания города, за-

⁴⁷ Куляпин А. И. Мифогеография города-курорта Белокуриха в рассказе К. Паустовского «Правая рука» // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 5 (72). С. 529–531.

⁴⁸ Сорокин А. С. Сочинения. Воспоминания. Письма. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2012. С. 282.

мены исконного автохтонного города новым русским, упадка/исчезновения некогда успешного богатого поселения, появления новой функции города, которая дает ему очередной импульс для развития. Сдвиг фронта на восток и юг приводит к изменению роли города: от окраинного к провинциальному или центральному. Типичная метафорика городов (окно, ворота, ключ) трансформируется от барьерной семантики к медиативной. Градообразовательный потенциал локусов на территории Сибири неравномерен. Наиболее выгодным оказывается не только обладание уникальным ресурсом, но и месторасположение города на пересечении водных и наземных (дорожных, железнодорожных) путей. Современный город, как правило, неоднороден в плане застройки, функционала и семантического ореола районов. Наличие исторического центра – «старого города», а также мемориальных мест, связанных со значимыми моментами прошлого (человека, социума), моделирует урбанистическое пространство как культурный палимпсест.

3.1.1. Образы Бийска в художественной литературе

Бийск многократно описан в документальных источниках: дневниках, воспоминаниях, письмах, географических справках, путевых заметках ученых и путешественников, посещавших город в XIX– начале XX века. Согласно наблюдениям Д. С. Дегтярева образ города адекватно отражал меняющуюся реальность бийской жизни: «от пограничной крепости к купеческому городку», затем «”окно в Европу” для Монголии». Негативные картины, где доминировала «непроходимая грязь немощеных улиц» постепенно сменялись нейтральными и позитивными описаниями, «чему в немалой степени способствовало успешное социально-экономическое и культурное развитие Бийска»⁴⁹.

В данном параграфе в центре внимания находится образ Бийска, созданный в художественной литературе. Заслуживает внимания то обстоятельство, что

---

⁴⁹ Дегтярев Д. С. Город Бийск глазами ученых и путешественников XIX – начала XX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 24.

большинство обнаруженных произведений о Бийске принадлежит к литературным жанрам, тесно связанным с внехудожественной реальностью. Так, цикл В. Я. Шишкова «По Чуйскому тракту» (1914) относится к путевым очеркам, цикл В. М. Шукшина «Из детских лет Ивана Попова» (1968) во многом автобиографический, роман А. М. Родионова «Князь-раб» (2006) является историческим, роман-притча Л. Е. Улицкой «Лестница Якова» (2015) основан на письмах из личного архива автора. Единого «ядра» – мифа, сюжета или языка, связывающего все эти тексты, помимо объекта описания – города, нами не обнаружено, поэтому говорить о наличии Бийского текста в том структурно-историософском значении, которое проявил в Петербургском тексте В. Н. Топоров, не представляется возможным. По-видимому, хотя «пресуществление материальной реальности в духовные ценности»⁵⁰ состоялось, тем не менее связь с реальным пространством остается слишком крепкой. Не случилось в русской литературе о Бийске яркого текста, который задал бы литературный канон. К тому же количество произведений о городе недостаточно велико, что не дает свершиться их преобразованию в качественно иное «целостное единство»⁵¹, диктующее автору, что писать. Уникальные семантические параметры города, как видится, на разных исторических этапах вписываются в парадигмы более крупных и системных образований, являются элементами Сибирского и провинциального сверткестов.

Стройная линия преемственности *исторических* ролей и образов города Бийска при анализе *художественных* произведений начинает искривляться, превращаться в «сад расходящихся тропок» (Х.-Л. Борхес), в веерные возвращения к уже бывшему и сказанному. Линейное время закругляется, пространство мифологизируется. Указанные обстоятельства повлияли на логику подачи результатов исследования. В приоритете не хронологическая последовательность образов города от его возникновения до настоящего момента и не последовательность текстов по датам публикаций, а своего рода тезаурус образов города.

⁵⁰ Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы». С. 259.

⁵¹ Там же. С. 261.

Военный острог. Подобно изначальным русским городам Сибири – Тюмени, Тобольску, Томску, Енисейску, Иркутску – Бийск вырастает из военного острога, а именуется по названию реки, на которой стоит. Бийская этиология связана с эпохой Петра I и этногенезом сибиряков. Так, Бронька Пупков, герой рассказа В. М. Шукшина «Миль пардон, мадам!» (1968), хвастает: «Откуда, мол! Вековечные сибирские... Мы от казаков приходим, которые тут недалеко Бий-Катунск рубили, крепость. Это еще при царе Петре было. Оттуда мы и пошли, почесть вся деревня...» (Шукшин, т. 3, с. 173). Для семиотики любого города особо важными является его имя, место, миф об основании или основателе. Как и у многих городов Урала и Сибири главным демиургом Бийска был Петр Великий⁵². «Птенец гнезда Петрова» М. П. Гагарин, чьим непосредственным указом был основан острог, лишь воплощает царственную творящую волю, притом не вполне успешно. Подлинным создателем нового города и нового этноса считается Петр I. Так, в сценарии документального фильма о Бийске «Наш город» (1967) осуществлена явная проекция на начало поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник»: «Здесь будет город заложен...»⁵³. Кадроплан фильма следующий: «3. Указ Петра об основании «Бий-Катунска». 4. Дикое место. Бия. “Вот здесь указал Петр...”»⁵⁴. Симптоматично, что в 2010 году в городе был установлен конный памятник Петру Великому, прозванный местными жителями «Сибирским Медным всадником».

В историческом романе А. М. Родионова «Князь-раб» (о первом губернаторе Сибири) упоминание об основании города, с одной стороны, обеспечивает достоверность повествования. Петр I пеняет Гагарину, что калмыки спалили первый русский опорный пункт в Южной Сибири – Бикатунский острог (существовал с 1709 по 1710 год). С другой стороны, примечательна реплика государя: «И что за

⁵² Ср., с историей основания Перми в: *Абашев В. В.* Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000. С. 117–119.

⁵³ *Пушкин А. С.* Медный всадник // Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. М.; Л.: АН СССР, 1949. С. 375.

⁵⁴ *Шукшин В. М.* Вопросы самому себе. М.: Молодая гвардия, 1981. С. 73.

воеводы такие, у коих вчера был город, а ныне нет города! Ты вот в новую столицу приехал, а одного города не довез!»⁵⁵. Приписывание реальным историческим лицам не подтвержденных документами высказываний, несомненно, выявляет авторскую концепцию. Бийск по своему положению на рубеже страны и политической функции (закрепление территориальных границ, пункт на стратегически важном военном и торговом маршруте) является своего рода проекцией Петербурга, его эквивалентом. Уничтожение острога – знаково, может быть прочитано как начало воплощения эсхатологического пророчества петровских времен: «Петербургу быть пусту»⁵⁶. Гагарин мысленно сокрушается: «Так оно и будет по вся годы... <...>. Так и будут шастать воры (калмыки – *Т. Б.*), пока эта прореха великая от Томи до Иртыша не будет зашита суровой ниткой. Ох! великая заплатка нужна на прореху! Бикатунь оказалась малой латкой, да и какой окажется еще одна...»⁵⁷. Современный Бийск стоит на месте второй Бикатунской крепости, сооруженной в 1718 году примерно на 20 км ниже по течению Бии от первой крепости. Но датой основания города считается возникновение первого острога. Значит, Бийск рождается дважды⁵⁸, причем оба раза он возникает как бы на месте пустоты, зияния. Энтропийные силы в периферийной Сибири, весьма отдаленной от нового центра России, гораздо могущественнее. Государству требуются дополнительные усилия, чтобы заполнить опасное Ничто.

Интересно, что в романе В. Я. Зазубрина «Горы» (1933) о коллективизации и начала индустриализации Бийск обозначен термином, возвращающим к основанию города: «Армии собственников отступали. Отряды победителей закладывали свои опорные *крепости* (курсив мой. – *Т. Б.*) – фабрики зерна, масла, мяса» (ОА, т. 3, с. 35). Для мифопоэтической модели характерно циклическое время, повторяемость событий на новом витке истории: «Медведей, маралов и козлов вытес-

⁵⁵ Родионов А. М. Князь-раб: в 2 т. Т. 1. Новосибирск: Сова, 2006. С. 15.

⁵⁶ Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы». С. 262.

⁵⁷ Родионов А. М. Князь-раб. Т. 1. С. 454.

⁵⁸ В названии города невольно прочитывается семантика двойственности: «би» = «дважды». Однако, этот смысл не подтверждается достоверной этимологией слова.

няли алтайцы, алтайцев – русские, русских старожилов – новоселы» (ОА, т. 3, с. 47). Вот и теперь крестьян-собственников насильственно объединяют в коллективные хозяйства с целью обеспечения роста промышленности. Инвариантное событие мировой истории – выдавливание слабого более могучим – зиждется на постулате социал-дарвинизма: «Выживает сильнейший». Отмечая кольцевую композицию романа, А. И. Куляпин интерпретирует ее как проявление писательской концепции деградирующего мира: «История вступает в очередной цикл, но новый каждый виток приближает мир к его окончательной гибели»⁵⁹.

Индивидуально-авторская круговая модель исторического времени в связи с пространством Бийска, Алтая, страны⁶⁰ находит подкрепление в локальной мифологии. Район слияния Бии и Катунь имел не только важное военно-торговое значение, но и сакральную ценность для всех обитавших здесь когда-либо народов. Б. Х. Кадиков отмечает, что в разных культурах место образования большой реки из двух других крупных рек, как правило, почиталось священным. Возле таких мест ставили святилища, со временем вокруг них появлялись поселения⁶¹. Многие сибирские города (Тобольск, Томск, Искер, Кузнецк, Абакан) возникли у слияния рек на месте древних религиозных пунктов. Существует мнение, что в зоне образования реки Обь стоял легендарный идол Золотой Бабы⁶². По мнению С. Ю. Исупова, русский острог, поставленный в районе древнего капища, как бы знаменовал победу пришельцев над местными духами. Старинные кержацкие

⁵⁹ Литературная мифология Алтая. С. 114.

⁶⁰ Одно из проявлений мифопоэтической картины мира – явление партиципации, т.е. отождествления части и целого. Так, о долине Талицы написано: «В меньших размерах история ее слово в слово повторила историю заселения всей страны» (ОА, т. 3, с. 67).

⁶¹ Встреча рек Бии (алт. «господин») и Катунь (алт. «госпожа») в легендах народов Горного Алтая толкуется как брачный союз. См. варианты этимологии гидронимов в: *Молчанова О. Т.* Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд. Алт. кн. изд-ва, 1979. С. 138–139, 215–217.

⁶² *Кадиков Б. Х.* Главы из истории: образование Бийска // Бийск. 1993. № 1. С. 11. Загадка месторасположения Золотой Бабы является сюжетобразующей в урало-сибирской беллетристике. См.: *Мароши В. В.* Использование мифопоэтического ресурса в современной региональной прозе: охота за Сорни-Най // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург: Союз писателей, 2007. Вып. 3. Т. 2. С. 266–278.

предания утверждали, что именно здесь в конце мира произойдет решающая битва между силами зла и добра⁶³.

Итак, Бийск местом (в устье реки, на границе лесостепного и горного Алтая) и историей своего возникновения связан с сюжетом борьбы антагонистических сил (русских и степняков, наполненности и пустоты, порядка и хаоса, Запада и Востока, etc.).

Город грязи. «Город Бийск прежде всего город грязи», – эффектно начинается свое описание Е. П. Клевакин, помощник бийского окружного полицейского исправника, автор очерков, написанных в 1885–1886 годах. Город «расположен на ровной местности, грунтом которой было прежде русло реки, а потом образовалось болото»⁶⁴, – поясняет очеркист. В документальной прозе этого исторического периода грязь – доминанта характеристики города⁶⁵. Ситуация мало изменилась к началу XX века. Так, в очерках «По Чуйскому тракту» (1914) В. Я. Шишков негодует: «Что за бийские улицы, что за отвратительная, невообразимая грязь. Богатый, разжиревший на монгольских хлебах город не может устроить себе сносных условий жизни. Улицы – сплошная топь, вонь, мерзость, азиатчина. Дороги мостят щепой, навозом,дохлыми костями, опорками, пимами. <...> Это не улицы, а сплошные отвалы»⁶⁶. Впрочем, грязь – одна из базовых черт образа любого провинциального городка⁶⁷.

Реалистичные картины местечкового убожества приобретают мифопоэтические коннотации в романе В. Я. Зазубрина «Горы». Грязь в его трактовке есть проявление природного хаоса, конфликтного человеческого порядку: «Царь тут

⁶³ *Исупов С. Ю.* Крепость Бийская есть главная... Барнаул: Азбука, 2009. С. 28.

⁶⁴ *Старцев А. В.* Клевакин Е. П. Очерки о бийской жизни // Культурное наследие Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. С. 116.

⁶⁵ *Дегтярев Д. С.* Город Бийск глазами ученых... С. 25.

⁶⁶ *Шишков В. Я.* Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Барнаул; Кемерово: Технопринт, 2018. С. 90.

⁶⁷ См., например, описание типичных провинциальных городов Весьегонска (*Лурье М. Л.* «Весьегонск городишко пребеднейший» (Взгляд на уездный город в путевых заметках XIX века) // Провинция как реальность и объект осмысления. Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 2001. С. 132) или Ельца (*Кривонос В. Ш.* От Марлинского до Пригова: Филологические студии. Самара: СГПУ, 2007. С. 122).

сковал столько людей. Природа – дикая и своевольная была свободна. <...> Стихия, враждебная человеку, наступала на улицу пылью, грязью, лезла травяной зеленью между камнями редких мостовых, грибной ржавчиной разъедала стены, осыпала штукатурку. Человек здесь только бередил, а не укрощал стихию. Она отбирала у него на завтра все, что он завоевывал у нее сегодня. Особенно остро Безуглый почувствовал ее необузданную силу в Бийске, когда возвращался от ямщика в гостиницу. <...> Безуглый сходил с тротуарных деревянных настилов через каждые пятьдесят метров. Они обрывались в озерообразных лужах, в глубоких ямах, в буграх мусора. <...> Дорога под ногами опасно прогибалась. Он с опаской смотрел на редкие высокие дома. Ему казалось, что под ними также зыблется почва и что они каждую минуту могут исчезнуть в колыхающейся утробе земли. <...> Он понял, что слушает шумы вечного движения мира, его непрерывных превращений» (ОА, т. 3, с. 108–109).

Главная битва, которая происходит в бийском локусе, – это сражение Цивилизации и Природы. Универсальная для любого города конфликтная ситуация время от времени разрешается катаклизмами (наводнение, пожар, землетрясение и пр.)⁶⁸.

В Бийске ток мировой энергии наиболее ощутим. Как и все города «эксцентрического» типа, Бийск, расположенный «на краю» и на перекрестке (рядом с устьем реки) описывается при помощи антитезы «естественное / искусственное»⁶⁹. Сравним с идеей Н. П. Анцифорова, подхваченной В. Н. Топоровым: «Петербург ... оказывается не результатом победы, полного торжества культуры над природой, а местом, где воплощается ... двоевластие природы и культуры...»⁷⁰. Вечная борьба стихии и культуры применительно к городу может истолковываться в русле «победы разума над стихиями» или как «извращенность естественного

⁶⁸ В духе социал-дарвинизма социальные процессы у Зазубрина аналогичны природным: «Он видел, как в обвалах войн и революций, точно в первозданном хаосе, шли горнообразовательные процессы, возникали материи нового мира» (ОА, т. 3, с. 119).

⁶⁹ Лотман Ю. М. Символика Петербурга. С. 321.

⁷⁰ Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы». С. 289.

порядка»⁷¹. Для Зазубрина более приемлем первый вариант. Писатель использует типичную советскую метафорику тех лет: революция-стихия (20-е годы), «преодоление стихии и стихийности» (1930-е годы)⁷². Более того, подобный сюжет взаимоотношений Хаоса и Космоса усматривается в символическом пространстве всей Сибири. Анализ географической составляющей русской поэзии XVIII–начала XX века показал, что «Сибирь попадает в категорию Хаоса», однако «Хаос постепенно организуется к началу XX века»⁷³. Как видим, индивидуально-авторская мифология Бийска строится по лекалам любого города, шире – любого пространства, находящегося на границе «своего» и «чужого», в процессе освоения «чужого» «своим».

Таким образом, грязь – одна из констант Бийска конца XIX–начала XX века, может быть маркером провинциального захолустья внутри оппозиции «столица – провинция» (В. Я. Шишков), а может и подвергаться мифологизации в системе отношений «Природа – Цивилизация», «Хаос – Космос» (В. Я. Зазубрин).

Город-узилище. Слово «острог», как известно, означает не только определенный тип укрепления, но и тюремное сооружение. А. М. Родионов описывает строительство Белоярского острога (1717, будущий город Новоалтайск), который поставили за год до второго Бикатунского. Обе крепости позднее вошли в состав старой Колывано-Кузнецкой оборонительной линии (1741–1768). Семантика обоих острогов типологически сходна. Крепость строят крестьяне. Согнаны они для работы насильственно: «Ты думаешь все тут доброволь робят? И мне тоже с мово промыслу под Осиновым улусом коло Кузнецка силой сдернули, – заключил Комар, вертя топор, который ему против всунули да и заставили им помахивать»⁷⁴. Возводимое подневольными людьми строение, призванное оберегать его жителей от нападений кочевников, ощущается персонажами как гибельный локус: «Пло-

⁷¹ Лотман Ю. М. Там же.

⁷² Куляпин А. И. История и миф в романе В. Зазубрина «Горы». С. 107.

⁷³ Лавренова О. А. Географическое пространство в русской поэзии XVIII–начала XX в. (геокультурный аспект). М.: Институт Наследия, 1998. С. 80.

⁷⁴ Родионов А. М. Князь-раб: в 2 т. Т. 2. Новосибирск: Сова, 2006. С. 210.

щадка крепостная на всхолмье как будто пустилась в глубь возвышения, стены вдавливали человека в землю не только своей тяжестью, сколько их грузным видом. Через неделю-другую из-за стены не стало видно и окрестных сосен. Тогда Степан и Михайла молча переглядывались, и каждый понял товарища – сами себя в узилище засадили...». Впрочем, движение по вертикали обратимо, углубление компенсируется возвышением: «...сидели они вместе с Кривощekom на верху башни на двадцатом ее венце. Они каждый день ее поднимали, ряд за рядом, и она поднимала их, возносила...»⁷⁵. Вот почему, помимо персонажей, желающих сбежать из острога, есть такие, для которых это пространство становится родным: «Кривощек, будто забывшись, что робит исподволь, делал свое дело аккуратно <...>. Рубил – будто себе избу ставил»; «Прикипел я к этой крепости, будь она не ладна...»⁷⁶. Характерная для семантики острога амбивалентность, компенсация физической неволи свободой творческой самореализации найдет дальнейшее подкрепление в бийских эпизодах романа Л. Е. Улицкой «Лестница Якова».

Бийск середины 1934–1937-х годов описан в письмах Якова Осецкого, героя романа Л. Е. Улицкой. Персонаж, как и его прототип, дед писательницы Яков Самойлович Улицкий, оказался в городе из-за ссылки. В Новосибирске ссыльному предложили несколько городов, он «наугад» выбрал Бийск, который описывает объективно, как ученый: «город небольшой, река Бия, холодная многоводная сибирская река. Вероятно, культурных людей мало. <...> Город равнинный, но очень близко высокие алтайские горы, куда туристы и едут. Но самый Бийский район не горный, а равнинный...» (с. 535–536)⁷⁷.

Являясь своего рода «внесистемным» человеком, Яков смотрит на провинциальный город извне, вынося о нем суждения и оценки. Так, посещение вечеринки удосуживается следующего комментария: «Провинциальное веселье весьма ограничено. Масса дурного вина и еды, и шум как суррогат веселья. Чем громче,

⁷⁵ Там же. С. 211.

⁷⁶ Там же. С. 211–212.

⁷⁷ Здесь и далее до конца параграфа в круглых скобках указаны страницы по изданию: *Улицкая Л. Е. Лестница Якова*. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. 732 с.

тем веселее. <...> Тут я чувствую себя провалившимся в какой-то средней руки русский роман девятнадцатого века. Это русская провинция – как будто ничего не меняется со времен Островского...» (с. 549–550)⁷⁸. «Провинциальный мещанский городок с его затхлым бытом», бессобытийным циклическим временем⁷⁹ служит контрастом наполненной смыслом и целесообразностью интеллектуальной жизни героя. «Острое чувство интеллектуального вакуума» в невежественной глуши, как правило, сопровождает сюжет о пребывании столичного жителя в провинции⁸⁰.

Поработав тапером в танцклассе, Яков иронизирует: «...фокстротизация Бийска идет неимоверным темпом. Целые учреждения от курьера до председателя записываются в танцклассы. Такие солидные люди, как председатель Маслотреста, местный прокурор и начальник местной милиции, фокстротируют! Скоро, вероятно, дойдет речь и до банка. Солидные люди прячут свое смущение за ширму коллективности: весь коллектив танцует, неудобно отставать» (с. 549).

Данный пассаж напоминает известные эпизоды романа М. М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: безудержный фокстрот под «Аллилуйя» В. Юманса в Доме Грибоедова и коллективное безумие, которое охватило сотрудников Варьете и проявлялось в неконтролируемом хоровом пении. В 1932–1941-х годах массовый танец и песня выступали как «выражение счастливой жизни в стране победившего социализма»⁸¹. Как видим, массовая культура Бийска, вопреки сложившемуся стереотипу об отставании провинции от столицы⁸², идет в ногу со временем. Но и

⁷⁸ Творчество А. Н. Островского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. И. Успенского, А. П. Чехова вслед за «Мертвыми душами» Н. В. Гоголя является основой канона изображения провинции в художественной литературе и публицистике. См.: *Казари Р.* Русский провинциальный город в литературе XIX в.: парадигма и варианты // *Русская провинция: миф – текст – реальность.* С. 164–170; *Строганова Е. Н.* «Миниятюрный мир» провинции в русской прозе 1830-х – первой половины 1840-х гг. // Там же. С. 200–203; *Лурье М. Л.* «Весьегонск городишко пребеднейший». С. 139–140.

⁷⁹ *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 325.

⁸⁰ *Лурье М. Л.* «Весьегонск городишко пребеднейший». С. 130.

⁸¹ *Алякринская М. А.* Танец и идеология: фокстрот в советской культуре 1920–1930-х гг. // Вестник СПбГУКИ. 2012. № 3. С. 27.

⁸² В России «движение в направлении столица → глубинка фактически означало путешествие во времени», из настоящего в прошлое (*Зайонц Л. О.* Русский провинциальный «миф» (К про-

такой Бийск выступает контрастом музыкальным интересам героя, не зависящим от веяний моды.

Самодостаточность Якова Осецкого при любых внешних обстоятельствах, связанная с умственным характером его труда, работой с книгами, музыкальными занятиями, позволяет ему написать: «Я сейчас живу идеально» (с. 553). В Бийске шло накопление интеллектуальных сил, здесь Яков, в московской жизни отдалившийся было от музыки, с которой был связан с детства, к ней вновь приблизился – начал писать трехтомный учебник по мировой музыкальной культуре. На Алтае Яков чудесным образом вылечился от кожной экземы, периодически поражавшей его на протяжении 20 лет. Единственное, что способно подкосить героя и превратить «райское» существование в подобие ада – разлука с женой: «...само твое присутствие около меня – лучшее лекарство, которое освобождает меня от этой болезни. И не в физиологическом смысле, а в более возвышенном!» (с. 558).

История взаимоотношений Якова с женой строится как челночное движение: вместе – порознь. Разлука – время учебы Маруси в Москве (1911), служба Якова вольноопределяющимся (1912–13), в военном оркестре (1916), каникулы Марии с сыном в Крыму (1925), ссылка Якова в Сталинград (1931–1933), в Бийск (1934–1937), развод и работа на руднике, наконец, Абезьский лагерь для инвалидов. Каждое отдаление от главного человека в жизни Якова – Марии – происходит все более болезненно, увеличивается расстояние между супругами, срок разлуки, вместе с тем ослабляется и привязанность Марии к мужу. Путь Якова подобен спуску Данте по кругам ада⁸³.

Именно в Бийске происходит окончательный разрыв. Мария почти не пишет писем, заводит роман, подает на развод. Яков еще не знает о произошедшем, но остро ощущает одиночество: «Такое чувство затерянности в сибирских про-

---

блеме культурной типологии) // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 427).

⁸³ Эта аналогия ранее была употреблена А. И. Солженицыным в сходном историческом контексте. Как известно, роман «В круге первом» строится на уподоблении спецтюрьмы, где трудятся советские ученые, первому кругу ада Данте, где пребывают античные мудрецы.

сторях и сознание полной беспомощности. К тому же вернулась моя шелудивая подруга экзема. Мне кажется, она вернулась от моей тоски твоим прикосновениям...» (с. 555). Таким образом, Бийск – один из кругов ада, что соответствует сложившейся в культуре мифопоэтике Сибири. Впрочем, ретроспективно, в последнем лагере около полярного круга Бийск начинает осознаваться Яковом как рай: «Второй год, с тех пор как левая нога отказала и ходить он мог только с костылем, он жил в Абези. Лагерь был худшим из всех, в которых пришлось ему побывать, а годы ссылок вспоминались теперь почти как райский сад. Осмысленные, крепкие годы, овеванные надеждой, полные планов, разнообразных замыслов, работы...» (с. 678).

«Райские» коннотации являются «общим местом» пространства Сибири, особенно Алтая. В бийском «рае», что закономерно, происходит и «грехопадение»: Яков впервые в жизни изменил Марии. Обострившуюся от разлуки с женой экзему приехала лечить «безумная Ася»: «Бурая жижа в бутылке, которую она везла за тридевять земель, должна была исцелить его от страданий. Это была миссия, а не обыкновенная поездка дальней родственницы к ссыльному в декабристскую даль. Ах, как жаль, что не Маруся была на ее месте, ведь приезд жены обрадовал бы Якова гораздо больше!» (с. 595).

Как это свойственно поэтике Л. Е. Улицкой, в эпизоде излечения больного «проказой» (так называет экзему герой), сложным образом сплелось несколько сюжетов: об Иове, о Петре и Февронии⁸⁴, о жене декабриста. Бийский хронотоп метафорически отождествляется с ветхозаветной «землей Уц», что в Аравии, древнерусским Муромом и всей Сибирью XIX века. Не любимая, но милосердная Ася становится новой спутницей Якова по кругам ада.

Как видим, вырастающая из реальной острожной роли ссыльная функция города может осмысливаться символически, в категориях «ада – рая». Данная оппозиция входит в парадигмы как Сибирского, так и провинциального сверттекста.

⁸⁴ Любопытно, что в 2011 г. в Бийске поставили памятник Петру и Февронии.

Антитеза деревне. Оппозиция «Цивилизация – Природа», столь ярко и гиперболизированно проявившая себя в связи с Бийском у В. Я. Зазубрина, снижает свой накал в ностальгическом рассказе А. П. Соболева «Тополинный снег» (1978). Здесь она предстает в типичном для советской культуры варианте: «город – деревня».

Писатель прибегает к аллюзии на эпизод соперничества жеребенка и поезда из поэмы С. А. Есенина «Сорокоуст» (1920). Соревнование жеребенка и автобуса, в противовес претексту, решается оптимистично. Жеребенок обогнал сбавивший скорость автобус. Деревня, локус детского рая, в модели мира рассказчика, бесспорно, выигрывает. А город 1930-х годов, который казался ребенку «сказочным», волшебной «другой землей, другим миром» (ОА, т. 5, с. 23), взрослым сознанием отрицается как место неподлинного бытия. Ценности провинциального Бийска весьма призрачны, что раскрывается в отдаленной перспективе: мальчик испытывал «сладкий страх», когда видел женщину-паука в балагане. Фокус, рассуждает взрослый рассказчик, строился при помощи оптического обмана посредством множества зеркал.

В произведении советского писателя намечены контуры библейского сюжета о блудном сыне. Иллюзии, сманившие юношу с родных мест в малые и большие города, со временем рассеялись, а «отчий край», «родимые места» стали «землей обетованной» (ОА, т. 5, с. 21), куда и возвращается рассказчик. Сначала временно – на лечение в Белокуриху, потом мысленно – в процессе текстопостроения, наконец, посмертно – А. П. Соболев похоронен в селе Смоленском под Бийском.

Отношение к Бийску в рассказе Соболева претерпевает изменения от положительного к отрицательному: сказочный город, каким он ощущался в детстве, для взрослого становится городом иллюзий, противопоставленным подлинному раю деревни. Обратная трансформация, тоже связанная с оппозицией «город – деревня», осуществляется в автобиографическом цикле В. М. Шукшина «Из детских лет Ивана Попова» (1968). Бийск изображен дважды: в открывающем цикл рас-

сказе «Первое знакомство с городом» (там семья будущего писателя жила в 1940–1941 годах) и в заключительном рассказе «Самолет» (начало учебы Василия в автотехникуме в 1945 году). Переезд семейства в город связан с ломкой привычного уклада жизни и воспринимается десятилетним мальчиком в штыки. В первом рассказе дана реалистичная характеристика провинциального города Б.⁸⁵: «ближайший от нас, весь почти деревянный, бывший купеческий, ровный и грязный» (Шукшин, т. 3, с. 149). Затем она сменяется психологизированной и мифологизированной картиной: «...Приехали в город затемно. Я не видел его. Папка чудом находил дорогу: сворачивали в темные переулки, громыхали колесами по булыжнику улиц... Раза два он только спрашивал у встречных, встречные объясняли что-то на тарабарском языке: надо еще до конца Осовиахимовской, потом свернуть к Казармам, потом будет Дегтярный... <...>

– Скоро, скоро, – бодрится папка. – Еще свернем на одну улицу, потом в переулок – и дома.

<...> Страшно здесь, все чужое, можно легко заблудиться» (Шукшин, т. 3, с. 151).

Тревоги и опасения новоселов превращают невидимый город в лабиринт, подобие потустороннего мира. Предлагаемые этим миром ценности – электрическое освещение, игрушечный самолетик, сайка – ведут к конфликтам между мужем и женой, братом и сестрой, детьми и хозяевами дома. Истинными ценностями для подростка остаются родная река и степной простор, деревня, которую он вынужденно покинул и куда пытается вернуться. В то же время город – место реализации мечты для взрослых: устройство рабочим на фабрику или в мастерскую для отчима, курсы портних для матери.

Подобная двойственность городского локуса сохраняется в последнем рассказе цикла «Самолет». С одной стороны, подчеркивается негативный опыт: «Го-

---

⁸⁵ Сокращенная номинация города не только позволяет его «зашифровать», но и отчасти лишает индивидуальности, подчеркивает типичность провинциального городка. См. подробнее: *Белусов А. Ф.* Символика захолустья (обозначение российского провинциального города) // *Геопанорама русской культуры*. С. 457.

родские ребята не любили нас, деревенских, смеялись над нами, презирали» (Шукшин, т. 3, с. 168). Сформированный этими конфликтами «травматический комплекс», считают исследователи, позднее обусловил противостояние города и деревни в творчестве В. М. Шукшина⁸⁶. С другой стороны, повторяющийся в первом и последнем рассказах образ самолета не просто создает кольцевую композицию цикла⁸⁷, но и подчеркивает изменения в личности повзрослевшего героя. Если игрушечный самолет ссорит брата и сестру, то настоящий самолет выполняет не прагматическую, а символическую функцию: переносит из мира быта и фальши в мир мечты. Город становится для повзрослевшего подростка тем, чем он был для его родителей – пространством открывающихся возможностей. Задается иной вектор пути, чем в первом рассказе: не из деревни в город и обратно, а из деревни в город и дальше, в иные города и страны. Не случайно в интервью 1967 года В. М. Шукшин признавал, что с Бийска «началось мое знакомство с большой жизнью» (Шукшин, т. 8, с. 146). Данью признательности городу можно считать тот факт, что в 1967 году Шукшин принял участие в создании документального фильма о Бийске «Наш город». Он снялся в главной роли – «человека, сравнивающего по личным впечатлениям старый и новый Бийск»⁸⁸.

Таким образом, оппозиция «город – деревня», отчасти совпадая с оппозицией «столица – провинция», образует триаду: «столица – провинциальный город – деревня». Слева направо происходит увеличение патриархальности и стабильности, этнографической уникальности и культурной инаковости. Эта динамика может психологически переживаться субъектом как положительно («малая родина» – спасительный оплот), так и негативно (отсталость, ограниченность, оковы).

Город-медиатор. В момент возникновения Бийска главной функцией острога была оборонительная – закрыть границу. Не случайно в романе

⁸⁶ Козлова С. М. «Из детских лет Ивана Попова» // Шукшинская энциклопедия. Барнаул: ИД «Барнаул», 2011. С. 144.

⁸⁷ Калашникова Т. А. Из детских лет Ивана Попова // Творчество В. М. Шукшина: в 3 т. Т. 3. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 116.

⁸⁸ Муравинская Л. И. Бийск // Там же. С. 285.

А. М. Родионова крепость ассоциируется с «заплаткой» на месте «прорехи» от Томи до Иртыша⁸⁹. Когда военная угроза со стороны степняков исчезла, на первый план вышла иная функция города – медиативная, соединительная. Соответственно, актуальной стала иная образность. Известно высказывание Г. Н. Потанина: «Бийск – это “окно в Европу” для Монголии» (письмо С. Ф. Ольденбургу от 12 августа 1917 года)⁹⁰. Сибирский областник использует крылатую фразу, отнесенную А. С. Пушкиным в «Медном всаднике» к Петербургу, на момент основания тоже пограничному городу. Для экстерриториальных городов, как было отмечено выше, характерно употребление образов, соединяющих в себе идею «замкнутости / разомкнутости»: окно, дверь, ворота. Интересно, что в реплике Потанина вектор пути обратный сложившемуся: не из европейской России в азиатскую Сибирь, а из Монголии в Европу. Былой агрессивной, захватнической стратегии государства противопоставлена новая, дружески-посредническая.

То обстоятельство, что Бийск стоит в начале Чуйского тракта, обуславливает композиционную роль бийского локуса в художественном тексте: он открывает и / или завершает сюжет, основанный на хронотопе дороги. Так, Бийск появляется в первой главе путевых очерков В. Я. Шишкова «По Чуйскому тракту». В рассказе К. Г. Паустовского «Правая рука» (1943) при мифопоэтическом его прочтении Бийск оказывается своего рода границей между миром живых и мертвых. В начале рассказа именно из Бийска герой попадает в Белокуриху, наделенную признаками раеподобного пространства. В конце рассказа герой уходит пешком в Бийск на железную дорогу, чтобы окончательно «ожить»⁹¹. Бийском начинается и заканчивается рассказ М. И. Веллера «Конь на один перегон» (1983). Кольцевая композиция как бы затягивает лассо-удавку на шее неликвидного коня и его двойника-перегонщика (ОА, т. 5, с. 375–386). Наконец, в биографии авторов и их

⁸⁹ Родионов А. М. Князь-раб. Т. 1. С. 454.

⁹⁰ Потанин Г. Н. Письма Г. Н. Потанина: в 5 т. Т. 5. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1991. С. 149.

⁹¹ Куляпин А. И. Мифогеография города-курорта Белокуриха...

героев Бийск «есть рубеж», своего рода ворота в жизнь, город «встречает и провожает людей», «учит их профессии», «учит быть человеком», – говорил В. М. Шукшин (Шукшин, т. 8, с. 146–149).

Завершая обзор основных образов Бийска, позволим себе процитировать Якова Осецкого / Улицкого. Бийск «как тема для экономической монографии не очень богатый. Но чем беднее тема, тем многостороннее ее можно развернуть. Она должна быть развернута до стадии исчерпания» (с. 536). Как тема для геопоэтического исследования Бийск тоже не самый продуктивный город. Мы, конечно, не ставили себе заведомо утопическую задачу исчерпать эту тему, но постарались развернуть ее как можно более разносторонне.

3.1.2. Повесть П. А. Бородкина «Тайны Змеиной горы» как начало традиции геопоэтического осмысления Змеиногорска

Змеиногорск – это горнозаводской центр, который по принципу синекдохи репрезентирует русский Рудный Алтай целиком.

Основателем горнозаводской промышленности на Алтае был владелец уральских предприятий А. Н. Демидов⁹². С 1745 года главным поставщиком серебряно-свинцовых руд и самородного золота для Колывано-Воскресенских заводов стал Змеевский рудник. Из Змеевской крепости, защищавшей рудник от набегов кочевников, вырос промышленный поселок, дважды в XIX и XX веках получавший статус города. Наиболее активная фаза разработок подземных ресурсов при-

---

⁹² *Бородаев В. Б., Контев А. В.* Возникновение российского сереброплавильного производства на Алтае и основание города Змеиногорска // *Серебряный венец России (Очерки истории Змеиногорска)*. Барнаул : Изд-е управления архивного дела администрации Алтайского края, 1999. С. 73–128. Акинфий Демидов ни разу не посетил Колывано-Воскресенские заводы, что не мешало возникновению народных рассказов о нем (о золотой карете или колесе, о проклятии Демидовым Барнаула). В алтайском фольклоре отсутствуют династический миф о заводовладельцах, специфичный для уральского текста (см.: *Никитин А. С.* Династический миф в уральском тексте // *Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки.* 2010. № 2 (76). С. 145–155). Вместо Демидовых статус абсолютных «царьков» своих владений делегирован управляющим, наместникам-самодурам.

шласть на вторую половину XVIII–первую треть XIX века, когда все Колывано-Воскресенские заводы перешли в распоряжение императорского Кабинета (1747). В это время Алтай, наряду с Уралом, был одним из крупнейших горнозаводских районов и основным источником серебра для всей Российской империи⁹³.

Горная часть Колывано-Воскресенских заводов, их рудная база – Змеиногорск и Колывань. Образ этого пространства складывался, как минимум, в трех системах словесных текстов: фольклоре, документальной прозе (пуевых очерках и др.) и художественной литературе. Первые два корпуса материалов уже становились предметом внимания историков и в некоторой степени фольклористов⁹⁴. Здесь же материалом анализа стали обнаруженные нами художественные произведения о городе. Фольклорные и историко-географические тексты привлекаются по мере необходимости для расширения контекста.

Первыми работниками на Алтае были приезжие с Урала. Видимо, поэтому фольклор горнозаводских рабочих Алтая и Урала сходен. Так, общими являются представления о «чуди», древних разработчиках руды; о Великом Полозе или Горном змее, хозяине горных недр; об удачливых беглецах с тяжелейшей заводской работы (на Алтае – Сорока, Криволицкий); о Демидове и его наместниках, о стрельбе в жестоких управителей; о построении плотины, обязательной для металлургического завода и др. Разработка Змеиной горы создала разветвленную подземную сеть ходов, что актуализировало мифологические представления о потустороннем, тайном, запретном, опасном или спасительном (Змей карающий; Змей или Ермак, указующий клад; путь в Беловодье через подземные ходы).

⁹³ Ведерников В. В. Особенности формирования образа горнозаводского Алтая в сочинениях современников (вторая половина XVIII – первая треть XIX в.) // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: Исторические науки и археология. 2015. № 3/2 (87). С. 42.

⁹⁴ Там же; Дегтярев Д. С. Змеиногорск глазами ученых и путешественников XVIII–XIX вв. // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: Исторические науки и археология. 2015. № 3/2 (87). С. 68–71; Шнайдер С. Н. Змеиногорск: память о закладной жертве в истории города // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: БГПУ, 2008. Вып. 7. С. 489–490; Феоктистова И. К. Повествования о Горном Батюшке в сборниках А. Мисюрева: вопросы жанра и формы бытования // Вестник Омского университета. 2011. № 3. С. 226–231.

В историко-географических трудах исследователей и путешественников XVIII–XIX веков сложился довольно неоднородный образ Рудного Алтая. Согласно наблюдениям В. В. Ведерникова, ученые, посещавшие Колывано-Воскресенские заводы, задумывались о перспективах сереброплавильного производства, о геологических процессах с точки зрения нептунической (Г. В. Ренованц) и плутонической (А. Гумбольдт) теорий. Следы деятельности древнего народа «чуди» сформировали представление о былом населении Южной Сибири. Процесс политического присоединения Алтая к Российской империи в XVII–XVIII веках, сопровождавшийся строительством острогов для защиты от нападений Джунгарского ханства, и процесс стихийной земледельческой колонизации расценивались как основа мирового успеха алтайского горного дела и эффективного развития сельского хозяйства в регионе⁹⁵.

Образ Змеиногорска в научно-популярной и путевой прозе первой трети XIX века формировался под влиянием двух реальных объектов: рудника и конной железной дороги, соединявшей его с сереброплавильным заводом. Ландшафтной доминантой была Караульная сопка, возвышавшаяся над окрестностями, внимание привлекали также пруд, возникший благодаря плотине, и река Змеевка у подошвы Змеиной горы⁹⁶. Путешественники создавали достоверное описание Змеиногорска и окрестностей⁹⁷. Немецкий географ К. Риттер, описывая в книге 1832 года выдающиеся технические достижения города, резюмировал: «...в истории цивилизации на Алтае (Змеиногорск. – Т. Б.) повторяет ту же роль, которую сто лет назад играл Екатеринбург на Урале, на границе между Азией и Европой»⁹⁸. Несколько позднее областник Н. М. Ядринцев в путевых записках «Сибирская Швейцария» (1880) проводил аналогичное сравнение: «Всем известно значение Екатеринбурга, славящегося каменными и гранильными произведениями <...>. Но едва ли многие знают о подобных же произведениях Алтая <...> из недоступ-

⁹⁵ *Ведерников В. В.* Особенности формирования образа горнозаводского Алтая...

⁹⁶ Там же. С. 47.

⁹⁷ *Дегтярев Д. С.* Змеиногорск глазами ученых... С. 71.

⁹⁸ Цит. по: *Ведерников В. В.* Особенности формирования образа горнозаводского Алтая... С. 47.

ных гор Алтайских, несомненно более величественных и прекрасных, чем Урал, и таящих не меньше сокровищ» (ОА, т. 1, с. 308).

Камнерезное искусство Алтая и связанные с Кольванью фольклорные материалы, собранные А. А. Мисюревым в 1930-х годах⁹⁹, к сожалению, не получили на Алтае столь же талантливой литературной переработки, как это случилось с уральским фольклором в творчестве П. П. Бажова. Тем не менее параллель Змеиногорского края и Урала оказалась едва ли не обязательным элементом образа региона, сформированного как в местной народной среде, так и в международной документальной прозе.

Подобно Екатеринбург, Змеиногорск очень долгое время не становился объектом описания в художественной литературе. Такая ситуация, по наблюдению Ю. В. Клочковой, складывается с «запланированными» городами. Города-заводы, созданные для укрепления промышленной базы страны, изначально существуют в полувоенном режиме, ориентированы на инженерно-технические, а не на эстетические достижения. Поэтому их литературное осмысление запаздывает¹⁰⁰. Если первый значительный художественный образ уральского города возник в 1880-х годах в прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка, то алтайскому городу, значительно более отдаленному от просвещенных центров страны, пришлось ждать еще около восьмидесяти лет. Между тем, по мнению В. В. Абашева, «только в художественной литературе локальные тексты достигают той высокой степени осмысленности и завершенности, которая вводит их в культуру»¹⁰¹. На Урале людям, привыкшим к бескрайней *широте* русской равнины, открылась одушевленная *глубина* пространства, хранящая сокровища – «хтонически окрашенный

⁹⁹ Мисюрев А. А. Легенды Горной Кольвани / сост. А. М. Родионов. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. 294 с.

¹⁰⁰ Клочкова Ю. В. Образ Екатеринбурга / Свердловска в русской литературе (XVIII – середина XX вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. С. 11.

¹⁰¹ Абашев В. В. Русская литература Урала. С. 13.

уральский теллуризм»¹⁰². Нечто подобное, полагаем, произошло и при геопозитическом освоении Рудного Алтая.

Первое художественное сочинение об истории освоения Змеиногорского края – «Тайна Змеиной горы» (1966). Автор П. А. Бородкин (1918–1986) был профессиональным историком и краеведом, сотрудником Алтайского государственного архива, соавтором пятитомной академической «Истории Сибири». Он прекрасно владел материалом и, органично переплетая историческую и художественную правду, сочинил повесть, выдержавшую несколько переизданий.

Писатель опирался на различный по происхождению комплекс представлений о Рудном Алтае: научные, документальные и фольклорные данные. Так, утверждение Н. М. Ядринцева, что люди Демидова разыскивали металлы «по старым чудским копиям и шурфам, где люди медного века проложили дорогу новой культуре» (ОА, т. 1, с. 308–309), становится элементом нарратива в повести; археологическая находка, упомянутая П. С. Палласом, посетившим Алтай в 1771 году, и его современником геологом Г. М. Ренованцем¹⁰³, оказывается воспоминанием персонажа.

Историко-географические и публицистические труды обеспечили достоверную «плоть» повествования. Фольклорные источники в большей степени повлияли на создание ментальной характеристики работников рудника: «О рудных сокровищах Змеевой горы ходили упорные людские слухи. Говорили, что под каменным покрывалом горы текли реки расплавленного золота и серебра. Но к ним не было доступа смертному человеку. Зорко охранял сокровище Горный змей – коварное чудовище о семи головах. От одного его пронзительного свиста все живое превращалось в прах» (с. 23)¹⁰⁴.

Автор-реалист не допускает развития ложных, на его взгляд, мифологических представлений. Федор Лелеснов, рассуждает рационально и принимает ре-

¹⁰² Там же. С. 26–28.

¹⁰³ Водерников В. В. Особенности формирования образа горнозаводского Алтая... С. 44.

¹⁰⁴ Здесь и далее до конца параграфа в круглых скобках приводятся указания страниц по изданию: Бородкин П. А. Тайны Змеиной горы. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1970. 231 с.

шение вести геологическую разведку на Змеевой горе: «Может, того чуда и в помине не бывало. А простых змей доводилось мне сотнями на костре сжигать» (с. 24). Все попытки мистических толкований последовательно пресекаются. Так, когда Иван Соленый делает кольцо из конской упряжи вокруг места ночлега, «колдовство» объясняется просто: «...змея конского поту не переносит, через волосяную веревку не переползет» (с. 24). «Резкий пронзительный свист» (с. 26), который слышит пострадавший в подземном обвале Федор, оказался спасительным призывом друга, который его искал, а не смертельным свистом Горного змея. Вера в Горного змея, в конце концов, исчезает даже у детей, наиболее восприимчивых ко всему фантастичному: «Брехня тот змей. Все говорят – змей, змей. А кто видал его? Если самделишный, то в гору не пустил бы никого и свое отродье в обиду не дал бы» (с. 137). Здесь речь идет о приказе начальства убивать ядовитых змей, минимум пятьдесят на семью за день. Случалось, что от укусов гадюк умирали дети, тогда похороны справлялись за счет рудника: «...совершалась торжественная, проникновенная служба за упокой душ, погибших в борьбе с “лютым змием”» (с. 108).

Постепенно П. А. Бородкин укрепляет читателя в мысли, что все беды от Змея, на самом деле, – беды от начальства. «Каменная утроба» Змея-горы, в которую «ломились» люди (с. 106), начинает их как бы пожирать, погребая в обвалах. Вдова погибшего бергайера кликушествует: «Огню предайте себя, но не тревожьте змея семиглавого! Сушит-крушит ентот змей проклятый всех, кто в его логово заглядывает. Морской волной накрывает за дерзость и непочтение к себе. Изы-ыди-и-те от змея! В том спасение ваше, люди!..» (с. 171).

Беда приходит не от мифического Змея. Вдову тайком берут под стражу, и она исчезает. Одновременно появляется могила в самом глубоком и потаенном месте горы – Крестительской штольне, где работают на пожизненной каторге неугодные местным управленцам люди, беглецы и смутьяны.

Гибель укушенных змеями детей, заваленных породой рабочих в шахтах – все эти смерти спровоцированы жадными и трусливыми представителями власти,

попирающими законы природные и человеческие. Жестокий змей обнаруживается не вовне, а внутри человека, становится метафорой душевного окаменения власть имущего человека: от жадности «холодным змеиным огоньком занялись глаза Беэра¹⁰⁵» (с. 189), в испуге перед гадюкой его лицо «окаменело» (с. 161), «стало мраморным» (с. 107), когда он задумал подлость, «немигающие бесцветные глаза казались незрячими. Потом от неожиданной и яркой вспышки в мозгу окаменевшее лицо прояснилось» (с. 128); как «каменное изваяние» застывает поручик, умиряющий справедливо возмущенных рабочих, на его лице «известковая бледность», шпага его блестит «холодной змейкой» (с. 193). Реальные змеи и уподобленные змеям люди находятся в конфликтных отношениях. Беэр неоднократно пугается змей, принимает лягушку за змею. Сержанта ужалила змея, благодаря чему Лелеснов получил возможность вместо него поехать в Барнаул. Рудознавец хотел просить у Беэра заслуженную, но взятую «на сохранение» награду за открытие Змеевского серебряного месторождения, чтобы спасти умирающую жену. В городе Федор узнает, что генерал скончался. На функциональном уровне сержант и генерал оказываются своего рода двойниками, укус змеей одного как бы приводит к смерти другого. Надежды героя на награду оказались разрушены, Беэр успел подделать документы, открытие приписали «чуди», чтобы не платить премию. Если от реальной змеи можно спастись (ранее Федор успевае отсосать яд из укуса и спасти друга Ивана), то от человека-«змеи» – нельзя. Жена Федора гибнет, как и многие другие безыменные и бесправные работники завода.

Изначально подземные недра описываются как прекрасное место: «При свете факела изломы горных пород поражали глаз разнообразием своих форм, цветов и рисунков. Сине-дымчатые и серовидные струеватые роговики поблескивали вкрапленными кварцевыми жилками, слюдяными глазками и горными хрусталиками. Разноцветные и разнотонные шпаты, кварцы и мергели были украшены

---

¹⁰⁵ Андреас Бенедиктович Беэр (1696–1751) – первый начальник Колывано-Воскресенских заводов при императорском Кабинете, личность далеко не столь однозначная, как сатирически выведенный персонаж П. А. Бородкина.

тонкими веточками горной сини, лазури, медной зелени, пятнами багрово-красной и желтой охры» (с. 26). Даже змеиная метафорика не несет отрицательной коннотации: «Сквозь тонкие каменные расселины незримо сочилась ключевая вода, скапливалась ниже, с ворчаньем текла змеистым ручейком между шпатовыми, кварцевыми и охренными камнями, со звоном срывалась в обрыв и на солнце напоминала расплавленное золото» (с. 45).

Хищническая деятельность промышленников превращает природное идиллическое пространство в подобие преисподней: «Под окрики доглядчиков рабочие спуют, как грешники в аду» (с. 52). Ярусное углубление разработок внутрь горы подобно кругам Данте¹⁰⁶: «Все дальше и глубже уходили выработки в Змееву гору. Проходка штолен велась по горизонтам. Чем ниже горизонт, тем труднее работать. Не хватало свежего воздуха <...> в горизонтальные выработки по сторонам от штолен земная свежесть не попадала.

От штолен верхнего горизонта под прямым углом или с наклоном уходили вертикальные выработки. От них на определенной глубине, смотря по рудным залежам, вновь долбились штольни. Часто они имели полуциркульные ходы и выходы. <...> ...еще рассвет не серел, а черные пасти шахт и штолен проглатывали сотни бергайеров. Ненасытно каменное чрево» (с. 129–130).

Спасение из этого ада социальной несправедливости для советского автора кроется в подпольной борьбе за свободу, напоминающей, вопреки исторической достоверности, деятельность революционеров начала XX века. После гибели жены героя удерживают от суицида слова безответно влюбленной в него Насти, своего рода «соратницы по партии»: «Тебе, Федор, жить надо. Не все руды в здешнем краю сысканы... В потаенных забоях гнут спины секретные колодники, ждут волюшки...» (с. 230).

---

¹⁰⁶ *Изотова Я. П.* Регионально-историческая геопэтика повести П. А. Бородкина «Тайны Змеиной горы» // Геопэтика Сибири и Алтая в отечественной литературе XIX–XX веков. Барнаул : АлтГПУ. 2017. С. 36.

Две доминанты горнозаводского Змеиногорска (рудное богатство и каторга заводов) совпадают с важнейшими составляющими литературного образа Екатеринбурга первой трети XIX века¹⁰⁷. В типологическом отношении, полагаем, семиотика обоих городов, несмотря на то, что они расположены на горах, тяготеет не к городам «концентрического» типа, выступающим в качестве посредников между небом и землей, а к городам «эксцентрическим», т. е. расположенным «на краю» культурного пространства¹⁰⁸. Известно, что в свое время и Урал, и Рудный Алтай были зоной фронта, т. е. подвижной границы между освоенной и не освоенной русскими территориями, «своим» и «чужим», Цивилизацией и Природой, разумным и стихийным. В случае со Змеиногорском в документальной прозе XVIII–XIX веков звучит гимн разуму, в художественном же опыте середины XX века акцент поставлен на искажении природной благодати. Окраинные города продуцируют эсхатологические мифы о себе, поэтому не удивительно, что в Змеиногорске имеется свой миф о потопе: однажды Змеиная гора уйдет под землю, яма заполнится водой, образуется озеро, в живых останутся лишь праведники¹⁰⁹.

В исторической повести П. А. Бородкина, созданной по соцреалистическим лекалам, проступают и другие универсальные мифологические схемы, связанные с характерной для Сибирского сверхтекста образной диадой «Ад – Рай» и сюжетом инициации. У Бородкина освоение нового региона Сибири начинается с описаний эдемской красоты и щедрости пространства, далее подробнейшим образом описан «адский» этап типичного сибирского сюжета¹¹⁰, а «воскресение» лишь намечено в финале. Пока же героям предстоит продолжать борьбу с метафориче-

¹⁰⁷ Ключкова Ю. В. Образ Екатеринбурга / Свердловска... С. 9.

¹⁰⁸ Лотман Ю. М. Символика Петербурга. С. 321.

¹⁰⁹ Легенды Змеиногорских рудников // Zmeinogorsk.ru. 2019. 22 января. URL: <https://zmeinogorsk.ru/legendy-zmeinogorskih-rudnikov/> (дата обращения: 21.06.2023).

¹¹⁰ Показательно, что олонецкие старцы, открывшие медное месторождение, в качестве награды попросили Акинфия Демидова выплавить колокол из этой меди для местной церкви, что и было исполнено. Позднее же святое пространство превращается в inferнальное, каторжное. В патриотической лирике современных змеиногорских поэтов эта трансформация становится «общим местом». Например, в стихотворении Т. П. Нечунаева «Колокольному Змеиногорску» город «слышал звон кандалов, <...> колоколов перезвон» (Змеиногорск в культурном пространстве Алтая. Барнаул: Аз Бука, 2002. С. 116).

ским Змеем – властью, т. е. актуализируется мифологический сюжет змеборчества.

Параллелизм змеборчества и борьбы с начальством впервые возник в колыванском фольклоре о двенадцати братьях-богатырях Белоусовых. Старший брат убил на покосе змея. Подвиг его описывается по былинным и сказочным канонам: «Змей-то вышел и лег на каменную плиту. С виду – громаднейшее бревно. Белоусов не струсил, топором его – раз! Хотел башку отсечь. С одного раза не отсек – змей проснулся, да как чихнет – искры полетели. Еще ударил – змей засвистел, завыл. С третьего раза отсек ему башку.

Змей хоть и безголовый, а живет. Обхватил его хвостом, давит, вырваться нельзя. Белоусов кричит:

– Братухи, скорее!

Братья прибежали, народ сбежался. Едва отцепили змеиный-то хвост. Голову змеиную накинули на кол – аршина три-четыре в ней будет – понесли в Колывань, песню запели»¹¹¹.

Управляющий повелел принести еще три головы. Примечательна фраза старшего брата, устанавливающая эквивалентность Змея и администрации: «Змей загубит нас или управляющий задерет»¹¹². Братья сбегают в горы. Потом неоднократно тайком возвращаются, хотят подстрелить управляющего. Если змеи из этих мест исчезли, то борьба с властными самодурами не увенчалась успехом. В одной легенде братья навсегда уходят в горы, в другой же сдаются, чтобы спасти истязаемого начальством отца, и умирают.

Оба сюжета – инициации и змеборчества, независимых по отношению друг другу и инвариантных для человеческой культуры¹¹³, переплетаются в художественных произведениях о Змеиногорске. Так, следы змеборческого сюжета

¹¹¹ Мисюрев А. А. Легенды Горной Колывани. С. 31–32.

¹¹² Там же. С. 32.

¹¹³ В основе индоевропейской культуры лежит т. н. «основной миф» – сюжет о битве бога Громовержца со змеевидным противником. См.: Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974. 342 с.

можно усмотреть в стихотворении Е. А. Евтушенко «Продукты» (1955). На Алтае поэт оказался в 1948–1949 годах в составе геологоразведочной экспедиции и в должности завхоза. В этой роли посещал и Змеиногорск. Процесс добывания продуктов в условиях послевоенного дефицита иронично описан как своего рода богатырский подвиг: «с пожеланьями благими» героя каждую субботу «водружали на коня»; «с видом доблестным и смелым» он въезжал в город; невероятными трудами «по-детски клянча» и «взросло матерясь», «с горением внутри» добывал хлеб. Главное сражение происходило в райкоме, где он «кнутовищем в стол стучал», грозил, «что все перетрясу» и «вырывал еще и мыло, и вермишель, и колбасу». Затем следовал долгий путь домой, где изнемогающий герой «падал в сено сам не свой», и его встречали как победителя: «чьи-то ласковые руки / шнурки развязывали мне»¹¹⁴. Усмотреть в райкомовском секретаре «Змея» позволяет то обстоятельство, что поистине эпическое действие происходит в поименованном месте его обитания – Змеиногорске.

Сюжет инициации, как уже было отмечено выше, у П. А. Бородкина реализован лишь отчасти, акцент сделан на inferнальном этапе. Намеченное после символической смерти «воскресение» природы и социума в полной мере состоялось в небольшом очерке А. П. Хейдока (1892–1990) «О Змеиногорске» (1981). Белоэмигрант, ученик Н. К. Рериха вернулся в СССР в 1947 году¹¹⁵. Последние девять лет жизни провел на Алтае, в Змеиногорске. Видимо, опыт общения с Н. К. Рерихом, искавшим мистическую страну Беловодье-Шамбалу на Алтае, повлиял на образ Змеиногорска. Город описан как достигнутый рай и в природном, и в социальном отношениях, тем самым нейтрализуется реализованная в по-

¹¹⁴ *Евтушенко Е.* Избранные произведения: в 2 т. Т. 1: 1952–1965. Стихотворения и поэмы: М.: Худож. лит., 1980. С. 53–55.

¹¹⁵ О роли Н. К. Рериха в жизни А. П. Хейдока см.: *Забияко А. А.* Глава 4. Дальневосточный фронт в художественном сознании русских эмигрантов // *Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях Дальневосточного фронта* / А. А. Забияко, А. П. Забияко, С. С. Левашко, А. А. Хисамутдинов. Благовещенск: Амурский государственный ун-т. С. 227–242.

вести П. А. Бородкина универсальная культурная оппозиция «благая природа – губительная цивилизация».

«Лучше климата нет!», – восклицает местная жительница (ОА, т. 5, с. 241). Две горожанки, гостевавшие у детей в Барнауле и Усть-Каменогорске, чувствовали там недомогание, но «почти сразу выздоровели, как только вернулись в Змеиногорск» (ОА, т. 5, с. 245). Город расположен «в чаше, посреди холмов», «езде много зелени, старые деревья, черемуха, у окон домиков – сирень», ни одной заводской трубы», «из кранов водопровода льется вода чистая, как слеза, и ни в каком хлорировании не нуждается», «...почва под городом золотиносная» (ОА, т. 5, с. 241–242).

Социальное устройство тоже идеально: «в этом городе нет преступности, нет злостного хулиганства», «запирать двери нет никакой надобности – никто чужого не возьмет» (ОА, т. 5, с. 242), щедрые местные жители бесплатно отсыпают ведро картошки, кормят случайных гостей. Рассказчик, рассуждая о причинах такой благодати, указывает на отсутствие промышленности. Былая горнозаводская слава города давно миновала, нет пришлых людей, а потому и нравы жителей сохранили дух «древлего благочестия» старообрядцев, якобы коренных жителей города (ОА, т. 5, с. 243).

Развивая авторскую идею земного рая, следует вспомнить о старообрядческих представлениях, что Беловодье находится на Алтае и попасть туда можно через подземные ходы¹¹⁶. Метафорически, тяжелейший труд горнозаводских рабочих, описанный в повести П. А. Бородкина как подземный ад, стал невыносимо трудным, смертоносным, но неминуемым путем к достижению счастья человечества. На сверткстовом уровне реализуется типичный для советской культуры переход Змеиногорска от ужасов и несправедливостей дореволюционной эпохи к достижениям социализма: Бородкин описывает первый этап, а Хейдок – второй.

---

¹¹⁶ Легенды Змеиногорских рудников. Сюжет о пути к Беловодью через подземные ходы косвенно, без названия топонима, реализуется в романе современного алтайского писателя В. Н. Токмакова «Запретная Книга Белого Бурхана» (2017).

Проекция частной провинциальной модели на исторический путь всей страны (*pars pro toto*) делается очевидной при описании образцового колхоза из окрестностей Змеиногорска с примечательным названием – «Россия» (ОА, т. 5, с. 245).

В сказке для детей «Егорка и Змей Добрыныч» (2009) современного алтайского автора Юстасии Тарасава (Натальи Владимировны Тарасовой) происходит возврат к древним представлениям о персонифицированном Хозяине земных недр – Горном змее. Жанр сказки позволил писательнице сделать Змея Добрыныча и его дядю Горного Змея действующими лицами – хранителями подземных сокровищ. Автором привлечен широкий спектр мифологических, сказочных, краеведческих представлений, чтобы сотворить оригинальную увлекательную историю. Примечателен контраст ожиданий героев с реальностью: «Горы не было. На ее месте зиял провал. Котлован. Карьер»¹¹⁷. В советские годы добыча руды велась открытым способом, при помощи взрывов. В результате на месте Змеевой горы возникла яма глубиной около 60 м. Но рудные разработки XVIII–XIX веков уходили еще глубже, до 420 м, создавая, по сути, подземный город. Он представлял собой многочисленные шахты, штольни, штреки. В подземелье существовали конюшни, церковь для отпевания умерших работников. Кладоискатель Колыван, антагонист героев повести, полез в карьер, чтобы проникнуть в подземный город, где якобы можно найти демидовские сокровища. Юстасия Тарасава делает акцент на воспитании экологического сознания юных читателей. Горный Змей, проспавший более двух веков, с горечью признает: «Обидели меня люди, логово мое разорили, подземные тайники ограбили. <...> Понастроили тута рудников, заводов, сто годков деньгу печатали в царскую казну, а все жадничали. Медь дал, серебро дал, свинец дал, золотишко дал, камней не пожалел. А все прорвам ненасытным мало. Обозами, доверху груженными, мои подарки вывозили. Дорогу проторили – Черный тракт»¹¹⁸.

¹¹⁷ Тарасава Ю. Егорка и Змей Добрыныч. Барнаул: Азбука, 2009. С. 86.

¹¹⁸ Там же. С. 126.

Действительно, Змеиногорский тракт, соединявший Змеиногорский рудник с Барнаульским заводом, где происходила стандартизация выплавленного серебра, называли Черным трактом. Во-первых, потому что круглый год дорога и деревья по обочинам были присыпаны рудной и угольной пылью, а во-вторых, потому что немало рудовозцев из приписных крестьян погибло на нем.

Возникает дилемма: человечеству нужны сокровища недр, но при их добыче происходит экологическая катастрофа. Змей разрешает этот конфликт интересов так: «Все можно, ежели польза есть. И ничего нельзя без пользы. <...> Коли одному польза, а всем убыток, так то корысть»¹¹⁹. Племянник Змей Добрыныч подытоживает: «Дядькина забота – границу стеречь, чтобы все по справедливости было: чтоб люди землю не грабили и чтоб земля от людей богатства не скрывала»¹²⁰. В духе «примирительной» воспитательной стратегии автора змееборческий сюжет развивается в сторону нейтрализации оппозиции Змея и богатыря. На уровне персонажей-детей испуг Змея Добрыныча, когда он услышал имя мальчика – Егорка, оказался безосновательным. Этот Егорий со Змеем не борется, а дружит. Параллельно на уровне взрослых персонажей лесник Михаил, преемник Добрыни Никитича, подружился с Горным Змеем. Так современным автором поновому разрешается конфликт змеиногорской природы и цивилизации, впервые со всей наглядностью обозначенный П. А. Бородкиным.

Следует указать на удручающее, но может быть, и вдохновляющее обстоятельство: мифологический потенциал города Змеиногорская видится гораздо более мощным, чем он оказался реализован в художественных текстах. Перспективным, например, представляется предание о том, что довлеющая над городом сопка Караульная является полой внутри. По подземному озеру внутри горы якобы плавают струг Ермака, заполненный золотом¹²¹. Ермак в местных краях не бывал, однако оказался причастен городскому пространству. В 2006 году на берегу пло-

¹¹⁹ Там же. С. 131.

¹²⁰ Там же. С. 132.

¹²¹ Легенды Змеиногорских рудников.

тины был установлен восьмиметровый памятник завоевателю Сибири¹²². Теперь Ермак мыслится горожанами как новый Хранитель окрестных мест.

Значительными текстопорождающими интенциями обладают легенды и предания о К. Д. Фролове, который окончил горнозаводскую школу в Екатеринбурге, возглавлял золотые промыслы Урала, а затем руководил рудниками Алтая, придумал и внедрил выдающиеся гидротехнические изобретения в Змеиногорске. Местные писатели обязательно упоминают в своих произведениях не только «культурных героев» города – Ф. Е. Лелеснова, К. Д. Фролова, но и Ф. М. Достоевского. Писатель девять раз посетил город в 1855–1857 годах, потому что через Змеиногорск пролегал маршрут из Семипалатинска, где он отбывал военную службу после омской каторги, в Кузнецк, где жила его будущая жена М. Д. Исаева. «Породнил тебя с Невою Достоевский», – уповает поэтесса Т. П. Нечунаева в стихотворении «Колокольному Змеиногорску»¹²³, обнажая свойственные провинциальным городам, претензии на «столичность».

Итак, образ Змеиногорска начинает формироваться в горнозаводском фольклоре, в текстах документально-описательного характера, путевой прозе XVIII–XIX веков. Первой успешной попыткой перевода фактической и мифологической реальности Змеиногорска в художественный образ является историческая повесть П. А. Бородкина, в которой выделяются две связанных с городом и рудником доминанты: идеализированная природа и inferнальная, каторжная работа в забоях. Сюжет перехода от рая к аду (и наоборот), сопровождающийся трансформацией героя, следует сложившейся в сибирском сверхтексте литературной традиции. Соцреалистические штампы в решении проблемы социальной несправедливости базируются на архетипическом сюжете змеборчества. Оба отмеченных сюжета продолжают функционировать в последующей литературе о Змеиногорске.

¹²² Историю памятника см.: *Ярославцев, С. Г.* Последний поход Ермака в Сибирь. Барнаул: ООО «МЦ ЭОР», 2019. URL: <http://mceor.ru/19004> (дата обращения: 17.04.2023).

¹²³ Змеиногорск в культурном пространстве Алтая. С. 117.

3.1.3. Барнаульский текст русской литературы

Горнозаводской поселок Барнаул был основан на месте впадения реки Барнаулки в Обь в 1739 году по велению уральского горнопромышленника А. Н. Демидова¹²⁴. В 1848 году город стал промышленно-металлургическим и административным центром Колывано-Воскресенского горного округа. Как известно, выросшие из заводских поселков «горные» города отличались более организованной планомерной застройкой. В этом смысле и уральские, и алтайские горнозаводские города восходят не к Москве, разраставшейся стихийно-природным образом по принципу дерева – кольцами, а к Петербургу. Правильные параллельно-перпендикулярные линии, открытость пространства, классицистическая архитектура центральных площадей и улиц – вот первоначальный вид города. «Уголок Петербурга» и «Сибирские Афины» – такую лестную характеристику давали Барнаулу путешественники¹²⁵.

В общих чертах Барнаульский миф аналогичен Петербургскому. Комментируя письма А. А. Блока кузенам, проживающим в Барнауле, исследователи пишут: «И Петербург, и Барнаул – города, провоцирующие у их жителей раздвоение сознания, надстраивающие над реальным миром мир фантомов. Но если прекрасная архитектура Петербурга порождает кошмарные призраки, то грязные и некрасивые улицы Барнаула, напротив, принуждают человека бежать от них в мечту»¹²⁶.

Важно указать на «болотистое» основание Барнаула (один из переводов гидронима – «мутная вода») и на изначально рациональное строительство города по плану, что мыслится как акт преодоления человеком стихии. Барнаул, как и

¹²⁴ Официальная дата основания города – 1730 г. Однако авторитетные историки убедительно настаивают на правомерности более поздней даты, подтвержденной документами. См., например: *Бородаев В. Б., Контев А. В.* У истоков истории Барнаула. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2000. С. 136–138.

¹²⁵ *Небольсин П. И.* Заметки на пути из Петербурга в Барнаул // Отечественные записки. 1849. Т. 67. № 12. С. 312; *Потанин Г. Н.* Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб.: издание А.Ф. Девриена, 1908. С. 254; *Семенов Тян-Шанский П. П.* Путешествие в Тян-Шань в 1856–1857 годах. М.: Дрофа, 2007. С. 30.

¹²⁶ *Десятов В. В., Куляпин А. И.* Там же. С. 191.

Северная столица, имеет свой эсхатологический миф о потопе и пожаре, связанный с именем основателя города (Акинфий Демидов = Петр I) и темой «города на крови», которому «пусту быть». Барнаул – своего рода алтайский Петербург, но в сниженном, травестированном варианте, что, впрочем, не отменяет имперских замашек барнаульцев быть «пупом» Евразии, точкой перехода в иные реальности.

Имя. В противовес западному, рациональному началу, изначально насаждаемому в плане города, выступала «азиатская» окраска топонима. В слове «Барнаул» неискушенному лингвистическими познаниями человеку до сих пор видится метатеза «аул Барна». Развивая народную этимологию, поэт Л. Мерзликин обозначил существенную для образа города оппозицию Запада и Востока:

Отгостил ты месяц в Барнеаполе,
 Так зову я город Барнаул,
 Мало мы денегат тебе накапали,
 Но пойми: ведь это же аул («Борода»)¹²⁷

Долгое время полагали, что топоним означает «хорошее пастбище», «хорошее кочевье». Неверная трактовка названия города во многом спровоцировала его отождествление с провинциальностью, темнотой, дикостью¹²⁸. Реальная этимологии совершенно иная. На чертежах конца XVIII века написание реки следующее: «Бороноул» / «Бороноур» / «Баранаул». Томский ученый А. П. Дульзон возводил происхождение гидронима к тюркским корням «боро» («волк») и «ул» («река»). Соответственно, название переводится как «волчья река» или «волчье озеро», что небезосновательно ввиду лесных истоков реки, где в самом деле водилось много волков. Подобное прочтение привносит в образ города семантику дикости и воли, подключает мифологию города к древним языческим представлениям автохтонов Алтая о волке-первопредке, тотемном животном. Самой доказательной выглядит версия известного исследователя истории и этнографии Сибири профессора А. П. Уманского, который полагал базовыми телеутские корни «по-

¹²⁷ Мерзликин Л. С. Избранное: стихотворения и поэма. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1997. С. 102.

¹²⁸ Десятов В. В., Куляпин А. И. Барнаульский миф в русской литературе. С. 196.

ронгы» («мутная вода») и «ул» («река»), т. е. «мутная река». Действительно, воды Барнаулки окрашены в чайно-желтый цвет, что объясняется наличием органических и минеральных веществ, полученных при протекании через бор¹²⁹.

Наиболее очевидны смысловые потенции имени города для писателей, оказавшихся в нем проездом, обладающих, так сказать, свежим взглядом и слухом. Процесс семиотизации более активен в отношении незнакомого слова. Непонимание этимологии провоцирует рост фонетических и иных ассоциаций. Местным же поэтам приходится предварительно «остраниться» от топонима.

В песне В. С. Высоцкого «Летела жизнь» (1977) возникает рифма «Барнаул – караул», характеризующая город как маргинальный локус конфликтов и криминала¹³⁰. Эта рифма повторилась в стихотворении А. А. Вознесенского «Барнаульская булла», написанном по впечатлениям поэта от посещения города в марте 1989 года. Во время поэзоконцерта в ДК Моторостроителей литературная группа «ЭРА» (Эпицентр Российского Авангарда) провозгласила А. А. Вознесенского «Папой российского авангарда»¹³¹. «Булла» может считаться апофеозом парagramматических игр с астионимом. Развернутый реестр ассоциаций подытожен В. В. Десятовым и А. И. Куляпиным в статье «Барнаульский миф в русской литературе»: «...дикость, агрессивность (“а то б пырнули”), святость (“Афонград?”), аграрность (центр сельскохозяйственного края: “АГРАГРАД”), соотнесенность с фольклорным “тридевятым царством”, на пороге которого сказочный герой встречается с бабой Ягой (“Бабьягад?”), и с рериховскими Гималаями (“В вас проступают Гималаи”, “к вам Рерих / шел по струящемуся плато”))»¹³².

Добавим, что звуковой комплекс слова «Барнаул» увязывается поэтом одновременно с бескультурьем («варвар» = удвоенное «бар»), и культурой – аван-

¹²⁹ Бородаев В. Б., Контев А. В. У истоков истории Барнаула. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2000. С. 82–90.

¹³⁰ Об алтайском тесте В. С. Высоцкого см. подробнее исследование Е. А. Худенко в: Литературная мифология Алтая. С. 135–136.

¹³¹ См. воспоминания «Авангардисты. Подлинная история литобъединения ЭРА» участника событий в: Токмаков В. Н. Детдом для престарелых убийц. Барнаул: Алтай, 2015. С. 293–296.

¹³² Десятов В. В., Куляпин А. И. Барнаульский миф в русской литературе. С. 196.

гардистом Дырбулшил А. Е. Крученых и символистом К. Д. Бальмонтом; телесным низом («кассет порнобаул») и духовной высью – горой Белухой. Создаваемая на основе паронимической аттракции поэтическая реальность мыслится пространством контрастов, благословимым и благословляющим.

Рифма «Барнаул – выборы на ул.» в стихотворении Вознесенского не только затрагивает злободневную для эпохи перестройки тему голосования, но и обозначает ситуацию экзистенциального выбора, приуроченную именно к Барнаулу: «Колокол, по ком?». Не случайно избрание А. А. Вознесенского «Папой русского авангарда» включено в контекст религиозных и политических преследований (от Аввакума и Ф. М. Достоевского до В. Гавела), упомянута легендарная барнаульская арка, на стенах которой репрессированные выцарапали свои имена в ожидании казни (Рисунок 2)¹³³.

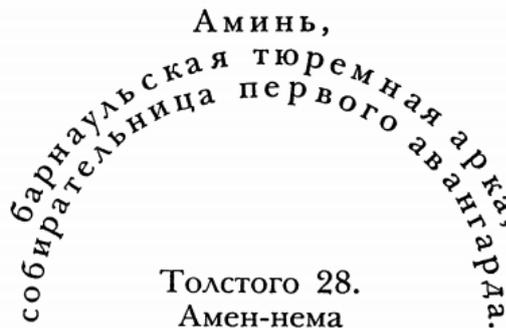

Рисунок 2. Изобразительная поэзия А. А. Вознесенского.

Н. М. Николенкова подхватывает рифму Вознесенского: «Это только Бар на ул., / Прочерк в сводках ВВС» («Косяки ночных акул...», с. 73)¹³⁴. Малость провинциального города, не позволяющая ему стать предметом международного интереса, превращает его в забегаловку на карте мира. Но главным для города являются улицы, «спрятанные» в его имени. «Мы бродим по Барнаулу, не совпадая, – но рядом», – написано в раннем стихотворении алтайской поэтессы «Если друзья

¹³³ Вознесенский А. Аксиома самоиска. С. 59–60.

¹³⁴ Николенкова Н. М. Завтрак на траве. Барнаул: [б.и.], 2014. С. 73.

не звонят...»¹³⁵. Звуковые переключки астионима и глагола (*Барнаул – бродим*) делают процесс блуждания, прогулок неотделимым от городского пространства.

Другая нередкая рифма, обыгрывающая имя города, «Барнаул – Стамбул»¹³⁶. Как известно, Стамбул – это в прошлом Константинополь, второй Рим. В «Папской булле» А. А. Вознесенского судьба Барнаула прямо противоположна истории Константинополя, который пал и стал столицей Востока. Барнаул же преодолевает свою «азиатчину» и имеет потенциал стать последней и окончательной после Москвы столицей западного мира:

По предчувствиям моим
 Барнаул – четвертый Рим.
 Аминь.
 Пятому не бывать¹³⁷.

Широко известен среди горожан слоган «Барнаул – столица мира». Давно став милым сердцу обывателей, этот концепт проник и в поэзию. Так, А. В. Власов в стихотворении «Барнаулу» восклицает: «Нет места в мире лучше Барнаула! / Весны столица – город Барнаул!»¹³⁸. Е. М. Гешелина в стихотворении «Родному городу» язвит: «Ты очень хочешь быть столицей, / но столицей нужно родиться»¹³⁹. Ю. А. Нифонтова вопрошает: «Почему называют столицей мира <...> Не какой-нибудь сити – тебя, Барнаул?» («Почему называют столицей мира...»)¹⁴⁰. Слоган придумал Сергей Лазорин, барнаульский рок-музыкант, лидер группы «Девять», одноименный альбом которой вышел в 1987 году. Одна из песен альбома начиналась так: «Говорит “Радио-Барнаул”. Барнаул – Столица Ми-

¹³⁵ Николенкова Н. М. Девятое марта: новые стихотворения. Барнаул: Алтай, 1993. С. 25.

¹³⁶ См., например, ироничное стихотворение В. Нечунаева «Необычайная история, бывшая в городе Барнауле жарким летом 19... года» в: Писатели Алтая: в 15 т. Т. 2: Антология алтайской поэзии. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2000. С. 143.

¹³⁷ Вознесенский А. Аксиома самоиска. М.: Икла, 1990. С. 64.

¹³⁸ Власов А. В. Цветы для мамы. Барнаул: Август, 2014. С. 29.

¹³⁹ Гешелина Е. Антисобытие. Барнаул: [б.и.], 2010. С. 6.

¹⁴⁰ Стихи о Барнауле: маленькая хрестоматия // ИА Амител. 2015. 16 июня. URL: <https://www.amic.ru/news/prochee/stihi-o-barnaule-malenkaya-hrestomatiya> (дата обращения: 17.04.2023)

ра». Лазорин стал прототипом персонажа фантастической повести С. М. Орехова «Барнаул – столица мира». В ней акцентировано географическое положение города в центре Евразийского материка и чаянья горожан: быть провинциальному Барнаулу духовной столицей мира.

Исторические доминантные точки. Каждый город обладает «метафизической аурой», высокая степень ее выраженности обеспечивает способность пространства стимулировать появление текстов о себе, превращать материальное в знаковое. Индивидуальный образ города создается совокупностью только ему присущих «доминантных точек», формирующих подобие «образного каркаса» места¹⁴¹. Краеугольные смыслы каждого города лежат в зонах *пересечения* пространств, времен, культур: это мосты и дороги, музеи и библиотеки, городские монументы, театры, университеты, вокзалы, аэропорты и пр.¹⁴².

Историческая память, связанная с архитектурными объектами города, выходит на первый план в стихотворениях известного на Алтае писателя М. И. Юдалевича. Ход времени отмечен сменой топонимов: «Площадь дляobelиска» становится «Конюшенной», а в советский период – «Пионерской». Официальной номинации противостоит народное название – «Демидова», которое и стало окончательным на сегодняшний день названием площади («Демидовская площадь», с. 79)¹⁴³. Знаковые места, такие как Демидовская площадь, чередуются с обычными для любого городка старыми кварталами и улицами, но все эти локусы одинаково «пропитаны» историей. Благодаря знаниям и фантазии лирического субъекта М. И. Юдалевича старые дома начинают жить в двух временных пластах: настоящем и прошлом. Сквозь современность просвечивает горнозаводское начало города: «...в приземистой избушке той / демидовские рудознатцы / зимой вставали на постой» («Старые кварталы», с. 78). Пространство помнит «уличные

¹⁴¹ Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе.

¹⁴² Голубков С. А. Семантика и метафизика города: «городской текст» в русской литературе XX века. Самара: Самарский ун-т, 2010. С. 17–31.

¹⁴³ Здесь и далее до конца параграфа в круглых скобках даны страницы по изданию: Юдалевич М. И. Золотая давность. Стихи о Барнауле // Барнаул. История культуры. Барнаул: АЛТАПРЕСС, 2000. С. 78–81.

бои» и штурм домов «колчаковскими вояками», Гражданскую войну: «были белые, были красные» («Старый город! Не надо хмуриться...», с. 79). Из текста в текст переходят «славные сыны» города, его гордость: И. И. Ползунов («...творил мужик мастеровой / чертеж невиданной машины, / своей машины огневой...»), «генерал Фролов». Обязательно упоминается «опальный Достоевский»¹⁴⁴ («Старые кварталы», с. 78).

Память о прошлом зачастую сопровождается ощущением вины. Так, в стихотворении «Собор в Барнауле» описывается варварское крушение храма, в котором принимал участие герой:

И весь устремлен в поднебесье,
 как будто к полету готов,
 он символом был мракобесья
 по меркам тридцатых годов.
 За это с размахом немалым,
 довольные очень собой,
 мы рвали собор аммоналом,
 ломали ломами собор.
 Мы были не люди, а масса,
 и в этот вписались оскал
 ребята из нашего класса,
 конечно, и я не отстал (с. 80)

Не исключено, что ощущение своей причастности к гибели «летающей его красоты» стало импульсом к противоположному, созидательному вектору пути М. И. Юдалевича, собирателя и хранителя «золотой давности» края. В основном стихотворения писателя носят иллюстративно-краеведческий характер. Поэтому они особенно востребованы в экскурсоводческой деятельности. Возможность кратко и эмоционально соотнести городские объекты с историческим прошлым,

---

¹⁴⁴ О роли Барнаула в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского см.: Сафронова Е. Ю. Сибирский текст Ф.М. Достоевского. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2020. 446 с.

помимо мнемонической, эвристической и развлекательной функции, способствует, вне всяких сомнений, формированию локальной самоидентичности слушателей и читателей.

Остановимся подробнее на одной из исторически важных доминантных точек – ныне не существующем, но отраженном в художественной литературе горнозаводском пруде. Алтайские заводы строились по образцу уральских. Как известно, обязательными элементами ландшафта горнозаводского поселения были плотина и пруд. Первоначально плотина на Барнаулке была из суглинка, укрепленная деревом, длиной более 500 м, с двумя прорезами для работы и сброса паводковых вод, высотой до 6 м. По своей протяженности это было, вероятно, крупнейшее гидротехническое сооружение России середины XVIII века¹⁴⁵. Образовавшийся водоем в разные периоды был в длину от 1650 до 2000 м (в 1907 году – до 3000 м), средней шириной 400–500 м, глубиной от 1 до 4 м¹⁴⁶.

После прорыва плотины весенним паводком в 1793 году ее реконструировали: повысили, укрепили откосы кирпичной кладкой. Очередные разрушения в результате наводнения 1920 года устранять не стали. К тому времени барнаульский сереброплавильный завод был давно закрыт (1893). Город успел побывать купеческим центром, в 1920-е годы формировался как агропромышленный центр региона. Плотина утратила прикладное значение как источник энергии, став памятником истории гидротехники первой половины XVIII века. Пруд, выполнявший после закрытия завода в основном рекреационную функцию, обмелел и критиковался горожанами как причина заболоченности окрестных улиц, подтапливания фундаментов и подвалов домов, источник заболеваний холерой и малярией.

Первые призывы к спуску пруда прозвучали после случившегося в конце 1915 года пожара, от которого существенно пострадали корпуса бывшего завода. В газете «Жизнь Алтая» зимой 1916 года были опубликованы: статья со ссылкой

¹⁴⁵ *Бородаев В. Б., Контев А. В.* У истоков истории Барнаула. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2000. С. 154.

¹⁴⁶ Барнаул: Энциклопедия. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. С. 117.

на телеграмму из Петербурга о предлагаемой ликвидации и завода, и пруда; три исторических очерка «Барнаульский завод», написанных предпринимателем и депутатом Государственной Думы В. М. Вершининым; стихотворение «Плач о пруде» известного сибирского поэта и критика П. А. Казанского (под псевдонимом Премудрая крыса Онуфрий)¹⁴⁷.

Приведем «маленький фельетон» полностью:

Плачьте, плачьте, барнаульцы,
 Кончит жизнь заводский пруд;
 Впредь лишь струйки Барнаулки
 Через город потекут.
 Взор не будем мы, как прежде,
 С лаской в волны устремлять
 И из заячьей на Гору
 Киселя верст семь хлебать.
 Прелесть вешнего катанья
 Улетит, как светлый сон;
 Визг пронзительных гармоник,
 Балалаек дробный звон,
 Этажей в пятнадцать «слово»,
 На мелях упорный труд,
 Все навек и невозвратно
 Унесет с собою пруд.
 Рвать для барышень кувшинки
 Не придется уж никак.
 И никак уж в пруд не бросишь
 Дохлых кошек и собак.

---

¹⁴⁷ Скалон Н., Коваленко Н. Как столичные чиновники чуть не разрушили некогда великий сереброплавильный завод и приказали спустить плотину в Барнауле // Altapress.ru : [сайт]. 2016. URL: <https://long.altapress.ru/altay-serebro/> (дата обращения: 04.05.2023).

В центре города купаться
 Не придется в летний зной
 И прохожих дам конфузить
 На плотине наготой.
 Сгинет вид у нас прекрасный,
 Сгинет тухлая вода
 И по заячьей болото
 Тоже сгинет навсегда.
 Плачьте, плачьте, барнаульцы!
 Плачьте горестно о том,
 Сколько благ из Барнаула
 Утечет навек с прудом¹⁴⁸.

Фельетон как жанр сатирический и злободневный акцентирует неудобства, которые испытывают горожане в связи с прудом: заболоченность, грязь, шумное веселье и матерное слово пролетариев (Зайчанская слобода – беднейшие густонаселенные окрестности пруда; Гора – Нагорная часть в историческом центре города). Незначительные «блага» – «вешнее катание», «для барышень кувшинки», летние купания – в таком «тухлом» контексте выглядят сомнительной псевдоромантической пошлостью. Поэтому сетования обывателей, что «утечет навек с прудом», по меньшей мере комичны.

Однако соседство фельетона с очерками об истории барнаульского завода дает возможность иначе посмотреть на предлагаемый спуск пруда – в долгосрочной, а не сиюминутной перспективе. Поскольку возникновение плотины и пруда было обусловлено заводскими нуждами, в сознании многих писателей эти объекты символизировали горнозаводское прошлое города. Так, в рассказе алтайского историка и краеведа П. А. Бородкина «На Барна-ауле» при помощи приема пси-

¹⁴⁸ *Премудрая крыса Онуфрий [Казанский П. А.] Плач о пруде // Жизнь Алтая. 1916. 10 янв. (№ 7). С. 2–3. URL: <http://irbis.akunb.altlib.ru:81/pm/pm000014/1916007.pdf> (дата обращения: 04.05.2023).*

хологического параллелизма устанавливается аналогия реки с людьми. Устройство плотины пришлыми демидовскими людьми «пленяет» речку и закабальет свободных поселенцев деревни: «...запряг Демид воду в работу», «...потекла иная жизнь в Усть-Барнаульской – подневольная, вечно занятая работой без конца на заводчика»¹⁴⁹. В реконструируемой советским писателем действительности середины XIX века к плотине приурочены трагические события, связанные с бесправным положением крестьян: убийство надсмотрщиком мальчика, мечтавшего стать механиком, как И. И. Ползунов, и облегчить при помощи воды тяжелейший труд подкатчиков руды («Малолеты»); падение генеральши из кареты в лужу под откосом плотины и жестокое наказание безвинного кучера, приведшее к его смерти («Черный город»); случайное в запале масленичных игрищ на льду пруда убийство товарища-мастерового вместо «генерала» («Любой ценой»).

В более ранней, но малодоступной советскому читателю эпопее писателя-эмигранта Г. Д. Гребенщикова «Чураевы» (том 3, «Веления земли», 1926) семантика плотины напрямую связана с горнозаводским этапом истории города: «У самой плотины пруда, сделанной прочно и на много сотен лет тяжелым крепостным трудом, стояли вросшие в землю каменные здания старика завода. <...> Всюду валялись обломки старинной, жестокой силы и свидетельствовали о том былом труде, который создавал лишь мучая и убивая. Черные переплеты под крышею завода, как чьи-то угрожающие, высоко воздетые и судорожно сцепившиеся руки, замерли в дикой и безмолвной ярости и так навековали»¹⁵⁰.

В романе С. П. Залыгина «После бури» (1986) также воссоздаются 20-е годы XX века, однако плотина и пруд описаны исключительно как исторические объекты, вне размышлений о тяжелой подневольной работе: «Знаменитый был пруд, древний, по сибирским понятиям очень древний, построенный только чуть позже петровского времени для того, чтобы вода, падая с плотины, вращала бы двигатели серебряного завода... И серебро плавил тот завод, и монету чеканил, и многие

¹⁴⁹ Бородкин П. А. Исторические рассказы о Барнауле. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1963. С. 9, 10.

¹⁵⁰ Гребенщиков Г. Д. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. Барнаул: ИД «Барнаул», 2013. С. 79–80.

еще другие совершал изделия, покуда не истощил вокруг себя лесные запасы. Одна речка Аулка не управилась с делом, и пруд тоже не помог, нужны были дрова, дров же не стало, и обессилел завод, и покинут был мастеровым людом. А пруд остался и зиму, и лето, а весной особенно грохотала там вода, падая с плотины на деревянный флютбет, а зимами вот так же, как нынче, сияла его поверхность ледяным, будто инопланетным светом...»¹⁵¹.

Во всех вышеприведенных произведениях в обязательном порядке в связи с плотиной, прудом и заводом упомянуто о тепловом двигателе И. И. Ползунова. В рассказе П. А. Бородкина «Муж, делающий истинную честь...»: «На правом берегу Барнаульского заводского пруда ... выросла трехъярусная бревенчато-каркасная постройка невиданной здесь почти тридцатиаршинной высоты. <...> Никогда в жизни барнаульские обыватели не догадались бы, для чего горному начальству понадобилась такая неуклюжая хоромина, не разнесись до этого слух, что механикус Иван Ползунов намерен “надежно словить жар, посадить в машину и заставить его работать”»¹⁵². В романе Г. Д. Гребенщикова «Чураевы»: «С грустной улыбкой осмотрел Василий деревянную модель первой русской паровой машины, сделанной собственноручно скромным сибиряком рабочим Ползуновым»¹⁵³. В романе С. П. Залыгина «После бури»: «А в музее краеведческом ... стояла, поблескивая латунным, а по видимости так и золотым котлом, самая первая в мире паровая машина, построенная в одном из этих зданий неким унтер-шихтмейстером, солдатским сыном, того ради, чтобы могла “по воле нашей, что будет потребно исправлять”. Нет-нет, не был город Аул обойден историей, и мыслью человеческой тоже не был, жила здесь мысль в оные времена <...> ...любая мысль, будь она величайшей из великих, вот так же запросто могла быть здесь потеряна-растоптана и даже модели никакой не останется от нее»¹⁵⁴.

¹⁵¹ Залыгин С. П. После бури. М.: Современник, 1986. С. 72.

¹⁵² Бородкин П. А. Исторические рассказы о Барнауле. С. 24.

¹⁵³ Гребенщиков Г. Д. Собрание сочинений. Т. 2. С. 79.

¹⁵⁴ Залыгин С. П. Там же. С. 240–241.

Изобретатель умер от чахотки за семь дней до пуска машины. Двигатель проработал почти два месяца и принес за это время одиннадцать тысяч серебром прибыли¹⁵⁵. После поломки начальство решило уничтожить машину. На берегу пруда долго валялись ее металлические части. Так плотина и пруд оказываются пространством, где совершались величайшие открытия, и местом разбитых надежд на лучшую жизнь, гибельным локусом.

В автобиографической повести М. Д. Зверева «Заимка в бору» (1980) описано, как зимой на пруду проходили воскресные кулачные бои. Свидетелем последнего сражения в 1913 году оказался рассказчик: «Ранняя бурная оттепель за неделю нагнала воду поверх льда, бои прекратились до будущей зимы. Но летом началась первая мировая война. Потом революция, и кулачные бои в Барнауле прекратились навсегда» (ОА, т. 5, с. 413). Не ко времени растаявший лед становится знаком начала слома векового уклада, радикальной смены государственного и мирового устройства.

Весной 1926 года горсовет принял решение о ликвидации пруда. Память о былом хранит барнаульская топонимика: улицы Правый берег пруда, Левонабережная, переулки Прудской и Малый Прудской (остальные из двенадцати Прудских переулков на настоящий момент переименованы)¹⁵⁶. Многое, столь опрометчиво признанное ничтожным, «навек и невозвратно» унесли с собой воды исчезнувшего пруда.

В результате реально существующая доминантная точка перешла в разряд фиктивных, реконструируемых разного рода краеведческими практиками (экскурсия, исторический и художественный дискурс).

В произведениях современных прозаиков городской пруд как бы распространяет вокруг себя ауру небытия, оказывается апокалиптическим локусом. Так, в романе С. К. Данилова «Барнаул-517» (2021) о пожаре 2 мая 1917 года, когда

¹⁵⁵ Юдалевич М. И. Барнаул. С. 38.

¹⁵⁶ Названия улиц города Барнаула: историко-лингвистическое описание. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 415–416.

Барнаул был практически стерт с лица земли, деструктивные силы сконцентрированы в особняке на берегу пруда. По альтернативной версии истории, предлагаемой автором романа, пожар произошел не случайно. Это была запланированная акция революционных сил, выполненная руками завербованных немецких диверсантов. Интересно, что П. А. Казанский, чей стихотворный фельетон через несколько лет от описываемых событий повлияет на общественное мнение и спуск пруда, выведен в романе как один из невольных пособников катастрофы (он не принял должные меры по обеспечению пожарной безопасности города). Злая ирония заключается в том, что особняк, где дислоцируются диверсанты, был экспроприирован у Адольфа Лесневского, бывшего городского главы, составившего подробную карту города (у героя есть прототип – Александр Адольфович Лесневский). В момент изгнания семьи инженера «воды Городского пруда окрасились малиновым светом»¹⁵⁷, что предваряет дальнейший поджог города. Пруд опосредованно сопротивляется грядущей огненной катастрофе: на празднике «...молодцеватые австрийские лейтенанты ... были биты повсеместно простыми гражданами Барнаула, с детства воспитанными в кулачных боях на первом льду Заводского пруда»¹⁵⁸. Жители Прудских переулков – единственные, кто вовремя заметил и обезвредил поджигателей. Однако весь центр города выгорел. Символика барнаульской катастрофы прозрачна: «пожар революции» из провинциального центра раздувается на всю империю¹⁵⁹.

В криптоисторическом романе В. Н. Токмакова «Сбор трюфелей накануне конца света» (2014) Вольф Мессинг в 1974 году на улице Левобережной (sic!), т. е. в районе давно спущенного пруда, ищет Белокаменный тупик, которого нет на картах и в справочниках. По документам этот переулок был снесен после пожара 1917 года. Но в него можно попасть, заблудившись. В тупике находится

¹⁵⁷ Данилов С. К. Барнаул-517. [б. м.]: Издательские решения, 2021. С. 208.

¹⁵⁸ Там же. С. 288.

¹⁵⁹ Козлова С. М. Краеведческий роман: к проблеме жанра. На материале прозы С. К. Данилова и В. Н. Токмакова // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. Вып. 9. С. 114.

краснокирпичный особняк купца Я. А. Сулина, построенный на фундаменте дома XVIII века, в котором жили первые руководители барнаульского сереброплавильного завода. Именно здесь, согласно подретушированной в романе исторической действительности, «несколько дней провел после эпилептического припадка Достоевский, а спустя полвека отравился писатель-публицист Николай Ядринцев»¹⁶⁰. Мессинг искал особняк, потому что видел его во время озарения на сцене барнаульского Народного дома (современная филармония) в 1942 году. В финале романа главный герой Тарас нашел здание, при этом в его подвалах обнаружилась подлинная мумия Ленина, эвакуированная именно в Барнаул (а не в Тюмень, как в официальной версии событий). Завершается сюжет тем, что герой прыгает в портал под белым камнем, спасаясь от наступившего Апокалипсиса и ожившего Антихриста-Ленина.

Так реальный объект городского ландшафта – пруд – сначала символизировал горнозаводское прошлое города, а после исчезновения стал аккумулировать вокруг себя фиктивное пространство и время – альтернативную историю.

Мистические доминантные точки. Барнаул был построен на перекрестке ввозных путей: месте впадения реки Барнаулки в Обь. С древнейших времен перекресток – символ выбора, в том числе между жизнью и смертью, а также точка перехода из одного пространства в другое. В мифах перекресток наделяется полярными значениями: священным либо проклятым. Во многих культурах перекресток – место встречи с трансцендентными силами (богами, духами, мертвыми). В этом контексте особо значимым выглядит то, что именно в Барнауле диагностировали эпилепсию у Ф. М. Достоевского, смертельно отравился известный ученый и патриот Сибири Н. М. Ядринцев, умер поэт В. Г. Шершеневич. Здесь

¹⁶⁰ Токмаков В. Н. Сбор трюфелей накануне конца света. Барнаул: Алтай, 2014. С. 51. Яков Андреевич Сулин – не купец, а бывший дворянин, ссыльный томский мещанин. В его барнаульском деревянном доме (не кирпичном особняке!) на Большой Тобольской проживал и умер от чрезмерной дозы опиума в 1894 году Н. М. Ядринцев. См.: Челомбитько, А. М. Барнаульский охотничий кружок 1897 года. URL: <https://proza.ru/2022/08/26/1025> (дата обращения: 05.09.2023). Эпилептический припадок случился у Ф. М. Достоевского в 1857 году в гостях у П. П. Семенова (Тян-Шанского), квартировавшего в доме купца В. И. Зубова на Большой Олонской, 39. См.: Сафронова Е. Ю. Сибирский текст Ф.М. Достоевского. С. 88.

был расстрелян репрессированный отец В. М. Шукшина, поэтому в творчестве писателя город либо «выпадает» из художественного мира, либо наделяется негативными смыслами «тюрьма», «смерть», «неудача»¹⁶¹.

В романе В. Я. Зазубрина «Горы» (1933) подчеркнута мортальная атмосфера города: «Безуглый вспомнил Барнаул – мертвый центр горнодобывающей промышленности. Строгие корпуса плавилен Демидова полуразрушены. Кирпичной сухой кровью сыплются трещины их толстейших стен. В архиве под пеленой тлена лежат дела колывано-воскресенских (sic!) заводов. На кладбище крошатся каменные плиты могил горных командиров: берггешворинов, унтер-шихтмейстеров и царевых управителей – статских генералов. На улицах часами спит тихая непотревоженная пыль» (ОА, т. 3, с. 107).

Символично, что единственное возвышение города – холм у слияния рек – в конце XVIII века стал месторасположением кладбища (вокруг Иоанно-Предтеченской церкви). В 1920–1930-е годы после разрушения храма и почти полного уничтожения погоста на горе стал формироваться парк культуры и отдыха. Именно этот этап отразился в романе Зазубрина: «В городе мертвые владели лучшим парком. В праздник на кладбище поэтому – нашествие нарядных толп» (ОА, т. 3, с. 29).

Тему гибельности пространства Барнаула развивает В. Н. Токмаков в стихотворении «Вон там начинается частный сектор...». Его «дальний квартал» вмещает в себя маргинальные и уродливые явления города: «По трущобам, притонам, гадюшникам, / по цыганским развратным домам» бродит «неподкованным Пушкиным» лирический герой, «чтобы познать свою родину». Метонимический перенос превращает городскую окраину в образ провинции как таковой, шире – образ страны. Итог «хождения в народ» в 1990-е годы неутешителен: «Здесь погиб не один ломоносов, / сколько репиных сгнуло тут»¹⁶². Пространство у Токмакова, с

¹⁶¹ *Марьин Д. В.* Шукшинская география (города СССР в жизни и творчестве В. М. Шукшина) // Сибирский филологический журнал. 2012. № 3. С. 101–103

¹⁶² *Токмаков В. Н.* Стихи из захолустья // Токмаков В. Н. Запретная книга Белого Бурхана. Барнаул: Алтай, 2017. С. 258–259.

одной стороны, включает типовые объекты провинциального центра, достоверные и конкретные: «Трубы, заводы, хрущевки, мосты, / Еду к родителям в спальный район», «Стройки, общаги, пивбар “Без проблем”...». С другой, стремится оказаться бóльшим, чем есть. Весь приведенный перечень вмещается в символическое название «интерната» – «Русь»¹⁶³ («Трубы, заводы, хрущевки, мосты...»). Другой пример превращения частного в универсальное наблюдается в стихотворении «Остановка Покровский Собор...». Поездка на трамвае по маршруту с реальными барнаульскими остановками оборачивается развернутой метафорой человеческой жизни:

Остановка Покровский Собор...

Все религии – просто вздор,

Дальше идет – остановка Конечная...

Жизнь моя – простая и вечная,

Не проехать бы, не промахнуться...

Кольцевая – чтоб снова вернуться,

Но уже с другой стороны, –

Где ни Бога, ни этой страны...¹⁶⁴

Отнюдь не случайно название одного из ранних сборников стихотворений поэта – «Двойное дно» (1997). В художественном мире В. Н. Токмакова действительность многомерна, сквозь реалии просвечивают инвариантные структуры. Так, возлюбленная лирического героя «едина в сотне лиц», увидеть ее можно «одновременно и в кино, и в церкви, и за окном идущего трамвая» («Подъезд»)¹⁶⁵. В ироничных примечаниях к стихотворению содержится аллюзия на учение основателя русского символизма В. С. Соловьева о Мировой душе, Софии. Следовательно, в поэзии Токмакова пространство моделируется как неоромантическое двоимирие, сочетающее явный и подлинный миры, а также своего рода цитатат-

¹⁶³ Там же. С. 237–238.

¹⁶⁴ Там же. С. 261.

¹⁶⁵ Токмаков В. Н. Двойное дно. Барнаул: Полиграфист, 1997. С. 11.

ную семиосферу. Игра с культурными концептами особенно очевидна в постмодернистском опыте Токмакова «Стихотворение с эпитафиями», где «в эту дыру, Барнаул, Богом проклятый угол» сослан Н. В. Гоголь, живущий вечно в разных ликах и пространствах, наказанный за свое «гениальное Слово»¹⁶⁶. Галлюциногенный мир писателя и в поэзии, и в прозе опирается на литературные истоки. Сны, видения, иные измененные формы сознания героя – не просто зона виртуального, но область творчества, исторической и литературной памяти.

Мифологизация Барнаула, начатая в стихотворениях, находит свое продолжение в романах В. Н. Токмакова: «Детдом для престарелых убийц» (2001), «Настоящее длится 9 секунд» (2005) – и достигает апогея в «Сборе трюфелей накануне Конца света» (2014). Этот «краеведческий роман» был задуман как путеводитель по Барнаулу, но реализован как своего рода «роман-кенотаф», скрывающий свою жанровую принадлежность под различными дискурсивными практиками¹⁶⁷. Писатель переплавил внушительный объем фактического и фольклорно-мифологического материала. В зоне напряжения между двумя полюсами: историей (серьезной реальностью) и мифом (карнавальной виртуальностью) рождается сюрреалистический образ Барнаула. Густо замешенный на архивных фактах, документах, мемуарах, мистических домыслах, литературных стереотипах локальный текст и миф, «собранный» автором, и есть искомые трюфели/клад/дневники. Рукописи, которые не горят и выживают даже после конца света.

Писатель многократно называет Барнаул «забытым богом», «унылым провинциальным городишком», «тупиком цивилизации» (с. 21–22)¹⁶⁸ и все-таки проговаривается: «Это город с нераскрытым потенциалом. Точнее, с хорошо и намеренно *сокрытым...*» (с. 197). Потусторонний мир свободно проникает в мнимую

¹⁶⁶ Там же. С. 22–23.

¹⁶⁷ Характеристику жанра см. в: *Козлова С. М.* Краеведческий роман... С. 109 ; *Богумил Т. А.* Роман-кенотаф В. Н. Токмакова «Сбор трюфелей накануне конца света» // *Алтайский текст в русской культуре.* Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. Вып. 10. С. 3–6.

¹⁶⁸ В круглых скобках указаны страницы по изданию: *Токмаков В. Н.* Сбор трюфелей накануне конца света. Барнаул: Алтай, 2014. 328 с.

реальность, создавая параллельный Барнаул, двойников, альтернативные версии событий. Проблема истины снимается уже эпитафией-мистификацией: «Этого не было. Но если не было, то именно так. А. С. Пушкин» (с. 7). Город в романном мире избыточно инфернален. Чрезмерно нагнетается адская атмосфера с тягучим временем, блуждающим пространством, пеклом-потопом, ожившими мертвецами и расплодившимися гадами. Все эти признаки Апокалипсиса знаменуют достижение той крайности, за которой – спасение. Токмаков из романа в роман цитирует слова из Откровения Иоанна Богослова об Апокалипсисе: «Будь ты холоден или горяч, но не будь тёпл» (с. 267). Город осуждается героем как «средний», «ни рыба ни мясо, ни то ни сё» (с. 90). Барнаул, действительно, город средний. Но в ином смысле. Он стоит почти в центре Евразии, является «пупом» континента и порталом между мирами. Поэтому он перенасыщен медиальными пространствами (шкаф, дверь, окно, лестница, колодец) и «переключателями» (телефонные звонки, алкоголь, галлюциногены).

Сопоставление романа «Сбор трюфелей накануне конца света» с текстом другого мистико-ориентированного алтайского писателя А. В. Коробейщикова – романом «Иту-Тай. Темный ветер с зеленых холмов» (2002) (в иной редакции – «Иту-Тай. Путь свободного волка», 2010) – делает очевидной концепцию В. Н. Токмакова. Коробейщиков в своих характеристиках Барнаула более прямолинеен и откровенен. Апеллируя к авторитету семьи Рерихов, которые, побывав в Барнауле в 1926 году, назвали его «мистической столицей мира»¹⁶⁹, писатель характеризует город как центр «духовности и гармонии, провозвестник грядущего расцвета человеческой цивилизации»¹⁷⁰, ибо здесь «пересекаются явь и сон, разум и предчувствие, небо и земля»¹⁷¹.

Система доминантных точек Барнаула у В. Н. Токмакова и А. В. Коробейщикова практически совпадает. «Осевыми» пространствами, связу-

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Коробейщиков А. В. Иту-Тай. Темный Ветер с зеленых холмов // Самиздат. 2009. URL: http://samlib.ru/k/korobejshikow_a_w/itutai.shtml (дата обращения: 09.03.2023).

¹⁷¹ Коробейщиков А. В. Иту-Тай. Путь свободного волка. М.: РИПОЛ классик, 2010. С. 409.

ющими сферы мироздания, являются Нагорное кладбище, церковь, музей, старый особняк на окраине города.

Как уже было отмечено, самое высокое место Барнаула – холм в междуречье Барнаулки и Оби. В настоящее время там расположен Нагорный парк с видовой площадкой. В художественных мирах обоих романов описываются руины ВДНХ, существовавшей с 1956 по 1992 годы на месте уничтоженного Нагорного кладбища. Данный локус совмещает в себе признаки высоты и абсолютной потусторонней глубины. На горе начинается роман В. Н. Токмакова: бомж обнаруживает раскопанную могилу генерала А. Бэра, из которой идет ход в дом-призрак. На Змеиной Горе (по названию Змеиногорского тракта) происходит очередное испытание героя романа А. В. Коробейщикова. Описание горы в «Иту-Тай» обнажает мифологические смыслы отграничения и посредничества: «Холм словно разделял два разных ландшафта: суетливый, дымный, подсвеченный огнями – городской и бесконечно спокойный, безмятежный и величественный – природный»¹⁷². После ритуального избиения наставник говорит ученику: «Это место очень способствует гибели, оно насквозь пропитано смертью. <...> В сумерках же двери Земли открываются и то, что было сокрыто за ними, может беспрепятственно выходить наружу»¹⁷³.

Пространство храма в обоих романах оказывается сниженным, лишенным священных смыслов. У В. Н. Токмакова Воскресенский храм осквернен змеями, окружившими молящегося у алтаря священника. Наступают Последние времена, и лишь вера открывает путь к спасению. В соборе наставник героя А. В. Коробейщикова святотатственно шутит.

В романе В. Н. Токмакова в залах Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая происходит очередное убийство. Реальность двоится: во время исторической реконструкции посвящения в масоны вдруг мелькает голубое бальное платье легендарного барнаульского призрака, слышен цокот

¹⁷² Коробейщиков А. В. Иту-Тай. Темный Ветер с зеленых холмов.

¹⁷³ Коробейщиков А. В. Иту-Тай. Путь свободного волка. С. 240–242.

копыт, будто к воротам подъехал экипаж. В стенах Алтайского государственного краеведческого музея герой А. В. Коробейщикова подвергается шоковой процедуре восстановления памяти о своей магической природе. В обоих музеях происходит страшное: гаснет свет, нарастает чувство тревоги, сон и явь путаются.

Дом / Особняк / Коттедж замыкает цепь пространств-соединителей. В здании старого особняка, который отсутствует на картах и может быть найден лишь заблудившимся человеком, происходит кульминационная сцена романа В. Н. Токмакова – нырок героев в колодец, уводящий от восставшего из мертвых Ленина и наступившего Апокалипсиса в иную реальность. В романе А. В. Коробейщикова трехэтажный коттедж, стилизованный под русскую усадьбу, расположен в лесу, недалеко от города по Змеиногорскому тракту. Под «Домом Тишины» находится Колодец (Родник, Пятно Силы, Скважина, Аркол) – источник энергии Земли, который «сродни Чистилищу, месту между Раем и Адом»¹⁷⁴. В финале романа герой сжигает опасное для простых смертных здание.

Несмотря на хронологическую преемственность анализируемых романов наблюдаемая общность «градообразов» писателей, скорее всего, связана не с непосредственным интертекстуальным контактом, а с гипотетическим общим претекстом – повестью С. М. Орехова «Барнаул – Столица Мира» (публикации в различных редакциях – 1989, 1992, 1998). Здесь впервые после Рерихов прозвучала мысль о географическом положении города в центре Евразийского материка и о мистическом предназначении Барнаула – стать духовной столицей мира. Диапазон смыслов города ожидаемо колеблется от определения «заурядная провинциальная дыра»¹⁷⁵ до мистических ворот, лестницы в Шамбалу. «Город сюрреалистов»¹⁷⁶ охвачен то адской жарой, то потопообразным ливнем. «Доминанты» города – одноименная Барнаулу гостиница, психбольница, ВДНХ, свалка оказыва-

---

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Орехов С. М. Барнаул – Столица Мира. Человек последнего круга. Барнаул, 2002. С. 162.

¹⁷⁶ Там же.

ются местами-посредниками, входят в систему базовых точек города и появляются в позднейшей барнаульской прозе.

Системные совпадения ключевых мест города в трех произведениях могут быть объяснены не только генетическими, но и типологическими связями. Все отмеченные локусы наделены в культуре тождественной функцией: объединение горного, дольного и инфернального; прошлого, настоящего и будущего; жизни и смерти.

Отмеченные в связи с Барнаулом смыслы эквивалентны пермским: взаимодействие «мессиански окрашенной идеи избранности пермской земли и столь же интенсивно переживаемой идеи отверженности и проклятости этого места»¹⁷⁷. Как замечают исследователи Барнаульского текста, цитируя работу В. Н. Топорова «Текст города-девы и города-блудницы в мифопоэтическом аспекте», «история любого города представляет собой подобное “превращение Вифлеема в Бедлам”»¹⁷⁸.

Остановимся подробнее на одной из мистических доминантных точек города – особняке начальника Алтайского горного округа (ныне здание городской администрации), связанном с легендой о Голубой Даме.

Местный фольклор – это тот культурный чернозем, на котором произрастает оригинальный городской текст. Сказы, предания, легенды, исторические песни часто основывались на исторических фактах, творчески обобщенных народным сознанием. Так, принудительный, чрезвычайно тяжелый, пожизненный труд на барнаульском сереброплавильном заводе вызвал к жизни легенды о неуловимых беглецах. Например, беглец Сорока якобы был наделен колдовской силой, заговорен от пуль, мог проходить сквозь стены и рвать железные оковы. Личность великого изобретателя И. И. Ползунова, создателя первой в России паровой машины – колдуна! – также породила вокруг себя много слухов, толков и легенд. Есть и другие барнаульские легенды, связанные с именами знаменитых горожан:

¹⁷⁷ Абашев В. В. Пермь как текст. С. 396.

¹⁷⁸ Десятов В. В., Куляпин А. И. Барнаульский миф в русской литературе. С. 187.

П. К. Фролова, С. И. Гуляева, И. И. Тачалова. Особый круг фольклорных текстов составляют городские легенды о невинно убиенных (про Голубую Даму, Дунькину рощу, Русалочий остров, Акулькину топь и пр.). В современном информационном обществе устное бытование данных текстов сменилось сетевым.

Среди городского фольклора особой известностью пользуется легенда о Голубой Даме. Первое известное нам литературное упоминание о призраке принадлежит А. А. Черкасову (1834–1895). В 1870 году он остановился проездом в доме горнозаводского начальника. Ему отвели комнату нежилого нижнего этажа, вторую от сада. В сумерках, отдыхая на диване, Черкасов услышал отдаленные звуки превосходной игры на рояле и решил, что это жена хозяина. «Спите?» – окликнул его лакей. Черкасов ответил отрицательно и пошел пить чай. Оглядывая по пути залу и гостиную, он не обнаружил рояля. Выяснилось, что он не первый слышит звуки музыки, хотя инструмент отсутствует. Более того, «в этом доме изредка чудится и показывается какая-то фигура в образе женщины, которую и называют Синяя Дама»¹⁷⁹ по цвету одежды. Через несколько лет, когда в доме жил другой горный начальник, барышни гадали столоверчением. Стол «поведал», что «Синяя Дама – Лариса, которая лежит в саду под колодой около задней калитки, просит отрыть ее прах, отпеть и предать погребению»¹⁸⁰.

Мистическая история, скроенная по лекалам романтизма, так и осталась бы малоизвестной быличкой, зародышем городской легенды, если бы не М. И. Юдалевич, который, во-первых, укоренил ее в современной ему действительности: «В детстве мне приходилось встречать горожан, утверждавших, что они своими глазами видели, как в полночь гуляет по саду, поднимается по лестнице и заходит в дом Голубая Дама...» (ОА, т. 5, с. 251). Во-вторых, реалистически объяснил чудо в повести «Голубая Дама» (1981). В-третьих, закрепил сюжет многократным пересказом в краеведческих работах. Суть истории сводится к следующему: жестокосердный городской начальник заподозрил в измене молодую

¹⁷⁹ Черкасов А. А. Из записок сибирского охотника. М.: Физкультура и спорт, 1994. С. 626.

¹⁸⁰ Там же. С. 628.

жену и замуровал ее в подвале своего дома сразу после бала, на котором она неосторожно проявила свои чувства к возлюбленному. Убитая без покаяния женщина выходит из могилы в виде привидения. Подобная фабула – достояние мирового фольклора. Однако нам не удалось прочитать подобную предысторию барнаульского призрака нигде, кроме как у М. И. Юдалевича.

Существует другой вариант легенды, бытовавший в Барнауле в 1905–1907 годы и пересказанный в автобиографической повести М. Д. Зверева «Заимка в бору». Дочь «богатея» и «революционерка» покушалась на жизнь губернатора на балу в честь именин императора, была арестована и повесилась в камере, расположенной в подвале дома, прямо в бальном платье. Ее дух якобы ежегодно является в зеркале в день и на месте ее гибели (ОА, т. 5, с. 404–405). Повесть М. Д. Зверева была впервые опубликована в Алма-Ате в 1976 году, но вряд ли была известна М. И. Юдалевичу до 1985 года, когда она была подготовлена к печати на Алтае.

Стало быть, существовали разные варианты городской легенды. И оба они, как будет показано далее, восходят к литературным претекстам. Предыстория привидения у Зверева фабульно совпадает с рассказом Т. Л. Щепкиной-Куперник «Первый бал» (1907), где генеральская дочь убивает на балу жестокого офицера, учинившего зверскую расправу над рабочими. Тот факт, что в повести «Голубая Дама» М. И. Юдалевич выступает в мистифицирующей роли «издателя» чужого дневника, дает основание предположить, что фабула его варианта легенды выдумана им самим.

Жанр произведения М. И. Юдалевича – историческая повесть – весьма благодатен для региональной литературы. Здесь сошлись три элемента, определяющих неповторимый облик места: природа, история, этнос. Краеведческая узнаваемость и авантюрно-мелодраматический сюжет обеспечили феерическую славу

спектакля, а затем и повести «Голубая Дама»¹⁸¹. Не удивительно, что в городском фольклоре закрепился именно этот вариант легенды.

Местный колорит, составляющий главный предмет интереса регионального писателя, воссоздается при помощи рассказчиков. Автор-краевед «проговаривается» в монологах Юлии о кулинарии, архитектуре, заводе, базаре Барнаула (ОА, т. 5, с. 258, с. 281, с. 286–287), в реплике Юрия о сложившемся в Сибири этносе, где «встретилась ... Русь с Калмыкией» (ОА, т. 5, с. 265). Отметим фонетическое «двойничество» Юлии / Юрия: «он приходится мне почти что тезкой» (ОА, т. 5, с. 278). На уровне персонажей параграмма имен прочитывается как предназначенность друг другу. На уровне нарратива созвучие Юлия / Юрий / Юдалевич выявляет близость и различие повествующих субъектов: рассказчиков и автора. Персонажи объединены еще в одном слове – *Барнаул* (ул / ур). Их жизнь и смерть роковым образом связаны с городом. Добавим, что имя гостеприимного горного начальника, у которого остановился первый очевидец привидения – *Юлий* Иванович Эйвальд¹⁸². Не намек ли это на подлинный первоисточник легенды – текст А. А. Черкасова?

Итак, частная мелодраматическая история вписана в «большое» пространство и время: алтайскую природу, культуру и историческую ситуацию, знаковую для сибирского текста, – эпоху декабристов. На Алтай их не ссылали, но писатель придумывает выход: пусть не сама героиня, но ее подруга-двойник («судьбы наши во многом схожи», ОА, т. 5, с. 253) оказывается женой декабриста, переписка девушек становится поводом к конфликту с мужем и раскрытию его неблагоприятных душевных качеств; сочувствие восстанию сближает Юлию и Юрия. Декабристы – сугубо сибирский исторический фон, ставший катализатором семейной драмы и истинной любви.

¹⁸¹ Юдалевич М. И. «Я – Голубая Дама» // Юдалевич М. И. Избранное: в 5 т. Т. 2. Барнаул: Алтайский дом печати, 2008. С.305–307.

¹⁸² Черкасов А. А. Из записок сибирского охотника. С. 626.

Косвенно, через посредничество персонажа и отрицание, указываются претексты повести. Юрий Зарицын пишет по поводу дневника героини: «Автор записок уверяла меня, что она не тщеславна. Помыслами прорваться в тесный круг сочинителей не обуреваема. Похвально! Ведь каждый сочинитель почитает себя ежели не господином Вольтером, то уж во всяком разе Дидеротом и ни за какие пироги не унизится до Пушкина или Марлинского» (ОА, т. 5, с. 265).

Через отрицание на самом деле подсказываются творческие ориентиры данного произведения – произведения двух Александров, Пушкина и Бестужева-Марлинского. Сопряжение для современного слуха странное, но если учесть, что в 1830-е годы, когда происходит действие повести, А. А. Марлинский почитался «Пушкиным прозы», то вполне оправданное. Принципиальная установка на литературную традицию середины XIX века воплощается на всех уровнях повести Юдалевича. Письменная речь дневника мастерски стилизована, что подчеркнуто мнимым «издателем»: «...изменив орфографию, сократив длинноты, переведя на русский язык французские выражения, но сохранив галлицизмы в синтаксисе, предлагаю рукопись читателям» (ОА, т. 5, с. 252). Подобный «перевод» с французского на русский якобы осуществлял А. С. Пушкин, предлагая читателям письмо Татьяны к Онегину. Пушкин же прятался за маской издателя в «Повестях покойного Ивана Петровича Белкина». Обозначенные претексты проявляются в композиции, сюжете, в речах Юлии. Вспоминая свою подругу-двойника (Н. Д. Фонвизину), рассказчица полагает её прототипом Татьяны Лариной (ОА, т. 5, с. 280). Современники, да и реальная Н. Д. Фонвизина, действительно, усматривали определенное сходство в судьбах героини А. С. Пушкина и будущей жены декабриста. Происхождение Юлии – наполовину дворянка, наполовину крестьянка – напоминает счастливый мезальянс дочери станционного смотрителя. Дуэль Зарицына и графа Броницкого рифмуется с «Выстрелом», где выстрел в человека замещается нанесением ущерба предмету (портрет / ветка дерева), а герой, почти не целясь, побеждает своей меткостью. Во время холеры Юлия переодевается в

крестьянку и переправляется на другой берег Оби к Юрию¹⁸³. «Комедия» завершается разоблачением девушки. Мотив узнаваем, но слово о нем появится позже, когда спасенная от мужа-душегуба героиня, переодевшись солдатом, уедет из Барнаула в тайную таежную деревню: «Из солдата я обратилась в крестьянку, но не в ту крестьянку-барышню, о которой недавно и столь удивительно живо написал наш славный сочинитель Александр Сергеевич Пушкин. Я – крестьянка неподложная» (ОА, т. 5, с. 357). Отчество Юлии – Андриановна – отсылает к варианту имени гробовщика Адрияна Прохорова и задает готический вектор повести. Подобно тексту Пушкина, где приход мертвецов происходит, как оказалось, во сне, появление привидения получает реалистическую трактовку: «покойница» не умирала, она намеренно пугает «вдовца», мстит за убитого возлюбленного. Канва судьбы героини есть авантурный ряд превращений: «Была барыней, солдатом, крестьянкой. Теперь я – призрак» (ОА, т. 5, с. 371).

Повесть М. И. Юдалевича лишена иронического тона, свойственного «Повестям Белкина». Связано это с тем, что в орбиту пушкинских претекстов вовлекаются такие серьезные произведения, как «Капитанская дочка» и «Дубровский». Отсюда наследуются авантурные мотивы: испытание любви препятствиями и встреча с благородным разбойником (с Ваньшей / беглецом Сорокой). «Капитанская дочка» предопределила жанр алтайского произведения – историческая повесть.

В свою очередь, готическая фабула повести М. И. Юдалевича восходит к рассказу «Латник» (1831) А. А. Бестужева–Марлинского. Маркером обращения к этому тексту служит прежде всего имя рассказчика одной из таинственных историй – поручик *Зарницкий* (ср. *Зарицын* у Юдалевича). Представим другие схожие моменты в виде таблицы:

---

¹⁸³ Возможно, здесь содержится аллюзия на то, что А. С. Пушкин пишет «Повести Белкина», вынужденно проживая в Михайловском из-за эпидемии холеры.

А. А. Бестужев-Марлинский

М. И. Юдалевич

Группировка персонажей – треугольник

тиран-отец –

тиран-старик-муж –

непослушная дочь –

непослушная юная жена –

ее возлюбленный, учитель

ее возлюбленный, изменивший ее
мировоззрение

Фабула

Жестокосердный отец разлучает возлюбленных, поймав после побега и венчания. Дочь, объявленная сумасшедшей, разрешившись от бремени, умирает. Ее муж замучен в подвалах дома. Отцу является привидение дочери, он сходит с ума, покидает имение, вскоре умирает.

Муж-тиран замуравывает в подвале дома жену. Она спасается, сбегает из города, соединяется с возлюбленным. Он возвращается в город, его убивают. Она остается беременной. Является мужу в виде привидения, доводит его до припадков.

Психологические мотивировки

«Угнетение, уничижение, под которыми держали ее, пробудили в ней гордую душу, которая без того никогда бы, может быть, не проснулась»¹⁸⁴.

«Несмотря на то, что мы помирились с мужем, прежнее равновесие в нашей семье утеряно» (ОА, т. 5, с. 256). «Я ли не была верной женой ему! Я ли не старалась любить его! И как подло оскорблял он меня грубостью, подозрительностью, недоверием!» (ОА, т. 5, с. 371)

Хронотон

«Ходили слухи, что он был ... брошен в один из подвалов, где и был уморен с голоду <...> слышали стоны в подполье и

«Разные слухи ходят здесь про генерала. Говорят, что он самочинно расправляется с неудобными людьми.

¹⁸⁴ Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1981. С. 437–438.

узнавали в них голос учителя, что потом он начал стихать, стихать и, наконец, замер в таком страшном вопле, что от одного рассказа вставали дыбом волосы. Говорили еще, будто видели в следующую ночь, что мелькал огонь в отдушине подвала, где сидел Баянов, слышали, как там брякали лопатки, как что-то закапывали, закладывали камнем»¹⁸⁵.

Слыхала я даже, будто расправа та ведется в глухих подвалах дома. <...> ...мне даже однажды показалось, будто снизу донесся не то вскрик, не то стон» (ОА, т. 5, с. 256)

Героиню замуровывают в подвале, где на железной цепи прикован беглец Сорока, который ее спасет.

Месть

«Вскоре после смерти дочери в князе Юлия в голубом бальном платье яв- заметили чудесную перемену. Его злое, ляется генералу как привидение: «А- дерзкое лицо покрылось бледностью; по- а-а, – заорал он нечеловеческим голо- ходка стала робка и нерешительна, глаза сом и бросился бежать. В дверях за- подернулись дымною оболочкою. пнулся за порожек, упал, но фонаря Иногда, среди белого дня, он останав- не выпустил и, завывая, пытаюсь вы- ливался на быстром ходу и, весь трепеща, говорить какие-то слова, пополз по отступал; иногда вскакивал с кресел, про- полу... <...> В несколько дней обра- износя невнятные слова. <...> вдруг в од- тился он в трясущегося старичка и тился он в трясущегося старичка и даже исхитрился как-то уменьшиться в размерах...» (ОА, т. 5, с. 371).

своей, бледный, испуганный; в одной со- рочке, он сам походил тогда на мертвеца.

<...> Через полтора года князя нашли мертвым в постеле»¹⁸⁶.

Итак, поэтика исторической и готической повести воспринята и стилизована Юдалевичем сквозь призму Пушкина и Марлинского, современников эпохи, которую реконструирует писатель.

¹⁸⁵ Там же. С. 443–444.

¹⁸⁶ Там же.

Архетипическое двойничество города и женщины позволяет прочесть в повести еще один сюжет – историко-политический, не лишенный актуальности на момент написания тенденциозности. Это история о бесплодном браке с представителем царской власти – ограниченным, жестоким, бесчеловечным самодуром, обреченным на измену жены-страны, безумие и смерть. О выборе женщиной свободомыслящего со-декабриста. Союз любящих краток и трагичен, но провиденциален (созвучие имен «Юлия/Юрий») и плодотворен: героиня беременна, а значит, у их любви есть будущее. Измена оборачивается подлинным браком. Выбор героини предопределяет исторический вектор развития города и страны.

Если отвлечься от социально-исторической составляющей сюжета, то можно обнаружить его архетипическую основу. Она коренится в древнем обряде строительной жертвы – замуравывании человека (часто – женщины) в фундамент или стену строения (дом, мост, крепостная стена и пр.) с охранительными целями¹⁸⁷. Не случайно именно эта легенда стала краеугольным камнем барнаульской мифологии, базисом региональной литературы. Она неизменно упоминается во всех городских экскурсиях, ряде художественных текстов о Барнауле. Так, в романе В. Н. Токмакова «Сбор трюфелей накануне конца света» Голубая Дама мелькает на маскараде: «Красавица блистала в пышном, шикарном голубом бальном платье» (с. 227). Голубая Дама множится, реинкарнирует, превращается в мертвую невесту-русалку, в А. В. Боголюбскую (*femme fatale* Н. М. Ядринцева), в многочисленных возлюбленных героя. Она же по рифме судьбы – жертва уголовников, зарытая в котловане строящегося драмтеатра (с. 67). Более того, весь город якобы стоит на месте Акулькиной / Ведьминой топи, где «с незапамятных времен самосудом топили уличенных в колдовстве женщин» (с. 66). У В. Н. Токмакова, как видится, Голубая Дама – Душа Барнаула, многоликая, прекрасная и смертельно опасная, сквозящая между реальностью и сном, фантазией, иным миром. Подобно Голубому Цветку Новалиса, Софии Вяч. И. Иванова, Прекрасной Даме

---

¹⁸⁷ Суворова А. А. «Замурованная невеста»: этюд на гендерную тему // Слово : образовательный портал. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/41190.php> (дата обращения: 17.04.2023).

А. А. Блока¹⁸⁸, она – вечно притягательный идеал, постичь который можно, умерев и вновь родившись.

Так городская легенда о Голубой Даме претерпела метаморфозы: от романтического видения, полусна-полуяви, через реалистическое обоснование к неоромантической интерпретации, обнажившей ее корни, – архетип строительной жертвы.

Литературная модель Барнаула может и должна быть дополнена как именами авторов, ее создателей, так и событиями, образами, атрибутами, заполняющими специфически барнаульское семиотическое пространство. Как «знаковая система, состоящая из предметных реалий, сложившихся ценностей, литературных архетипов, мотивов, имен, устойчивых идеологем»¹⁸⁹, Барнаульский текст находится на начальной стадии становления и изучения. Тем не менее можно с определенной долей уверенности утверждать, что смысловые доминанты Барнаула, сформированные творчеством местных и приезжих писателей, могут быть разделены на типологические и индивидуальные. Универсальными для образа любого города являются системные аналогии город-человек (в т. ч. писатель), город-книга, город-текст (в т. ч. интертекст), город-центр мира, город-ад, города-двойники (близнецы и антиподы). Типично обращение художников слова, особенно поэтов, к паронимической аттракции при «расшифровке» имени города. Но то, как воплощаются эти общекультурные модели и творческие стратегии в применении к конкретному историко-географическому, психолого-биографическому и топонимическому материалу, является уникальной семиотической реальностью.

---

¹⁸⁸ Интересные наблюдения о Барнауле в жизни и творчестве А. Блока см. в: *Десятов В. В., Куляпин А. И.* Барнаульский миф в русской литературе.

¹⁸⁹ *Голубков С. А.* Семантика и метафизика города: «городской текст» в русской литературе XX века. С. 4.

3.2. Писатель как гений места: В. М. Шукшин и В. Г. Шершеневич¹⁹⁰

Любой локальный сверхтекст включает в себя плеяду своего рода «культурных героев» и «гериев места» – исторических лиц, жизнь и деятельность которых связана с географическим пространством. Имя человека оборачивается топонимом, метонимически презентует место, становится элементом территориальной идентичности¹⁹¹. Знаковыми фигурами Сибири являются Ермак, Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, Ф. М. Достоевский, А. В. Колчак и др. На Алтае этот перечень дополняют выдающийся изобретатель И. И. Ползунов, горный инженер, гидротехник К. Д. Фролов, врач, естествоиспытатель, географ Ф. В. Геблер, художник Г. И. Чорос-Гуркин и др.¹⁹².

Самый прославленный писатель Алтая, разумеется, В. М. Шукшин. Изучение его творчества сформировало региональную научную школу, интерес к его биографии создал объемную мемуаристику и многочисленные жизнеописания. В художественной литературе сложился коммеморативный портрет писателя. Конечно, далеко не все важные для Алтая люди достигают такой высокой степени востребованности. В процесс художественного осмысления региональной само-

¹⁹⁰ Результаты были опубликованы в: *Богумил Т. А.* Коммеморативный литературный портрет В. М. Шукшина // *Филология и человек.* 2022. № 4. С. 127–140 ; *Она же.* «Когда вся жизнь, как хата с краю...» // *Культура Алтайского края.* 2022. № 1. С. 10–11 ; *Она же.* Оппозиция «центр – периферия» в произведениях писателей Алтая о В. М. Шукшине и В. Г. Шершеневиче // *Маргиналии – 2023.* Москва, 2023. URL: https://ruslang.ru/sites/default/files/2023-04/marginalii2023_tezisy_v28042023.pdf (дата обращения: 15.05.2023) ; *Она же.* Литературный портрет В. Г. Шершеневича в творчестве барнаульских писателей // *Studia Litterarum.* 2023. Т. 8. № 4. С. 182–201 ; *Литературно-туристический Алтай: топосы – мифы – имена / Т. А. Богумил [и др.].* Барнаул: АлтГПУ, 2018. С. 147–152.

¹⁹¹ *Замятин Д. Н., Замятина Н. Ю.* Гений места и город: варианты взаимодействия // *Вестник Евразии.* 2007. № 1. С. 66 ; *Строганов М. В.* Деятель культуры: гений места vs. культурный герой // *Костромской гуманитарный вестник.* 2012. № 2 (4). С. 56–59.

¹⁹² *Анисимова Е. Е.* Конструирование исторической памяти о Сибири в русской литературе 1820-х годов: баллада А. Н. Муравьева «Ермак» // *Сибирский филологический журнал.* 2023. № 1. С. 87–101 ; *Шастина Т. П.* Г. И. Чорос-Гуркин: от образа современника к *genius loci* в литературе XX века. Статья I // *Алтайский текст в русской культуре.* Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. Вып. 6. С. 400–415 ; *Она же.* Г. И. Чорос-Гуркин: от образа современника к *genius loci* в литературе XX века. Статья II // *Мир науки, культуры, образования.* 2015. № 6 (55). С. 377–380 ; *Она же, Алексеев П. В.* Гений и место: Г. И. Чорос-Гуркин как символ Горного Алтая в русской литературе XX – начала XXI вв. // *Научный вестник Горно-Алтайского государственного университета.* Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского ун-та, 2020. С. 106–109.

идентичности практически не вовлечен, например, В. Я. Шишков, хотя его становление как прозаика связано во многом с Алтаем: он написал о крае очерки, рассказы, повесть. Напротив, В. Г. Шершеневич, попавший в Барнаул незадолго до смерти и никак не отразивший реалии места в своем творчестве, довольно часто оказывается темой краеведческого и художественного высказывания. Свидетельством того, что В. Г. Шершеневич стал значимой персоной для городского текста, является публикация статьи о нем в энциклопедии Барнаула¹⁹³.

Смерть человека «оцельняет» его судьбу, создавая условие для превращения реального лица в персонажа художественного высказывания. В том случае, если уход внезапен и, по слухам, насильственен, а ушедший – личность известная, возникает лавинообразный поток коммеморативных реакций, сплывающих общество в едином скорбящем порыве. Неожиданная смерть В. М. Шукшина в расцвете творческой славы и народной любви получила эмоциональный отклик в различных сферах: в средствах массовой информации было опубликовано более 10 некрологов¹⁹⁴; память о нем была увековечена созданием Всероссийского мемориального музея-заповедника, ежегодным проведением Всероссийского фестиваля «Шукшинские дни на Алтае», мероприятиями музеев и библиотек; образ В. М. Шукшина создавался в различных видах изобразительного искусства (скульптура, живопись, графика, фотография и пр.), в киноискусстве¹⁹⁵, в песнях¹⁹⁶, в стихах и прозе. Фундаментальный справочный труд «В. М. Шукшин: биобиблиографический указатель» (2018), в который вошли источники за 1958–2017 годы, включает список художественных произведений о Шукшине, состоящий из более 200 публикаций¹⁹⁷. Литературная шукшиниана представляет определенный интерес для научного исследования. Первыми шагами в этом направлении можно считать статьи об образе В. М. Шукшина в критических и публици-

¹⁹³ Барнаул: энциклопедия. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 337–338.

¹⁹⁴ В. М. Шукшин: биобиблиографический указатель. Барнаул, 2018. С. 166.

¹⁹⁵ *Огнева Е. В.* Образ В. М. Шукшина в кинодокументалистике // Текст: проблемы и методы исследования. Барнаул: АлтГПА, 2009. С. 154–159.

¹⁹⁶ В. М. Шукшин: биобиблиографический указатель. С. 500–515.

¹⁹⁷ Там же. С. 483–499.

стических работах сибирских прозаиков, а также в стихотворениях кемеровских и алтайских поэтов¹⁹⁸.

Наиболее репрезентативными произведениями о писателе, как видится, являются художественные некрологи. Данный тип поминальных текстов, по сути, является разновидностью литературного портрета, отличаясь лишь приуроченностью к дате кончины человека, тогда как особенности структуры и поэтики во многом идентичны. Подобно всем жанрам мемуаристики, литературный портрет-некролог объектом высказывания делает личность современника, чей образ выстраивается автором при помощи отбора и монтажной компоновки наиболее ярких и/или типичных фактов¹⁹⁹.

На событие смерти 2 октября 1974 года были написаны стихотворения «Памяти Василия Шукшина» В. С. Высоцкого, «Памяти Шукшина» Е. А. Евтушенко, «Смерть Шукшина» А. А. Вознесенского и «Памяти Василия Шукшина» Р. И. Рождественского. Обладая большими, нежели у менее популярных авторов, возможностями широкой публичной трансляции, данные произведения имели все шансы стать прецедентными для последующей мемориальной лирики о Шукшине. В отличие от сибирских писателей, для которых в личности и деятельности земляка важен региональный аспект, столичные авторы акцентировали географическую универсальность – всероссийское и мировое значение Шукшина. Понятно, что подобный масштаб охвата аудитории был, в первую очередь, связан с актерским и режиссерским дарованием Шукшина, и лишь во вторую – с его писа-

---

¹⁹⁸ Каминский П. П. В. М. Шукшин в публицистике С. Залыгина, В. Распутина и В. Астафьева // Творчество В. М. Шукшина в межнациональном культурном пространстве. С. 109–119 ; Карпова Г. И., Инякина Н. М. Личность и творчество В. М. Шукшина в оценках кемеровских поэтов (М. А. Небогатов, И. М. Кисилев, В. М. Баянов, В. М. Ширяев) // Традиции творчества В. М. Шукшина в современной культуре. С. 105–117 ; Завгородняя Н. И. Шукшинский миф в алтайской поэзии // Язык и литература в поликультурном пространстве: проблемы, идеи, тенденции развития. Актобе: Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова, 2021. С. 270–274.

¹⁹⁹ Громова А. В. Жанровые разновидности литературного портрета в наследии Б. К. Зайцева // Вестник Тамбовского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. № 7 (63). С. 108, 113 ; Картаусова Н. В. Некролог как своеобразная форма литературного портрета // Ценности и смыслы. 2010. № 6 (9). С. 93.

тельскими реализациями. Соответственно, в первых литературных некрологах образ Шукшина моделировался с опорой на кинофильмы, которые он создавал и в которых снимался. Литературный портрет Шукшина строился на знаковых деталях: скулы, кирзовые сапоги, калина, береза и др. Поэты отмечали наиболее важные для его биографии фильмы: пророческий «Калина красная», роковой «Они сражались за Родину», несбывшийся о Степане Разине.

Этот канон наследуется и местными поэтами. Однако на первый план выдвигается малая родина, пространство детства и взросления Шукшина. Сибирь, Алтай, Сростки, Пикет, Чуйский тракт, Катунь – все эти топонимы мыслятся знаками Шукшина, который, в свою очередь, преобразуется в *genius loci* и туристический «бренд»²⁰⁰. Пространство воспринимается сквозь призму человека, подвергается антропологизации, т.е. становится геопоэтическим явлением.

Востребованной оказалась также концепция В. М. Шукшина – всенародного автора, наследника есенинской традиции. В мемориальных произведениях В. М. Шукшин выводится как продолжатель не только С. А. Есенина, но и М. В. Ломоносова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, как автор, одноприродный Н. М. Рубцову. Действительно, судьбы, мировоззрение и творческие миры указанных и не упомянутых в стихотворениях авторов (и персонажей) находят многочисленные переключки в жизненной стратегии и поэтике Шукшина, о чем написаны специальные работы литературоведов²⁰¹.

В поминальной лирике обозначается проблема дальнейшего существования традиции, оборванной безвременным уходом В. М. Шукшина: «...он сменился с отчаянной вахты, / И не известно, кому на нее заступать...» (И. М. Пантюхов).

²⁰⁰ О Шукшине как «бренде» Алтайского края см.: *Замятина Н. Ю.* «Продать родину»: герои Василия Шукшина и потенциальный бренд Алтайского края // *Культурная и гуманитарная география*. 2012. Т. 1. № 2. С. 191–201.

²⁰¹ *Куляпин А. И., Левашова О. А.* В. М. Шукшин и русская классика; *Левашова О. Г.* Биографический текст В. М. Шукшина; *Она же.* В. М. Шукшин и традиции русской литературы XIX в. (Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. 266 с.; *Глушаков П. С.* Очерки творчества В. М. Шукшина и Н. М. Рубцова: классическая традиция и поэтика. Рига: Rota, 2009. 279 с.; *Он же.* Шукшин и другие: статьи, материалы, комментарии. СПб.: Росток, 2018. 320 с.; *Богумил Т. А.* Лики В. М. Шукшина: Мартин Иден, Гамлет, Степан Разин.

Эта проблема решается двояко. Во-первых, поэты утверждают вечность существования таланта: «Жив Шукшин. Только жив по-другому» (Л. И. Хаустов); «Твоих, Россия, сыновей / И смерть сама ведет в бессмертье» (С. И. Макаров). Во-вторых, в художественных и публицистических работах многочисленны утверждения писателей, особенно сибирских и алтайских, что они и есть продолжатели Шукшина. Например: «Вдруг повезет – пройду по следу / Что здесь оставил мой земляк» (А. Жуков)²⁰².

В этом контексте любопытны исключительные моменты отказа от наследования. Так, в стихотворении В. Н. Токмакова, посвященного «Светлой памяти Н. Рубцова и В. Шукшина» аллюзивно обыгрывается «костюмная» метафора литературной преемственности: «Все мы вышли из гоголевской “Шинели”»²⁰³. У Токмакова «отец» дарит пиджак сыну, однако вещь не подходит: «Как надену – все не так. <...> Видно, время мне пришло / жить своим умом»²⁰⁴. Мысль авангардно настроенного поэта вторит теории формалистов, согласно которой «говорить о преемственности приходится только при явлениях школы, эпигонства, но не при явлениях литературной эволюции, принцип которой – борьба и смена», «борьба с отцом, в которой внук оказывается похожим на деда»²⁰⁵, «наследование ... идет не от отца к сыну, а от дяди к племяннику»²⁰⁶. Позиция В. Н. Токмакова выглядит более честной на фоне дружного восхваления В. М. Шукшина и «примазывания» подражателей к статусному предшественнику, чего не избежала поминальная лирика о писателе и режиссере.

Об обратной стороне коммеморативных практик высказался известный воронежский поэт В. Г. Гордейчев в стихотворении «Памяти мастера»: «...стал в

²⁰² Жил такой парень...: сб. воспоминаний и стихотворений о Шукшине. Белокуриха: [б. и.], 2009. С. 76, 92, 107, 79.

²⁰³ Об истории крылатой фразы см.: Душенко В. В. Все мы вышли из гоголевской «Шинели» // Цитата в пространстве культуры: из истории цитат и крылатых слов. М.: ИНИОН РАН, 2019. С. 112–115.

²⁰⁴ Токмаков В. Н. Стихи светлой памяти Н. Рубцова и В. М. Шукшина // Ликбез. 1994. № 7. С. 9.

²⁰⁵ Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 258, 182.

²⁰⁶ Шкловский В. Б. Гамбургский счет. М.: Советский писатель, 1990. С. 120.

стихах повсеместным / персонажем Шукшин. / В скольких рифмах привязан он / к бытовому нытью / <...> / Всем бы горестно-немо / молкнуть нам оттого, / что стихи и поэмы / не поднимут его»²⁰⁷. Пожалуй, первым поэтом, негативно оценившим стремительно увеличивающийся поток интервью, воспоминаний, художественных произведений о В. М. Шукшине, оказался Р. И. Рождественский. В стихотворении «Памяти Василия Шукшина» отсутствует литературный портрет умершего современника. Единственное, что указывает на него – это заглавие и словосочетание «алтайская порода». Весь текст – это гневная инвектива, направленная против «хвалебного воя», «взыгравшего пыла», «поминных застолий», «посмертных восторгов» всех тех, кто бурно оценил талант писателя только после его ухода – против «надгробных дружков»²⁰⁸. Позже Б. В. Мурашкин в стихотворении о В. М. Шукшине написал: «Белов, Астафьев суть сказали, / Они отважились посметь: “В России, чтоб талант признали, / Сначала надо – умереть”»²⁰⁹. Поэт солидаризируется с горьким высказыванием В. П. Астафьева о Н. М. Рубцове: «В России почти всегда посмертная судьба поэта удачливей прижизненной»²¹⁰.

Сегодня, когда острота реакции на безвременный уход В. М. Шукшина спала, появление новых мемориальных стихотворений, особенно в т. н. «наивной литературе», свидетельствует не столько об искреннем переживании утраты, о глубинном понимании творческого мира писателя и режиссера, сколько о соблюдении своего рода ритуала, формальном жесте. Коммеморативные практики сменили свою направленность: важно не запечатлеть память о Шукшине, а отметить себя в контексте знаменитости, подобно тому, как вандалы-туристы подписывают выдающиеся природные и культурные объекты, мол «я там был». Так личность

²⁰⁷ Жил такой парень... С. 109–110.

²⁰⁸ *Рождественский Р. И.* Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. Стихотворения; Поэмы; Песни. 1970–1985. М.: Худож. лит., 1985. С. 219.

²⁰⁹ Жил такой парень... С. 95.

²¹⁰ *Астафьев В. П.* Затеси. Из тетради о Николае Рубцове // Новый мир. 2000. № 2. С. 7.

Шукшина окончательно объективируется, превращается в артефакт, памятник самому себе.

Вектор судеб В. М. Шукшина и В. Г. Шершеневича противоположен. В случае с алтайским прозаиком прослеживаются контуры «ломаносовского мифа»²¹¹. Контрастный путь от периферии (малой родины) к центру воплощает успешную жизненную стратегию: «В этом месте родился Шукшин, – / Его прахом владеет столица»²¹² (Г. А. Горышин). У Шершеневича логика обратная: всю знаменательную жизнь провел в столице, а умер и погребен в провинциальном алтайском городе²¹³.

В. Г. Шершеневич вместе с женой, актрисой Московского театра оперетты М. М. Волковой, был эвакуирован в Барнаул в октябре 1941 года. Всю зиму поэт с нетерпением ожидал приезда Московского камерного театра во главе с А. Я. Таировым. Несмотря на недомогание, писатель много выступал с просветительскими лекциями, читал стихи в госпиталях, на заводах и открытых литературных вечерах в Барнауле, Бийске, Алейске²¹⁴. На своем дне рождения 6 февраля 1942 года В. Г. Шершеневич сказал: «Я в этом году должен умереть, так как мне исполнилось сорок девять лет». Убежденность в роковой предопределенности жизненного срока была связана с тем, что его отец скончался за несколько месяцев до 50, мать умерла в 50 лет²¹⁵. В стихотворении «Расход тоски», написанном в 1922 году, когда В. Г. Шершеневич впервые болел туберкулезом, был предсказан финал: «И встретить смерть под 50, / Когда вся жизнь

²¹¹ Левашова О. Г. Биографический текст В. М. Шукшина...

²¹² Жил такой парень... С. 115.

²¹³ Из Автобиографии В. Г. Шершеневича от 15.02.1942: «Начиная с 1906 года жил безвыездно в Москве (жительство в Барнауле – мой первый отъезд из Москвы)» (с. 9). Здесь и далее до конца параграфа в круглых скобках указаны страницы по изданию: О, тайна преобразования!: памяти поэта Вадима Шершеневича. Барнаул: Алтай, 1997. 95 с.

²¹⁴ Маквей Г. Вадим Шершеневич: биографические материалы и иконография // Современное есениноведение. 2009. № 10. С. 38.

²¹⁵ Дроздов В. А. Dum Spiro Spero. О Вадиме Шершеневиче и не только. М.: Водолей, 2014. С. 518.

как хата с краю»²¹⁶. 18 мая 1942 года Вадим Габриэлевич Шершеневич скончался от милиарного туберкулеза.

«Последнего имажиниста»²¹⁷ похоронили, по словам мемуаристов, в «глухом» Барнауле²¹⁸, «у черта на куличках»²¹⁹. На могиле была выложена из кирпича плита, которую залили цементом. В раствор вдавили деревянные буквы со строками стихотворения Ш. Бодлера «Безраздельно» в переводе В. Г. Шершеневича:

О тайна преобразованья!
 Все чувства, как одно, звучат!
 Есть музыка в её дыханьи,
 А в голосе есть аромат! (с. 83).

В мае 1960 года М. М. Волкова при финансовой поддержке Литфонда заменила плиту надгробием из лабрадорита (черный с синими блестками камень) с выбитой на нем росписью поэта. Воспоминания об этом событии оставил краевед М. И. Юдалевич. Попытки издать мемуары В. Г. Шершеневича, переданные на время вдовой алтайскому писателю, были пресечены крайкомом партии²²⁰.

Первое стихотворение на Алтае, касающееся В. Г. Шершеневича, было написано Г. П. Пановым и называлось «Вокруг Есенина» (впервые опубликовано в книге лирики «Отрада», 1977):

Черный человек!
 Ты прескверный гость...
С. Есенин

Гнались, как стая на Парнас,
 за ним жабо, манишки, фраки,
 хотя не стоили подчас

²¹⁶ Шершеневич В. Г. Великолепный очевидец. М.: Книжный Клуб Книговек, 2018. С. 204. Впервые подмечено А. И. Казаковцевым (с. 7).

²¹⁷ Так назвал себя поэт в заключительной строке поэмы «Песня Песней» (1919) (Шершеневич В. Г. Великолепный очевидец. С. 297).

²¹⁸ Лещенко-Сухомлина Т. Долгое будущее: воспоминания. М.: Сов. писатель, 1991. С. 140.

²¹⁹ Мариенгоф А. Б. Бессмертная трилогия. М.: ВАГРИУС, 1998. С. 402.

²²⁰ Юдалевич М. И., Казаковцев А. И. Денди Советского Союза / интервьюер В. Е. Тихонов // Алтайская правда. 1995. 25 марта. С. 2.

хвоста качаловской собаки.

Пророки будущих голгоф
 (А ты – дурак, Иван-царевич!),
 копил вранье Мариенгоф,
 жужжал над ухом Шершеневич.

Лицом к лицу – не разобрать:
 кто – друг,
 кто – враг,
 кто – просто денди,
 а их была большая рать,
 желавших прозвенеть в легенде...

Дымит над Черной речкой снег,
 бьет молния в горах навывлет.
 Найдется черный человек –
 и петлю для тебя
 намылит!..²²¹

Г. П. Панов транслировал устоявшиеся на тот момент историко-литературные стереотипы о роли имажинистов в жизни и, главное, о трагической гибели С. А. Есенина. Для сравнения приведем фрагмент некролога, опубликованного 30 декабря 1926 года в «Красной газете»: «Есенин был захвачен в прочную мёртвую петлю. Никогда не бывший имажинистом, чуждый дегенеративным извергам, он был объявлен вождём школы, родившейся на пороге лупанария и кабака, и на его славе, как на спасительном плоту, всплыли литературные шантажисты, которые не брезговали ничем и которые науськивали наивного рязанца на самые экстравагантные скандалы, благодаря которым, в связи с именем Есенина,

²²¹ Панов Г. П. Русский складень: стихотворения и поэмы. Барнаул: [б. и.], 2004. С. 75.

упоминались и их ничтожные имена. Не щадя своих репутаций, ради лишнего часа, они не пощадили его жизни»²²². Такая концепция, пусть и в смягченном виде, на долгие годы определила место и оценку имажинистов в советской истории литературы.

Пановым использованы общие для большинства произведений о Шершеневиче смыслообразующие приемы: раскрытие инсективной семантики фамилии («жужжал»), опора на биографический сюжет дружбы-вражды с Есениным, тема подлинной / ложной гениальности и славы. На одном полюсе находятся трагически погибшие Есенин, Пушкин, Лермонтов (упоминание петли, Черной речки, навывлет бьющей в горах молнии, т.е. выстрела, – все это аллюзии на обстоятельства смерти поэтов). На другом – Мариенгоф с Шершеневичем, Дантес и Мартынов, то есть те, кто привел к несчастливой развязке. Упоминание в эпитафии и финале «черного человека» отсылает к литературному претексту сюжета о гении и завистнике – «маленькой трагедии» А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери».

Как альтернативу негативной критико-литературоведческой инерции в создании образа главы имажинизма можно расценить первое стихотворение В. Н. Токмакова из диптиха «Кафе “Стойло Пегаса”. Год 1922» (опубликовано в авторском сборнике «Аромат девушки за каменной стеной», 1995). В данном тексте реализованы не менее стереотипные представления о жизни советской богемы в эпоху НЭПа. Есенин, Мариенгоф, Шершеневич, Маяковский изображены вне дружественных и враждебных отношений между собой, вне сюжета о гении и посредственности / толпе. Поэты упомянуты как известные и притягательные для публики посетители популярного кафе имажинистов:

В “Стойле Пегаса” народ – не пробиться.

Странный бывает, сомнительный люд:

шлюхи, ворье, из провинции лица

(очень подробно котлеты жуют). <...>

²²² Лавренёв Б. А. Казнённый дегенератами // О Есенине: стихи и проза писателей-современников поэта. М.: Правда, 1990. С. 458.

В. Шершеневич читал свои вирши,
 (будто кому-то стихи здесь нужны),
 нэпман с моноклем, бутылку открывши,
 выдал: «Названья весьма недурны...»²²³.

Таким образом, в стихотворениях Панова и Токмакова Шершеневич вписан в пространство Москвы 1920-х годов – период расцвета ордена имажинистов. Изображения поэтов во многом мифологизированы в соответствии с изначальной историко-литературной установкой авторов произведений. В. Г. Шершеневич лишен какой-либо привязки к Алтаю, помимо того обстоятельства, что о нем пишут алтайские литераторы.

Повторное «открытие» могилы В. Г. Шершеневича приписывается поэту С. С. Яненко. В конце 1970-х годов, бродя по кладбищу, он наткнулся на могильный камень (согласно другой версии, он еще в детстве обнаружил первое надгробие)²²⁴). Яненко стал рассказывать о своей находке барнаульской культурной общности, инициировав всплеск интереса к личности и творчеству некогда знаменитого поэта Серебряного века. В 1990 году алтайский поэт скончался. Его друг Б. В. Капустин написал диптих «Два посвящения Станиславу Яненко», во втором стихотворении которого речь идет о месте захоронения имажиниста:

...На Литераторских мостках
 вдруг сердце защемило,
 Я вспомнил, как дружок мой Стас,
 открыл одну могилу. <...>
 И вот, когда стал Богом Блок,
 его внимание привлек
 гранита черного кусок,

²²³ Токмаков В. Н. Кафе «Стойло Пегаса». Год 1922: 1. «В “Стойле Пегаса” народ – не пробиться...» // Ликбез. 2010. № 16. С. 16.

²²⁴ Коржов В. М. Покорители вершин: календарь памяти. Барнаул: Спектр, 2013. С. 98.

И, вроде, непростая,
 бегущая наискосок
 фамилья золотая. <...>
 И мы отправились ночной
 порою в темь глухую –
 свезти сирень хмельную.
 Кому? Неведомо пока.
 Почившему Поэту. <...>
 Кто? Шершеневич! Тот ли? Тот –
 Вадим. И нет спасенья:
 вторым пожарищем встает –
 да как! – Сергей Есенин,
 чей друг (а друг ли? важно – с ним!)
 избрал пристанищем своим
 сибирское кладбище. <...>
     ...О, как
 судьба распорядилась! –
 а этот? – друг ли, брат ли, враг –
 какое сердце билось.

Ужель, отринут забытьем,
 он стал – судьбой, страданьем –
 лишь о наперснике своем
 служить напоминаньем?..²²⁵

В жанровом отношении это стихотворение можно отнести к элегической эпитафии, посвященной писателю. Воспроизводятся устойчивые в случае с В. Г. Шершеневичем концепты: дружба-вражда поэта с С. А. Есениным, оппозиция славы и забвения, контраст «столица – провинция» (некрополь «Литератор-

²²⁵ Капустин Б. Е. Б. Ж.: стихотворения. Барнаул: Алтай, 1995. С. 42–43.

ские мостки» в Санкт-Петербурге, где похоронен А. А. Блок, упомянутый в стихотворении, и Старое Булыгинское кладбище в Барнауле). Судьба Шершеневича воспринята сочувственно и проецируется на собственную: «...головокружение / от мглы забвенья ледяной, / забрезжившей впервые»²²⁶. Здесь срабатывает «память жанра», в частности, устойчивая стилистическая формула эпитафии – обращение к «прохожему» с напоминанием об общей для всех людей смертной участи²²⁷. Мотив «преодоления “загробного молчания” Словом»²²⁸, характерный для жанра, присутствует в стихотворении подспудно. Благодаря тому, что есть вещественный знак памяти – могильный камень, остается вероятность возрождения из небытия: кто-то увидит, узнает, напишет. Действительно, так и случилось. Именно могила является отправной точкой не только для данного эпитафического стихотворения, но и для прозаических текстов, где смертельно больной писатель, эвакуированный в Барнаул, становится значимой фигурой городского пространства.

С 1980 году А. И. Казаковцев, барнаульский учитель физики, художник, начал собирать информацию о почти забытом к тому времени имажинисте. Перипетии этого непростого пути изложены в заметке «Три жизни в одной» (с. 3–8). Итогом работы энтузиаста стала биографическая повесть «В пылающем небоскребе», впервые опубликованная в журнале «Алтай» (1989, № 3). В повести задается парадигма описания последних месяцев жизни В. Г. Шершеневича в Барнауле, востребованная в дальнейших текстах о поэте.

Появление имажиниста на страницах повести предваряет описание его могилы и запах смолистых досок, который напоминает герою похороны отца. Следовательно, в экспозиции завязывается смертельный сюжет, просматривается финал повести и жизни поэта. С опорой на письма В. Г. Шершеневича и мемуарные

²²⁶ Там же. С. 43.

²²⁷ Иванюк Б. П. Эпитафия стихотворная: словарный формат // *Филологос*. 2022. № 2 (53). С. 50.

²²⁸ Кихней Л. Г. Жанровое своеобразие «эпитафической» лирики Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский науч. сб. Симферополь: Крымский Архив, 2005. Вып. 3. С. 34. URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/kihnej-zhanrovое-svoeobrazie-epitaficheskoj-liriki.htm> (дата обращения: 09.01.2023).

свидетельства создается психологически достоверный портрет сломленного жизнью человека: «Сутулясь, втянув голову в плечи, одетый в длинное черное пальто, вышагивал поэт вдоль окон. <...> А он ходил с заложенными за спину руками, как связанный <...> Многим думалось, что поэт и должен быть таким: сосредоточенным, ушедшим вглубь себя. Лишь немногие помнили его другим: веселым, неунывающим, острым на язык...» (с. 48–49).

Символично первое действие героя: «...смотрел через оттаянный им глазок в стекле на укутанный туманом парк» (с. 48). Речь идет не только о затрудненности прогулок для недомогающего поэта, но и о его невольной отстраненности от текущих социальных потрясений и непосредственного участия в войне, о вынужденной изоляции от литературного процесса: «...он ушел с головой в мир Корнелля, Бодлера, отгородился от всех и вся. Сейчас, в тяжелую для Родины пору, и рад бы вернуться к людям, но слишком высокий забор склотил он вокруг себя» (с. 50). Про него сегодняшнего, как прозрачно проводит аналогию А. И. Казаковцев, – строки С. А. Есенина из стихотворения «Русь Советская»: «В своей стране я словно иностранец» (с. 67). Собственно, название повести А. И. Казаковцева акцентирует невмешательство творца в злободневную современность, поскольку цитирует часть высказывания имажиниста из статьи «Великолепная ошибка» (1923): «Поэт – это тот безумец, который сидит в пылающем небоскрёбе и спокойно чинит цветные карандаши, чтобы зарисовать пожар. Помогая тушить пожар, он становится гражданином и перестаёт быть поэтом»²²⁹. Полноценным участником событий В. Г. Шершеневич не может и не хочет быть, остается наблюдать.

²²⁹ Шершеневич В. Г. Критические тексты: От футуризма к имажинизму. М.: Водолей, 2022. С. 381. Автоцитата из книги «Автомобиля поступь» (1915), стихотворение «Сергею Третьякову» («Что должно было быть...»): «Но я знал безотчетного безумца, который в пылавшем небоскрёбе / Спокойно оттачивал свой цветной карандаш» (Шершеневич В. Г. Великолепный очевидец. С. 125).

Опираясь на название мемуаров поэта – «Великолепный очевидец» и разрабатываемую имажинистом технику «каталога образов»²³⁰, автор встраивает в повесть серию картинок-впечатлений героя о горожанах, более того, сталкивает поэта с местным хулиганом, угрожающим: «...ты будешь не очевидцем <...>. Вставлю перо в бочину, и будешь ты потерпевшим. <...> По-кой-ным» (с. 73). Внутренний предсмертный монолог, приписанный поэту, включает в себя неутешительный вывод: «...не великолепным очевидцем я оказался, а банальным потерпевшим» (с. 78).

В Барнауле В. Г. Шершеневич вел просветительскую работу, что было отражено в некрологе на смерть поэта: «...он выступал почти ежедневно в самых разнообразных аудиториях с чтением своих стихов, посвященных Великой Отечественной войне, вел беседы о литературе»²³¹. Закономерно, что А. И. Казаковцев включает в свою повесть развернутый эпизод о выступлении перед рабочими железнодорожного депо. Лекция получилась неудачной, «казенные, бесцветные» фразы не трогали души слушателей, так же, впрочем, как и стихи чужестранца Ш. Бодлера. Перелом наступил, когда один парнишка спросил, правда ли, что лектор был другом Есенина. Шершеневич прочитал стихи Есенина, которые вызвали яркие эмоции и заслужили аплодисменты благодарных слушателей.

Действительно, согласно воспоминаниям критика и драматурга Н. Д. Оттена, который жил в тот период в Барнауле и трудился совместно с поэтом, «почти не было вечера, на котором Вадиму не было задано вопросов о Есе-

²³⁰ Хуттунен Т. Имажинист Мариенгоф: Денди. Монтаж. Циники. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 65–74 ; Huttunen T. Montage in Russian Imaginism: Poetry, Theatre and Theory // Sign Systems Studies. 2013. Vol. 41. № 2/3. Pp. 219–229. URL: https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/264695/Montage_in_Russian_Imaginism_Poetry_thea.pdf?sequence=1 (дата обращения: 09.01.2023).

²³¹ Некролог и сообщение Алтайского краевого отдела по делам искусств в газете «Алтайская правда» о кончине В. Г. Шершеневича. 19 мая 1942 г. // Культура Алтая в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Барнаул: Азбука, 2011. (397). URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/211039-nekrolog-i-soobschenie-altayskogo-kraevogo-otdela-podelam-iskusstv-v-gazete-altayskaya-pravda-o-konchine-v-g-shershenevicha-19-maya-1942-g#mode/inspect/page/1/zoom/7> (дата обращения: 09.01.2023).

нине и он отвечал, отвечал подробно, обстоятельно, удивительно серьезно и в этих ответах я узнал много для себя о Есенине нового. <...> Шершеневич относился к Есенину с огромным уважением как к великому поэту, именно великому, что он не уставал подчеркивать, и горькой, щемящей жалостью к Есенину-человеку...»²³².

Вопреки воспоминаниям мемуариста, А. И. Казаковцев проблематизирует отношения бывших соратников: «Был ли он ему другом? Всю жизнь Шершеневич считал, что да. Но в последние годы понял, что дружбы как таковой не было» (с. 66). Мотив дружбы / вражды писателей сопрягается с мотивами посмертной славы и прижизненного забвения: «Вот он жив, а Есенина уже давно нет, но его, Шершеневича, стихов никто не знает, а есенинские все еще будоражат людей, пробиваются к читателям, несмотря ни на запреты, ни на замалчивания» (с. 70). Размышления об отношениях соратников приписаны герою и лишены обвинительной окраски, что, несомненно, отличается от реализации данных мотивов в инвективе Г. П. Панова и совпадает с элегической эпитафией Б. В. Капустина.

В ощущениях столичного жителя Барнаул представлен весьма нелицеприятно: «Этот городишко нельзя назвать даже провинциальным. Глухомань – ему имя <...>. И на этом фоне – Камерный театр. Как бриллиантовая брошь на рубище. Нонсенс! И Таиров мечтает всколыхнуть это болото» (с. 61), – такие мысли якобы посещают В. Г. Шершеневича. Оппозиция «центр – периферия» является базовой для любого регионального текста, опорной для самоидентификации и самореализации творческой личности. Обозначенные рамки в значительной мере определяют градацию социальной успешности человека. В повести, по сути, физическое перемещение из столицы в «глухомань» является семантическим эквивалентом ранее состоявшегося вытеснения известного поэта на обочину литературного процесса, аналогом ухода в небытие.

Следующим опытом художественно-документального освоения заключительных месяцев жизни имажиниста в Барнауле стала повесть И. Ю. Образцова с

²³² Цит. по: *Маквей Г. Вадим Шершеневич*. С. 8–9.

весьма симптоматичным названием: «Могила тревожного сердца»²³³. Образцов выносит самый главный для барнаульцев факт на ударную заглавную позицию (ср. у А. И. Казаковцева повесть закольцовывается композиционной рамкой – описанием могилы). При выборе темы автором двигал личный интерес: В. Г. Шершеневич бывал в доме родственников прозаика по отцовской линии, выведенных в повести под реальной фамилией – Образцовы. Текст перемежается автобиографическими вставками о поиске информации о В. Г. Шершеневиче.

Зарисовки психологического состояния больного и умирающего поэта вторят тексту А. И. Казаковцева: преобладает ощущение разочарованности, ненужности, иностранности, грустного шутовства; внутренняя речь В. Г. Шершеневича воображается с опорой на его стихотворения, переводы и письма. Впрочем, автор позволяет себе дофантазировать мысли писателя, отталкиваясь от местных реалий. Так, опечатка в справке из ЗАГСа о месте проживания поэта (Ширшеневич), выданная И. Ю. Образцову, провоцирует его приписать своему герою мучительные раздумья о причине такого рода ошибок: «На каждом углу висели плакаты, которые призывали к бдительности, и объясняли, что иностранные шпионы, враги государства и прочие вредители могут быть везде, но особенно активно прячутся в тылу. <...> ...на этом фоне “Шершеневич Вадим Габриэлевич” звучало, как настоящий компромат, как верный признак того самого “иностранного шпиона” и “вредителя”»²³⁴.

Автор мимикрирует под описываемого поэта, создает стихотворение в его стиле и вкладывает строки в сознание героя: «В голове часто крутились строчки какого-то, то ли столичного, то ли невольного сочинённого самим Вадимом романса <...>. Позже совершенно случайно Вадим узнал, что в Барнауле есть и Мало-

²³³ Первая редакция: *Образцов И. Ю.* Могила тревожного сердца: документально-художественная повесть о поэте В. Г. Шершеневиче, часть 1 // Ликбез. 2013. № 23. С. 160–162; *Он же.* Могила тревожного сердца: документально-художественная повесть о поэте В. Г. Шершеневиче, часть 2 // Ликбез. 2014. № 24. С. 150–151. Вторая редакция: *Он же.* Могила тревожного сердца: малая повесть // Невский проспект. 2022. № 7. С. 378–383.

²³⁴ *Образцов И. Ю.* Могила тревожного сердца: малая повесть // Невский проспект. 2022. № 7. С. 381.

Тобольская улица, и Крестьянский проезд, и списал навязчивую мелодию романса на собственный счёт.

Ты на Малотобольской, а может, в проезде Крестьянском,
С пролетарием вьёшься, ругая суму и тюрьму.
Эта ночь повторяется, дикая и полупьяная,
И уносит тебя, без креста, в необшитом гробу...»²³⁵.

Здесь суммируются обстоятельства, которые, по мнению И. Ю. Образцова, определяют жизнь В. Г. Шершеневича в Барнауле: дурная круговерть провинциального города, вынужденность общения с пролетарием, беда и смерть.

В повестях А. И. Казаковцева и И. Ю. Образцова преобладает документальное начало, вымысел использован для оживления сухих фактов, создания психологического портрета и местного колорита. Напротив, в романе В. Н. Токмакова «Сбор трюфелей накануне конца света» (2014) реальные события придают достоверность сугубо художественному повествованию.

Обращение Токмакова к личности и творчеству Шершеневича имеет свою историю. Первый стихотворный опыт, приведенный выше, был связан с авангардными умонастроениями начинающего алтайского поэта, поиском литературных ориентиров. Образ Шершеневича в тексте едва намечен, имажинист упомянут, скорее, как статист, лишен индивидуальности. Одновременно Токмаков-журналист собрал информацию о забытом имажинисте и опубликовал заметки в честь 100-летия поэта²³⁶. Позднее Токмаков-прозаик ввел Шершеневича в свой текст как историческое лицо, важное для Барнаула и обязательное к упоминанию в «неформальном путеводителе» по городу (так обозначен жанр произведения). Автор немного подтасовал реальные факты, добиваясь необходимого ему художественного эффекта. В романе имажинист пересекается с телепатом, гипнотизе-

²³⁵ Там же. С. 380.

²³⁶ Токмаков В. Н. «Посланец»: Сто лет поэту В. Шершеневичу // Молодежь Алтая. 1993. 30 июля (№ 31). С. 10 ; Токмаков В. Н. Три секунды в день для стихов: К 100-летию со дня рождения поэта В. Шершеневича, похороненного в г. Барнауле // Алтайская правда. 1993. 13 июля. С. 3.

ром, экстрасенсом В. Г. Мессингом. В реальности же они «разошлись» по времени пребывания в Барнауле. Гастроли Мессинга состоялись в июле 1942 года²³⁷. К тому времени Шершеневич уже скончался (18 мая 1942). Творческой волей Токмаков перенес начало гастролей на февраль 1942 года. Сеанс публичного гипноза проходил в Народном доме (сейчас – филармония), где показывали спектакли актеры Московского Камерного театра А. Я. Таирова якобы с октября 1941 года. На самом деле театр был эвакуирован в Барнаул в апреле 1942 года, тогда как с октября 1941 года в городе жил В. Г. Шершеневич. Так автор создал пространственно-временные условия для встречи «мага», имажиниста и актрисы А. Г. Коонен.

Литературный портрет В. Г. Шершеневича нарисован с опорой на его амплу гаера и остряка: «язвительно улыбался», «сделав комичное лицо, расспрашивал, где он (Мессинг. – Т. Б.) прячет “передатчик” с помощью которого помощники ... диктуют ему ответы»²³⁸. Кроме того, использованы статьи Шершеневича: В. Г. Мессинг вспоминает концепцию имажинизма-арлекинады. Задействованы мемуары: в отзыв актрисы о поэте вкладывается слегка измененная фраза А. Б. Мариенгофа из «Романа без вранья». Сравним: «...все делает профессионально: стихи, театр, фельетоны; профессионально играет в теннис, в покер, влюбляется, острит, управляет канцелярией и – говорит (но ка-а-ак говорит!)»²³⁹ – у Мариенгофа; «...все делает профессионально: стихи, фельетоны, переводы, влюбляется, острит, ненавидит, работает, выступает перед местной публикой»²⁴⁰. Воспоминания Мариенгофа подсказали и прием для описания внешности Шершеневича: «Шершеневич был похож на свой портрет, высеченный из камня»²⁴¹. У Токмакова поэт «закурил трубку». Одна из самых распространенных в сети Интернет фотографий имажиниста – именно с трубкой во рту (Рисунок 3).

²³⁷ 3 июля 1942 года. Начало барнаульских гастролей знаменитого «мага и экстрасенса» Вольфа Мессинга // Государственная филармония Алтайского края : [сайт]. URL: <http://philharmonia-barnaul.com/kontsertno-estradoe-byuro-iyul-1942-goda/> (дата обращения: 15.05.2023).

²³⁸ Токмаков В. Н. Сбор трюфелей накануне конца света. Барнаул: Алтай, 2014. С. 43.

²³⁹ Мариенгоф А. Б. Бессмертная трилогия. С. 43.

²⁴⁰ Токмаков В. Н. Сбор трюфелей накануне конца света. С. 42.

²⁴¹ Мариенгоф А. Б. Там же. С. 403.

В литературном портрете реализованы неизменно связанные с имажинистом темы: (1) отстраненного наблюдателя: «...стал с любопытством разглядывать в специальный глазок, сделанный в занавесе, собирающуюся в зале публику»; (2) резкого поворота судьбы от столичной известности к затерянности в глухомани: «...друг Есенина и Мариенгофа, писавший об огромных, индустриальных городах будущего, с небоскребами, авто и дирижаблями, веривший в свое великое литературное предназначение, тихо и незаметно умер в ничем не примечательном, далеком провинциальном городе».

Рисунок 3. Фотопортрет В. Г. Шершеневича

Появление Шершеневича на страницах книги оправдано не только краеведческой достоверностью, но и художественной необходимостью. Важно, что судьба любой исторической личности подтверждена документально. Тем большее впечатление производит сбывшееся предсказание Мессинга: «Не потеряйте, Алиса, его этой весной...». Семантически продуктивной оказывается связь фамилии поэта с имажинизмом, причем не только с точки зрения историко-литературной (основатель объединения), но и лингвистически-игровой: «имаго» это взрослая особь насекомых (ср. шершень). Имажинист появляется перед выступлением, на котором произошло роковое преобразование гипнотизера: «...что-то произошло в нём, какое-то невероятное превращение гусеницы в бабочку <...>. Ибо был вели-

ким мистификатором и авантюристом, а стал почти духовным провидцем»²⁴². Шершеневич ассоциируется у Мессинга с арлекинадой. Образ шута, дурака в культуре входит в карнавальную пару, на противоположном полюсе которой – царь и бог²⁴³. Собственно, микросюжет об экстрасенсе и писателе демонстрирует оборачиваемость бинарной оппозиции, где последние становятся первыми и наоборот. В контексте Барнаульского мифа данная логика реализуется в сюжете трансформации «безвестного, забытого Богом провинциального городка» в центр мироздания – «место последней битвы»²⁴⁴. В мифопоэтике романа устанавливается таинственная связь человека и места: упокоенный в Барнауле поэт становится своего рода *genius loci*.

В. Г. Шершеневич был мастером парадокса. Свои мемуары он предварил установкой на автобиографичность лирики: «...жизнь поэта не может быть оторвана от его творчества (и наоборот)»²⁴⁵. Одновременно, согласно воспоминаниям Н. Д. Оттена, он настаивал на различении творческого и биографического начала в писателе: «...“я поэт” не имеет ничего общего с “я человек”. Сходство лишь в одном. Умрет и тот, и другой!»²⁴⁶. В произведениях местных писателей о Шершеневиче мортальный сюжет позволил объединить «поэта» и «человека», в том числе спроецировать связанные с ним литературно-исторические прецеденты на свое творчество и судьбу. Литературный портрет имажиниста создается путем синтеза особенностей его поэтики, эстетических установок, событий жизни и реалий городского ландшафта.

Итак, В. М. Шукшин и В. Г. Шершеневич представляют два крайних случая взаимоотношения писателя с местом. Имажинист связан с Алтаем только недолгим проживанием, смертью и захоронением, что на первый взгляд представляет в большей степени краеведческий интерес, однако это стало основанием для созда-

²⁴² Токмаков В. Н. Сбор трюфелей накануне Конца света. С. 42, 48.

²⁴³ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 311.

²⁴⁴ Токмаков В. Н. Сбор трюфелей накануне Конца света. С. 45–46.

²⁴⁵ Шершеневич В. Г. Великолепный очевидец. С. 323.

²⁴⁶ Цит. по: Маквей Г. Вадим Шершеневич. С. 6.

ния литературного образа поэта в Барнаульском тексте. В. М. Шукшин соединен с алтайским локусом не только своей биографией, но и региональными приметами художественного мира, и историософским взглядами²⁴⁷. Гипотетически, включение образа известного писателя в локальный свертхтекст определяется не только и не столько его вкладом в литературное освоение какой-либо местности, сколько связью с этим пространством решающих событий его биографии: рождения (В. М. Шукшин) и смерти (В. Г. Шершеневич).

В региональной шукшиниане подчеркивается связь писателя с малой родиной, актуальна тема литературной преемственности земляков. В барнаульских произведениях о В. Г. Шершеневиче в основном задействована мортальная тематика. Любое пребывание столичного автора в провинциальном городке является знаковым явлением для региональной самоидентификации. Описание последних дней жизни поэта вписывает его в городской ландшафт; его могила становится семантически продуктивным элементом локуса. Базовые мотивы, моделирующие образ «последнего имажиниста», связаны со сменой полюсов оппозиций «центр – периферия», «слава – забвение», «свой – чужой (иностраный)», «гений – посредственность», «дружба – вражда» с С.А. Есениным. Алтайские писатели склонны соотносить литературно-исторические факты, связанные с В. Г. Шершеневичем, с собственными творческими и жизненными перспективами.

---

²⁴⁷ См. подробнее: *Богумил Т. А.* Мифогеография В. М. Шукшина: Алтай и его отражения // *Культура и текст.* 2017. № 1. С. 143–148; *Она же.* Следы старообрядческой культуры в художественной прозе В. М. Шукшина // *Вестник Томского государственного университета.* 2019. № 447. С. 11–17; *Она же.* Региональная литература: Сибирь, Алтай, Барнаул. Барнаул: АлтГПУ, 2017. 69 с. URL: <http://library.altspu.ru/dc/pdf/bogumil.pdf> (дата обращения: 15.05.2023); *Литературно-туристический Алтай: топосы – мифы – имена / Т. А. Богумил [и др.].* Барнаул: АлтГПУ, 2018. С. 147–152; *Богумил Т. А., Куляпин А. И., Худенко Е. А.* Геопоэтика В. М. Шукшина Барнаул: АлтГПУ, 2017. С. 18–31, 66–71; *Они же.* Художественная география В. М. Шукшина // *Культура и текст.* 2022. № 1. С. 98–109.

Выводы по главе 3

Итак, сибирский городской текст обнаруживает переключки с Петербургским и горнозаводским Уральским текстом (город эксцентрического типа регулярной застройки, преимущественно «мужской»), провинциальным текстом (при нивелировании фронтального статуса города). Образные аналогии: ключ, окно, ворота, Сибирские Афины, уголок Петербурга – встречаются в связи с несколькими городами Сибири. Потенциал развития локусов на территории региона различен. Наиболее выгодно месторасположение города на пересечении водных и наземных путей. Современный город неоднороден с точки зрения застройки, функций и семантики отдельных районов, представляет собой культурный палимпсест. Индивидуальное наполнение инвариантной схемы происходит за счет географической, исторической, мифологической и прочей конкретики того или иного города.

История города Бийска в общих чертах повторяет историю первых городов Сибири. Изначально это крепость (1709), фиксирующая сдвиг границ русских территорий на Восток. После 1846 года город перестает быть военно-административным центром и становится местом политической ссылки. Одновременно он превращается в торгово-промышленный провинциальный город, стоящий на стратегически важном торговом пути (Чуйский тракт). Анализ художественных текстов позволил выявить и описать реестр образов города: военный острог, узилище, город грязи, антитеза деревне, ад-рай, город-медиатор. Единого «ядра», помимо объекта описания, объединяющего довольно малый по количеству корпус текстов, не обнаружено. Хотя намечены зоны пересечения семантических сфер. Военный острог и город грязи эквиваленты как пространство битвы антагонистических сил. В сниженном варианте эта антитеза становится оппозицией города и деревни. Острог, будучи точечным воплощением границы, способен как перекрывать контакты, так и обеспечивать их. Большинство выявленных произведений о Бийске принадлежит к жанрам, тесно связанным с внехудожественной действительностью, что свидетельствует о близости литературного образа

Бийска с реальным городом. Говорить о наличии Бийского текста в том значении, которое определил в Петербургском тексте В. Н. Топоров, не представляется возможным.

Город Змеиногорск репрезентирует русский Рудный Алтай целиком. Образ Змеиногорска на типологическом и генетическом уровне сближается с образами уральских горнозаводских городов (Екатеринбург, Пермь). В исторической повести П. А. Бородкина «Тайны Змеиной горы» (1966) выведена ключевая семантическая оппозиция образа горнозаводского города середины XVIII века. Она видится автором как антитеза «рай (природа) – ад (завод)». На уровне сверхтекста реализуется инвариантный для Сибирского текста сюжет перехода от «рая» к «аду» (П. А. Бородкин) и наоборот (А. П. Хейдок). «Змеиная» топонимика актуализирует соответствующую мифологию и образность города, а также змееборческий сюжет, видоизмененный применительно к социальным обстоятельствам. Мифологический Змей становится метафорой начальства (П. А. Бородкин, Е. А. Евтушенко). В современной прозе Змею возвращаются его мифологические функции Хранителя подземных недр, но снимается конфликтность сюжета в пользу партнерства человека и природы (Юстасия Тарасава). Сверхтекст города находится в стадии становления, значительный мифологический и семантический потенциал Змеиногорска ожидает своей реализации.

Городской текст Барнаула, столицы Алтайского края, наиболее разработан. Семантический ореол города во многом создается языковой игрой с его названием, особенно продуктивной в творчестве гостей города. Весьма существенна для литературного образа города его история, воплощенная в доминантных точках. Тяжелое и великое горнозаводское прошлое символизировали остатки корпусов сереброплавильного завода, пруд и плотина. Барнаульский текст по ряду параметров (гидроним, архитектура, этиологический и эсхатологический миф) сближается с Петербургским текстом. Легенда о Голубой даме фиксирует главную точку соприкосновения – архетип строительной жертвы. Сопоставление пространственной организации романов А. В. Коробейщикова и В. Н. Токмакова поз-

волило выявить инвариантную барнаульскую топику. Система мистических доминантных точек Барнаула у обоих авторов практически тождественна. «Осевыми» пространствами, связующими сферы мироздания, являются Нагорное кладбище (позднее территория бывшей ВДНХ, сегодня – Нагорный парк), церковь, музей, старый особняк на окраине города. Все эти реалии города как хронотопы обладают тождественной медиальной функцией в художественной литературе. Универсальные образные конструкции городского текста (город-человек, книга, центр мира, ад, города-двойники) и провинциального текста (оппозиция «столица – периферия») приобретают локальную приуроченность за счет историко-географической и психолого-биографической конкретики.

Алтайский текст включает в себя не только образы городов, но и образы людей, тесно связанных с местом, – своего рода «культурных героев» и «гениев места». Среди значительного многообразия знаковых фигур Алтая было выбрано два писателя, в биографии которых реализовался сюжет движения от окраины к центру и от центра к окраине. В судьбе В. М. Шукшина прослеживается «ломоносовский миф»: путь от периферии (малой родины) к столице воплощает успешную стратегию. Напротив, имажинист В. Г. Шершеневич всю сознательную жизнь провел в Москве, а умер и погребен в провинциальном Барнауле. Перемещение из столицы в «глухомань» синонимично вытеснению известного поэта на обочину литературного процесса. Местные писатели усматривают в участии знаменитых предшественников собственные карьерные и экзистенциальные перспективы.

Заключение

Изучение геопозитического образа Алтая в контексте Сибирского текста на материале избранной русской художественной литературы о Сибири преимущественно XX–начала XXI веков дало возможность прийти к следующим выводам.

Пространственная организация образа Алтая строится по двум координатным осям: вертикальной и горизонтальной. Вертикальная перспектива задается образами деревьев и гор – традиционными вариантами Мировой оси. Наиболее семантически нагруженными деревьями Сибири являются береза, кедр и лиственница. Все эти деревья выполняли сакральную функцию в верованиях и обрядовых практиках коренных сибирских народов, что нашло отражение в художественных произведениях с выраженной этнографической составляющей. В художественной литературе указанные деревья приобретают дополнительные значения.

Береза как «русское» дерево участвует в оппозиции «свое – чужое» в различных ее модификациях: автохтоны – пришельцы (В. Я. Шишков), родина – чужбина, деревня – город (Вс. В. Иванов, В. М. Шукшин). Реальные и культурные качества алтайского кедра как вечнозеленого, мощного, плодоносящего, «мужского» дерева соотносят его с палестинским кедром и европейским дубом, а Сибирь / Алтай с Палестиной и Центральной Россией. Кедр в произведениях алтайских писателей (Г. И. Чорос-Гуркин, Г. Д. Гребенщиков, Б. У. Укачин, Т. Б. Шинжин, и др.) выступает знаком и моделью человека, народа, родины, Алтая, Сибири. Лиственница в силу лингвистической неопределенности класса дерева (хвойное, но корень «лист») кодируется и как мужское, и как женское дерево. Дерево сопровождает ситуации, предполагающие ценностное самоопределение героя между полюсами бинарных оппозиций: социально-исторических, геополитических, экзистенциальных и пр. (И. И. Катаев, В. Я. Зазубрин, И. А. Ефремов, В. Г. Распутин, Ю. Я. Козлов, С. П. Залыгин). Лиственница преимущественно воплощает базовый концепт Сибири как пространства страдания и смерти (А. П. Чехов, В. Т. Шаламов, А. И. Солженицын).

Литературная монтанистика содержит сравнения гор русского Алтая с другими (Швейцарские Альпы, Ливанский хребет, Кавказ, Афон), сопоставления реальных географических объектов с их живописными аналогами (экфрасисы). Индивидуально-авторские образы алтайских гор варьируют универсальные мифологические мотивы, связанные с данной мифологемой. В краеведческом романе В. Н. Токмакова «Танец маленьких королей» Гора выступает как локус битвы Добра и Зла, островок спасения в мировом потоке, вместилище подземных сокровищ, пространство инициации (наряду с лабиринтом и пещерой как антигорой), эквивалент дерева / человека / книги и пр.

Анализ водной и горной составляющей Алтая на материале романа В. Я. Зазубрина «Горы» показал, что мифопоэтика романа строится на архаическом принципе взаимооборачиваемости всех элементов мира. При этом «гора» как поддержка для человека и социума (семья, мировоззрение, государственный строй и пр.), теряет оформленность и устойчивость, оказывается «водой», опереться на которую не возможно.

Горизонтальный вектор пространственного образа Алтая включает акватические и дорожные мотивы и образы, основанные на реальных качествах объектов, метафорической традиции и мифологических архетипах. Образование Оби в результате слияния Катунь и Бии отражено в литературе при помощи визуального двухцветного образа и антропоморфного мотива – брак/конфликт мужчины и женщины, спор двух женщин (Г. Н. Потанин, С. П. Залыгин). Цвет, звук, характер течения рек в литературе рождает зооморфные, антропоморфные, хронологические метафоры. Хронотоп переправы традиционно связан с личным (К. Г. Паустовский, С. П. Залыгин) или социальным кризисом (М. С. Бубеннов). Плавание по реке наделяется авантюрными, гносеологическими, эстетическими функциями (П. Г. Низовой, В. С. Сидоров, С. П. Залыгин). Малые реки, как правило, связаны с темой родины и детства (Л. С. Мерзликин, Г. П. Панов, В. М. Башунов). Универсальные смыслы, связанные с рекой и дорогой, получают конкретизацию за счет топонимических привязок.

Парадигма описания главной дороги Алтая – Чуйского тракта – была задана путевыми очерками В. Я. Шишкова, а позднее закреплена в произведениях В. М. Шукшина, В. С. Золотухина, Н. М. Рубцова. Семантической доминантой образа является представление о тракте как опасном, испытывающем любовью и смертью пространстве. На тракте происходит своего рода сжатие пространства и времени, взаимоналожение культур, что осмысливается в историософских моделях писателей. В литературе сложилась традиция отождествления реки (Катунь, Чуя), дороги (Чуйский тракт) и песни как метафорических вариантов судьбы человека.

Мотивно-сюжетный комплекс, характерный для Сибирского текста, включает в себя библейские и фольклорно-мифологические сюжеты: апостольский / миссионерский, христологической инициации, исхода (поиск Беловодья), о блудном сыне, завоевания женщины-страны. Исконные сюжеты с течением времени изменялись, мифологическая и религиозная семантика подвергалась инверсии, вытеснению социально-психологической проблематикой, вторичной мифологизации. Индивидуально-авторские варианты использования традиционных сюжетов прослежены на материале творчества В. В. Бианки, В. Я. Зазубрина, В. М. Шукшина, Дмитрия Александровича Пригова. Сибирь в русской литературе часто мыслится пространством (анти)утопии (В. Н. Токмаков, В. Г. Сорокин). Алтай обычно притягивает «райские» коннотации, является локацией Беловодья (А. Е. Новоселов, В. Я. Шишков).

Универсальная историко-культурная модель сибирского города перекликается с Петербургским и горнозаводским текстом (город эксцентрического типа плановой застройки, преимущественно «мужской»), с провинциальным текстом. Типичная метафора порубежного города: ключ, окно, ворота. Расположение города на пересечении водных и наземных путей наиболее перспективно для его развития в долговременной перспективе. Индивидуальное наполнение инвариантной схемы происходит за счет локальной мифологии, историко-географического опыта поселения.

История Бийска аналогична истории первых городов Сибири: крепость, место ссылки, купеческий центр, провинциальная глушь. Анализ романов В. Я. Зазубрина «Горы», А. М. Родионова «Князь-раб», Л. Е. Улицкой «Лестница Якова», рассказа А. П. Соболева «Тополиный пух» и цикла В. М. Шукшина «Из детских лет Ивана Попова» показал, что образы Бийска (военный острог, узилище, город грязи, антитеза деревне, ад-рай, город-медиатор) не объединены мифологическим или семантическим «ядром», круг текстов о Бийске незначителен по количеству и является преимущественно документально-художественным по качеству, что не позволяет ввести понятие «Бийский текст».

Образы Змеиногорска и Барнаула сближаются с образами уральских горнозаводских городов (регулярный план, плотина и пруд, тяжелый труд рабочих – «ад»). Процесс смыслопорождения инициирован названием города: «змеиный» код актуализирует комплекс соответствующих мифологических образов, мотивов, сюжетов: змееборческий, о хранении сокровищ, теллурический и пр. (П. А. Бородкин, Е. А. Евтушенко, Юстасия Тарасава). Мифологический и семантический потенциал Змеиногорска не реализован в должной мере, городской текст не сформирован.

Горнозаводское прошлое, столичный статус Барнаула, значительное количество произведений, в которых наблюдается системное единство и мифологическое «ядро», позволяют говорить пусть о слабо оформленном, но наличествующем городском тексте. Барнаульский текст аналогичен Петербургскому в силу нескольких обстоятельств: болотистое основание, регулярная застройка, классицистическая архитектура центра, этиологический и эсхатологический мифы, архетип строительной жертвы (легенда о Голубой Даме). Инвариантная система доминантных точек Барнаула, выявленная в результате анализа романов А. В. Коробейщикова «Иту-Тай» и В. Н. Токмакова «Сбор трюфелей накануне конца света», включает Гору (Нагорное кладбище, ВДНХ, Нагорный парк), церковь, музей, старинный особняк. В лирике барнаульских поэтов универсальные образные конструкции городского и провинциального текстов конкретизируются за счет ис-

торико-географической и психолого-биографической фактуры. Лингвистическая игра с названием города образует его разноплановый семантический ореол.

«Антрополокальное единство» (В. Н. Топоров) писателя и места проанализировано на материале жизни, творчества, литературных портретов В. М. Шукшина и В. Г. Шершеневича. Первый – уроженец Алтая, ментально связанный с родиной, что нашло воплощение в авторской модели мира и человека. Сибирь и Алтай мыслятся как место сохранения исконно русского национального характера, квинтэссенция России. Не удивительно, что в коммеморативном литературном портрете В. М. Шукшина региональные писатели акцентируют тему землячества, краеведческую значимость писателя, свою преемственность по отношению к нему, а писатели первого ряда ставят во главе угла общероссийское и мировое значение гениального современника. В произведениях барнаульских авторов о В. Г. Шершеневиче доминируют мотивы неожиданной и печальной оборачиваемости полюсов «центр – периферия», «слава – забвение», «свой – чужой (иностраный)», «гений – посредственность», «дружба – вражда» с С.А. Есениным. Литературная и жизненная судьба поэта становится прецедентом для размышлений о собственном будущем.

В результате проведенного анализа художественных произведений сложилась структурно-семиотическая модель Алтая в единстве природных и антропогенных составляющих: флоры (деревья), рельефа (горы), гидросферы (реки), дороги (Чуйский тракт), городов (Барнаул, Бийск, Змеиногорск), локальных сюжетов. Эта модель включает универсальные образы, мотивы и сюжеты, получающие типологическое и индивидуально-писательское выражение в произведениях.

Представляется перспективным распространить предложенную методологию анализа на мало раскрытые и не задействованные вовсе аспекты образа региона: фауна, флора (кустарники, травы), рельеф (степь), гидросфера (озера), города (Горно-Алтайск), тема золотодобычи, имагологическая проблематика и пр. Перспективы исследования кроются в большем охвате материала с целью расширения проблематики и углубления уже намеченных аспектов темы.

Список сокращений

ОА – Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв. : антология. В 5 томах / под общ. ред. А. И. Куляпина. – Барнаул : ИД «Барнаул», 2012. – 5 т.

СТ – стихотворение Н. М. Рубцова «Старая дорога» (ОА, т. 4, с. 511).

ШТ – стихотворение Н. М. Рубцова «Шумит Катунь» (ОА, т. 4, с. 514).

Список литературы

Художественная литература, публицистика, эссеистика, интервью

1. *Андреев, М. В.* Потому что нельзя : стихи, эссе, критика / М. В. Андреев. – Москва : Литературная Россия, 2011. – 335 с.
2. *Астафьев, В. П.* Затеси. Из тетради о Николае Рубцове / В. П. Астафьев // Новый мир. – 2000. – № 2. – С. 7–36.
3. *Башунов, В. М.* Авось : стихотворения / В. М. Башунов. – Барнаул : Алтай, 2003. – 304 с.
4. *Белявский, Ф. Н.* Русский Алтай / Ф. Н. Белявский, В. П. Семенов-Тянь-Шанский // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII–начала XX веков / сост. и отв. ред. В. А. Скубневский. – Барнаул : А.Р.Т., 2005. – Т. 1. – С. 372–434.
5. *Бердяев, Н. А.* О власти пространств над русской душой / Н. А. Бердяев // Судьба России: опыты по психологии войны и национальности / Н. А. Бердяев. – Москва : Изд-во МГУ, 1990. – С. 62–68. – (Репринт. воспроизведение изд. 1918 г.).
6. *Бердяев, Н. А.* Смысл истории: Новое средневековье / Н. А. Бердяев. – Москва : Канон+ : ОИ «Реабилитация», 2002. – 448 с.
7. *Бестужев-Марлинский, А. А.* Сочинения. В 2 томах. Том 1. Повести ; Рассказы / А. А. Бестужев-Марлинский. – Москва : Худож. лит., 1981. – 487 с.
8. *Бианки, В. В.* Удивительные тайны / В. В. Бианки. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1984. – 396 с.
9. *Бианки, В. В.* Собрание сочинений. В 4 томах. Том 2. Повести и рассказы / В. В. Бианки. – Ленинград : Детская литература, 1973. – 432 с.
10. *Бианки, Е. В.* Краткая биография Виталия Валентиновича Бианки / Е. В. Бианки // Собрание сочинений : в 4 томах / В. В. Бианки. – Ленинград : Детская литература, 1975. – Т. 4. Очерки, рассказы, статьи, дневники, письма. – С. 368–391.
11. *Бородкин, П. А.* Исторические рассказы о Барнауле / П. А. Бородкин. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1963. – 148 с.
12. *Бородкин, П. А.* Тайны Змеиной горы / П. А. Бородкин. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1970. – 231 с.
13. *Булгарин, Ф. В.* Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в XXIX веке / Ф. В. Булгарин // Косморама : фантастические повести первой половины XIX века. – Москва : Русская книга, 1997. – С. 315–358.
14. *Буров, Ф.* 120 лет назад Новосибирск впервые назвали сибирским Чикаго / Ф. Буров // VN.RU : Все новости Новосибирской области : [сайт]. – 2021. – 08 августа. – URL: <https://vn.ru/news-120-let-nazad-novosibirsk-vpervye-nazvali-sibirskim-chikago/> (дата обращения: 21.06.2023).

15. *Вербицкий, В. И.* Алтайские инородцы : сборник этнографических статей и исследований алтайского миссионера, протоиерея В. И. Вербицкого / В. И. Вербицкий. – Москва : Скоропечат. А.А. Левенсон, 1893. – 221 с.
16. *Власов, А. В.* Цветы для мамы / А. В. Власов. – Барнаул : Август, 2014. – 88 с.
17. *Вознесенский, А. А.* Аксиома самоиска / А. А. Вознесенский. – Москва : Икла, 1990. – 561 с.
18. *Вяткин, Г.* Памяти А. Е. Новоселова / А. Г. Вяткин // Сибирские огни. – 1928. – № 6. – С. 238–239.
19. Г. Д. Гребенщиков и Г. Н. Потанин: диалог поколений (письма, статьи, воспоминания, рецензии) / сост. Т. Г. Черняева. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2008. – 212 с.
20. *Гармс, О. Я.* Путешествие по Чуйскому тракту: неизведанный Алтай : путеводитель / О. Гармс. – Барнаул : [б.и.], 2009. – 142 с.
21. *Гешелина, Е.* Антисобытие / Е. Гешелина. – Барнаул : [б.и.], 2010. – 56 с.
22. *Горышин, Г.* «Есть по Чуйскому тракту дорога...» / Г. Горышин // Аврора. – 1990. – № 8. – С. 23–35
23. *Гребенщиков, Г. Д.* Моя Сибирь / Г. Д. Гребенщиков. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 214 с.
24. *Гребенщиков, Г. Д.* Собрание сочинений. В 6 томах. Том 2 / Г. Д. Гребенщиков. – Барнаул : ИД «Барнаул», 2013. – 527 с.
25. *Грехова, Е. А.* Чуйский тракт до монгольской границы : историко-краеведческий очерк / Е. А. Грехова. – Бийск : [б.и.], 2006. – 99 с.
26. *Данилов, С. К.* Барнаул-517 / С. К. Данилов. – [б. м.] : Издательские решения, 2021. – 382 с.
27. *Дмитриев, В. В.* Сибирский кедр / В. В. Дмитриев // Сибирский вестник. – 1824. – Ч. 4. – С. 134–145.
28. *Дозоров [Гастев, А. К.]* Экспресс. Сибирская фантазия / А. К. Гастев // Сибирские записки. – 1916. – № 1. – С. 3–12.
29. *Достоевский, Ф. М.* Дядюшкин сон / Ф. М. Достоевский // Собрание сочинений : в 12 томах / Ф. М. Достоевский. – Москва : Правда, 1982. – Т. 2. – С. 5–135.
30. *Евтушенко, Е. А.* Избранные произведения. В 2 томах. Том 1 : 1952–1965. Стихотворения и поэмы / Е. А. Евтушенко. – Москва : Худож. лит., 1980. – 510 с.
31. *Ерошин, И. Т.* Песни Алтая / И. Т. Ерошин. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1961. – 150 с.
32. *Есенин, С. А.* Полное собрание сочинений. В 7 томах. Том 2 : Стихотворения / С. А. Есенин. – Москва : Наука ; Голос, 1997. – 463 с.
33. *Есенин, С. А.* Полное собрание сочинений. В 7 томах. Том 5 : Проза / С. А. Есенин. – Москва : Наука ; Голос, 1997. – 557 с.
34. Жил такой парень... : сб. воспоминаний и стихотворений о Шукшине / авт.-сост. В. И. Ащеулов. – Белокуриха : [б. и.], 2009. – 162 с.

35. *Жильцов, Ю. И.* Свидание с памятью : стихи на родную тему / Ю. И. Жильцов. – Москва : МГО СП России, 2007. – 247 с.
36. *Залыгин, С. П.* После бури / С. П. Залыгин. – Москва : Современник, 1986. – 703 с.
37. *Зиедонис, И. Я.* Дневник поэта / И. Я. Зиедонис. – Рига : Лиесма, 1968. – 184 с.
38. Змеиногорск в культурном пространстве Алтая. – Барнаул : Аз Бука, 2002. – 179 с.
39. *Иванов, Вс.* Глиняная шуба / Вс. Иванов // Грядущее : Пролетарский лит.-худож. журн. – 1921. – № 7–8. – С. 82–97.
40. *Инок Парфений (Агеев).* Автобиография монаха Парфения (бывшего в Молдавии раскольника, затем постриженника русского Пантелеймонова монастыря на Афоне) / Парфений (П. Агеев). – Москва : Индрик, 2009. – 256 с.
41. *Капустин, Б. Е. Б. Ж.* : стихотворения / Б. Капустин. – Барнаул : Алтай, 1995. – 63 с.
42. *Катаев, И. И.* Сердце: повести и рассказы / И. И. Катаев. – Москва : Советская Россия, 1980. – 397 с.
43. *Кибиров, Т.* Стихи / Т. Кибиров. – Москва : Время, 2005. – 856 с.
44. *Кислицын, В. Н.* Чуйский тракт. Времена. Имена / В. Н. Кислицын, А. М. Малолетко. – Барнаул : [б.и.], 2013. – 87 с.
45. *Ковалевский, Е. П.* Сибирь. Думы. Стихи / Е. П. Ковалевский // Сибирские огни. – 2010. – № 8. – URL: <http://www.sibogni.ru/content/sibir-dumy> (дата обращения: 05.08.2021).
46. *Кожевников, С.* Машина идет в Кош-Агач / С. Кожевников // Ойротия в зеркале литературы : антология / под ред. Э. П. Чининой, Т. П. Шастиной. – Горно-Алтайск : Полиграфика, 2020. – С. 143–154.
47. *Козлов, Ю. Я.* Есть над Чуей-рекою дорога : повесть в новеллах / Ю. Я. Козлов. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1971. – 120 с.
48. *Коржов, В. М.* Покорители вершин: календарь памяти / В. М. Коржов. – Барнаул : Спектр, 2013. – 118 с.
49. *Коробейщиков, А. В.* Иту-Тай. Путь свободного волка / А. В. Коробейщиков. – Москва : РИПОЛ классик, 2010. – 448 с.
50. *Коробейщиков, А. В.* Иту-Тай. Темный Ветер с зеленых холмов / А. В. Коробейщиков // Самиздат : [сайт]. – 2009. – URL: http://samlib.ru/k/korobejshikow_a_w/itutai.shtml (дата обращения: 09.03.2023).
51. *Костюнин, О. В.* Человек из легенды / О. В. Костюнин. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2005. – 55 с.
52. *Косых, Н.* 7 лучших песен Николая Косых – автора этого блога / Н. Косых // Музыка и путешествия Николая К. : официальный блог на Дзен. – URL: <https://dzen.ru/a/YUyes5AaUGk0bHcn> (дата обращения: 15.05.2023).
53. *Лавренёв, Б. А.* Казнённый дегенератами / Б. А. Лавренёв // О Есенине : стихи и проза писателей-современников поэта / сост., авт. вступ. ст. и примеч. С. Кошечкин. – Москва : Правда, 1990. – С. 457–459.

54. Легенды Змеиногорских рудников // Zmeinogorsk.ru : [сайт]. – 2019. – 22 января. – URL: <https://zmeinogorsk.ru/legendy-zmeinogorskih-rudnikov/> (дата обращения: 21.06.2023).
55. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. В 55 томах. Том 36 : Март-июль 1918 / В. И. Ленин. – Москва : Изд-во политической лит-ры, 1974. – 741 с.
56. Лесков, Н. С. На краю света / Н. С. Лесков // Собрание сочинений : в 11 томах / Н. С. Лесков. – Москва : ГИХЛ, 1957. – Т. 5. – С. 451–517.
57. Лещенко-Сухомлина, Т. И. Долгое будущее : дневник-воспоминания Т. И. Лещенко-Сухомлина. – Москва : Сов. писатель, 1991. – 528 с.
58. Литературное наследство Сибири. Том 2 : Владимир Яковлевич Зазубрин : художественные произведения, статьи, доклады, речи, переписка. Воспоминания о В. Я. Зазубрине / гл. ред. Н. Н. Яновский. – Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1972. – 444 с.
59. Манн, Т. Собрание сочинений. В 10 томах. Том 4 / Т. Манн ; пер. В. Курелла и В. Станевич. – Москва : Гослитиздат, 1959. – 543 с.
60. Мариенгоф, А. Б. Бессмертная трилогия / А. Б. Мариенгоф. – Москва : ВА-ГРИУС, 1998. – 510 с.
61. Мерзликин, Л. С. Избранное : стихотворения и поэма / Л. С. Мерзликин. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1997. – 319 с.
62. Мисюрев, А. А. Легенды Горной Колывани / А. А. Мисюрев ; сост. А. М. Родионов. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1989. – 294 с.
63. Михеев, М. П. Как родилась песня / М. П. Михеев // Сибирские огни. – 1965. – № 9. – С. 148–149.
64. Небольсин, П. И. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул : статья восьмая и последняя / П. И. Небольсин // Отечественные записки. – 1849. – Т. 67. – № 12. – С. 277–312.
65. Некролог и сообщение Алтайского краевого отдела по делам искусств в газете «Алтайская правда» о кончине В. Г. Шершеневича. 19 мая 1942 г. // Культура Алтая в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 : сб. документов. – Барнаул : Азбука, 2011. (397). – URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/211039-nekrolog-i-soobschenie-altayskogo-kraevogo-otdela-po-delam-iskusstv-v-gazete-altayskaya-pravda-o-konchine-v-g-shershenevicha-19-maya-1942-g#mode/inspect/page/1/zoom/7> (дата обращения: 09.01.2023).
66. Неопубликованные письма В. Я. Шишкова к Г. Н. Потанину // Алтай. – 1957. – № 10. – С. 291–295.
67. Николенкова, Н. М. Завтрак на траве / Н. М. Николенкова. – Барнаул : [б.и.], 2014. – 144 с.
68. Николенкова, Н. Не про любовь : интервью / интервьюер В. Н. Токмаков // Российская газета. – 2008. – 6–12 марта. – С. 16.
69. О могущественном хане Алтае, его дочери красавице-Катуни и ее возлюбленном богатыре Бие // Бийск. – 1993. – № 1. – С. 18–20.

70. О, тайна преобразования! : памяти поэта Вадима Шершеневича. – Барнаул : Алтай, 1997. – 95 с.
71. Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв. : антология. В 5 томах / под общ. ред. А. И. Куляпина. – Барнаул : ИД «Барнаул», 2012. – 5 т.
72. *Образцов, И. Ю.* Могила тревожного сердца : документально-художественная повесть о поэте В. Г. Шершеневиче, часть 1 / И. Ю. Образцов // Ликбез. – 2013. – № 23. – С. 160–162.
73. *Образцов, И. Ю.* Могила тревожного сердца : документально-художественная повесть о поэте В. Г. Шершеневиче, часть 2 / И. Ю. Образцов // Ликбез. – 2014. – № 24. – С. 150–151.
74. *Образцов, И. Ю.* Могила тревожного сердца : малая повесть / И. Ю. Образцов // Невский проспект. – 2022. – № 7. – С. 378–383.
75. Ойротия в зеркале литературы : антология / под ред. Э. П. Чининой, Т. П. Шастиной. – Горно-Алтайск : Полиграфика, 2020. – 308 с.
76. *Орехов, С. М.* Барнаул – Столица Мира. Человек последнего круга / С. М. Орехов. – Барнаул : [б.и.], 2002. – 314 с.
77. *Панов, Г. П.* Русский складень : стихотворения, поэмы / Г. П. Панов. – Барнаул : [б. и.], 2004, 175 с.
78. *Панов, Г. П.* Сердце поэта... : стихотворения / Г. П. Панов. – Барнаул : Алт. дом печати, 2012. – 159 с.
79. *Пантюхов, И.* Прежде всего он был поэтом... : интервью / интервьюер В. Е. Тихонов // Алтайское лето поэта Николая Рубцова. – Барнаул : Алтай, 2011. – С. 56–60.
80. Первый Сибирский съезд писателей // Сибирские огни. – 1926. – № 3. – С. 202–232.
81. Писатели Алтая. В 15 томах. Том 2. Антология алтайской поэзии / сост. В. Б. Свинцов, М. И. Юдалевич ; ред. С. В. Вторушин. – Барнаул : Алт. полиграф. комбинат, 2000. – 416 с.
82. Полное собрание русских летописей. Том 36 : Сибирские летописи, ч. 1 : Группа Есиповской летописи / отв. ред. А. П. Окладников, Б. А. Рыбаков. – Москва : Наука, 1987. – 381 с.
83. *Потанин, Г. Н.* Письма Г. Н. Потанина. В 5 томах. Том 5 / Г. Н. Потанин ; гл. ред. Ю. П. Козлов. – Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1991. – 272 с.
84. *Потанин, Г. Н.* Сибирь, ее современное состояние и ее нужды / Г. Н. Потанин ; под ред. С. Мельника. – Санкт-Петербург : изд. А. Ф. Девриена, 1908. – 294 с.
85. *Потанин, Г. Н.* Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении / Г. Н. Потанин // Этнографический сборник, издаваемый Императорским географическим обществом. – Санкт-Петербург, 1864. – Вып. VI. – С. 1–154.
86. *Премудрая крыса Онуфрий [Казанский, П. А.]* Плач о пруде / П. А. Казанский // Жизнь Алтая. – Барнаул, 1916. – 10 января (№ 7). – С. 2–3. – URL: <http://irbis.akunb.altlib.ru:81/pm/pm000014/1916007.pdf> (дата обращения: 04.05.2023).

87. *Пригов, Д. А.* Написанное с 1975 по 1989 / Д. А. Пригов. – Москва : Новое литературное обозрение, 1997. – 285 с.
88. *Пригов, Д. А.* Советские тексты, 1979–84 / Д. А. Пригов. – Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 1997. – 271 с.
89. *Пушкин, А. С.* Медный всадник / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений : в 10 томах / А. С. Пушкин. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1949. – Т. 4. – С. 375–396.
90. *Пушкин, А. С.* Полное собрание сочинений. В 10 томах. Том 10 : Письма / А. С. Пушкин. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1949. – 893 с.
91. *Радлов, В. В.* Из Сибири. Страницы дневника / В. В. Радлов. – Москва : Наука, 1989. – 752 с.
92. *Распутин, В. Г.* Сибирь, Сибирь... / В. Г. Распутин. – Москва : Молодая гвардия, 1991. – 304 с.
93. *Распутин, В. Г.* Собрание сочинений. В 4 томах. Том 4 : В ту же землю / В. Г. Распутин. – Иркутск : Сапронов, 2007. – 440 с.
94. *Родионов, А. М.* Князь-раб : исторический роман. В 2 томах / А. М. Родионов. – Новосибирск : Сова, 2006. – 2 т.
95. *Рождественский, Р. И.* Собрание сочинений. В 3 томах. Том 3 : Стихотворения ; Поэмы ; Песни. 1970–1985 / Р. И. Рождественский. – Москва : Худож. лит., 1985. – 575 с.
96. *Рубанов, А. В.* Хлорофилия. Живая земля / А. В. Рубанов. – Москва : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2021. – 477 с.
97. *Рылеев, К. Ф.* Полное собрание стихотворений / К. Ф. Рылеев. – Ленинград : Советский писатель. – 480 с.
98. *Сарычева, Т.* Путешествие по Чуйскому тракту : путеводитель / Т. Сарычева. – Горно-Алтайск : [б.и.], 2001. – 76 с.
99. *Свинцов, В. Б.* Избранное : повести, рассказы / В. Б. Свинцов. – Барнаул : Алт. полиграф. комбинат, 2000. – 416 с.
100. *Семенов Тян-Шанский, П. П.* Путешествие в Тян-Шань в 1856–1857 годах / П. П. Семенов Тян-Шанский. – Москва : Дрофа, 2007. – 381 с.
101. Сибирские летописи / под ред. Л. Н. Майкова и В. В. Майкова. – Санкт-Петербург : Имп. Археогр. комис., 1907. – 397 с.
102. *Скотт, В.* Собрание сочинений. В 8 томах. Том 6. Айвенго / В. Скотт ; пер. с англ. Е. Бекетовой. – Москва : Правда, 1990. – 478 с.
103. *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. Кн. 2: с 1742 по 1823 года / П. А. Словцов. – Москва : тип. И.Н. Скороходова, 1886. – 364 с.
104. *Словцов, П. А.* Историческое обозрение Сибири. Кн. 1: с 1585 по 1742 года / П. А. Словцов. – Москва : тип. А. Семена, при Медико-хирург. акад., 1838. – 589 с.
105. *Солженицын, А. И.* Собрание сочинений. В 30 томах. Том 1 : Рассказы и крохотки / А. И. Солженицын. – Москва : Время, 2007. – 672 с.
106. *Сорокин, А. С.* Сочинения. Воспоминания. Письма / А. С. Сорокин. – Тобольск : Возрождение Тобольска, 2012. – 510 с.

107. *Сорокин, В.* «Пятеро маяковских и четверо конных»: интервью / интервьюер А. Архангельский // Новая газета. – 2021. – 16 апреля. – URL: <https://www.corpus.ru/press/izdatel-corpus-vyhodit-priklyuchen-roman-vladimira-sorokina-doktor-garin.htm> (дата обращения: 12.03.2023).
108. *Сорокин, В.* «Я путешествую по моим внутренним литературным провинциям»: интервью / интервьюер Б. Орехов // Гипертекст. – 2006. – № 6. – С.10–12. – URL: <http://nevmenandr.net/personalia/sorokin.php> (дата обращения: 12.03.2023).
109. *Сорокин, В.* Доктор Гарин / В. Сорокин. – Москва : АСТ : CORPUS, 2021. – 544 с.
110. *Сорокин, В.* Теллурия / В. Сорокин. – Москва : АСТ : CORPUS, 2013. – 448 с.
111. *Старцев, А. В.* Е. П. Клевакин. Очерки о бийской жизни / А. В. Старцев // Культурное наследие Сибири. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. – С. 114–127.
112. *Старцев, А. В.* Есть над Чуей-рекою дорога... / А. В. Старцев // Чуйский тракт. – 2006. – № 1. – С. 8–11.
113. Стихи о Барнауле: маленькая хрестоматия // ИА Амител : [сайт]. – 2015. – 16 июня. – URL: <https://www.amic.ru/news/prochee/stihi-o-barnaule-malenkaya-hrestomatiya> (дата обращения: 17.04.2023)
114. *Тарасава, Ю.* Егорка и Змей Добрыныч / Юстасия Тарасава. – Барнаул : Азбука, 2009. – 164 с.
115. Территория 22 : [сайт]. – URL: <https://svatei.com/txt.php?text=010> (дата обращения: 14.04.2023)
116. *Токмаков, В. Н.* «Посланец»: сто лет поэту В. Шершеневичу / В. Н. Токмаков // Молодежь Алтай. – 1993. – 30 июля (№ 31). – С. 10.
117. *Токмаков, В. Н.* Двойное дно / В. Н. Токмаков. – Барнаул : Полиграфист, 1997. – 64 с.
118. *Токмаков, В. Н.* Детдом для престарелых убийц / В. Н. Токмаков. – Барнаул : Алтай, 2015. – 316 с.
119. *Токмаков, В. Н.* Запретная Книга Белого Бурхана / В. Н. Токмаков. – Барнаул : Алтай, 2017. – 280 с.
120. *Токмаков, В. Н.* Кафе «Стойло Пегаса». Год 1922 : 1. «В “Стойле Пегаса” народ – не пробиться...» / В. Н. Токмаков // Ликбез. – 2010. – № 16. – С. 17–18.
121. *Токмаков, В. Н.* Сбор трюфелей накануне конца света / В. Н. Токмаков. – Барнаул : Алтай, 2014. – 328 с.
122. *Токмаков, В. Н.* Стихи светлой памяти Н. Рубцова и В. М. Шукшина / В. Н. Токмаков // Ликбез. – 1994. – № 7. – С. 9.
123. *Токмаков, В. Н.* Танец маленьких королей: страшная новогодняя сказка / В. Н. Токмаков. – Барнаул : Алтай, 2022. – 304 с.
124. *Токмаков, В. Н.* Три секунды в день для стихов: К 100-летию со дня рождения поэта В. Шершеневича, похороненного в г. Барнауле / В. Н. Токмаков // Алтайская правда. – 1993. – 13 июля. – С. 3.

125. *Тэн, И.* Философия искусства / И. Тэн ; пер. А. Н. Чудинова. – Москва : Республика, 1996. – 351 с.
126. *Укачин, Б. У.* Избранное : стихотворения и поэмы / Б. У. Укачин ; пер. с алт. – Москва : Худож. лит., 1987. – 334 с.
127. *Улицкая, Л. Е.* Лестница Якова : роман / Л. Е. Улицкая. – Москва : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. – 732 с.
128. *Черкасов, А. А.* Из записок сибирского охотника / А. А. Черкасов. – Москва : Физкультура и спорт, 1994. – 640 с.
129. *Черкасов, А. А.* На Алтае / А. А. Черкасов. – Барнаул ; Новосибирск : Типография Колорит, 2019. – 452 с.
130. *Чехов, А. П.* Полное собрание сочинений и писем. В 30 томах. Том 14/15 : Из Сибири. Остров Сахалин. 1890–1895 / А. П. Чехов. – Москва : Наука, 1978. – 927 с.
131. *Чехов, А. П.* Полное собрание сочинений и писем. В 30 томах. Том 12, 13 : Пьесы : 1889–1904 / А. П. Чехов. – Москва : Наука, 1978. – 400, 526 с.
132. *Чорос-Гуркин, Г. И.* Алтай (Плач алтайца на чужбине) / Г. И. Чорос-Гуркин // Памятное завещание : алтайская дореволюционная проза. – Горно-Алтайск : Алт. кн. изд-во, 1990. – С. 217–221.
133. *Шаламов, В. Т.* Собрание сочинений. В 4 томах. Том 2 : Колымские рассказы / В. Т. Шаламов. – Москва : Худож. лит. ; Вагриус, 1998. – 508 с.
134. *Шершеневич, В. Г.* Великолепный очевидец / В. Г. Шершеневич. – Москва : Книжный Клуб Книговек, 2018. – 704 с.
135. *Шершеневич, В. Г.* Критические тексты: от футуризма к имажинизму / В. Г. Шершеневич. – Москва : Водолей, 2022. – 480 с.
136. *Шинжин, Т. Б.* Колыбель земли / Т. Б. Шинжин ; пер. с алт. А. Плитченко. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1984. – 48 с.
137. *Шипилов, В. Н.* Из жизни Кольки Снегирева / В. Н. Шипилов // Бийский рабочий. – 1988. – 27 января. – С. 2.
138. *Шишков, В. Я.* Чуйские были / В. Я. Шишков. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1986. – 496 с.
139. *Шишков, В. Я.* Собрание сочинений. В 3 томах. Том 1 : Скитания / В. Я. Шишков. – Барнаул ; Кемерово : Технопринт, 2018. – 399 с.
140. *Шишков, В. Я.* Алые сугробы / В. Я. Шишков // Собрание сочинений : в 8 томах / В. Я. Шишков. – Москва : Правда, 1983. – Т. 2. – 527 с.
141. *Шукшин, В. М.* Вопросы самому себе / В. М. Шукшин. – Москва : Молодая гвардия, 1981. – 255 с.
142. *Шукшин, В. М.* Собрание сочинений. В 9 томах / В. М. Шукшин. – Барнаул : ИД «Барнаул», 2014.
143. *Шульпяков, Г.* Дядюшкин сон / Г. Шульпяков. – Москва : Запасной выход / Emergency Exit, 2005. – 160 с.
144. *Юдалевич, М. И.* «Я – Голубая Дама» / М. И. Юдалевич // Избранное : в 5 томах / М. И. Юдалевич. – Барнаул : Алт. дом печати, 2008. – Т. 2. – С. 305–307.

145. *Юдалевич, М. И.* Барнаул / М. И. Юдалевич. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1992. – 216 с.
146. *Юдалевич, М. И.* Золотая давность. Стихи о Барнауле / М. И. Юдалевич // Барнаул : история культуры : пособие для учителя. – Барнаул : АЛТАПРЕСС, 2000. – С. 78–81.
147. *Юдалевич, М. И.* Денди Советского Союза : интервью с М. И. Юдалевичем, А. И. Казаковцевым / интервьюер В. Е. Тихонов // Алтайская правда. – 1995. – 25 марта. – С. 1–2.
148. *Ядринцев, Н. М.* Об алтайцах и черневых татарах / Н. М. Ядринцев. – Санкт-Петербург : Тип. В. Безобразова и К^о, 1881. – 27 с.
149. *Ярославцев, С. Г.* Последний поход Ермака в Сибирь / С. Г. Яловцев – Барнаул : ООО «МЦ ЭОР», 2019. – URL: <http://mceor.ru/19004> (дата обращения: 15.05.2023).

Монографии, учебные пособия, научные сборники и статьи

150. *Абашев, В. В.* Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века / В. В. Абашев. – Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 2000. – 404 с.
151. *Абашев, В. В.* Русская литература Урала. Проблемы геопоэтики / В. В. Абашев. – Пермь : Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2012. – 140 с.
152. *Абашев, В. В.* Литература и география: Урал в геопоэтике России / В. В. Абашев, М. П. Абашева // Вестник Пермского университета. – 2012. – № 2 (12). – С. 143–151.
153. *Абашева, М. П.* Сорокин нулевых: в пространстве мифов о национальной идентичности / М. П. Абашева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2012. – № 1 (17). – С. 202–209.
154. *Аверинцев, С. С.* К истолкованию символики мифа о Эдипе / С. С. Аверинцев // Античность и современность. – Москва : Наука, 1972. – С. 90–102.
155. *Агапкина, Т. А.* Дерево и человек: одна судьба на двоих / Т. А. Агапкина // Ethnolinguistica Slavica : сб. статей / отв. ред. С. М. Толстая. – Москва : Индрик, 2013. – С. 42–58.
156. *Агапкина, Т. А.* Деревья в славянской народной традиции / Т. А. Агапкина. – Москва : Индрик, 2019. – 656 с.
157. *Агеева, Н. А.* Моделирование топоса Сибири (повесть Е. Гришковца «Реки») / Н. А. Агеева // Литература путешествий: культурно-семантические и дискурсивные аспекты : сб. научных работ / под ред. Т. И. Печерской. – Новосибирск : Изд-во НГПИ, 2013. – С. 529–541.
158. *Александрова-Осокина, О. Н.* Вопросы геопоэтики в современном литературоведении / О. Н. Александрова-Осокина // Научный диалог. – 2020. – № 5. – С. 216–241.
159. *Алексеев, Н. А.* Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири / Н. А. Алексеев. – Новосибирск : Наука, 1980. – 318 с.

160. *Алексеев, П. В.* Алтай как “terra incognita” в трудах путешественников XIX – начала XX вв. / П. В. Алексеев // Материалы первого алтаистического форума «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность»: сб. статей / отв. ред. Р. И. Райкин. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019. – С. 242–243.
161. *Алякринская, М. А.* Танец и идеология: фокстрот в советской культуре 1920–1930-х гг. / М. А. Алякринская // Вестник СПбГУКИ. – 2012. – № 3. – С. 24–30.
162. Американский и сибирский фронт : материалы международной научной конференции «Американский и сибирский фронт (фактор границы в американской и сибирской истории)» / отв. ред. М. Я. Пелипась. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1997. – 304 с.
163. *Анисимов, К. В.* Климат как «закопснелый сепаратист»: символические и политические метаморфозы сибирского мороза / К. В. Анисимов // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 99. – С. 98–114.
164. *Анисимов, К. В.* Парадигматика и синтагматика «Сибирского текста» русской литературы / К. В. Анисимов // Сибирский текст в русской культуре / под ред. А. П. Казаркина, Н. В. Серебренникова. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2007. – Вып. 2. – С. 60–76.
165. *Анисимов, К. В.* Подвиг Ермака на страницах «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина: поэтика, контекст / К. В. Анисимов // Уральский исторический вестник. – 2023. – № 4 (81). – С. 6–15.
166. *Анисимов, К. В.* Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX веков: особенности становления и развития региональной литературной традиции : монография / К. В. Анисимов. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2005. – 304 с.
167. *Анисимова, Е. Е.* Конструирование исторической памяти о Сибири в русской литературе 1820-х годов: баллада А. Н. Муравьева «Ермак» / Е. Е. Анисимова // Сибирский филологический журнал. – 2023. – № 1. – С. 87–101.
168. *Анохин, А. В.* Материалы по шаманству у алтайцев / А. В. Анохин. – Горно-Алтайск : Ак Чечек, 1994. – 152 с.
169. *Анциферов, Н. П.* Душа Петербурга ; Петербург Достоевского ; Быль и миф Петербурга / Н. П. Анциферов. – Москва : Книга, 1991. – 540 с. – (Репринт. воспроизведение изд. 1922–1924 гг.).
170. *Афанасьев, А. Н.* Древо жизни : избранные статьи / А. Н. Афанасьев. – Москва : Современник, 1982. – 464 с.
171. *Ачимова, А. А.* Растения Горного Алтая в обычаях и традициях алтайцев / А. А. Ачимова. – Барнаул : Арктика, 2012. – 100 с.
172. *Бабенко, И. И.* Специфика эстетической актуализации концепта *город Томск* в региональном поэтическом дискурсе / И. И. Бабенко // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. – № 3 (105). – С. 54–58.

173. *Байдуж, М. И.* «Параллельная Тюмень»: визуальные манифестации локального текста / М. И. Байдуж // Шаги-Steps. – 2016. – Т. 2. – № 4. – С. 312–338.
174. *Балалаева, О. Э.* Миф о Мировом древе в шаманстве народов Сибири / О. Э. Балалаева, Н. В. Плужников // Этнографическое обозрение. – 2019. – № 3. – С. 80–95.
175. *Батьянова, Е. П.* Деревья, шаманы и иные миры / Е. П. Батьянова // Этнографическое обозрение. – 2019. – № 3. – С. 99–102.
176. *Бахтин, М. М.* Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – Москва : Худож. лит., 1975. – 504 с.
177. *Бахтина, О. Н.* Проблемы изучения миграции старообрядцев (Сибирь и Дальний Восток) / О. Н. Бахтина // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск : АмГУ, 2001. – С. 8–14.
178. *Башляр, Г.* Вода и грезы. Опыт о воображении материи / Г. Башляр. – Москва : Изд-во гуманитарной литературы, 1998. – 268 с.
179. *Бедарева, И. А.* Алтай как обетованная земля в романе С.П. Залыгина «Тропы Алтая» / И. А. Бедарева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12 (78). – Ч. 1. – С. 10–12.
180. *Бедарева, И. А.* Базовые пространственные мифологемы в русской литературе Горного Алтая XX века / И. А. Бедарева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 10 (64). – Ч. 3. – С. 20–22.
181. *Бедарева, И. А.* Мифологические и фольклорные образы деревьев в русскоязычной прозе Горного Алтая / И. А. Бедарева // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 3 (82). – С. 326–329.
182. *Бедарева, И. А.* Эволюция фольклорно-мифологической системы в русской литературе Горного Алтая : монография / И. А. Бедарева. – Горно-Алтайск : РИО Горно-Алт. гос. ун-та, 2011. – 135 с.
183. *Белоусов, А. Ф.* Символика захолустья (обозначение российского провинциального города) / А. Ф. Белоусов // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты / отв. ред. Л. О. Зайонц. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – С. 457–482.
184. *Березкин, Ю. Е.* Мифологические деревья в лесу культуры / Ю. Е. Березкин // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 6. – С. 3–18.
185. *Биргер, Л.* Титановые ноги, 1917 год и врачевание задниц: каким получился свежий роман Владимира Сорокина «Доктор Гарин» / Л. Биргер // Правила жизни : [журнал]. – 2021. – 28 апреля. – URL: <https://www.pravilamag.ru/letters/259123-titanovye-nogi-1917-god-i-vrachevanie-zadnic-kakim-poluchilsya-svezhiy-roman-vladimira-sorokina-doktor-garin/> (дата обращения: 12.03.2023).
186. *Блинов, Е. Н.* Особенности проектирования западносибирских городов-садов в советский период / Е. Н. Блинов // Творчество и современность. – 2016. – № 1. – С. 5–10.
187. *Богумил, Т. А.* Алое Беловодье В. Я. Шишкова / Т. А. Богумил // Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исслед-

- довательских проектов РФФИ : материалы всероссийской научной конференции с международным участием / науч. ред. Н. А. Матвеева ; отв. ред. Т. П. Сухотерина. – Барнаул : АлтГПУ, 2020. – С. 298–301.
188. *Богумил, Т. А.* Алтай в биографии и творчестве В. Я. Шишкова («Алые сугробы») / Т. А. Богумил // Имагология и компаративистика. – 2020. – № 13. – С. 128–140.
189. *Богумил, Т. А.* Алтайский текст Виталия Бианки / Т. А. Богумил // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2022. – Т. 19. – № 2. – С. 226–237.
190. *Богумил, Т. А.* «Алтайский текст» и литература Алтая: к определению понятий / Т. А. Богумил // Филология и человек. – 2017. – № 4. – С. 155–164.
191. *Богумил, Т. А.* Беловодье А. Е. Новоселова и В. Я. Шишкова: творческий диалог / Т. А. Богумил // Язык и литература в поликультурном пространстве: проблемы, идеи, тенденции развития : материалы Международной научно-практической конференции. – Актобе : Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова, 2021. – С. 245–249.
192. *Богумил, Т. А.* Беловодье: легенда, мифологема, бренд / Т. А. Богумил // Культура и текст. – 2018. – № 3 (34). – С. 89–102.
193. *Богумил, Т. А.* Библейские сюжеты в сибирском тексте / Т. А. Богумил // Евангельский текст в русской словесности : сб. тезисов докладов конференции / отв. редактор И. С. Андрианова. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2020. – С. 296–297.
194. *Богумил, Т. А.* Библейские сюжеты в сибирском тексте / Т. А. Богумил // Проблемы исторической поэтики. – 2020. – Т. 18. – № 4. – С. 331–347.
195. *Богумил, Т. А.* Геопоэтика В. М. Шукшина : коллективная монография / Т. А. Богумил, А. И. Куляпин, Е. А. Худенко. – Барнаул : АлтГПУ, 2017. – 176 с.
196. *Богумил, Т. А.* Гидропоэтика Алтая: реки / Т. А. Богумил // Имагология и компаративистика. – 2022. – № 17. – С. 287–315.
197. *Богумил, Т. А.* Голубая Дама: барнаульский текст и миф / Т. А. Богумил // Сибирский филологический журнал. – 2016. – № 4. – С. 102–108.
198. *Богумил, Т. А.* Горнозаводской пруд Барнаула в художественной литературе / Т. А. Богумил // Региональные столицы России – точки опоры и роста / отв. ред. Н. В. Суржикова. – Екатеринбург : Альфа-Принт, 2023. – С. 436–438.
199. *Богумил, Т. А.* Дендрообраз Сибири: лиственница / Т. А. Богумил // Культура и текст. – 2021. – № 3 (46). – С. 196–204.
200. *Богумил, Т. А.* Ермаков сюжет в творчестве В. М. Шукшина / Т. А. Богумил // Культура и текст. – 2017. – № 3 (30). – С. 117–124.
201. *Богумил, Т. А.* Кедр как дендрообраз сибирского текста / Т. А. Богумил // Известия Уральского федерального университета. Серия 2 : Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 24. – № 4. – С. 233–248.
202. *Богумил, Т. А.* «Когда вся жизнь, как хата с краю...» / Т. А. Богумил // Культура Алтайского края. – 2022. – № 1. – С. 10–11.

203. *Богумил, Т. А.* Коммеморативный литературный портрет В.М. Шукшина / Т. А. Богумил // Филология и человек. – 2022. – № 4. – С. 127–140.
204. *Богумил, Т. А.* Концепт СИБИРЬ в творчестве Дмитрия Александровича Пригова / Т. А. Богумил // Критика и семиотика. – 2021. – № 2. – С. 402–417.
205. *Богумил, Т. А.* Крест как принцип моделирования поэтического мира Л. Мерзликина / Т. А. Богумил // Русская словесность в России и Казахстане: аспекты интеграции: материалы Второй международной научно-практической конференции / отв. ред. В. И. Габдуллина. – Барнаул: Алтайская гос. пед. акад., 2013. – С. 246–254.
206. *Богумил, Т. А.* Лики В. М. Шукшина: Мартин Иден, Гамлет, Степан Разин / Т. А. Богумил // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2020. – № 4 (39). – С. 59–65.
207. *Богумил, Т. А.* Литературный портрет В. Г. Шершеневича в творчестве барнаульских писателей / Т. А. Богумил // *Studia Litterarum*. – 2023. – Т. 8. – № 4. – С. 182–201. – С. 182–201.
208. *Богумил, Т. А.* Мифогеография В. М. Шукшина: Алтай и его отражения / Т. А. Богумил // Культура и текст. – 2017. – № 1. – С. 143–148.
209. *Богумил, Т. А.* Мифологема горы в алтайском тексте русской литературы / Т. А. Богумил // Проблемы исторической поэтики. – 2023. – Т. 21. – № 3. – С. 261–280.
210. *Богумил, Т. А.* Мифопоэтика автобиографического цикла В. М. Шукшина «Из детских лет Ивана Попова» / Т. А. Богумил // Сибирский филологический журнал. – 2020. – № 2. – С. 112–122.
211. *Богумил, Т. А.* Мифопоэтика романа В. Я. Зазубрина «Горы»: Эрос и Танатос / Т. А. Богумил // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. *Humanitates*. – 2023. – Том 9. – № 4 (36). – С. 82–93.
212. *Богумил, Т. А.* Образ Барнаула в поэзии барнаульцев / Т. А. Богумил // Филология и человек. – 2019. – № 3. – С. 101–115.
213. *Богумил, Т. А.* Образ Бийска в художественной литературе / Т. А. Богумил // Филологический класс. – 2020. – Т. 25. – № 3. – С. 195–206.
214. *Богумил, Т. А.* Образ Змеиногорска в художественной литературе / Т. А. Богумил // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 22. – № 2 (198). – С. 210–224.
215. *Богумил, Т. А.* Образы сибирских городов в трудах П. А. Словцова и Г. Н. Потанина / Т. А. Богумил // Наука и образование – важнейший фактор развития общества в современных условиях: материалы X международной научно-практической конференции. – Караганда: Кент-LTD, 2023. – С. 226–228.
216. *Богумил, Т. А.* Оппозиция «центр – периферия» в произведениях писателей Алтая о В. М. Шукшине и В. Г. Шершеневиче / Т. А. Богумил // Маргиналии – 2023: сб. докладов, представленных на конференцию «Маргиналии – 2023» в

- Арзамасе. – Москва, 2023. – URL: https://ruslang.ru/sites/default/files/2023-04/marginalii2023_tezisy_v28042023.pdf (дата обращения: 15.05.2023).
217. *Богумил, Т. А.* «Отсутствующие» деревья в дендрообразе Сибири: береза и пальма / Т. А. Богумил // Сибирский филологический журнал. – 2023. – № 3. – С. 156–168.
218. *Богумил, Т. А.* Поэты о Барнауле: образ города / Т. А. Богумил // Алтай. – 2020. – № 1. – С. 170–186.
219. *Богумил, Т. А.* Прогулки по Барнаулу мистическому / Т. А. Богумил // Геопэтика писателей Сибири и Алтая. – Барнаул : АлтГПУ, 2016. – С. 16–20.
220. *Богумил, Т. А.* Региональная литература: Сибирь, Алтай, Барнаул : учебное пособие / Т. А. Богумил. – Барнаул : АлтГПУ, 2017. – 69 с. – URL: <http://library.altspu.ru/dc/pdf/bogumil.pdf> (дата обращения: 15.05.2023).
221. *Богумил, Т. А.* Речной символизм Чуйского тракта / Т. А. Богумил // География искусства: ландшафтные миры культуры и искусства : сб. статей / отв. ред. и сост. О. А. Лавренова. – Москва : ГИТР, 2023. – С. 233–240.
222. *Богумил, Т. А.* Роман-кенотаф В. Н. Токмакова «Сбор трюфелей накануне конца света» / Т. А. Богумил // Алтайский текст в русской культуре : сб. статей / под ред. М. П. Гребневой. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2023. – Вып. 10. – С. 3–7.
223. *Богумил, Т. А.* Семантика Чуйского тракта в русской литературе / Т. А. Богумил // Проблемы исторической поэтики. – 2018. – Т. 16. – № 3. – С. 200–221.
224. *Богумил, Т. А.* Семиотика городов Сибири: типологический аспект / Т. А. Богумил // Критика и семиотика. – 2023. – № 1. – С. 350–367.
225. *Богумил, Т. А.* Сибирь как антиутопия в диалогии А. В. Рубанова «Хлорофилия» и «Живая земля» / Т. А. Богумил // Сибирский филологический форум. – 2020. – № 4 (12). – С. 64–77.
226. *Богумил, Т. А.* Сибирь как пространство (анти)утопии в творчестве В. Сорокина / Т. А. Богумил // Филология и человек. – 2023. – № 4. – С. 204–214.
227. *Богумил, Т. А.* Следы старообрядческой культуры в художественной прозе В. М. Шукшина / Т. А. Богумил // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 447. – С. 11–17.
228. *Богумил, Т. А.* Чуйский тракт в творчестве В. М. Шукшина / Т. А. Богумил // Геопэтика Сибири и Алтая в отечественной литературе XIX–XX веков : сб. науч. статей / отв. ред. А. И. Куляпин. – Барнаул : АлтГПУ, 2017. – С. 84–92.
229. *Богумил, Т. А.* 2.2. Семантика тверди и воды в романе В. Я. Зазубрина «Горы» / Т. А. Богумил // Текст и контекст: литературно-культурные связи : монография / под ред. Н. В. Константиновой. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2021. – С. 70–80.
230. *Болонев, Ф. Ф.* Береза в календарной культуре и традиционных верованиях народов Сибири / Ф. Ф. Болонев // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2015. – Т. 21. – С. 492–495.

231. *Бородаев, В. Б.* Возникновение российского сереброплавильного производства на Алтае и основание города Змеиногорска / В. Б. Бородаев, А. В. Контев // *Серебряный венец России (Очерки истории Змеиногорска)*. – Барнаул : Изд-е управления архивного дела администрации Алтайского края, 1999. – С. 73–128.
232. *Бородаев, В. Б.* Начало промышленного освоения Рудного Алтая А. Н. Демидовым в 1726 году / В. Б. Бородаев, А. В. Контев // *Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур* / отв. ред. В. С. Бойко. – Барнаул : Аз Бука, 2003. – С. 32–47.
233. *Бородаев, В. Б.* У истоков истории Барнаула / В. Б. Контев, А. В. Бородаев. – Барнаул : Алт. полиграф. комбинат, 2000. – 336 с.
234. *Бурмакова, Е. А.* Антропоморфная метафора в художественном дискурсе (на материале автобиографических рассказов В. М. Шукшина) / Е. А. Бурмакова, Н. И. Маругина // *Научный диалог*. – 2015. – № 3 (39). – С. 29–45.
235. *Бутанаев, В. Я.* Будни и праздники Хонгорая / В. Я. Бутанаев. – Абакан : Журналист, 2011. – 316 с.
236. *Буцинский, П. Н.* К истории Сибири: Мангазея и мангазейский уезд. 1601 г.–1645 г. / П. Н. Буцинский // *Записки Императорского Харьковского университета*. – Харьков : тип. Адольфа Дарре, 1893. – Вып. 1. – С. 33–98.
237. *Васильев, А. В.* Понятие «тайга» в сибирском дискурсе XIX века и его интерпретации. Статья вторая / А. В. Васильев // *Вестник Томского государственного университета*. – 2021. – № 473. – С. 12–18.
238. *Васильев, А. В.* Понятие «тайга» в сибирском дискурсе XIX в. и его интерпретации / А. В. Васильев // *Вестник Томского государственного университета*. – 2020. – № 461. – С. 123–130.
239. *Васильев, А. П.* Забайкальские казаки : исторический очерк. В 3 томах. Том 1 / А. П. Васильев. – Чита : тип. Войскового Хозяйственного Правления Забайкальского казачьего войска, 1916. – 232 с.
240. *Ведерников, В. В.* Особенности формирования образа горнозаводского Алтая в сочинениях современников (вторая половина XVIII – первая треть XIX в.) / В. В. Ведерников // *Известия Алтайского государственного университета*. Серия : Исторические науки и археология. – 2015. – № 3/2 (87). – С. 42–49.
241. *Войводич, Я.* Миф и неомифологическое сознание. Образ Сибири как пространства будущего в текстах В. Сорокина и В. Пелевина / Я. Войводич // *Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XX веков* / отв. ред. Н. В. Ковтун. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2016. – С. 233–246.
242. *Волдина, Т. В.* Образ древа жизни в традиционной культуре обских угров в контексте реинкарнации / Т. В. Волдина // *Финно-угорский мир*. – 2015. – № 4 (25). – С. 84–90.
243. *Габдуллина, В. И.* Библейская символика в повести В. Я. Шишкова «Странники» / В. И. Габдуллина, Е. В. Изранова // *Проблемы исторической поэтики*. – 2017. – Т. 15. – № 1. – С. 119–133.

244. *Габдуллина, В. И.* Мотив смерти – воскресения в сибирском тексте Ф. М. Достоевского / В. И. Габдуллина // Сюжетология и сюжетология. – 2015. – № 2. – С. 101–108.
245. *Ганущак, Н. В.* Творчество Варлама Шаламова как художественная система / Н. В. Ганущак. – Сургут : РИО СурГПУ, 2005. – 138 с.
246. *Гейштор, А.* Мифология славян / А. Гейштор ; пер. с польск. – Москва : Весь Мир, 2014. – 384 с.
247. *Генон, Р.* Символы священной науки / Р. Генон ; пер. Н. Торос. – Москва : Беловодье, 2002. – 496 с.
248. *Глушаков, П. С.* Очерки творчества В. М. Шукшина и Н. М. Рубцова: классическая традиция и поэтика / С. П. Глушаков. – Рига : Rota, 2009. – 279 с.
249. *Глушаков, П. С.* Шукшин и другие : статьи, материалы, комментарии / С. П. Глушаков. – Санкт-Петербург : Росток, 2018. – 320 с.
250. *Головнев, А. В.* Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров / А. В. Головнев. – Екатеринбург : УрО РАН, 1995. – 606 с.
251. *Голуб, О. С.* Кузнецкий локус в литературе XIX–XX веков / О. С. Голуб // Сибирский филологический журнал. – 2008. – № 3. – С. 90–96.
252. *Голубков, С. А.* Семантика и метафизика города: «городской текст» в русской литературе XX века : учебное пособие / С. А. Голубков. – Самара : Самарский ун-т, 2010. – 166 с.
253. *Гончаров, П. П.* Разин и «разинский тип» в прозе В. М. Шукшина: между разбойником и заступником : монография / П. П. Гончаров, П. А. Гончаров, Е. Л. Стрыгина. – Мичуринск : МГПИ, 2010. – 191 с.
254. *Гребнева, М. П.* Поэтика рассказа Ст. Исакова «Горный дух» / М. П. Гребнева // Алтайский текст в русской культуре : сб. статей / отв. ред. М. П. Гребнева, Т. В. Чернышова. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019. – С. 268–277. – Вып. 8.
255. *Громова, А. В.* Жанровые разновидности литературного портрета в наследии Б. К. Зайцева / А. В. Громова // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. – 2008. – № 7 (63). – С. 108–113.
256. *Гусейнов Г. Ч.* Карта нашей родины: идеологема между словом и телом / Г. Ч. Гусейнов. – Москва : ОГИ, 2005. – 214 с.
257. *Дегтярев, Д. С.* Город Бийск глазами ученых и путешественников XIX – начала XX вв. / Д. С. Дегтярев // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2017. – № 1. – С. 24–28.
258. *Дегтярев, Д. С.* Змеиногорск глазами ученых и путешественников XVIII–XIX вв. / Д. С. Дегтярев // Известия Алтайского государственного университета. Серия : Исторические науки и археология. – 2015. – № 3/2 (87). – С. 68–71.
259. *Демин, М. А.* Историческое краеведение: некоторые вопросы теории и терминологии / М. А. Демин // Природа и культура Алтая в современном школьном образовании / отв. ред. З. П. Горбенко. – Барнаул : АРТИКА, 2009. – С. 25–27.

260. *Десятов, В. В.* Барнаульский миф в русской литературе / В. В. Десятов, А. И. Куляпин // Культура и текст. – 1998. – № 3. – С. 187–200.
261. *Дмитриева, Е. Е.* Миф о сибирском Эльдorado, Опоньское царство староверов-бегунов и загадка второго тома «Мертвых душ» Гоголя / Е. Е. Дмитриева // Studia Litterarum. – 2018. – Т. 3. – № 3. – С. 116–143.
262. *Дмитриева, Л. Д.* Туристические концепты ‘Бия’, ‘Обь’, ‘Катунь’ в топонимической картине мира жителей Алтая / Л. Д. Дмитриева // Вестник Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова. – 2012. – № 1 (1). – С. 79–87.
263. *Добренко, Е.* «Прийти к женщине и лечь к ней в постель в мундире»: Пригов и Михалков-Кончаловская / Е. Добренко // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов (1940–2007): сб. статей и материалов / под. ред. Е. Добренко [и др.]. – Москва : Новое литературное обозрение, 2010. – С. 358–404.
264. *Добренко, Е.* Политэкономия соцреализма / Е. Добренко. – Москва : Новое литературное обозрение, 2007. – 592 с.
265. *Долин, А.* Владимир Сорокин и «Доктор Гарин» / А. Долин // Издательство CORPUS : [сайт]. – 2021. – 05 мая. – URL: <https://www.corpus.ru/press/sorokin-doktor-garin-anton-dolin.htm> (дата обращения: 12.03.2023).
266. *Дроздов, В. А.* Dum Spiro Spero. О Вадиме Шершеневиче и не только / В. А. Дроздов. – Москва : Водолей, 2014. – 799 с.
267. *Дулова, Н. В.* Сибирь как испытание души (А. Коцебу, Н. С. Лесков) / Н. В. Дулова // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства : сб. трудов конференции / ред. И. И. Плеханова. – Иркутск : ИМИ-ОН, 2004. – URL : http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/ (08.07.2020).
268. *Дутчак, Е. Е.* Путь в Беловодье (к вопросу о современных возможностях и перспективах изучения конфессиональных миграций) / Е. Е. Дутчак // Вестник РУДН. Серия : История России. – 2006. – № 1 (5). – С. 81–94.
269. *Душенко, В. В.* Все мы вышли из гоголевской «Шинели» / В. В. Душенко // Цитата в пространстве культуры: из истории цитат и крылатых слов : сб. статей / отв. ред О. В. Кулешова. – Москва : ИНИОН РАН, 2019. – С. 112–115.
270. *Желтова, Н. Ю.* Литературная регионалистика : курс лекций / Н. Ю. Желтова. – Тамбов : ИД «Державинский», 2021. – 152 с.
271. *Жербер, Ж.* Природа как «место памяти» в русской прозе о ГУЛАГе / Ж. Жербер, Е. Н. Эртнер // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2018. – Т. 4. – № 4. – С. 120–133.
272. *Жерносенко, И. А.* Барнаул как текст культуры / И. А. Жерносенко // Алтайский текст в русской культуре : сб. статей / отв. ред. Т. Г. Черняева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. – Вып. 2. – С. 94–101.
273. *Жерносенко, И. А.* Культура Сибири и Алтая : учебное пособие / И. А. Жерносенко, Е. И. Балакина. – Барнаул : Студия Станислава

- Жерносенко, 2013. – 326 с.
274. *Жерносенко, И. А.* Мифологема Мировой Горы как культурообразующий концепт сакральных ландшафтов Алтая / И. А. Жерносенко // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-3. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23847> (дата обращения: 14.08.2023).
275. *Жирмунский, В. М.* Народный героический эпос : сравнительно-исторические очерки / В. М. Жирмунский. – Москва ; Ленинград : Гос. изд-во художеств. лит., 1962. – 435 с.
276. *Журова, Л. И.* Вариации сюжета о взятии града Сибирь в летописях XVII в. / Л. И. Журова // Сюжетология и сюжетография. – 2017. – № 1. – С. 5–16.
277. *Забияко, А. А.* Глава 4. Дальневосточный фронт в художественном сознании русских эмигрантов / А. А. Забияко // Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях Дальневосточного фронта / А. А. Забияко, А. П. Забияко, С. С. Лешоко, А. А. Хисамутдинов ; отв. ред. А. П. Забияко. – Благовещенск : Амурский государственный ун-т. – С. 141–359.
278. *Завгородняя, Н. И.* Шукшинский миф в алтайской поэзии / Н. И. Завгородняя // Язык и литература в поликультурном пространстве: проблемы, идеи, тенденции развития : материалы Международной научно-практической конференции. – Актобе : Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова, 2021. – С. 270–274.
279. *Завидов, Д. С.* О личности святителя Макария / Д. С. Завидов, Ю. А. Крейдун // Бийск Православный: к истории Православия в городе Бийске Алтайского края / отв. ред. В. Буланичев. – Бийск : Бия, 2006. – С. 90–97.
280. *Зайонц, Л. О.* Русский провинциальный «миф» (К проблеме культурной типологии) / Л. О. Зайонц // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты / отв. ред. Л. О. Зайонц. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – С. 427–256.
281. *Закаблукова, Т. Н.* Мотив «блудного сына» в романе-эпопее Г. Д. Гребенщикова «Чураевы» / Т. Н. Закаблукова // Алтайский текст в русской культуре : сб. статей / отв. ред. Т. Г. Черняева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. – Вып. 3. – С. 12–17.
282. *Замятин, Д. Н.* Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов / Д. Н. Замятин. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2003. – 331 с.
283. *Замятин, Д. Н.* Метагеография: Пространство образов и образы пространства / Д. Н. Замятин. – Москва : Аграф, 2004. – 506 с.
284. *Замятин, Д. Н.* Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук / Д. Н. Замятин // Социологическое обозрение. – 2010. – Т. 9. – № 3. – С. 26–50.
285. *Замятин, Д. Н.* Культура и пространство. Моделирование географических образов / Д. Н. Замятин. – Москва : Знак, 2013. – 488 с.
286. *Замятин, Д. Н.* Метагеографические оси Евразии / Д. Н. Замятин // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 4. – С. 22–47.

287. *Замятин, Д. Н.* Гений места и город: варианты взаимодействия / Д. Н. Замятин, Н. Ю. Замятина // Вестник Евразии. – 2007. – № 1. – С. 62–87.
288. *Замятин, Д. Н.* Горные антропологии: генезис и структуры географического воображения / Д. Н. Замятин // Река и Гора: локальные дискурсы : сб. материалов Международной научной конференции «Урал и Карпаты: локальный дискурс горных местностей» / отв. ред. В. В. Абашев. – Пермь : Пермский гос. нац. исследоват. ун-т, 2009. – С. 155–162.
289. *Замятина, Н. Ю.* «Продать родину»: герои Василия Шукшина и потенциальный бренд Алтайского края / Н. Ю. Замятина // Культурная и гуманитарная география. – 2012. – Т. 1. – № 2. – С. 191–201.
290. *Замятина, Н. Ю.* Сибирь и Дикий Запад: образ территории и его роль в общественной жизни / Н. Ю. Замятина // Восток. – 1998. – № 6. – С. 5–19.
291. *Захаров, В. Н.* Русская литература и христианство / В. Н. Захаров // Проблемы исторической поэтики. – 1994. – № 3. – С. 5–11.
292. *Иванов Вяч. Вс.* Исследования в области славянских древностей: лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов / Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. – Москва : Наука, 1974. – 342 с.
293. *Иванюк, Б. П.* Эпитафия стихотворная: словарный формат / Б. П. Иванюк // *Philologos*. – 2022. – № 2 (53). – С. 46–53.
294. *Игнатенко, М. М.* Сибирский кедр (биология, интродукция, культура) / М. М. Игнатенко. – Москва : Наука, 1988. – 160 с.
295. *Изотова, Я. П.* Регионально-историческая геопоэтика повести П. А. Бородкина «Тайны Змеиной горы» / Я. П. Изотова // Геопоэтика Сибири и Алтая в отечественной литературе XIX–XX веков : сб. науч. статей / отв. ред. А. И. Куляпин. – Барнаул : АлтГПУ. 2017. – С. 31–37.
296. *Исупов, С. Ю.* Крепость Бийская есть главная... / С. Ю. Исупов. – Барнаул : Азбука, 2009. – 302 с.
297. *Кадиков, Б. Х.* Главы из истории: образование Бийска / Б. Х. Кадиков // Бийск. – 1993. – № 1. – С. 4–17.
298. *Казари, Р.* Русский провинциальный город в литературе XIX в.: парадигма и варианты / Р. Казари // Русская провинция: миф – текст – реальность / сост. А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. – Москва ; Санкт–Петербург : Тема, 2000. – С. 164–170.
299. *Казаркин, А. П.* Жанровый контекст романа «Чураевы» / А. П. Казаркин // Алтайский текст в русской культуре : сб. статей / отв. ред. Т. Г. Черняева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. – Вып. 2. – С. 7–18.
300. *Казаркин, А. П.* Проза Сибири в XX веке / А. П. Казаркин // Сибирь в контексте мировой культуры : коллективная монография / сост., науч. ред. А. П. Казаркин. – Томск : Сибирика, 2003. – С. 97–119.
301. *Казимиров, В. Н.* Великий Сибирский путь: к столетию начала строительства Транссибирской магистрали / В. Н. Казимиров. – Чита : Оттава, 1991. – 230 с.

302. *Калашникова, Т. А.* Из детских лет Ивана Попова / Т. А. Калашникова // Творчество В. М. Шукшина : энциклопедический словарь-справочник : в 3 томах. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. – Т. 3. – С. 113–116.
303. *Калинин, И.* Владимир Сорокин: ритуал уничтожения истории / И. Калинин // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 2. – С. 254–269.
304. *Каминский, П. П.* В. М. Шукшин в публицистике С. Залыгина, В. Распутина и В. Астафьева / П. П. Каминский // Творчество В. М. Шукшина в международном культурном пространстве : сб. трудов конференции / под ред. О. Г. Левашовой. – Барнаул : Азбука, 2009. – С. 109–119.
305. *Карасев, Л. В.* Философия смеха / Л. В. Карасев. – Москва : РГГУ, 1996. – 221 с.
306. *Карпова, Г. И.* Личность и творчество В. М. Шукшина в оценках кемеровских поэтов (М. А. Небогатов, И. М. Кисилев, В. М. Баянов, В. М. Ширяев) / Г. И., Карпова, Н. М. Инякина // Традиции творчества В. М. Шукшина в современной культуре : материалы Международной научной конференции / отв. ред. С. М. Козлова. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. – С. 105–117.
307. *Картаусова, Н. В.* Некролог как своеобразная форма литературного портрета / Н. В. Картаусова // Ценности и смыслы. – 2010. – № 6 (9). – С. 90–100.
308. Категории поэтики в смене литературных эпох / С. С. Аверинцев [и др.] // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания : сб. статей / отв. ред. П. А. Гринцер. – Москва : Наследие, 1994. – С. 3–38.
309. *Катионов, О. Н.* Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. / О. Н. Катионов. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2004. – 568 с.
310. *Кеппен, Ф. П.* Географическое распространение хвойных деревьев в Европейской России и на Кавказе / Ф. П. Кеппен. – Санкт-Петербург : тип. Имп. Акад. наук, 1885. – 634 с.
311. *Керн, Г.* Лабиринты мира / Г. Керн. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2007. – 432 с.
312. *Кизима, М. П.* Жанровое своеобразие малых форм прозы А. И. Солженицына («Крохотки» 1958–1963, 1996–1999) / М. П. Кизима // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2020. – № 63. – С. 191–208.
313. *Кириенков, И.* Опять метель: каким получился «Доктор Гарин» Владимира Сорокина / И. Кириенков // РБК : Стиль : [сайт]. – 2021. – 27 апреля. – URL: <https://style.rbc.ru/impressions/6087e1099a7947ebd05f911e> (дата обращения: 12.03.2023).
314. *Кириллова, Е. О.* Творчество писателя дальневосточной эмиграции Н. А. Байкова как пример культурного взаимодействия в условиях трансграничья. Региональный образ священного дерева / Е. О. Кириллова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – № 4 (73). – С. 92–98.
315. *Киселев, В. С.* Томск в русской литературе: проблемы и перспективы изучения / В. С. Киселев // Имагология и компаративистика. – 2017. – № 8. – С. 36–61.

316. *Кихней, Л. Г.* Жанровое своеобразие «эпитафической» лирики Ахматовой / Л. Г. Кихней // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество : крымский Ахматовский научный сб. / сост. и науч. ред. Г. М. Темненко. – Симферополь : Крымский Архив, 2005. – Вып. 3. – С. 33–46. – URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/kihnej-zhanrovое-svoeobrazie-epitaficheskoj-liriki.htm> (дата обращения: 09.01.2023).
317. *Клубкова, Т. В.* Русский провинциальный город и стереотипы провинциальности / Т. В. Клубкова, П. А. Клубков // Русская провинция: миф – текст – реальность / сост. А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. – Москва ; Санкт-Петербург : Тема, 2000. – С. 20–30.
318. *Ковалев, М.* Пустые слова? Функции ненормативной лексики в романе В. Сорокина «Голубое сало» / М. Ковалев // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 1. – С. 194–205.
319. *Ковтун, Н. В.* «Беловодский метатекст» в современной русской прозе (к постановке проблемы) / Н. В. Ковтун // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XX веков / отв. ред. Н. В. Ковтун. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2016. – С. 153–189.
320. *Ковтун, Н. В.* Русская традиционалистская проза XX–XXI веков: генезис, мифопоэтика, контексты : монография / Н. В. Ковтун. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2017. – 600 с.
321. *Козлова, С. М.* Алтайский текст в русской поэзии / С. М. Козлова // Алтайский текст в русской культуре : материалы науч. семинара / отв. ред. Т. Г. Черняева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. – Вып. 1. – С. 14–24.
322. *Козлова, С. М.* «Из детских лет Ивана Попова» / С. М. Козлова // Шукшинская энциклопедия. – Барнаул : ИД «Барнаул», 2011. – С. 143–146.
323. *Козлова, С. М.* Краеведческий роман: к проблеме жанра. На материале прозы С. К. Данилова и В. Н. Токмакова / С. М. Козлова // Алтайский текст в русской культуре : сб. статей / отв. ред. М. П. Гребнева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021. – Вып. 9. – С. 109–118.
324. *Козлова, С. М.* Провинция в зеркале рефлексии современных поэтов-барнаульцев / С. М. Козлова // Алтайский текст в русской культуре : сб. статей / отв. ред. Т. Г. Черняева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. – Вып. 4. – С. 68–78.
325. *Козлова, С. М.* Региональная концепция национального возрождения в прозе В. М. Шукшина / С. М. Козлова // Творчество В. М. Шукшина. Поэтика. Стиль. Язык : сб. статей / отв. ред. А. А. Чувакин. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. – С. 3–17.
326. *Козлова, С. М.* Сибирь, Алтай в постапокалипсическом дискурсе современной прозы / С. М. Козлова // Алтайский текст в русской культуре : сб. статей / под ред. М. П. Гребневой. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2023. – Вып. 10. – С. 58–63.
327. *Козлова, С. М.* «Тайжане» В. Шишкова и «чудики» В. Шукшина: к проблеме сибирской идентичности / С. М. Козлова // Литература Сибири в социокуль-

- турном пространстве : материалы научной конференции / отв. ред. Ю. М. Брюханова. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. – С. 86–92.
328. *Комаров, С. А.* Литература Сибири: миссия, этничность, аксиология / С. А. Комаров, О. К. Лагунова. – Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2016. – 200 с.
329. *Кондаков, Г. В.* Иван Ерошин / Г. В. Кондаков. – Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1981. – 75 с.
330. *Корниенко, С. Ю.* Город «сибов», «китаезов», обывателей и чиновников, или «Новая Америка»: Новосибирск в канун великого перелома / С. Ю. Корниенко // Сюжетология и сюжетография. – 2019. – № 1. – С. 207–224.
331. *Косарев, М. Ф.* Образ дерева в мифоритуальной традиции сибирских народов / М. Ф. Косарев // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии : сб. статей / отв. ред. М. Ф. Косарев. – Москва : Таус, 2006. – С. 239–253.
332. *Косинцева, Е. В.* Концепт Лес в хантыйской поэзии / Е. В. Косинцева // Культурные и филологические аспекты генезиса и трансформации исторических общностей коренных народов Югры : сб. статей. – Ханты-Мансийск : БУ ХМАО-Югры «Обско-угорский ин-т прикладных исслед. и разраб.», 2014. – С. 87–103.
333. *Косинцева, Е. В.* Метатекст в хантыйской литературе: урбанистический код : монография / Е. В. Косинцева. – Ханты-Мансийск : ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2020. – 168 с.
334. *Костылева, И. А.* Концепция личности В. М. Шукшина в романе-биографии А. Варламова «Шукшин» / И. А. Костылева // Вестник Костромского государственного университета. – 2019. – Т. 25. – № 2. – С. 171–175.
335. *Красноярова, Н. Г.* Природа как концепт культуры: опыт культурфилософского очерка реки, воды, потока / Н. Г. Красноярова // Аналитика культурологии. – 2008. – Вып. 1(10). – URL: http://analculturolog.ru/journal/archive/item/526-article_8-2.html (дата обращения 10.05.2023).
336. *Кривонос, В. Ш.* От Марлинского до Пригова : филологические студии / В. Ш. Кривонос. – Самара : Самарский гос. пед. ун-т, 2007. – 312 с.
337. *Кубарев, В. Д.* Древнетюркский поминальный комплекс на Дьер-Тебе / В. Д. Кубарев // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск : Наука, 1978. – С. 86–98.
338. *Кукулин, И.* Техногенная матка истории / И. Кукулин // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 1. – С. 206–226.
339. *Кулешова, С. В.* Поэтика природы в поэзии В. Башунова / С. В. Кулешова // Филология и литературоведение. – 2013. – № 2. – URL: <https://philology.snauka.ru/2013/02/424> (дата обращения: 12.04.2021).

340. *Куликова, И. М.* Мифологическая парадигма в моделировании художественного пространства в творчестве В. Распутина / И. М. Куликова // Символ науки. – 2016. – № 3. – 4 (15). – С. 210–215.
341. *Куликова, И. М.* Семантическое наполнение мифологемы дерева в натурфилософии П. С. Бахлыкова / И. М. Куликова, И. В. Мальцева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13. – Вып. 12. – С. 344–347.
342. *Куляпин, А. И.* Алтай в пространстве советской утопии / А. И. Куляпин, О. А. Скубач // Алтайский текст в русской культуре : сб. статей / отв. ред. Т. Г. Черняева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. – Вып. 3. – С. 46–55.
343. *Куляпин, А. И.* В. М. Шукшин и русская классика : монография / А. И. Куляпин, О. Г. Левашова. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998. – 102 с.
344. *Куляпин, А. И.* Мифогеография города-курорта Белокуриха в рассказе К. Паустовского «Правая рука» / А. И. Куляпин // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 5 (72). – С. 529–531.
345. *Куляпин, А. И.* Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи / А. И. Куляпин, О. А. Скубач. – Москва : Языки славянской культуры, 2013. – 240 с.
346. *Куляпин, А. И.* Мифы Ивана Ефремова / А. И. Куляпин // Сибирские огни. – 2011. – № 3. – С. 178–180.
347. *Куляпин, А. И.* Мотив укрощения дикого коня в русской литературе XX века / А. И. Куляпин // Русская словесность в России и Казахстане: аспекты интеграции / отв. ред. В. И. Габдуллина. – Барнаул : Алтайская гос. пед. акад., 2013. – С. 286–291.
348. *Куляпин, А. И.* Образ Алтая в литературе 1920–1940-х годов / А. И. Куляпин // Филология и человек. – 2013. – № 3. – С. 168–178.
349. *Куляпин, А. И.* Семиотика художественного пространства В. М. Шукшина : монография / А. И. Куляпин. – Барнаул : АлтГПУ, 2016. – 160 с.
350. *Куляпин, А. И.* Художественная география В. М. Шукшина / А. И. Куляпин, Е. А. Худенко, Т. А. Богумил // Культура и текст. – 2022. – № 1 (48). – С. 90–109.
351. *Курицын, В.* Русский литературный постмодернизм / В. Курицын. – Москва : ОГИ, 2001. – 288 с.
352. *Кыпчакова, Л. В.* К вопросу о культе деревьев у алтайцев / Л. В. Кыпчакова // Сибирский педагогический журнал. – 2006. – № 3. – С. 130–136.
353. *Лавренова, О. А.* Географическое пространство в русской поэзии XVIII–начала XX в. (геокультурный аспект) / О. А. Лавренова. – Москва : Институт Наследия, 1998. – 128 с.
354. *Левашова, О. Г.* Алтай и вся Сибирь в «Алтайском альманахе» (1914) / О. Г. Левашова // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XXI веков / отв. ред. Н. В. Ковтун. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2016. – С. 145–152.
355. *Левашова, О. Г.* Биографический текст В. М. Шукшина: модели описания / О. Г. Левашова // Традиции творчества В. М. Шукшина в современной куль-

- туре : материалы Международной научной конференции / отв. ред. С. М. Козлова. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. – С. 197–207.
356. *Левашова, О. Г.* В. М. Шукшин и традиции русской литературы XIX в. (Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой) : монография / О. Г. Левашова. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. – 266 с.
357. *Левашова, О. Г.* Литературная жизнь Алтая / О. Г. Левашова, Т. Г. Черняева, М. Г. Никитина // История Алтая : учебное пособие / отв. ред. А. П. Анашкин, В. А. Скубневский. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1995. – Ч. 1. – С. 370–446.
358. *Левашова, О. Г.* Образ Алтая в русской литературе XIX века / О. Г. Левашова // Филология и человек. – 2011. – № 4. – С. 116–128.
359. *Левашова, О. Г.* Образ Алтая в художественно-этнографическом очерке XIX века / О. Г. Левашова // Алтайский текст в русской культуре : сб. статей / под ред. М. П. Гребневой. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. – Вып. 5. – С. 73–80.
360. *Левашова, О. Г.* Топос «Алтай» в «Алтайском альманахе» / О. Г. Левашова // Алтайский текст в русской культуре : сб. статей / отв. ред. Т. Г. Черняева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. – Вып. 3. – С. 38–46.
361. *Липовецкий, М.* Зловещее в сказах П. П. Бажова / М. Липовецкий // *Quaestio Rossica*. – 2014. – № 2. – С. 212–230.
362. *Липовецкий, М.* Сорокин-троп: карнализация / М. Липовецкий // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 2. – С. 225–242.
363. *Липовецкий, М.* Теоретические идеи Д. А. Пригова / М. Липовецкий, И. Кукулин // Пригов и концептуализм : сб. статей и материалов / сост. Ж. Галиева. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – С. 81–103.
364. Литература Сибири в социокультурном пространстве : материалы научной конференции / отв. ред. Ю. М. Брюханова. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. – 363 с.
365. Литературная мифология Алтая : коллективная монография / Е. А. Худенко, А. И. Куляпин, Т. А. Богумил, Н. И. Завгородняя ; науч. ред. Е. А. Худенко. – Барнаул : АлтГПУ, 2019. – 178 с.
366. Локальные тексты русской литературы и культуры : учебное пособие / В. С. Лобарева, Т. А. Бахор, О. Н. Зырянова, О. А. Кашпур, Н. А. Мазурова. – Красноярск : Сибирский федеральный ун-т, 2019. – 107 с.
367. *Лотман, Ю. М.* О русской литературе / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1997. – 848 с.
368. *Лотман, Ю. М.* Отзвуки концепции «Москва – Третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Художественный язык средневековья : сб. статей / отв. ред. В. А. Карпушин. – Москва : Наука, 1982. – С. 236–249.
369. *Лотман, Ю. М.* Символика Петербурга / Ю. М. Лотман // Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2000. – С. 320–334.

370. *Лоцилов, И. Е.* «Пальма в Сибири не водится...»: к сибирским контекстам первой фразы рассказа Всеволода Иванова «Глиняная шуба» / И. Е. Лоцилов // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 3. – С. 58–68.
371. *Лурье, М. Л.* «Весьегонск городишко пребеднейший» (Взгляд на уездный город в путевых заметках XIX века) / М. Л. Лурье // Провинция как реальность и объект осмысления / сост. А. Ф. Белоусов, М. В. Строганов. – Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 2001. – С. 124–140.
372. *Люсый, А. П.* «Опознавание локальных текстов культуры» : концепция учебного курса / А. П. Люсый // Человек. Культура. Образование. – 2011. – № 1. – С. 95–118.
373. *Люсый, А. П.* Русская литература как система локальных текстов : учебное пособие / А. П. Люсый. – Москва : АНО ВО ГИТР, 2020. – 244 с.
374. *Маквей, Г.* Вадим Шершеневич : биографические материалы и иконография / Г. Маквей // Современное есениноведение. – 2009. – № 10. – С. 30–56.
375. *Мальцев, А. И.* Староверы-странники в XVIII – первой половине XIX века / А. И. Мальцев. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. – 268 с.
376. *Мамсик, Т. С.* Беловодцы и Беловодье (по материалам следственного дела о побеге 1827–1828 гг.) / Т. С. Мамсик // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. – Новосибирск : Наука, 1982. – С. 135–164.
377. *Манн, Ю. В.* Русская литература XIX века. Эпоха романтизма : учебное пособие / Ю. В. Манн. – Москва : Изд-во РГГУ, 2007. – 518 с.
378. *Маркина, П. В.* Мифопоэтика путевых очерков В. Я. Шишкова «По Чуйскому тракту» / П. В. Маркина // Русистика и современность : в 2 томах. – Астана : ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 2016. – Т. 2. – С. 318–323.
379. *Мароши, В. В.* Глазами художника: Горный Алтай в травелогe Т. У. Аткинсона / В. В. Мароши // Культура и текст. – 2018. – № 4 (35). – С. 181–198.
380. *Мароши, В. В.* Использование мифопоэтического ресурса в современной региональной прозе: охота за Сорни-Най / В. В. Мароши // Литература Урала: история и современность : сб. статей. – Екатеринбург : Союз писателей, 2007. – Вып. 3. – Т. 2. – С. 266–278.
381. *Марьин, Д. В.* Алтай в литературе 1970–1980-х гг. / Д. В. Марьин // Образ Алтая в русской литературе XIX – начала XX вв. : антология : в 5 томах. – Барнаул : ИД «Барнаул», 2012. – Т. 5. – С. 5–18.
382. *Марьин, Д. В.* Жанровые элементы вестерна в «алтайских» рассказах М. И. Веллера / Д. В. Марьин // Сибирский филологический журнал. – 2017. – № 4. – С. 135–141.
383. *Марьин, Д. В.* Шукшинская география (города СССР в жизни и творчестве В. М. Шукшина) / Д. В. Марьин // Сибирский филологический журнал. – 2012. – № 3. – С. 99–105.
384. *Масолова, Е. А.* Сибирский текст в романе Толстого «Воскресение» / Е. А. Масолова // Алтайский текст в русской культуре : сб. статей / под ред. М. П. Гребневой. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. – Вып. 6. – С. 265–280.

385. *Маточкин, Е. П.* Визуальные образы фольклора в творчестве художников Горного Алтая / Е. П. Маточкин // Сибирский филологический журнал. – 2009. – № 4. – С. 18–24.
386. *Меднис, Н. Е.* Сверхтексты в русской литературе : учебное пособие / Н. Е. Меднис – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2003. – 170 с. – URL: <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35> (дата обращения: 09.03.2023).
387. *Мелетинский, Е. М.* Введение в историческую поэтику эпоса и романа / Е. М. Мелетинский. – Москва : Наука, 1986. – 318 с.
388. *Мельникова, С. В.* «В кораблике моем горит свеча...»: образ реки «Путевых записках» архиепископа Нила (Н. Ф. Исаковича) / С. В. Мельникова // Проблемы исторической поэтики. – 2022. – Т. 20. – № 1. – С. 110–133.
389. *Мельникова, С. В.* К вопросу о прототипе главного героя рассказа Н. С. Лескова «На краю света» / С. В. Мельникова // Вопросы литературы. – 2013. – № 4. – С. 451–462.
390. *Мельникова, С. В.* Мемуары сибирского православного духовенства XIX века и областная сибирская литература / С. В. Мельникова // Проблемы исторической поэтики. – 2012. – № 10. – С. 67–76.
391. *Мельникова, С. В.* Повесть Н. С. Лескова «На краю света»: художественный образ в историческом контексте / С. В. Мельникова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Русская филология. – 2022. – № 3. – С. 86–97.
392. *Милюкова, Е. В.* Челябинск: окно в Азию или край обратной перспективы / Е. В. Милюкова // Русская провинция: миф – текст – реальность / сост. А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. – Москва ; Санкт-Петербург : Тема, 2000. – С. 347–361.
393. *Михайлин, В. Ю.* Русский мат как мужской обценный код: проблема происхождения и эволюция статуса / В. Ю. Михайлин. – Саратов ; Санкт-Петербург : ЛИСКА, 2010. – 69 с.
394. *Молчанова, Д. А.* К вопросу о природе политекстуальных комплексов в литературе / Д. А. Молчанова // *Studia Litterarum*. – 2021. – Т. 6. – № 3. – С. 40–55.
395. *Московкина, Е. А.* Образ Алтая в геопоэтике ранних рассказов И. А. Ефремова / А. А. Московкина // Культура и текст. – 2021. – № 1 (44). – С. 105–115.
396. *Московская, Д. С.* Н. П. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920–1930-х гг. К истории взаимосвязей русской литературы и краеведения / Д. С. Московская. – Москва : ИМЛИ РАН, 2010. – 432 с.
397. *Муравинская, Л. И.* Бийск / Л. И. Муравинская // Творчество В. М. Шукшина : энциклопедический словарь-справочник : в 3 томах. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. – Т. 3. – С. 284–285.
398. Национальная идентичность в зеркале топонимии (Горный Алтай) : монография / П. В. Алексеев [и др.] ; под ред. П. В. Алексеева. – Горно-Алтайск : РИО Горно-Алт. ун-та, 2016. – 149 с.

399. *Невская, Л. Г.* Семантика дороги и смежных представлений в погребальном фольклоре / Л. Г. Невская // Структура текста : сб. статей / отв. ред. Т. В. Цивьян. – Москва : Наука, 1980. – С. 228–239.
400. *Неёлов, Е. М.* Волшебно-сказочные корни научной фантастики / Е. М. Неёлов. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1986. – 198 с.
401. *Неклюдов, С. Ю.* Движение и дорога в фольклоре / С. Ю. Неклюдов // Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. Jahrgang LII, 2. Reiseriten – Reiserouten in der russischen Kultur. – München : Verlag Otto Sagner, 2007. – Pp. 206–222.
402. *Неклюдов, С. Ю.* Тело Москвы. К вопросу об образе «женщины-города» в русской литературе / С. Ю. Неклюдов // Тело в русской культуре. – Москва : Новое литературное обозрение, 2005. – С. 361–385.
403. *Непомнящих, Н. А.* Беловодье как «общее место»: современные литературные и иные интерпретации / Н. А. Непомнящих // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XX веков / отв. ред. Н. В. Ковтун. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2016. – С. 190–202.
404. *Непомнящих, Н. А.* Железная дорога как комплекс мотивов в русской лирике и эпике / Н. А. Непомнящих // Сюжетно-мотивные комплексы русской культуры : монография / отв. ред. Е. К. Ромодановская. – Новосибирск : СО РАН, 2012. – С. 92–106.
405. *Непомнящих, Н. А.* Мифологема реки в прозе писателей – представителей коренных народов Севера и Сибири / Н. А. Непомнящих // Сибирский филологический журнал. – 2023. – № 1. – С. 204–217.
406. *Нестеров, С. В.* Словом и житием наставляя : жизнь и труды преп. Макария Алтайского / С. В. Нестеров. – Москва : Православ. Свято-Тихон. гуманитар. ун-т, 2005. 540 с.
407. *Никитин, А. С.* Династический миф в уральском тексте / А. С. Никитин // Известия Уральского государственного университета. Серия 2 : Гуманитарные науки. – 2010. – № 2 (76). – С. 145–155.
408. *Ноева (Карманова), С. Е.* Особенности поэтики и структуры городского текста в якутском геокультурном ландшафте / С. Е. Ноева (Карманова) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. – 2021. – № 3 (83). – С. 93–105.
409. *Огнева, Е. В.* Образ В. М. Шукшина в кинодокументалистике / Е. В. Огнева // Текст: проблемы и методы исследования : сб. научных статей / отв. ред. Э. П. Хомич. – Барнаул : Алтайская гос. пед. акад., 2009. – С. 154–159.
410. *Орлова, Г. А.* Советская картография в сталинскую эпоху: детская версия / Г. А. Орлова // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2008. – № 2. – С. 85–101.
411. *Орлова, Е. А.* «Африка» Е. И. Замятина и «Алые сугробы» В. Я. Шишкова: поиск мечты как форма познания души / Е. А. Орлова // Наследие В. Я. Шишкова: феноменология творчества (к 135-летию со дня рождения

- В. Я. Шишкова) : коллективная монография / науч. ред. В. А. Редькин. – Тверь : Тверской гос. ун-т, 2010. – С. 127–131.
412. *Осипов, А. И.* Алтайский текст в элегии Н. Рубцова середины 1960-х гг. («Шумит Катунь») / А. И. Осипов // Алтайский текст в русской культуре : материалы науч. семинара / отв. ред. Т. Г. Черняева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. – Вып. 2. – С. 83–88.
413. *Павлинская, Л. Р.* Реки Сибири / Л. Р. Павлинская // Реки и народы Сибири : сб. научных статей / отв. ред. Л. В. Павлинская. – Санкт-Петербург : Наука, 2007. – С. 18–55.
414. *Папкова, Е. А.* «Беловодье» Михаила Плотникова: русская литература 1-й трети XX века в поисках крестьянского рая / Е. А. Папкова // Сибирские огни. – 2011. – № 3. – С. 133–140.
415. *Папкова, Е. А.* Исторический и литературный контексты повести Всеволода Иванова «Бегствующий остров» / Е. А. Папкова // Культура и текст. – 2021. – № 3 (46). – С. 171–184.
416. *Папкова, Е. А.* Легенда о Беловодье в творчестве Вс. Иванова / Е. А. Папкова // Филологические науки. – 2009. – № 5. – С. 29–37.
417. *Папкова, Е. А.* Образ Беловодья в произведениях сибирских писателей 1920-х гг. Повесть А. Караваевой «Золотой клюв» / Е. А. Папкова // Литература Сибири в социокультурном пространстве : материалы научной конференции / отв. ред. Ю. М. Брюханова. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. – С. 138–146.
418. *Парте, К.* Русская деревенская проза: Светлое прошлое / К. Парте ; пер. И. М. Чеканниковой и Е. С. Кириловой. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2004. – 204 с.
419. *Петренко, Т.* Лёд и пламень: как анархист Пётр Кропоткин зарыл в землю свой талант / Т. Петренко // Русское географическое общество : официальный блог на Дзен. – 2022. – 12 декабря. – URL: https://dzen.ru/a/Y5dATZp07Dy103Fj?share_to=telegram (дата обращения: 12.03.2023).
420. *Пильщиков, И.* От редакторов / И. Пильщиков, Н. Поселягин, М. Трунин // Семиотика города : материалы Третьих Лотмановских дней в Таллинском университете (3–5 июня 2011 г.) / ред.-сост. И. А. Пильщиков. – Таллинн : Изд-во ТЛУ, 2014. – С. 2–26.
421. *Плюханова, М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства / М. Б. Плюханова. – Санкт-Петербург : Акрополь, 1995. – 336 с.
422. *Подорога, В. А.* Дерево мёртвых: Варлам Шаламов и время ГУЛАГа (опыт отрицательной антропологии) / А. А. Подорога // Политическая концептология : журнал метадисциплинарных исследований. – 2016. – № 3. – С. 74–102.
423. *Подрезов, М. В.* История Чуйского тракта: обзор основной литературы / М. В. Подрезов // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 414. – С. 103–107.
424. *Покровский, Н. Н.* К постановке вопроса о беловодской легенде и бухтарминских «каменщиках» в литературе последних лет / Н. Н. Покровский // Об-

- щественное сознание и классовые отношения в Сибири в XIX–XX вв. – Новосибирск : Наука, 1980. – С. 115–133.
425. *Полтавец, Е. Ю.* Роман А. С. Пушкина «Капитанская дочка» / Е. Ю. Полтавец. – Москва : Изд-во Московского ун-та, 2018. – 168 с.
426. *Полторацкий, И. С.* Некоторые теоретические аспекты изучения младописьменных литератур / И. С. Полторацкий, И. В. Силантьев, Н. М. Широбокова // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 4. – С. 124–131.
427. *Полякова, Л. В.* Регион как источник творчества и объект науки о литературе / Л. В. Полякова // Филологическая регионалистика. – 2009. – № 1–2. – С. 21–27.
428. *Полякова, Л. В.* Филологическая регионалистика как наука / Л. В. Полякова // Вопросы литературы. – 2015. – № 3. – С. 186–201.
429. *Полякова, Л. В.* Филологическая регионалистика как наука : к постановке проблемы / Л. В. Полякова // Филологическая регионалистика. – 2015. – № 3–4. – С. 7–16.
430. *Полякова, Н. В.* Объективация леса в языковой картине мира селькупского этноса / Н. В. Полякова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – № 10 (151). – С. 76–80.
431. *Полякова, Н. В.* Фитонимический образ России (по данным ассоциативного эксперимента) / Н. В. Полякова // Альманах современной науки и образования. – 2013. – № 4 (71). – С. 146–148.
432. *Потанина, Н. Л.* Городской текст как теоретическая проблема / Н. Л. Потанина, М. А. Гололобов // Филологическая регионалистика. – 2012. – № 1 (7). – С. 32–37.
433. *Потапов, Л. П.* Культ гор на Алтае / Л. П. Потапов // Советская этнография. – 1946. – № 2. – С. 145–160.
434. *Потапов, Л. П.* Охотничьи поверья и обряды у алтайских турков / Л. П. Потапов // Культура и письменность Востока. – 1929. – № 5. – С. 123–149.
435. *Пропп, В. Я.* Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – Москва : Лабиринт, 2000. – 336 с.
436. *Пропп, В. Я.* Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропп. – Москва : Лабиринт, 2001. – 192 с.
437. *Пропп, В. Я.* Проблемы комизма и смеха / В. Я. Пропп. – Санкт-Петербург : Алетейя, 1997. – 282 с.
438. *Проскурина, Е. Н.* Поэтика Владимира Зазубрина: жанровые, сюжетные проекции / Е. Н. Проскурина. – Москва : Новый Хронограф, 2020. – 208 с.
439. *Разумова, Н. Е.* Чехов и Сибирь: уход, жизнь и смерть / Н. Е. Разумова // Сибирь. Литература. Критика. Журналистика. – Новосибирск : СО РАН, 2002. – С. 89–110.

440. *Редькин, В. А.* Вячеслав Шишков: новый взгляд. Очерк творчества В. Я. Шишкова / В. А. Редькин. – Тверь : Тверское областное книжно-журнальное изд-во, 1999. – 152 с.
441. *Резун, Д. Я.* Летопись сибирских городов / Д. Я. Резун, Р. С. Василевский. – Новосибирск : Новосибирское кн. изд-во, 1989. – 304 с.
442. *Резун, Д. Я.* Очерки истории изучения сибирского города XVIII века / Д. Я. Резун. – Новосибирск : Наука, 1991. – 209 с.
443. *Резун, Д. Я.* Очерки истории изучения сибирского города конца XVII–первой половины XVIII века / Д. Я. Резун. – Новосибирск : Наука, 1980. – 220 с.
444. *Резун, Д. Я.* Сибирский город XVII – первой половины XIX века как явление русской культуры / Д. Я. Резун // Культурологические исследования в Сибири. – 2005. – № 1. – С. 64–73.
445. *Резун, Д. Я.* Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов / Д. Я. Резун, М. В. Шиловский. – Новосибирск : Сова, 2005. – 193 с.
446. *Рогачева, Н. А.* Историческая динамика поэтической образности в сибирском тексте русской лирики XVIII – начале XX вв. / Н. А. Рогачева, С. О. Драчева, А. А. Медведев // Вестник Тюменского государственного университета. – 2012. – № 1. – С. 126–134.
447. *Ромодановская, Е. К.* Сибирь и литература. XVII век / Е. К. Ромодановская. – Новосибирск : Наука, 2002. – 390 с.
448. *Рыбальченко, Т. Л.* Миромоделирующая семантика образа тайги в прозе В. П. Астафьева / Т. Л. Рыбальченко // Литература Сибири в социокультурном пространстве : материалы научной конференции / отв. ред. Ю. М. Брюханова. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. – С. 146–158.
449. *Рыбальченко, Т. Л.* Мифологемы образа Сибири в русской прозе второй половины XX века / Т. Л. Рыбальченко // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства : сб. трудов конференции / ред. И. И. Плеханова. – Иркутск : Иркутский гос. ун-т, 2004. – С. 291–303. – URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/ (08.07.2020).
450. *Савелли, Д.* Алтай как пространство религиозного трансфера в понимании Николая Рериха (от Шамбалы до Беловодья, от буддизма до теософии) / Д. Савелли ; пер. В. Копытиной // Сибирь как поле межкультурных взаимодействий: литература, антропология, историография, этнология : монография / под ред. Е. Е. Дмитриевой, П. В. Алексеева, М. Эспаня. – Москва : ИМЛИ РАН, ООО ИЦ «Азбуковник», 2021. – С. 424–449.
451. *Савицкий, С. А.* «Железная дорога» как метафора в советской культуре 1920-1930-х гг. / С. А. Савицкий // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия : История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2011. – № 17 (79). – С. 38–46.

452. *Савоскул, С. С.* Легенда о Беловодье в XX столетии / С. С. Савоскул // Фольклор и этнография. К девяностолетию со дня рождения К. В. Чистова. – Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2011. – С. 203–211.
453. *Савоскул, С. С.* Н. К. Рерих и легенда о Беловодье / С. С. Савоскул // Советская этнография. – 1983. – № 6. – С. 88–101.
454. *Сагалаев, А. М.* Алтай в зеркале мифа / А. М. Сагалаев. – Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1992. – 176 с.
455. *Сафронова, Е. Ю.* Сибирский текст Ф. М. Достоевского / Е. Ю. Сафронова. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2020. – 446 с.
456. Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера : монография. Том 1 / сост., отв. ред. Е. Ш. Галимова, А. Г. Лошаков. – Архангельск : ИМИДЖ–ПРЕСС, 2017. – 410 с.
457. *Селезнев, А. Г.* Миф, растянувшийся на века: древний великий город Сибири в средневековом сказании и современной идеологии родноверия / А. Г. Селезнев // Вестник Омского университета. Серия : Исторические науки. – 2021. – Т. 8. – № 4 (32). – С. 163–173.
458. *Сергеева, О. В.* Концепт «берёза» в русской языковой картине мира / О. В. Сергеева // Вестник Омского университета. – 2012. – № 2. – С. 442–450.
459. *Серебрянников, Н. В.* Проблемы и перспективы русской провинциальной литературы / Н. В. Серебрянников. – Великий Новгород : Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2000. – 86 с.
460. *Сечина, Н.* Митрополит Московский и Коломенский Макарий (Невский), 1835–1926 / Н. Сечина // Макарий (Невский), митрополит Московский. Избранные слова, речи, беседы, поучения (1884–1913) / Митрополит Московский и Коломенский Макарий (Невский). – Москва : Моск. подворье Свято-Троиц. Сергиевой лавры : Отчий дом, 1996. – С. 3–28. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Makarij_Nevskij/#_2 (09.02.2023).
461. Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XX вв. : монография / отв. ред. Н. В. Ковтун. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2016. – 384 с. – (Серия : Универсалии культуры, вып. VI).
462. Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона : сб. статей / под ред. А. О. Бороноева. – Санкт-Петербург : Астерион, 2007. – 321 с.
463. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллективная монография / отв. ред. К. В. Анисимов. – Красноярск : Сибирский федеральный ун-т, 2010. – 237 с.
464. Сибирский текст в русской культуре : сб. статей / ред.-сост. А. П. Казаркин. – Томск : Сибирика, 2002. – 270 с.
465. Сибирский текст в русской культуре : сб. статей / под ред. А. П. Казаркина, Н. В. Серебрянникова. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2007. – Вып. 2. – 276 с.

466. Сибирский характер как ценность : коллективная монография / под общ. ред. М. И. Шиловой. – Красноярск : КГПУ им. В. П. Астафьева, 2011. – Т. 4. – 248 с.
467. Сибирско-французский диалог XVII–XX веков и литературное освоение Сибири : материалы Международного научного семинара / под ред. Е. Е. Дмитриевой, О. Б. Лебедевой, А. Ф. Строева. – Москва : ИМЛИ РАН, 2016. – 447 с.
468. Сибирь в контексте мировой культуры: опыт самоописания : коллективная монография / сост., науч. ред. А. П. Казаркин. – Томск : Сибирика, 2003. – 216 с.
469. Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства : сб. трудов конференции / ред. И. И. Плеханова. – Иркутск : ИМИОН, 2004. – 327 с. – URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/ (дата обращения: 08.03.2023).
470. Сибирь как поле межкультурных взаимодействий: литература, антропология, историография, этнология : монография / под ред. Е. Е. Дмитриевой, П. В. Алексеева, М. Эспаня. – Москва : ИМЛИ РАН, ООО ИЦ «Азбуковник», 2021. – 496 с.
471. Сибирь. Литература. Критика. Журналистика. – Новосибирск : СО РАН, 2002. – 255 с.
472. Сибирь. Проблемы сибирской идентичности : сб. статей / под ред. А. О. Бороноева. – Санкт-Петербург : Астерион, 2003. – 274 с.
473. *Силантьев, И. В.* Сюжетологические исследования / И. В. Силантьев. – Москва : Языки славянской культуры, 2009. – 224 с.
474. Символика воды в русской словесности и мировой культуре : коллективная монография / отв. ред. А.И. Смирнова. – Москва : Книгодел ; МГПУ, 2022. – 508 с.
475. *Сиренко, О. В.* Любовная интрига как структурный компонент «колониционного» сюжета русской литературы (на примере текстов XIX века о Ермаке) / О. В. Сиренко // Филология и человек. – 2009. – № 4. – С. 92–99.
476. *Скалон, Н.* Как столичные чиновники чуть не разрушили некогда великий сереброплавильный завод и приказали спустить плотину в Барнауле / Н. Скалон, Н. Коваленко // Altapress.ru : [сайт]. – 2016. – URL: <https://long.altapress.ru/altay-serebro/> (дата обращения: 04.05.2023).
477. *Скубач, О. А.* Два лика Алтая в литературе 1950–1960-х гг. / О. А. Скубач // Образ Алтая в русской литературе XIX – начала XX вв. : антология : в 5 томах. – Барнаул: ИД «Барнаул», 2012. – Т. 4. – С. 5–24.
478. *Скубач, О. А.* К семантике образа героя-путешественника в произведениях В. М. Шукшина / О. А. Скубач // Творчество В. М. Шукшина как целостность : сб. статей / отв. ред. А. А. Чувакин. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. – С. 55–59.

479. *Скубач, О. А.* Рубцов–1966: алтайское лето в творчестве Н. М. Рубцова / О. А. Скубач // Алтайский текст в русской культуре : сб. статей / под ред. М. П. Гребневой. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. – Вып. 5. – С. 123–127.
480. *Слѣзкин, Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / Ю. Слѣзкин ; авторизов. пер. с английского О. Леонтьевой. – Москва : Новое литературное обозрение, 2017. – 512 с.
481. *Смирнов, И. П.* Быт и бытие в стихотворениях Д. А. Пригова / И. П. Смирнов // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов (1940–2007) : сб. статей и материалов / под. ред. Е. Добренко [и др.]. – Москва : Новое литературное обозрение, 2010. – С. 96–105.
482. *Смирнов, И. П.* От сказки к роману // Труды Отдела древнерусской литературы. Том 27 : История жанров в русской литературе X–XII вв. – Ленинград : Наука. Ленингр. отд-е, 1972. – С. 284–320.
483. *Сморгунова, Е. М.* Библейский Исход и рассеяние русских староверов: некоторые изоморфные черты / Е. М. Сморгунова // От бытия к Исходу: отражение библейских сюжетов в славянской и еврейской народных культурах : сб. статей / отв. ред. В. Я. Петрухин. – Москва : ГЕОС, 1998. – С. 150–189.
484. *Содномпилова, М. М.* Природное окружение в контексте образа «мира мертвых» в мировоззрении бурят: лес и дерево / М. М. Содномпилова // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2018. – № 7. – С. 335–339.
485. *Соколова, В. Ф.* П. И. Мельников (Андрей Печерский) : очерк жизни и творчества / В. Ф. Соколова. – Горький : Волго-Вятское кн. изд-во, 1981. – 191 с.
486. *Старикова, Л. С.* Мотив чуда в цикле В. Шаламова «Воскрешение лиственницы» / Л. С. Старикова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 4 (56). – Т. 1. – С. 180–183.
487. *Строганов, М. В.* Деятель культуры: гений места vs. культурный герой / М. В. Строганов // Костромской гуманитарный вестник. – 2012. – № 2 (4). – С. 56–59
488. *Строганова, Е. Н.* «Миниятюрный мир» провинции в русской прозе 1830-х – первой половины 1840-х гг. / Е. Н. Строганова // Русская провинция: миф – текст – реальность / сост. А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. – Москва ; Санкт-Петербург : Тема, 2000. – С. 196–205.
489. Структура волшебной сказки / Мелетинский Е. М. [и др.]. – Москва : РГГУ, 2023. – 239 с.
490. *Суворова, А. А.* «Замурованная невеста»: этюд на гендерную тему / А. А. Суворова // Слово : образовательный портал : [сайт]. – URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/41190.php> (дата обращения: 15.05.2023).
491. *Сумарокова, Е. В.* Образ города в современной иркутской поэзии / Е. В. Сумарокова // Литература Сибири в социокультурном пространстве : материалы научной конференции / отв. ред. Ю. М. Брюханова. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. – С. 247–261.

492. *Тадина, Н. А.* Река как образ родины у алтайцев / Н. А. Тадина // Реки и народы Сибири : сб. научных статей / отв. ред. Л. В. Павлинская. – Санкт-Петербург : Наука, 2007. – С. 151–158.
493. *Тадышева, Н. О.* Отражение культа дерева в традиционном мировоззрении тюрков Саяно-Алтая / Н. О. Тадышева // Вестник Томского государственного университета. История. – 2018. – № 51. – С. 118–123.
494. *Текенова, У. Н.* Мифопоэтические образы в рассказе Дибаша Каинчина «На перевале» / У. Н. Текенова // Филология и человек. – 2008. – № 4. – С. 110–116.
495. *Теребихин, Н. М.* Метафизика Севера / Н. М. Теребихин. – Архангельск : Пом. ун-т, 2004. – 272 с.
496. *Тозыякова, Е. А.* «Кедр» как компонент системы базовых концептов национального сознания алтайцев (по результатам ассоциативного эксперимента) / Е. А. Тозыякова, С. И. Драчева, Т. А. Баданова // Диалог культур: поэтика локального текста : материалы IV Международной конференции / под ред. П. В. Алексеева. – Горно-Алтайск : РИО Горно-Алт. ун-та, 2014. – С. 289–292.
497. *Топоров, В. Н.* Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы. В 2 томах. Том 2 / В. Н. Топоров. – Москва : Рукопис. памятники Древней Руси, 2010. – 496 с.
498. *Топоров, В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического : избранное / В. Н. Топоров. – Москва : Прогресс – Культура, 1995. – 624 с.
499. *Топоров, В. Н.* Текст города-девы и города-блудницы в мифопоэтическом аспекте / В. Н. Топоров // Исследования по структуре текста. – Москва : Наука, 1987. – С. 121–132.
500. *Топоров, В. Н.* Эней – человек судьбы: к «средиземноморской» персонологии / В. Н. Топоров. – Москва : Радикс, 1993. – 208 с.
501. *Турбин, В. Н.* Незадолго до Водолея : сб. статей / В. Н. Турбин. – Москва : Радикс, 1994. – 512 с.
502. *Тынянов, Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – Москва : Наука, 1977. – 574 с.
503. *Тюпа, В. И.* Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы / В. И. Тюпа // Сибирский филологический журнал. – 2002. – № 1. – С. 27–35.
504. *Успенский, Б. А.* Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии / Б. А. Успенский // Избранные труды : в 3 томах. – Москва : Гнозис, 1994. – Т. 2. – С. 53–128.
505. *Феоктистова, И. К.* Повествования о Горном Батюшке в сборниках А. Мисюрева: вопросы жанра и формы бытования / И. К. Феоктистова // Вестник Омского университета. – 2011. – № 3. – С. 226–231.
506. *Феоктистова, И. К.* Предание о белой березе / И. К. Феоктистова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 33 (248). – С. 263–269.

507. *Фирсова, А. В.* Белая гора – сакральный ландшафт Пермского края / А. В. Фирсова // Река и Гора: локальные дискурсы : сб. материалов Международной научной конференции «Урал и Карпаты: локальный дискурс горных местностей» / отв. ред. В. В. Абашев. – Пермь : Пермский гос. нац. исследоват. ун-т, 2009. – С. 31–38.
508. *Флоренский, П. А.* Имена / П. А. Флоренский. – Санкт-Петербург : Авалонь : Азбука-классика, 2007. – 332 с.
509. *Флоренский, П. А.* Небесные знамения (Размышления о символике цветов) / П. А. Флоренский // Иконостас : избранные труды по искусству / П. А. Флоренский. – Санкт-Петербург : Русская книга, 1993. – С. 307–316.
510. *Фрейденберг, О. М.* Поэтика сюжета и жанра / О.М. Фрейденберг. – Москва : Лабиринт, 1997. – 448 с.
511. *Хохлов, Г. Т.* Путешествие уральских казаков в «Беловодское царство» / Г. Т. Хохлов ; предисл. В. Г. Короленко. – Санкт-Петербург : Герольд, 1903. – 112 с.
512. *Хрусталеv, Д.* Происхождение «русского медведя» / Д. Хрусталеv // Новое литературное обозрение. – 2011. – № 1 (107). – С. 137–152.
513. *Худенко, Е. А.* Реки Алтая в отечественной литературе XX–XXI веков: мифопоэтика и символика / Е. А. Худенко // Филология и человек. – 2018. – № 3. – С. 103–117.
514. *Худенко, Е. А.* Реки Сибири в очерковых и художественных текстах В. Я. Шишкова / Е. А. Худенко // Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ : материалы всероссийской научной конференции с международным участием / науч. ред. Н. А. Матвеева ; отв. ред. Т. П. Сухотерина. – Барнаул : АлтГПУ, 2020. – С. 347–350.
515. *Хуттунен, Т.* Имажинист Мариенгоф: Денди. Монтаж. Циники / Т. Хуттунен. – Москва : Новое литературное обозрение, 2007. – 272 с.
516. *Чащина, Л. Г.* Русская литература Горного Алтая: Эволюция. Тенденции. Пути интеграции : монография / Л. Г. Чащина. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2003. – 252 с.
517. *Челомбитько, А. М.* Барнаульский охотничий кружок 1897 года / А. М. Челомбитько. URL: <https://proza.ru/2022/08/26/1025> (дата обращения: 05.09.2023).
518. *Чернец, Л. В.* Литературные жанры (проблемы типологии и поэтики) / Л. В. Чернец. – Москва : Изд-во МГУ, 1982. – 192 с.
519. *Черносвитов, Е. В.* Пройти по краю. Василий Шукшин: мысли о жизни, смерти и бессмертии / Е. В. Черносвитов. – Москва : Современник, 1989. – 237 с.
520. *Чистов, К. В.* Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд) / К. В. Чистов. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. – 539 с.

521. *Чмыхало, Б. А.* Молодая Сибирь: регионализм в истории русской литературы : учебное пособие / Б. А. Чмыхало. – Красноярск : КГПИ, 1992. – 200 с.
522. *Чмыхало, Б. А.* Художественное пространство в сибирском летописании XVII века / Б. А. Чмыхало // Научный ежегодник Красноярского государственного педагогического университета. – 2001. – Вып. 2. – Т. 1. – С. 107–116.
523. *Чувакин, А. А.* Концепт «Алтай» в художественной прозе К. Г. Паустовского / А. А. Чувакин // Филология и человек. – 2016. – № 2. – С. 11–20.
524. *Шапир, М. И.* О пределах длины стиха в верлибре (Д. А. Пригов и другие) / М. И. Шапир // Philologica. – 2000. – Т. 6. – С. 117–142.
525. *Шаповалов, М. С.* Новый сибирский Иерусалим: истоки, трансфер, топонимика в XVII–начале XX вв. / М. С. Шаповалов // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. – 2020. – № 2 (24). – С. 182–198.
526. *Шастина, Т. П.* Алтай поэта Г. А. Вяткина – взгляд сквозь образную систему художника Г. И. Гуркина / Т. П. Шастина // Г. И. Чорос-Гуркин и современность : сб. материалов Всероссийской с международным участием научно-практической конференции / отв. ред. Н. В. Екеев. – Горно-Алтайск : БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова», 2020. – С. 46–54.
527. *Шастина, Т. П.* Алтай протоиерея Михаила Путинцева – «...поистине горы Божии» / Т. П. Шастина // Макарьевские чтения : материалы XI Международной научно-практической конференции / отв. ред. Ф. И. Куликов. – Горно-Алтайск : РИО Горно-Алт. ун-та, 2016. – С. 218–226.
528. *Шастина, Т. П.* Алтайские горы в описании путешествий Г. И. Спасского («Сибирский Вестник») / Т. П. Шастина // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 6. – С. 20–24.
529. *Шастина, Т. П.* Алтайские горы: взгляд изнутри в авторских переводах Дибаша Каинчина с алтайского на русский / Т. П. Шастина // Казанская наука. – 2011. – № 11. – С. 272–274.
530. *Шастина, Т. П.* Владимир Чивилихин: творение и крушение мифа о Кедрограде / Т. П. Шастина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 3 (45). – Ч. 3. – С. 199–204.
531. *Шастина, Т. П.* Г. И. Чорос-Гуркин: от образа современника к *genius loci* в литературе XX века. Статья I / Т. П. Шастина // Алтайский текст в русской культуре : сб. статей / под ред. М. П. Гребневой. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. – Вып. 6. – С. 400–415.
532. *Шастина, Т. П.* Г. И. Чорос-Гуркин: от образа современника к *genius loci* в литературе XX века. Статья II / Т. П. Шастина // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – № 6 (55). – С. 377–380.
533. *Шастина, Т. П.* Гений и место: Г.И. Чорос-Гуркин как символ Горного Алтая в русской литературе XX–начала XXI вв. / Т. П. Шастина, П. В. Алексеев // Научный вестник Горно-Алтайского государственного университета. Горно-Алтайск : РИО Горно-Алт. ун-та, 2020. – С. 106–109.

534. *Шастина, Т. П.* Горное и горнее в «Алтайских рассказах» А. И. Макаровой–Мирской / Т. П. Шастина // Макарьевские чтения : материалы X Международной научно-практической конференции. – Горно-Алтайск : Горно-Алтайский ун-т, 2015. – С. 384–391.
535. *Шастина, Т. П.* Горный Алтай в публицистике Н. М. Ядринцева / Т. П. Шастина // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 4. – С. 74–82.
536. *Шастина, Т. П.* Горный Алтай: литературное вхождение территории в состав имперских пространств / Т. П. Шастина // Филология и человек. – 2013. – № 1. – С. 41–53.
537. *Шастина, Т. П.* Забытые имена: Алтай как мир миссионеров и язычников в творчестве А. И. Макаровой-Мирской / Т. П. Шастина // Алтайский текст в русской культуре : сб. статей / под. ред. М. П. Гребневой. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. – Вып. 5. – С. 144–154.
538. *Шастина, Т. П.* Ойротия – Горный Алтай: национальный проект в раннесоветской литературе («Горы» В. Я. Зазубрина) / Т. П. Шастина // Имагология и компаративистика. – 2016. – № 2 (6). – С. 113–135.
539. *Шастина, Т. П.* Творение мира и смерть богов в мотивном комплексе повести Антона Сорокина «Алтай и города» / Т. П. Шастина // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – № 2. – С. 402–405.
540. *Шатин, Ю. В.* Архетипические мотивы и их трансформация в новой русской литературе / Ю. В. Шатин // «Вечные» сюжеты русской литературы («блудный сын» и другие) : сб. научных трудов / под. ред. Е. К. Ромодановской, В. И. Тюпы. – Новосибирск : Институт филологии СО РАН, 1996. – С. 29–41.
541. *Шатин, Ю. В.* Драма Г. Чулкова «Тайга»: рецепция сибирского текста в контексте русского символизма / Ю. В. Шатин, И. В. Силантьев // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2020. – № 66. – С. 298–307.
542. *Шатин, Ю. В.* Поэтика утопии vs антиутопии в прозе В. С. Логинова / Ю. В. Шатин, И. В. Силантьев // Новый филологический вестник. – 2022. – № 4. – С. 276–284.
543. *Шатин, Ю. В.* Путешествие Нехлюдова в Сибирь. К проблеме инициации / Ю. В. Шатин // Сибирский филологический журнал. – 2016. – № 2. – С. 11–15.
544. *Шерстова, Л. И.* Бурханизм: истоки этноса и религии / Л. И. Шерстова. – Томск : Томский гос. ун-т, 2010. – 288 с.
545. *Шестаков, В. П.* Эсхатология и утопия : очерки русской философии и культуры / В. П. Шестаков. – Москва : ВЛАДОС, 1995. – 208 с.
546. Шкловский, В. Б. Гамбургский счет / В. Б. Шкловский. – Москва : Советский писатель, 1990. – 544 с.
547. *Шнайдер, С. Н.* Змеиногорск: память о закладной жертве в истории города / С. Н. Шнайдер // Этнография Алтая и сопредельных территорий / отв. ред. Т. К. Щеглова, И. В. Октябрьская. – Барнаул : БГПУ, 2008. – Вып. 7. – С. 489–

- 490.
548. *Щепанская, Т. Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. / Т. Б. Щепанская. – Москва : Индрик, 2003. – 528 с.
549. *Щерба, Л. В.* Избранные работы по русскому языку / Л. В. Щерба. – Москва : Учпедгиз, 1957. – 188 с.
550. *Элиаде, М.* Миф о вечном возвращении: архетипы и повторяемость / М. Элиаде ; пер. Е. Морозовой. – Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. – 249 с.
551. *Эпштейн, М. Н.* Поэзия и сверхпоэзия: о многообразии творческих миров / М. Н. Эпштейн. – Санкт-Петербург : Азбука ; Азбука-Аттикус, 2016. – 480 с.
552. *Эпштейн, М. Н.* «Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзажных образов в русской поэзии / М. Н. Эпштейн. – Москва : Высшая школа, 1990. – 302 с.
553. *Эртнер, Е. Н.* Геокультурный подход к исследованию пространственной образности русской литературы / Е. Н. Эртнер // Вестник Тюменского государственного университета. – 2011. – № 1. – С. 6–12.
554. *Эртнер, Е. Н.* Образ Тюмени в русской литературе конца XIX–начала XX века / Е. Н. Эртнер // Литература Урала: история и современность / отв. ред. Е. К. Созина. – Екатеринбург : УрО РАН, 2006. – Вып. 2. – С. 59–65.
555. *Эртнер, Е. Н.* Феноменология провинции в русской прозе конца XIX–XX века : монография / Е. Н. Эртнер. – Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2005. – 211 с.
556. *Ямпольский, М. Б.* Время метаморфозы (как тексты Пригова избегают устойчивой модальности) / М. Б. Ямпольский // Пригов и концептуализм. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – С. 7–39.
557. *Ямпольский, М. Б.* К символике водопада / М. Б. Ямпольский // Символ в системе культуры / отв. ред. Ю. М. Лотман. – Тарту : ТГУ, 1987. – С. 26–41. – (Труды по знаковым системам, вып. 754).
558. *Яновский, Н. Н.* Вячеслав Шишков : очерк творчества / Н. Н. Яновский. – Москва : Худож. лит., 1984. – 270 с.
559. *Янушкевич, А. С.* «Горная философия» в пространстве русского романтизма (В. А. Жуковский – М. Ю. Лермонтов – Ф. И. Тютчев) / А. С. Янушкевич // Жуковский и время : сб. статей / ред. А. С. Янушкевич, И. А. Айзикова. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2007. – С. 133–161.
560. *Янушкевич, А. С.* «Ермаков сюжет» в русской литературе 1820–1830-х годов / А. С. Янушкевич // Мотивы и сюжеты русской литературы. От Жуковского до Чехова : сб. статей / отв. ред. А. С. Янушкевич. – Томск : Знамя мира, 1997. – С. 40–48.
561. *Янушкевич, А. С.* Русская романтическая монтанистика 1810–1830-х гг. как имагологический и компаративистский текст / А. С. Янушкевич // Имагология и компаративистика. – 2015. – № 2 (4). – С. 5–19.
562. *Яранцев, В.* Последняя ночь Зазубрина / В. Яранцев // Москва. – 2011. – № 7. – С. 190–201.

563. *Alekseev, P. V.* 'Tartars' and 'Kalmuks' in Prince San Donato's Siberian Travlogue / P. V. Alekseev, A. A. Alekseeva, F. Braeckman // *Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya*. – 2020. – No. 3 (82). – Pp. 555–557.
564. *Bassin, M.* Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century / M. Bassin // *American Historical Review*. – 1991. – Vol. 96. – Pp. 763–794.
565. *Cauquelin, A.* L'invention du paysage / A. Cauquelin. – Paris : PUF, 2000. – 180 p.
566. *Clark, K.* The Soviet Novel. History as Ritual / K. Clark. – Chicago & London : The University of Chicago Press, 1981. – 293 p.
567. *Edmond, J.* Dmitrij Prigov's Iterative Poetics / J. Edmond // *Russian Literature*. – 2014. – Vol. 76. – Is. 3. – Pp. 275–308.
568. *Gandesha, S.* The Constraction of Mass Utopia / s. Gandesha // *European Journal of Social Theory*. – 2006. – Vol. 9. – No. 3. – Pp. 434–440.
569. *Glanc, T.* The Lord of Self-Removal / T. Glanc // *Staging the Image: Dmitry Prigov as Artist and Writer* / ed. G. Janecek. – Bloomington : Slavica Publishers Indiana University, 2018. – Pp. 145–179.
570. *Hansen-Magnusson, H.* Arctic Geopoetics: Russian Politics at the North Pole / H. Hansen-Magnusson // *Cooperation and Conflict*. – 2019. – Vol. 54. – No. 4. – Pp. 466–487.
571. *Huttunen, T.* Montage in Russian Imaginism: Poetry, Theatre and Theory // *Sign Systems Studies*. 2013. – Vol. 41. – No. 2/3. – Pp. 219–229. – URL: https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/264695/Montage_in_Russian_Imaginism_Poetry_thea.pdf?sequence=1 (accessed: 09.01.2023).

Авторефераты и диссертации

572. *Клочкова, Ю. В.* Образ Екатеринбурга / Свердловска в русской литературе (XVIII – середина XX вв.) : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Клочкова Юлия Владимировна. – Екатеринбург, 2006. – 24 с.
573. *Кобзев, И. И.* Встреча культур Запада и Востока в русской провинции : специальность : 24.00.01 «Теория и история культуры» : диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии / Кобзев Игорь Иванович. – Санкт-Петербург, 1998. – 198 с.
574. *Кудинова, И. Ю.* Культурологический портрет сибирского города (на примере Красноярска) : специальность : 24.00.01 «Теория и история культуры» : диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии / Кудинова Ирина Юрьевна. – Улан-Удэ, 2015. – 177 с.
575. *Спиридонова, Г. С.* Проблемы типологии сюжетов в литературе Сибири XIX века : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соиска-

- ние ученой степени кандидата филологических наук / Спиридонова Галина Сергеевна. – Красноярск, 2000. – 176 с.
576. *Тортунова, И. А.* Степан Разин как национальный архетип в творчестве В. М. Шукшина (традиции и специфика освоения образа) : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Тортунова Ирина Анатольевна. – Москва, 2008. – 191 с.

Словари, энциклопедии, справочники, реестры

577. *Аникин, А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков / А. Е. Аникин. – Москва ; Новосибирск : Наука, 2000. – 768 с. Барнаул: энциклопедия. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. – 408 с.
578. *Бирих, А. К.* Русская фразеология : ист.-этимол. словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – Москва : Астрель, 2005. – 926 с.
579. В. М. Шукшин : биобиблиографический указатель. – Барнаул : АКУНБ, 2018. – 640 с.
580. Вадим Габриэлевич Шершеневич : материалы к библиографии, 1911–2018 / сост. Т. В. Котова, В. А. Дроздов. – Москва : Кругъ, 2019. – 346 с.
581. Государственный водный реестр. – URL: <https://textual.ru/gvr/> (дата обращения: 09.07.2023).
582. Историческая энциклопедия Сибири. В 3 томах. Том 1 : А–И / гл. ред. В. А. Ламин. – Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. – 715 с.
583. Литературно-туристический Алтай: топосы – мифы – имена : словарь / Т. А. Богумил [и др.] ; под общ. ред. Е. А. Худенко. – Барнаул : АлтГПУ, 2018. – 179 с.
584. Мифы народов мира : энциклопедия. В 2 томах. Том 1 : А–К / гл. ред. С. А. Токарев. – Москва : Российская энциклопедия, 1994. – 671 с.
585. Мифы народов мира : энциклопедия. В 2 томах. Том 2 : К–Я / гл. ред. С. А. Токарев. – Москва : Российская энциклопедия, 1994. – 719 с.
586. *Молчанова, О. Т.* Топонимический словарь Горного Алтая / О. Т. Молчанова. – Горно-Алтайск : Алт. кн. изд-во, 1979. – 397 с.
587. Названия улиц города Барнаула : историко-лингвистическое описание. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 632 с.
588. Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тamarченко. – Москва : Изд-во Кулагиной ; Intrada, 2008. – 357 с.
589. Сибирская тема в периодической печати, альманахах и сборниках XIX века (1800-1900 гг.) : учеб.-библиогр. справочник / сост. А. А. Богданова ; под ред. В. А. Цыбенко. – Новосибирск : Новосиб. гос. пед. ин-т, 1970. – 53 с.
590. Славянская мифология : энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Толстая. – Москва : Международные отношения, 2002. – 512 с.

591. Славянские древности : этнолингвистический словарь. В 5 томах. Том 2 / под ред. Н. И. Толстого. – Москва : Международные отношения, 1999. – 680 с.
592. Словарь русского языка XI–XVII вв. / отв. ред. С. Г. Бархударов. – Москва : Наука, 1981. – Вып. 8. – 351 с.
593. 3 июля 1942 года. Начало барнаульских гастролей знаменитого «мага и экстрасенса» Вольфа Мессинга // Государственная филармония Алтайского края : [сайт]. – URL: <http://philharmonia-barnaul.com/kontsertno-estradoe-byuro-iyul-1942-goda/> (дата обращения: 15.05.2023).

Медиаресурсы

594. Татьяна Богумил: о жизни и судьбе поэта-имажиниста Вадима Шершеневича : интервью / интервьюер В. Н. Токмаков // Телеканал «Катунь 24» : [сайт]. – 2023. – 25 января. – URL: <https://katun24.ru/projects/intervyu-dnya/717383> (дата обращения: 31.05.2023).
595. *Богумил, Т. А.* Образ Чуйского тракта: какой предстает главная дорога Алтая в литературе : лекция / Т. А. Богумил // Телеканал «Толк» : [сайт]. – 2022. – 2 декабря. – URL: <https://tolknews.ru/telekanal/135693-kakoy-predstает-samaya-glavnaya-doroga-altaya-v-tvorchestve-pisateley> (дата обращения: 31.05.2023).